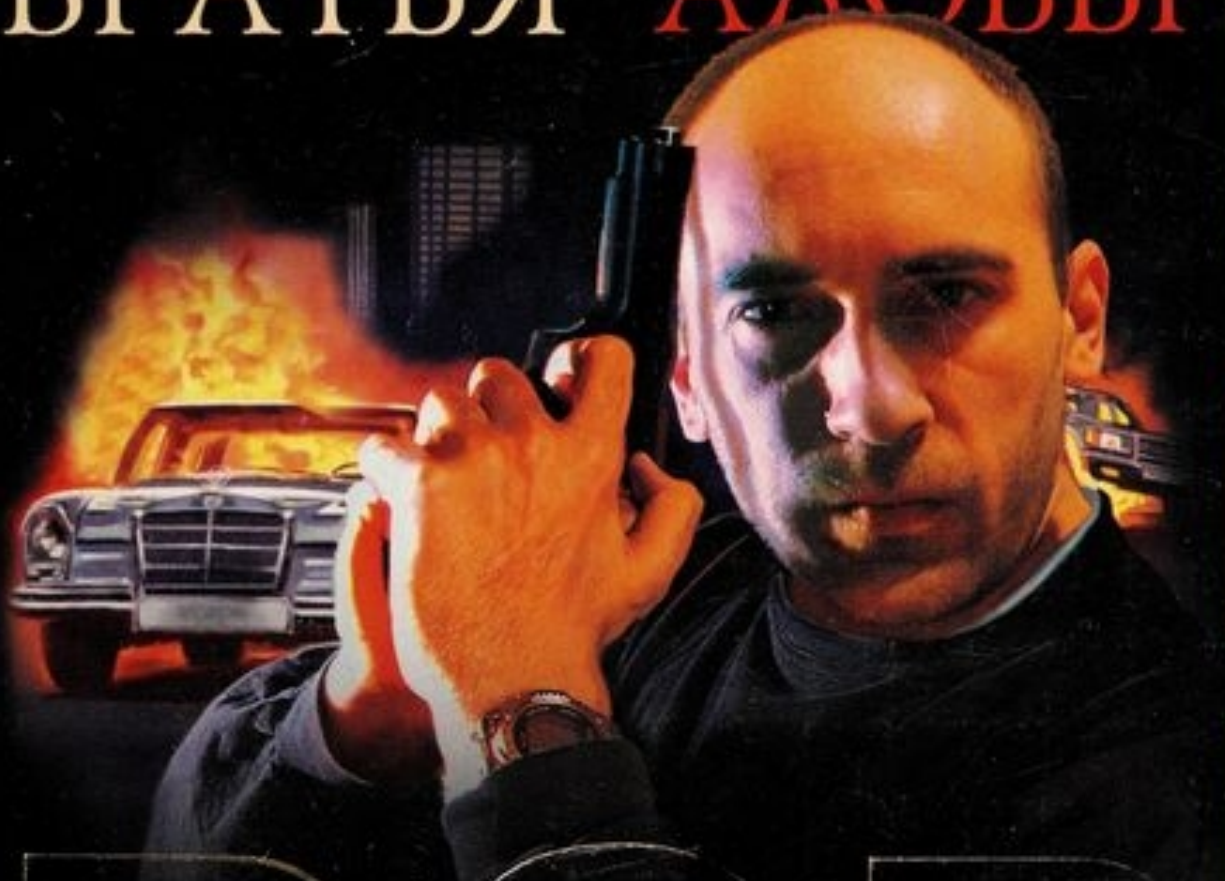

ОПЕРКРЮК

БРАТЯ АЛОВЫ

ВОП

ВНЕ ЗАКОНА

Константин Алов
Сергей Алов

Опер Крюк. Вор вне закона

В пятой книге цикла опер Крюк встречается с друзьями детства Ляхом и Сильвером. Когда-то они вместе лихо резали форштевнем волну к яхтклубе "Бригантина", плечом к плечу дрались с уличными хулиганами, отстаивая свое человеческое достоинство. Как случилось, что один из них стал крутым ментом, другой вором к закону, а третий киллером, истребляющим криминальных авторитетов? Но наступил момент, когда их пути снова пересеклись. Как поведут себя бывшие друзья, ставшие заклятыми врагами.

Содержание

ПРОЛОГ.....	0005
ГЛАВА 1. ДРУЗЬЯ — ФЛИБУСТЬЕРЫ.....	0011
ГЛАВА 2. ВОР.....	0025
ГЛАВА 3. ШКОЛА.....	0032
ГЛАВА 4. КРЮК.....	0045
ГЛАВА 5. СИЛЬВЕР.....	0052
ГЛАВА 6. КОМСОМОЛЬСКИЙ ОПЕРАТИВНЫЙ.....	0058
ГЛАВА 7. ТУЧИ НАД "РОССИЕЙ".....	0069
ГЛАВА 8. МАЛОЛЕТКА.....	0078
ГЛАВА 9. В ГОРАХ ТОРАБОРА.....	0091
ГЛАВА 10. СЕДОЙ.....	0098
ГЛАВА 11. КРОВАВЫЙ КАМЕНЬ.....	0112
ГЛАВА 12. ТЮРЬМА.....	0136
ГЛАВА 13. ЗОНА.....	0145
ГЛАВА 14. СУТЕНЕР.....	0158
ГЛАВА 15. НА ВОЛЕ.....	0163
ГЛАВА 16. ВОЙНА БЕЗ ПРАВИЛ.....	0166
ГЛАВА 17. ЛЯХ ПРОТИВ ЛОРДА.....	0168
ГЛАВА 18. ВОРОВСКАЯ КОРОНА.....	0178
ГЛАВА 19. НОВЫЕ ВРЕМЕНА.....	0188
ГЛАВА 20. БИТВА ЗА ОБЩАК.....	0207
ГЛАВА 21. ВСЕСОКРУШАЮЩИЙ КРЮК.....	0216
ГЛАВА 22. СУЕТА СУЕТ.....	0238

Вор вне закона Братья Аловы

ПРОЛОГ

Опер со сложной судьбой и простой фамилией Крюков сделал большой глоток пива и принялся внимательно изучать прејскурант забегаловки. Нет, уважающий себя криминальный авторитет в такую тошниловку забредет разве что по приговору суда. Воздух был пропитан смрадом горелого комбижира. Под крупной надписью "Шаурма" буквами помельче было набрано в столбик: "Курятина, крольчатина, телятина, хорятина".

Хорятина?

Однажды ему пришлось есть рысь. Оказалось очень вкусно. Может быть это свойственно всем пушным? Но ведь хореk известен своей вонючестью. Крюков хотел спросить прямо, но замялся. Вместо привычного чернявого паренька за прилавком возвышалась десятипудовая бабица. Когда-то если не с нее, то с ее сестры-близняшки лепили "Женщину с веслом".

— Э-э, а... вот это мясо... — невразумительно промямлил сыщик.

— Чо?

— Крольчатина, говорю, свежая? — нашелся наконец Крюков.

— Свежая, только утром мяукала, — отрезала хозяйка.

— Понятно. Курятина час назад каркала, а телятина вчера в "Дог-шоу" первый приз получила, — догадался Крюков.

— Чо те надо? — прямо спросила хозяйка.

Крюков не успел ответить. Ровный монотонный шум рынка вдруг прорезал крик.

Он был пронзительным, режущим уши и переходил в ультразвук. Опер Крюков поперхнулся глотком "живительного", оторвался от кружки и с явным неудовольствием посмотрел в направлении крика. В дверях забегаловки кричала подвыпившая женщина. Да какое там "кричала"? Она просто билась в истерике.

Пресловутый Штирлиц обычно встречался со своими агентами в музеях. Опер Крюков — только в пивных. И это имело определенные недостатки. По музеям толкутся люди культурные и, конечно, так не орут. Хотя, кто знает, как бы повела себя посетительница Лувра или Третьяковки, если бы ей под ноги упал хрипящий босяк, щедро поливая ее итальянские туфли потоками крови из зияющей под лопаткой раны. Его руки и ноги сотрясала предсмертная дрожь.

— Милиция! — закричали очевидцы и рысью рванули в стороны.

Не дай бог попасть в свидетели. У нас в милиции обычай такой — по первому разу всех как свидетелей допрашивают. А не успеешь оглянуться — под тобой нары со всеми удобствами. И ты уже обвиняемый. А кто, если не ты? Настоящих-то преступников еще ловить надо.

Крюков взглянул на павшего босяка. Тот дернулся в последний раз и затих. Сыщик взглянул на его быстро синеющее лицо, хотя узнал бы и со спины.

"Клим Чугункин. Беспартийный, сочувствующий. Девять судимостей, суммарный срок за "колючкой" — больше тридцати лет. Последняя кража — два флакона "Тройного" одеколona с прилавка "ГУМа". Профессия и место жительства — БОМЖ. Стукач. Маленький и нескладный, с мордой, заросшей сивой щетиной. В порочащих связях не замечен. За границей не жил, в самодеятельности не участвовал. Причина смерти — опасные знания, несовместимые с

жизнью. А кроме того, слишком длинный язык и короткие ноги. Покойный много болтал и медленно бегал".

Крюков прозвал своего стукача Климом Чугункиным из-за его сходства с героем "Собачьего сердца". Именно его он ждал сейчас в пивной напротив Павловско-Разумовского рынка. Информация, исходившая от Чугункина, всегда отличалась исключительной важностью. Хоть сразу министру докладывай.

Вот и вчера осведомитель "слил" Крюкову настоящую бомбу. Он сообщил, что в шашлычной возле Павловско-Разумовского рынка должна состояться стрелка, на которой бандиты с одной стороны и воры с другой будут решать судьбу одного известного банка. По сведениям Чугункина программа намечалась интересная и разнообразная.

На первое блюдо в меню встречи предполагается "терка" — выяснение вопроса — кому из соискателей выпадет почетное право стричь банкиров. На горячее по замыслу организатора был сюрприз. На счет "раз-два-три" в зал входит киллер и мочит главных участников переговоров. Причем как воров, так и бандитов. А на десерт появляется ОМОН и вешает хомут тем, кто еще дышит и ползает.

Операция получалась многоэтапная, с размахом, требовала тщательной проработки и воняла за версту. Крюков мог бы назвать одного мастера интриги, который любил устраивать подобные развлечения. Звали его Седым. Но тот уже с год как совершенно успокоился, ибо душа его поджаривалась в пекле, а тело отмокало где-то на дне глубокой Новогорской запруды.

Павловско-Разумовский рынок занимал огромную площадь. Его окружало множество питейных и закусочных заведений. В каком именно произойдет встреча, кто на ней будет присутствовать и о каком банке пойдет "базар", Чугункин должен был доложить Крюкову сегодня. Он пообещал даже назвать имя киллера. Но не успел. Пал под невыносимой тяжестью своей информации.

Крюков отставил кружку и вышел на улицу. Оглянулся по сторонам. Гибель главного информатора сильно усложняла, но не могла отменить операцию по задержанию киллера. Все остальное — банки, разборки, воры — интересовало Крюкова только во вторую очередь.

Тем временем несколько оперативных групп рассредоточились по всей территории рынка. Они тщательно фильтровали толпу и просматривали окрестности, но все было напрасно. Никаких верениц машин, никаких мордovorотов в оцеплении, как это обычно бывает при "стрелке" криминальных авторитетов. Видимо встреча и в самом деле предстояла серьезная и секретная.

Неожиданно из потока лиц взгляд сыщика выхватил одно знакомое. И не просто знакомое. Одет с иголочки, а рожа смуглая, причем загар явно не курортный. Скуластый, с крючковатым носом. А взглянул — будто бритвой полоснул. Но тут же широко улыбнулся. Узнал.

— Лях?!

— Ха! Крюк! Здорово, флибустьер! Сколько зим!

— Сколько лет! Ты что это на рынок? Приодеться решил?

— Точно. Вот, денег накопил. На джинсы.

С Лешкой Воронцовым, ныне законным вором Ляхом, они учились когда-то в школе и состояли в пионерском флибустьерском отряде "Бригантина". Дра-

лись, что называется, "спиной к спине у мачты против тысячи вдвоем".

С минуту они хлопали друг друга по плечам и обменивались восклицаниями. Наконец первый поросычий восторг от встречи утих.

А Сильвера давно не видел? — мимоходом бросил Крюков.

Лях вдруг как-то поскуучнел. Сильвер когда-то был их третьим другом по отряду. Крюков только догадывался, какая кошка могла пробежать между ними, но не стал уточнять. Понял, что не время и не место.

Лях вдруг заспешил и виновато улыбнулся.

— Ты извини, у меня дела. Вот, возьми номер моего мобильного.

Он протянул Крюкову свою визитную карточку, на которой значилось: "Алексей Воронцов. Установка и переустановка крыши".

И исчез в людской толпе.

Впрочем, оторваться от Крюкова было не так просто. Он не бросился преследовать друга детства, а просто проводил его цепким взглядом сыщика. Осталось "связать два и два". Информацию покойного Чугункина и явно не случайное появление старого друга. Которого, ясное дело, и собираются замочить в ближайшее время.

Крюков отметил яркую вывеску в том месте, где последний раз мелькнула голова Ляха, и взялся за манипулятор оперативной рации. Он наклонил голову к микрофону, скрытому под воротником куртки.

— "Педик", "Педик", на связь! Ответь "Насильнику"! — нарушил Крюков молчание эфира.

— "Сто двадцать первый" слушает, — проскрежетало в ответ из динамика. — Что там, "Сто семнадцатый"?

Номера позывных соответствовали статьям старого уголовного кодекса, сто двадцать первая — "Мужеложству", а сто семнадцатая — "Изнасилованию". Старший опер Вася Волков, владелец позывного "сто двадцать первый", ужасно злился, когда Крюков называл его таким образом.

В свою очередь Крюков ужасно любил злить Васю. Особенно с тех пор, как сравнился с ним в должности, ибо чужие успехи Вася воспринимал как тяжелую личную утрату. Вот и сейчас Вася не мог смириться с мыслью, что операцией руководит не он, а кто-то другой.

— Стрелка будет происходить в шашлычной "Сакля", — проговорил Крюков. — Повторяю, всем подтянуться к "Сакле". Всем на исходную, ждать сигнала. Как поняли?

Все стянутые на рынок опергруппы доложили о готовности.

— Понял тебя, — позже других, неохотно, со скрежетом отозвался и Вася. Крюков догадался, что рация не виновата. Это скрежетали Васины зубы.

— Мы немного задержимся, — добавил Вася. — Тут к северному входу крутая тачка подкатила. Надо ее проколоть.

— Не забудь подстраховаться, — отозвался Крюков. — Я иду к вам. Конец связи.

Сейчас самодеятельность Волкова была очень некстати, но теперь Крюков просто обязан был подстраховать товарищей. Его все время раздражала манера некоторых коллег с пренебрежением относиться к задержанным. Приходившую в отдел молодежь он неустанно учил:

"Если даже ты остановил кого-то, чтобы просто проверить документы или стрельнуть сигарету, будь готов к тому, что в тебя начнут шмалять или полос-

нут ножичком. Каждый второй мент погибает по собственной неосторожности".

Вот и сейчас Крюков не удержался и выругался. От черного навороченного джипа, вероятно той самой машины, о которой говорил Волков, в направлении административного корпуса следовала процессия. Впереди Вася с опером Клячко и патрульным сержантом в форме и при автомате, за ними двое задержанных.

Шествие замыкал младший инспектор Олег Рокотов. Идет, крутит головой, на девок любуется. Задержанных, практически, никто не контролирует. А если у них стволы или перья на кармане? Хорошо, если просто сбросят. А если начнут играть в ковбоев? А что, если Вася и вправду задержал киллеров? Он же их, похоже, даже не обыскал.

Крюков видел их сзади, но один из задержанных, невысокий, плечистый, показался ему знакомым. Неожиданно второй, щуплый лопухий пацан, нервно оглянулся и что-то сказал напарнику. Затем как в замедленной съемке Крюков увидел как лопухий выхватил из-под куртки компактный предмет и...

Этот стрекот Крюков узнал сразу. Благодаря этому звуку пистолет-пулемет "узи" называют "швейной машинкой". Магазин опустошается в мгновение ока. Пару лет назад Крюков сам чудом остался жив после обработки таким прибором.

Длинная очередь лопухого срезала всех троих — Волкова, Клячко и патрульного с автоматом. В тот же момент плечистый обернулся и всадил в Рокотова три пули из пистолета.

"Глок", — автоматически отметил про себя Крюков.

Толпа метнулась в стороны. Плечистый с лопухим бросились к своему джипу. Клячко, видимо, был только ранен. Он приподнялся на локте, поднял свой табельный "макаров" и выстрелил в убежавших. Лопухий споткнулся, словно его пнули в зад, но тут же выпрямился и продолжил бег. Не иначе как в бронежилете.

Да, "макаров" незаменим, если вам нужно застрелиться. Но только стрелять нужно не в лоб, от кости может срикошетить, а в рот. И то, если во рту нет металлических зубов. Для убийства же ближнего своего, а тем более дальнего, этот пистолет явно не приспособлен.

В армии другое дело. Офицеру "макаров" нужен для того, чтобы в бою в упор расстреливать бегущих от врага трусов и паникеров. А вот менты сорок лет мучаются. Правда пиво открыть или орешки поколоть — здесь "макарову" нет равных.

По этой причине табельный "макаров" Крюкова лежал в сейфе дежурного в управлении. Сыщик предпочитал более простые и надежные конструкции.

Крюков оказался возле джипа раньше убийц. Для бандитов его появление было неожиданностью, но среагировали они молниеносно. Лопухий вскинул автомат. Но вместо очереди раздался лишь сухой щелчок. Он выпустил все до последнего патрона. Сменить магазин он не успел.

Крюков вскинул свой старый добрый обрез двустволки-вертикалки двенадцатого калибра. Тяжелая свинцовая пуля весом в тридцать граммов отшвырнула киллера под колеса джипа. Позади Крюков услышал топот подмоги — к месту перестрелки спешили опера и охранники рынка. Но второй, плечистый

киллер в надвинутой на глаза кепке, уже прицелился из своего "глока". Крюков понял, что не успеет опередить его.

Но киллер не стрелял.

"Тоже патроны кончились"? — предположил Крюков.

Но тут киллер перевел ствол чуть правее и с поразительной скоростью выпустил четыре пули. За спиной послышался стон и ругательства. Крюков шарахнул в бандита из второго ствола. Сгоряча он завысил. Жакан просвистел в миллиметре от головы киллера, зацепил и сорвал его кепку. И тут Крюков узнал его. Это был Сильвер. Третий из друзей-флибустьеров.

— Аделанте, флибустьеры! — пробормотал сыщик давний боевой клич отряда "Бригантина".

Ситуация — смешнее некуда. Выходит, Сильвер шел мочить Ляха, а Крюков — вешать им обоим хомут! Ирония судьбы.

Сильвер лавировал между машин на стоянке. Он убегал все дальше и почти не стрелял. Берег патроны. К Крюкову подбежали товарищи. Обступили со всех сторон.

— Ты как, живой? Тебя не зацепило?

— Я целый, — он был как в тумане. — Ребят, гады, побили. Кляча, вроде, жив. Давайте его в "скорую"!

Прибывшие силы разделились. На площадке перед административным корпусом лежали убитые и раненые. И один из них — убийца. Преследователи бросились в трех направлениях. Крюков рванулся напрямик через забор, чтобы перехватить уходящего киллера, если он постарается скрыться за железнодорожными путями. Следом за опером поспевал молодой накачанный охранник рынка с помповым ружьем.

"Дурилка, а ты-то куда? Тебе ведь за это денег не платят"! — подумал Крюков, но промолчал.

Они бегом пересекли насыпь и продрались через кусты. Справа послышались выстрелы. Крюкова передернуло. Он уже понял, что друг детства не промахивается. Значит еще кого-то из товарищей... Эх, Сильвер!

Крюков сжал зубы. Будь что будет, но Сильвера он должен остановить. Они столкнулись на узком пустыре между рельсами и гаражами. И снова Сильвер оказался быстрее. Выскочив из-за угла, Крюков увидел направленный на него ствол. Он ярко, до галлюцинации представил себе тупую, сверкающую золотом пулю "глока", готовую вылететь из его дульного среза.

Но Сильвер снова не выстрелил. Он промедлил секунду. Этого времени хватило молодому охраннику. Он выскочил сбоку из кустов и шарахнул из своего помповика с расстояния каких-нибудь десяти метров. Сильвера швырнуло на рельсы с такой же силой, как до этого его лопаухого напарника после выстрела Крюкова.

Охранник осторожно приблизился к упавшему. Крюков почувствовал, что не может сделать ни шагу. Его колотило и он старался этого не показать. Дважды за пять минут побывать на мушке, пусть и у старого друга — удовольствие на любителя. Охранник наклонился, отбросил ногой пистолет Сильвера и оцупал его.

— Как он? — спросил Крюков, сумевший понемногу обрести способность к передвижению.

Живой, но в отрубе. Я ему точно в бочину засадил. Бронежилет не пробит,

но от такого удара всю требуху запросто отбить может. А то и хребет переломить.

По рации опер сориентировал своих коллег. Не прошло и минуты, как они вынырнули из кустов.

Крюков почувствовал себя совершенно раздавленным. Он вернулся на площадь у рынка. Здесь было не протолкнуться от медицинских и милицейских машин. Со стороны шашлычной "Сакля" слышался шум и пронзительный вой сирены. Пробежали бойцы в масках с автоматами. Они возвратились не одни. С собой они волокли с десятков человек. Среди захваченных Крюков заметил Ляха.

Вот так. Теперь это называется повидаться со старыми друзьями.

ГЛАВА 1. ДРУЗЬЯ — ФЛИБУСТЬЕРЫ

Свирепый норд-ост развел сильную волну. Но юные капитаны упрямо гнали свои маленькие одноместные яхты и швертботы наперекор стихии к отмечавшему финиш гоночной дистанции брандвахтенному катеру.

Смена галса. Крюков пригнулся, пропуская над головой гик, и перебрался на наветренный борт. Над гладью водохранилища пронесся металлический голос мегафона.

— Спортсменам "Трудовых резервов" закончить гонку! "Бригантина" и "Водник" продолжают.

Крюкову стало жаль соперников. Он вспомнил, с какой гордостью ПТУшники из "Трудовых резервов" оглаживали сверкающие борта своих новеньких "кадетов" и свысока поглядывали на пеструю самодельную флотилию отряда "Бригантина". И вот облом. Но против решения тренера не попрешь. И осуждать его нельзя. На такой волне и кильнуться, в смысле опрокинуться, недолго. Ты-то утонешь и тебе будет все равно, а тренеру отвечать.

Крюков опасливо посмотрел на брандвахтенный катер, где обосновался с биноклем их Командор. Он представил себе, как тот волнуется.

"Нет, — подумал Крюков, — Командор ни за что не снимет нас с гонки".

Многие яхты сходили с дистанции сами, не дожидаясь особых распоряжений. Соперники из общества "Водник" безнадежно отстали. Впереди основной группы гонщиков шли три лидирующих яхты. Все они принадлежали пионерскому флибустьерскому отряду "Бригантина". И впереди всех короткими галсами резал встречную волну швертбот Крюкова "Каракатица".

Крюков вел "Каракатицу" в крутой бейдевинд короткими галсами. Перед соревнованиями он продал коллекцию марок и купил лавсан для парусов. Лучший друг Лешка Воронцов помогал ему их кроить. И теперь новые паруса проявили себя в полной мере. Лешкин "Атос" отставал от "Каракатицы" на каких-нибудь пару корпусов. Но и Лешка не терял надежды на победу.

Немного отстав от них, в кильватере "Атоса" упрямо держался Генка Сиверчук по прозвищу Сильвер на "Веселом Роджере". Генка был парнем с трудным характером. Мог неожиданно выкинуть какой-нибудь фортель и всегда боролся до конца.

Каждый из лидирующей тройки рвался к финишу на пределе всех своих сил. Каждый из них знал, что победитель гонки, помимо основного приза, получит поистине бесценную награду пионерско-флибустьерского отряда "Бригантина" — звание шкипера и право носить на форменном черном берете большую капитанскую звезду.

На очередном вираже Лешка на секунду перекрыл ветер Крюкову. "Атос" сумел обойти "Каракатицу" и вырвался вперед. Лешка мельком взглянул на Крюкова. Тот грозил ему кулаком и кричал страшные пиратские проклятья. Крюков на них был мастер. Но Лешка лишь усмехнулся в ответ. Дружба дружбой, а капитанская звезда одна и на двоих не делится.

Неожиданно, срывая пену с волн, по взбаламученной глади водохранилища пронесся резкий шквал. Порыв ветра с силой ударил в паруса, опасно накренив яхты. Лешка стремительно наклонился и вырвал узкий киль-шверт из швертового колодца, проходящего через дно лодки. Лишенную бокового сопротивления яхту протащило бортом вперед. "Атос" не опрокинулся, но поте-

рял скорость и сбился с курса.

Крюков не стал выдергивать шверт. Его лодку опасно накренило. На миг показалось, что она вот-вот опрокинется, но "Каракатица" выпрямилась и устремилась вперед. Теперь, благодаря резкому порыву ветра и рискованному маневру, Крюков снова возглавил гонку.

В это же время "Атос" беспомощно дрейфовал. Чтобы вернуться на прежний курс и разогнать яхту, Лешке пришлось выполнить сложный маневр. Он "свалился под ветер" и, набрав ход, поворотом через фордевинд восстановил прежний курс. Он ожидал увидеть перед собой паруса "Каракатицы", но с изумлением обнаружил, что прямо по курсу горизонт совершенно чист. Впереди маячил только брандвахтенный катер и причал с транспарантом "Привет юным участникам соревнований!"

Оглядевшись, Лешка обнаружил, что "Каракатица" все же легла парусами на воду. Ее капитан-авантюрист Крюков барахтался в воде, накрытый новым лавсановым гротом.

Лешка не раздумывал ни секунды. Он снова переложил руль и бросился на помощь другу. Неожиданно прямо перед носом, перерезая курс, возник "Веселый Роджер". Лешка решил было, что Сильвер тоже идет на помощь Крюкову, но тот рванулся к близкому финишу. Что же, капитанская звезда только одна.

Лешка подошел к терпящему бедствие судну. Убрав в сторону мешавший парус, он ухватил Крюкова за воротник спасательного жилета. С большим трудом, рискуя опрокинуться и самому оказаться в воде, Лешка затащил его в свою крошечную лодку. Вдвоем с мокрым Крюковым они взяли "Каракатицу" на буксир и, ковыляя по волнам, двинулись к подветренному берегу.

Их, одна за другой, обходили яхты соперников. Когда Крюков с Лешкой вытащили свои плавсредства из воды и посуху добрались до причала, там уже собрались все, участники гонки и зрители. Победитель — Сильвер — принимал поздравления. Командор был хмур. Он дал команду "строиться". Дежурный выстроил "Бригантину".

Впереди стояли самые младшие, за ними флибустьеры постарше, в заднем ряду закаленные штормами пятнадцатилетние ветераны с обветренными лицами. Все в черных рубашках, символизирующих траур по морякам, не вернувшимся из плавания и в черных беретах.

И у каждого на пузе сияет надраенная до блеска пряжка настоящего флотского ремня со звездой и якорем. Предмет зависти окрестной шпаны. Из-за этих ремней бригантинцам часто приходилось принимать бой с любителями поживиться за чужой счет или унижить более слабого. Ибо главное правило "Бригантины" гласило: "До последнего отстаивать свое и чужое достоинство".

Дежурный построил отряд и скомандовал:

— Тамбурильерос, аделанте!

Что значило: "Барабанщики, вперед!"

И барабанщики из числа младших членов "Бригантины" сделали шаг вперед. Барабанная дробь прокатилась над затихшим пирсом. Слово взял Командор.

— Решением флибустьерского совета великого "Берегового братства" звание шкипера и большая капитанская звезда присваивается младшему боцману Сиверчуку! — объявил он.

Барабанная дробь сменилась довольно жидким "Ура"! Овации не получилось и Командор продолжил.

— За спасение товарища звание шкипера и большая капитанская звезда присваивается квартирмейстеру Воронцову!

Теперь крики заглушили гром барабанов. Лешка от неожиданности почувствовал как у него предательски защипало в носу. Вот еще! Только слезу пустить не доставало. Но Командор еще не закончил.

— За волю к победе звание шкипера и большая капитанская звезда присваивается подшкиперу Крюкову!

Вот теперь над продуваемым штормовым сквозняком пирсом поднялся настоящий гвалт. Все орало как одержимые, а сам Командор только делал вид, что хмурится.

Победитель гонки, Сильвер, никем не замеченный, ушел в одиночестве.

* * *

Несмотря на поднявшийся холодный ветер, с пирса они разошлись не сразу. На большом пустыре флибустьеры развели костер. В костре пекли картошку, накрыв ее старым дырявым ведром. Потом сидели на бревнах, глядели на умирающее пламя и пели песни: про звездопад, про паруса "Крузенштерна", про то, как "в Кейптаунском порту с пробоиной в борту "Жанетта" поправляла такелаж". И, конечно, "Бригантину".

"В флибустьерском дальнем синем море

Бригантина поднимает паруса!"

Домой Крюков с Лешкой пошли напрямик, через пути окружной железной дороги. И возле бетонного забора чугунолитейного завода, конечно, нарвались на "Войковских". Тех было человек пять. Сидели ребята, курили, скучали и никого не трогали. Потому и скучали. А тут такой праздник — пара юных пионеров-флибустьеров.

— Вот это встреча! — обрадовался длинный веснушчатый предводитель шпаны. — Секи, пацаны! Мореманы комнатные к нам с гостинцами! А ну, салажня мокрожопая, ремни сняли и по быстрому сдригнули! Пока я добрый.

— Уже снимаю!

Крюков расстегнул ремень, перехватил его за пряжку и ударил по свисающему концу ребром ладони. Ремень намотался на его руку. Это получилось так ловко, что Лешка позавидовал, забыв на секунду о том, в какой ситуации находится. Сам он вооружиться не успел, так как на него ураганом налетел толстяк в стоптанных кирзовых сапогах.

От неожиданности Лешка выбросил вперед кулак. Удар попал точно в подбородок нападавшему. Огромная масса толстяка, помноженная на его же собственную скорость, сделала вялый лешкин удар нокаутирующим. Он с удивлением увидел как противник закатил глаза и кулем рухнул под ноги победителю.

— Ни хрена себе! Жиртреста с одного удара вырубил! — пронесся ропот по рядам противника.

Но веснушчатый главарь вновь завладел инициативой и повел своих шпанюков в атаку. Нападающие были вооружены — кто трубой, кто колом. В руках у предводителя замелькала велосипедная цепь. Крюков сбил ближайшего к нему хулигана подсечкой и принялся выписывать своей бляхой восьмерки.

Веснушчатый фитиль попятился от него и наткнулся на Лешку. В воздухе

змеей свистнула велосипедная цепь. Лешка едва успел подставить руку и почувствовал как ее обожгло словно огнем.

Прежде чем долговязый ударил снова, Лешка успел расстегнуть свой ремень и инстинктивно отмахнулся. Пряжка плотно впечаталась в лоб главаря. Он оторопело заморгал глазами и раскрыл рот. На лбу его отчетливо проступили контуры якоря со звездочкой.

— Добей его по яйцам! — орал Крюков, успевая не только яростно драться, но и следить за полем боя.

Но Лешка не мог ударить беззащитного. И зря, потому что длинный главарь быстренько оправился от удара и снова надел на него. Крюков махался с троими сразу. Ему удавалось держать их на дистанции. Рубка шла жестокая. Двойной численный перевес войковских грозил флибустьерам не просто поражением, но полным разгромом. А тут еще толстяк стал подавать признаки жизни.

Лешка с Крюком отступили к сваленным в кучу шпалам. Лешка краем глаза заметил, что пряжка его ремня от удара прогнулась в обратную сторону. Он почувствовал как саднит разбитая губа и медленно заплывает глаз.

Противник окружил их полукольцом. У двоих из нападавших были капитально разбиты носы. Третий сплевывал кровь от выбитого зуба. Все тяжело дышали. Каждому было ясно, что следующая схватка будет последней.

И тут за спинами хулиганов раздался боевой клич "Бригантины":

— Аделанте, флибустьеры!

И в тыл врагу тараном ударил недавний победитель парусной гонки, капитан Сильвер. Двое ближайших к нему противников полетели на землю как кегли. Тут и Крюков с Ляхом перешли в наступление и обрушились на остатки растерявшейся и деморализованной банды. Длинного предводителя они так и не догнали.

Тут их и повязали. В тот вечер железнодорожная милиция вместе с вневедомственной охраной проводила рейд по отлову расхитителей. Рейд результатов не принес, расхитителей кто-то успел предупредить. За неимением другой добычи стражи порядка были рады задержать хотя бы троих малолетних хулиганов в странной морской форме.

В линейный отдел милиции, куда их доставили, Крюков вошел спокойно, как к себе домой. Сильвер тоже хорохорился и старался повыше задрать хвост. На Лешку же напала робость. И здесь он впервые увидел настоящего преступника. Тот произвел на подростка жуткое впечатление. Его провели через дежурную часть под конвоем с руками, сложенными за спиной.

Лешка отметил его обветренное до черноты, покрытое трещинами морщин лицо, синие от татуировок руки. Они на миг столкнулись взглядами. Взгляд арестованного прошел сквозь Лешку, будто сквозь пустое место. Лешке показалось, что он встретился с посланцем другого, страшного мира. Он зябко поёжился.

— Ты чего менжущешься? — спросил его Крюков, потирая шишку на лбу. — Не бзди. Долго нас тут не промаринуют, скоро выпустят.

Они сидели в огороженном "аквариуме". Кроме них других задержанных в комнате не было.

— Я боюсь, Командору за нас влетит, — уныло проворчал Лешка.

— Зря боишься, — мрачно сообщил вдруг Сильвер. — Командору уже хуже

не будет.

— Как так? — хором удивились Крюков с Лешкой.

— А так. Все равно нас скоро разгонят. Я вчера часовым под знаменем стоял, а по отряду комиссия ходила. Из райкома. Человек десять. Все вынюхивали и ругались. И стою я не так как положено, и наглядная агитация у нас не соответствует, и какие-то руководящие документы Командор до нас не доводит, и труды классиков марксизма мы не изучаем. Короче, решили "Бригантину" закрывать.

Но тут пришел какой-то начальник, их переписали и выпустили, строго наказав впредь не шляться по железнодорожным путям. По дороге домой друзья обсуждали прошедшую драку. Сильвер с интересом приглядывался к Крюкову.

— Ты, говорят, боксом занимаешься? Чемпионом мира хочешь стать?

Крюков покачал головой.

— Уже не занимаюсь. Первый разряд получил, теперь завязываю. Перчатки на гвоздь. На жизнь мне хватит. А удары по голове ума не прибавляют. По фехтованию у меня первый детский. Я вот думаю дзюдо заняться.

— А почему не самбо? — удивился Лешка.

— Самбо это просто спорт, а дзюдо — культура, с важностью пояснил Крюков. — "Дзю" — борьба, "до" — путь. Путь борьбы.

— А в каратэ не пробовал? — спросил Сильвер.

— Ходил, смотрел. Не понравилось, — скривился Крюков. — Несерьезно у них как-то. Воздух молотят. Вместо того, чтобы удар поставить, они всякие позы изучают. Балет. А ты, Лешка, молодец. Я за тобой следил. Толково молотил. Не по правилам, но грамотно. Удар резкий и реакция хорошая. Только локти широко расставляешь и руками машешь сильно. Сразу не врубишься — то ли ты дерешься, то ли плаваешь.

Лешка промолчал. Он постеснялся сказать, что дрался сегодня первый раз в жизни. Ему захотелось перевести разговор на другую тему. Но Крюков и сам обратился к Сильверу.

— И ты молоток. Вовремя появился. Если бы не твоя атака, они бы нас на рельсы намазали. Я только не пойму, как ты вообще в "Бригантину" попал? Вот мы с Лехой люди конченные, нас всегда на романтику тянуло. Но ты-то парень серьезный, даже книжек не читаешь.

Сильвер надулся от гордости.

— Так я раньше думал, что "Бригантина" в мореходку готовит. А когда понял, что ошибся, то уже привык. Я вообще-то моряком мечтаю стать.

— Значит ты все-таки романтик? — уточнил Крюков.

— Ага, романтик, — подтвердил Сильвер. — У меня сосед — старпомом на сухогрузе ходит. В загранку. Деньги домой мешками привозит. У него "волга" новая и шмотки все импортные. А девки... Закачаешься! Вот это настоящая романтика!

Во дворе они расстались и направились по домам лечить полученные в бою многочисленные травмы.

* * *

Сильвер как в воду глядел. Комиссия из райкома прошла по отряду как асфальтовый каток. "Бригантину" закрыли, подвал опечатали. Командор простился с флибустьерами и уехал куда-то на Урал.

Говорят, беда в одиночку не ходит. Так и в жизни лучшего друга Крюкова — Лешки Воронцова — произошло еще одно, по-настоящему трагическое событие.

В те дни Москва жила в страхе перед безжалостным убийцей. Он звонил в дверь и представлялся "Мосгазом", а когда его впускали в квартиру, убивал свои жертвы ударом топора и забирал все, что попадется под руку: деньги, одежду, ценные вещи. Однажды обвязал веревкой и унес телевизор.

Отец Лешки был заядлым туристом и в том, что во время случайной милицейской облавы у него в сумке оказался моток веревки и туристический топорик, ничего странного не было. Но в милиции посчитали по-другому. В тот день отец домой не вернулся. Не пришел и на следующий.

Через пять дней отца выпустили. Точнее выдали. Тело лежало в морге и Лешка не узнал его распухшего, покрытого черно-желтыми синяками лица.

"Папу подменили", — наивно подумал он тогда.

В свидетельстве о смерти значилось, что отец умер от инфаркта. Для Лешки же с тех пор запах кожаных сапог, португели и кобуры стал сигналом беды и смерти.

Из служебной квартиры, которую предоставлял отцу институт, где он работал, пришлось переехать к бабушке в коммуналку, на другой конец Москвы. С Крюком и Сильвером Лешка встретился очень нескоро.

Вскоре умерла и бабушка. После похорон мать запила. В доме стали появляться сначала ее коллеги с работы. Потом, когда за прогулы и пьянки ее с работы уволили, их сменили случайные знакомые. Некоторые из них задерживались на месяц и больше. Первый такой друг был зубным техником, второй — работником палатки металлоремонта, третий оказался поваром из пашлычной.

На новом месте Лешка не торопился обзаводиться друзьями. Ребята из его дома в основном кучковались вокруг старой голубятни в глубине двора. Все как один они клеили на передний зуб фикса из желтой фольги, рисовали синими чернилами татуировки, учились "ботать по фене" и метко сплевывать из-под козырька надвинутой на нос кепки. Лешка же предпочитал запоем читать книги. Он не курил, записался в секцию плавания и конструировал телескопы во Дворце пионеров. Но продолжалось это недолго.

В маленькой пятнадцатиметровой комнате, которую они занимали в коммуналке, Лешке места практически не оставалось. Уроки ему приходилось делать на кухне, что быстро сказалось на качестве учебы. Из бассейна и кружка его в скором времени выгнали за двойки.

Лешка не унывал и записался в секцию самбо. Поначалу дела пошли неплохо. Общефизическая подготовка у него была на высоком уровне. Но когда перешли к отработке приемов, случилась неприятность. Противник попытался заломить Лешке руку на болевой, но тот, вместо того, чтобы похлопать другой рукой по коврику в знак поражения, врезал победителю по носу и сломал его. Вышел скандал.

— Запомни, парень: секция бокса на втором этаже. А здесь чтобы я тебя больше не видел! — напутствовал Лешку тренер.

В секции бокса Лешке повезло больше. Правда тренер Михалыч, недавно учивший и Крюкова азам боксерского мастерства, пришел в ужас от корявой лешкиной техники, которую так и не смог отшлифовать, зато в первом же

пробном спарринге новичок расквасил нос разряднику, который был на голову выше него.

С этого момента желающих работать с Лешкой в паре не находилось и он в основном сражался в дальнем углу с пятипудовым боксерским мешком. В результате этого в технике он не сильно преуспел, зато отработал поистине пушечный удар с обеих рук. После этого тренировки ему наскучили и он перестал ходить в спортзал.

Дворовые ребята после школы занимались двумя вещами: резались в карты и гоняли голубей. Верховодил в их компании недавно вернувшийся с зоны-малолетки хулиган Муста. Лешке в их компании было скучно. С началом затяжных осенних дождей он как-то позвонил Крюкову.

— Приезжай ко мне, — предложил тот. — В настольный хоккей погоняем.

И Лешка зачастил к Крюкову. Они шлялись по улице, гоняли в футбол, потом шли домой к Крюкову, где обедали, играли в настольный хоккей, смотрели телевизор или листали книги с красивыми иллюстрациями из огромной библиотеки отца Крюкова.

Квартира у Крюкова была громадной. По ней можно было ездить на велосипеде, но строгая мама Крюкова не разрешала им даже бегать по коридору. Дело в том, что отец Крюкова был известным писателем детективов. Работал он дома, в своем кабинете и требовал соблюдения полной тишины. Личность его была величественной и недоступной.

Впрочем, за обедом Лешка мог лицезреть живого классика. Отец Крюкова часто рассказывал какие-нибудь интересные, но совершенно неизвестные факты из жизни известных исторических деятелей.

Однажды эти знания, не одобренные министерством образования, сыграли с Лешкой злую шутку. Как-то в конце первой четверти на уроке литературы учительница Галина Ивановна зачитала им пушкинскую эпиграмму:

— Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец!
Дежурный, опять тряпка сухая?

Галина Ивановна читала стихи очень хорошо, "с выражением".

— Что мы можем сказать об этом человеке на основании такой замечательной, меткой характеристики? — спросила она у класса.

— Он подлый!

— Он нечестный!

— Козел он! — сообщил с задней парты увалень-второгодник Добычин по кличке Быча-Карандаш, ростом и весом вдвое превосходящий любого из учеников.

Галина Ивановна удовлетворенно кивала.

— Воронцов, может быть ты перестанешь смотреть в окно и присоединишься к нашему обсуждению? — обратилась она к Лешке.

Тот поднялся с обреченным видом. В такой ситуации что ни скажи, все равно будешь виноват.

— Эта эпиграмма написана на графа Воронцова, — сказал Лешка. — Он был героем Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года. В Бородинской битве его дивизия погибла почти полностью, а сам он был ранен шты-

ком. Позже, когда русская армия стояла во Франции, Воронцов заплатил долги всех солдат и офицеров — полтора миллиона рублей. И разорился. Так что писать про него такое — подло. А что хорошего сделал сам Пушкин? Стишки про любовь писал, да к женщинам пристаивал. Может я не прав, но только Лев Толстой так же считал.

У учительницы глаза вместе с очками чуть не вылезли на лоб. Класс обрадовано зашумел. Сегодня точно спрашивать уже не будут. Наконец Галина Ивановна обрела дар речи.

— Ты, Воронцов, думаешь, что говоришь? Пушкин, это... это... это наше все! А граф Воронцов был губернатором, царским сатрапом. Он угнетал крепостных и оскорблял поэта. И раз Пушкин про него такое написал, значит все это правда! За что же, Воронцов ты Пушкина так не любишь?

— Почему? Люблю, — отозвался Лешка. — Особенно сказки.

— И какая из сказок тебе больше всех нравится? — с подозрением спросила учительница.

— "Конек-Горбунок".

Класс заржал. Учительница состроила скептическую ухмылку:

— А разве тебе не известно, Воронцов, что эту сказку написал великий русский писатель Ершов?

Лешка снова обреченно вздохнул. Рубить, так до конца.

— Так ведь "Конька-Горбунка" Пушкин Ершову в карты проиграл. А вы разве не знали? Есть одна книга, у автора такая фамилия польская... А почему же тогда великий писатель Ершов ничего больше, кроме этой сказки, не написал?

Учительница других произведений великого писателя Ершова тоже назвать не смогла, поэтому ушла от опасной темы.

— Так, хватит сенсаций, фамилия у него, видите ли, польская! У нас не передача "Очевидное — невероятное"! Вернемся к Пушкину. Кто хочет сказать? Павлова!

Надя Павлова была отличницей и активисткой. Она поднялась и уверенно заявила.

— Галина Ивановна, Лешка говорит правду. И про Ершова, и про Воронцова. Пушкин обиделся на графа Воронцова, потому что безуспешно ухаживал за его женой Елизаветой Ксаверьевной Браницкой. Я читала в книге...

Надя была внучкой маршала и дочкой генерала. Спорить с ней Галина Ивановна не отваживалась. Класс просто содрогался от хохота. Учительница сжала кулачки.

— Добычин! Расскажи нам о Пушкине и его дружбе с декабристами.

— А чо сразу Добычин? — с ворчанием вылез из-за парты верзила, известный всей школе хулиган, второгодник и двоечник. — Ну, Пушкин, это, был за бедных. А царь, значит, был, это, за богатых. Ну и убили.

— Кого?

— Сначала Пушкина. Богатые. Им царь приказал.

— И как же они его убили?

Могучий второгодник на секунду растерялся, но тут же тренированным ухом уловил подсказку. И бодро продолжил:

— Зашмалял его один пидор голландский из шпалера. В решето, елки зеленые. С понтом — на дуэли. А тогда эти, декабристы, царя взорвали. Бомбой. А

потом Ленин с Карло Марксом...

— Достаточно, Добычин, садись. Четыре.

— А почему не пять? Я учил...

Учительница повернулась к Лешке

— Ну, теперь ты понял, Воронцов, что уроки нужно учить?

Тут с места вскочила подлиза и доносчица Жанка Лятычевская.

— Я думаю, Галина Ивановна, что Леша Воронцов умышленно противопоставил себя коллективу. Так могут говорить только те, кто не любит свою родину! Его за это и в комсомол не принимают.

Галина Ивановна строго взглянула на Лешку поверх очков.

— Ну что, Воронцов, помогли тебе твои ляхи? Не те книги читаешь!

Класс живо откликнулся:

— Воронцов — Лях!

— Леха — Лях!

— Пидор он голландский! — снова вставил Быча-Карандаш.

Лешка повернулся к нему и от души врезал по соплям. Коронный удар не подвел. Богатырь-второгодник опрокинулся на пол вместе со стулом и остался лежать.

— А ты еще и хулиган, Воронцов! — строго сказала Галина Ивановна. — Выйди из класса и дай дневник!

Лешка послушно встал, вышел за дверь и оттуда протянул учительнице дневник.

— А наоборот нельзя было? Сначала дневник, а потом выйти?

Этот урок имел два последствия. Во-первых Галина Ивановна не только преподавала литературу, но и исполняла обязанности директора школы. С ее подачи и другие учителя занесли дерзкого знайку в черный список. А во-вторых к Лешке крепко приклеилось прозвище "Лях".

* * *

Из школы Лешка шел вместе с Надей, хотя идти ему нужно было в другую сторону.

— Спасибо за поддержку, — поблагодарил он ее.

— За что спасибо? Я же просто правду сказала.

— Вот за правду и спасибо.

Тут Лешка ненароком обернулся и краем глаза заметил опасность.

Из-за угла школы показался Быча-Карандаш с парой своих постоянных прихвостней — Гвоздем и Пельменем. В их намерениях сомневаться не приходилось — каждый сжимал в руках по обрезку ржавой трубы.

— Чо, голубки, кадритесь? — поинтересовался Быча. — А ведь тебе, Воронцов, велели уроки учить. Ща я тебе врежу и за себя, и за Пушкина. И за декабристов. Знаешь, которые "залупнулись и висят"? Это про тебя.

— А я думал про желуди, — отозвался Лешка. — Чего хотел?

— Поучить тебя маленько, чтобы знал на кого прыгать и пасть разевать.

— А не обдрищешься? — Лешка легонько подтолкнул в сторону опешившую Надю и шепнул ей. — Уходи быстро и не оглядывайся!

Видя, что она колеблется, подтолкнул сильнее. Она, наконец, решилась и быстро зашагала в сторону площади. Через пару шагов она все-таки оглянулась.

— Леша, я сейчас! Я милицию позову!

Быче это не понравилось. Он свистнул одному из помощников:

— Придержи соску!

— Только дернись! — предупредил Лешка.

Пельмень рванулся было за Надей, но метко и с силой брошенный Лешкой плотный комок жирной грязи смял его ухо и едва не разорвал барабанную перепонку. Несостоявшийся преследователь взвыл и схватился за голову.

— Точное попадание! — отметил Лешка, поднимая из кучи, на которой стоял, два куска кирпича.

Один из них просвистел возле виска Бычи-Карандаша, другой чиркнул его по макушке и разбился о стену, обсыпав богатыря-второгодника сотней колючих осколков. А Лешка замахивался по новой. Боеприпасов у него под ногами было с избытком.

Нападавшие опешили. Лешка воспользовался их заминкой. Он подскочил к Быче и с разбегу врезал ему ногой по колену. Про каратэ Лешка и не слышал, но в футбол играл. Поэтому удар получился, хоть и не по правилам самураев, но точным и сильным.

Быча выронил приготовленный дырн и запрыгал на одной ноге. Лешка добавил ему кулаком по незажившему носу и здоровяк с воем улетел в кучу собранного пионерами металлолома.

Лешка подхватил брошенную второгодником железку и налетел на третьего противника, длинного Гвоздя. Обрезки труб со скрежетом скрестились. В стороны полетели куски ржавчины. Гвоздь превосходил Лешку ростом и длиной рук. И оружие его было подлиннее. Он попытался ударить Лешку по рукам. Тот отбил удар и удачно заехал Гвоздю по плечу. Матерясь, длинный выронил свое орудие и поспешно вышел из боя.

Он кривился от боли и усиленно растирал ушибленное плечо. Толстый Пельмень продолжал лелеять свое ухо. Вероятно Лешка и в самом деле повредил ему барабанную перепонку. Быча поднялся на ноги и утер рукавом хлеставшую из расплющенного носа кровь. Авторитет грозного хулигана был на грани краха, и он прекрасно это понимал. И решился на крайние меры.

Лешка повернулся к Быче и вздрогнул. В руке второгодника тускло блеснул металл ножа. Нож был обычный, хозяйственный, но очень большой, с толстым в обухе клинком и сверкающим бритвенной заточкой лезвием.

Быча взмахнул ножом и Лешка едва успел отпрыгнуть. Скорее инстинктивно, чем осмысленно, он махнул в ответ своей трубой. С глухим стуком металл соприкоснулся с приплюснутым лбом второгодника. Труба сплющилась, а Быча вновь раскинулся на куче железного хлама.

— Караул! Убили! — заголосила проходившая мимо бабка.

Пельмень растерянно уставился на Лешку, решая, вступить в бой или свалить. Гвоздь рванул товарища за рукав.

— Ну его на хер! Валим отсюда, пока не захомутали! — заорал он. — Этому сученьшу ни хрена не будет, ему еще четырнадцати нет, а нам срок влепят!

— Мудак отмороженный! Мы тебя еще поймаем! — пообещал Пельмень и ломанулся за приятелем, свалив по дороге продолжавшую вопить благим матом бабку.

Лешка не стал ждать развития событий и рванул за другой угол. Он не строил иллюзий, понимал, что в любом случае дело тухлое. Если Быча помрет, Лешку наверняка отправят в колонию. Хотя, если Гвоздь не соврал, может и

обойдется. Четырнадцать Лешке еще не было.

А если второгодник оклемается, то рано или поздно он с корешами Лешку поймает. В любом случае идти сейчас напрямую домой было опасно. Лешка подхватил с земли брошенный Бычей нож и бросился догонять Надю.

* * *

Надю он нашел сразу. Она лихорадочно суетилась возле табачного киоска, тщетно пытаясь убедить хоть кого-нибудь пойти с ней, чтобы спасти мальчика, которого во дворе избивают хулиганы. Высокие плечистые мужики по быстрому покупали свою "Приму" или "Дымок" и старались побыстрее отвалить от назойливой девчонки.

Лешка подошел к ней сзади и сказал.

— Все, проехали. Идем, я тебя провожу.

— Ты цел? — с беспокойством спросила Надя.

— Я-то цел, а вот Быча, похоже, загнулся.

— Как загнулся?

— Совсем. Я его, кажется, слишком сильно в лобешник двинул. Немного не рассчитал. Мне теперь домой нельзя.

— Тогда пошли ко мне, — предложила Надя.

Она жила в большой четырехкомнатной квартире с высокими потолками. Комнаты были обставлены массивной, вышедшей из моды мебелью. Никаких тебе журнальных столиков на тонких ножках или легких кресел. Особенно поразили Лешку напольные башенные часы.

— Это часы из кабинета Геббельса, — пояснила Надя. — Их дедушка с войны привез. У нас почти вся мебель из Германии.

Еще Лешку поразили картины на стенах. Раньше столько картин он видел только на экскурсии в Третьяковской галерее.

— Это дедушкина коллекция, — пояснила Надя.

Она отвела Лешку на кухню и заставила пообедать. После этого села к телефону и принялась названивать одноклассникам. Узнав наконец телефон Бычи, дозвонилась и до него.

— Тебе повезло, — сообщила она Лешке. — Твой злейший друг жив. Подробностей не знаю, но к телефону он подошел сам. Я положила трубку.

— Спасибо, — Лешка в это время с интересом разглядывал полки высокого, до потолка, книжного шкафа.

— Библиотеку тоже дедушка собирал, — снова прокомментировала Надя.

— А где твой дед сейчас? — спросил Лешка.

— Его расстреляли, — шепотом сообщила Надя. — Давно, еще при Сталине. Через несколько лет после войны. Он тогда уже был маршалом.

— А за что его расстреляли? — спросил Лешка.

Сталин для него был такой же абстрактной фигурой как Иван Грозный или Петр Первый.

— На него донес его шофер. Он сказал, что дед присвоил какие-то сокровища из немецких музеев.

— А он и правда присвоил?

— Воронцов, ты что, ребенок? — возмутилась Надя. — Да тогда из Германии все везли вагонами. Солдаты, как правило, аккордеоны и швейные машинки "Зингер". А генералы и маршалы — картины, скульптуры, ценности разные. Знаешь, дед привез с войны одну очень ценную вещь. Она и сейчас хранится у

нас. Хочешь покажу? Не боишься?

Надя вышла из гостиной и вернулась через несколько минут с маленькой шкатулкой в руках. Она поставила шкатулку на стол и открыла.

— Ни фиги себе! — Лешка не сумел скрыть удивления.

В шкатулке лежал большой орден в виде креста. Матовая черная поверхность креста была усыпана россыпью мелких белых камушков. В центре горел один огромный и красный, овальный как глаз.

— Это Большой Тевтонский крест Гитлера, — почему-то шепотом сказала Надя. — Его им наградил Союз Промышленников Германии. Видишь? Здесь написано: "Великому кузнецу Германии Гитлеру". А вот "SUUM QUIQUE" — "каждому свое". И "TEUT. ORDO" — "Тевтонский орден" или "тевтонский порядок". Вот эти белые камушки — бриллианты, а этот большой красный в центре — красный алмаз. Его называю "Глаз циклопа". Это так называемый "кровавый камень". Он был найден на раскопках в городе Микены. Говорят, что этот камень был похищен греческим царем Агамемноном в горящей Трое. При этом он осквернил и разрушил алтарь в храме Аполлона. За это Аполлон проклял камень и всех, кто им владеет. Вернувшись домой, Агамемнон был зарублен топором в ванне собственной женой Клитемнестрой. Их сын Орест убил свою мать, а столица царства, город Микены, вскоре была стерта с лица земли нашествием дорийцев. Камень почти три тысячи лет пролежал в земле. Его нашел археолог Шлиман. Позже он сошел с ума и покончил жизнь самоубийством. Камень оказался в Берлинском музее, а потом был вставлен в этот орден. Что стало с Гитлером, ты и сам знаешь. Вместе с другими ценностями орден оказался в Восточной Пруссии и достался как трофей генералу Черняховскому, который погиб в конце войны. Мой дед был его другом и орден Гитлера достался ему. Об истории камня дед узнал случайно от одного ученого. Тот потом тоже погиб. Дед говорил, что такие камни подавляют волю людей и делают их или убийцами, или жертвами.

— А как же от них спастись? — спросил потрясенный рассказом Лешка.

— Хранить в музее. Когда у "кровавого камня" нет конкретного хозяина, он безопасен. Среди людей очень мало таких, которые могут бороться с силой камня. Дед считал, что он может, потому что сильный. Но оказалось, что и он ошибался.

Неожиданно беседу прервал звонок в дверь.

— Если отец узнает, что я показывала кому-то камень, он меня убьет, — призналась Надя. — Знаешь, Лешка, побудь пока в той комнате.

Она затолкала его в свою комнату и пошла открывать. Лешка преодолел стыд, нагнулся и принялся следить за происходящим в гостиной через замочную скважину. Ему было видно только часть комнаты. Он разглядел вошедшего в гостиную незваного гостя. Это был высокий парень. Он был старше Лешки на несколько лет, почти взрослый. Волосы его были поразительно светлыми, почти седыми. Судя по всему, его приход Надю не обрадовал.

— Зачем пришел? — недружелюбно спросила она.

— В кино хотел пригласить, — развязно, как показалось Лешке, ответил гость.

Но Надя резко ответила.

— Как-нибудь в другой раз. А сейчас извини, я занята.

— Сердитая ты. Вся в деда, — процедил сквозь зубы седой. — Может хоть во-

дички попить дашь?

Он явно не торопился уходить.

Лешка услышал как Надя прошла в кухню, потом вернулась обратно.

— Пей и уматывай.

Спустя минуту хлопнула входная дверь. Надя вернулась и выпустила Лешку из заточения.

— Это твой друг? — не без напряжения спросил он.

Седой ему явно не понравился.

— Скорее враг, — с раздражением сообщила Надя. — Это сын того самого шофера, который донес на деда. Они живут на втором этаже в нашем подъезде.

— Он к тебе пристаёт? — с тревогой спросил Лешка. — Ты не смотри, что я худой и кашляю. Отделаю твоего блондинчика хуже трамвая, только скажи.

— Пока не надо, — ответила Надя и вдруг охнула.

Лешка проследил за ее взглядом и похолодел. Шкатулка была пуста. Орден исчез. В комнате все это время оставался только он один. И еще седой. Теперь вернуть орден для Лешки было делом чести.

— Я его не брал. Ты мне веришь?

Надя кивнула, с трудом сдерживая слезы. Лешка решил.

— Мне было плохо видно, но я уверен, что это тот седой козел камень свистнул. Когда ты ему за водой ходила, он возле стола крутился. Ты сказала, что он на втором этаже живет? — уточнил он.

Она снова кивнула:

— Да, квартира сто тринадцать.

— Я скоро, — сказал Лешка. — Не пойдет же этот гад с краденным орденом по улице гулять.

* * *

Лешка спустился на второй этаж. Он не строил сложных планов возвращения ордена. Седой был старше него и на голову выше, но Лешка не боялся. Он собирался войти в квартиру, вырубить похитителя коронным ударом и отобрать орден.

На звонок в сто тринадцатую квартиру никто не ответил. Лешка позвонил еще раз. Снова тишина. Лешка вспомнил про трофейный нож Бычи, достал его, и попытался отжать замок. Толстый клинок выдержал давление, старая дверь сильно люфтовала и стала понемногу поддаваться. Еще нажим и...

— Эй, пацан, что это ты тут делаешь?

Сверху спускался огромный мужик, похожий на шкаф.

Лешке стало обидно, что все так нелепо сорвалось. Что делать? Не бросаться же теперь с ножом на первого встречного. Вот уж точно — не повезло. От огорчения защипало в носу и глазах.

— Ты чего сопли распустил? — обеспокоено спросил мужик.

— Я... Мама на работу ушла. А я ключ потерял. С утра ничего не ел, — дрожащим от обиды голосом, очень натурально промямлил Лешка. Я ей на работу звонил, а автомат последнюю двушку проглотил. У вас не будет двух копеек?

Но здоровяк предпочел иное решение.

— Мелочи нет, — сразу прояснил он свою позицию. — Знаешь, давай лучше я тебе помогу.

Он взялся за дверную ручку, подергал туда-сюда, потом слегка надавил плечом. Дверь всхлипнула и с легким щелчком распахнулась.

— Плевое дело, — радостно ухмыльнулся здоровяк. — Даже замок не сломался. Мне бы с таким талантом квартиры взламывать!

"Именно это ты сейчас и сделал", — отметил про себя Лешка, а вслух произнес:

— Спасибо вам большое!

— Не за что! — весело махнул рукой Лешке его невольный сообщник, исчезая в дверях подъезда.

Лешка осторожно вошел в квартиру. В лицо ему прямо с порога дохнуло затхлой плесенью и пылью. В квартире нестерпимо воняло кошачьей мочой.

Из-под ног Лешки с диким мявом на шкаф метнулся кот и скрылся среди рухляди, торчащей из антресолей. Под ногами у Лешки осталась кучка кошачьего дерьма. Он аккуратно переступил ее и направился дальше.

Первая комната напоминала собой запущенную берлогу алкоголика. Пустые бутылки на полу, незаправленная койка, старые военные галифе на спинке облезлого стула. Вряд ли хозяином комнаты был сам седой. Лешка еще там наверху через замочную скважину разглядел его тщательно прилизанный пробор. Скорее всего здесь обитал его запойный стукач-папаша.

Дальше по коридору была комната поменьше. Здесь Лешка сразу почувствовал — "горячо"! В комнате царили порядок и чистота. Письменный стол блестел лакированной крышкой, книги на полке стояли ровно как по линейке.

Лешка один за другим выдвинул ящики письменного стола. Орден оказался здесь, в самом нижнем ящичке, в дальнем его конце. Он лежал аккуратно завернутым в газету. Незадачливый похититель не ждал, что возмездие последует столь молниеносно и боялся, видимо, лишь того, чтобы до ордена не добрался батя-алкаш.

Лешка развернул газету и переложил орден в карман. На камень в его центре он старался не смотреть. Газету он хотел было выбросить в форточку, но вдруг в голову ему пришла интересная мысль. Лешка вышел в коридор, собрал газетой кучку кошачьего дерьма и снова аккуратно и тщательно завернул, как и было. Потом положил сверток на место и без лишнего шума покинул квартиру.

Надя открыла сразу, как только он нажал на кнопку звонка. Лешка сиял.

— На, держи, — он протянул ей орден. — Твой отец прав. Никому больше его не показывай. Эта фигovina может принести много неприятностей.

Прошло много лет и Лешка с сожалением убедился в правоте своих слов.

ГЛАВА 2. ВОР

Входя в свою квартиру, Лешка придумывал, что такое сказать матери, если она спросит, где он шляется. Не спросила. Она заперлась в комнате с очередным "папой" — вонючим двухметровым громилой-шашлычником по кличке Маленький Гоги. Из комнаты доносились их громкие веселые голоса.

Лешка разделся и прошел на кухню. За окном постепенно совсем стемнело. На улице зажглись фонари и лампочки иллюминации — приближалось седьмое ноября. Лешка в одиночестве сидел в темной пустой кухне. Хотя квартира и была коммунальной, но их соседка, старушка Евдокия Петровна, неделю как улеглась в больницу, а ее сын Волоха мотал очередной срок где-то в Мордовии.

О Волохе ходили страшные слухи. Одни говорили, что он и есть "Мосгаз", другие возражали — "Мосгаз" на свободе ходит, а Волоха давно сидит. Точно было известно только то, что Волоха — это неуловимый квартирный вор по прозвищу Призрак, от которого не существовало ни замков, ни запоров, который мог войти в любой дом и уйти от любой ментовской погони.

Почему при такой фантастической неуловимости Волоха досиживал уже восьмой или девятый срок, сказители умалчивали. Лешка с мамой переехал в эту квартиру, когда Волоха уже сидел, поэтому имел о нем самые туманные и мифические представления.

Лешка тяжело вздохнул. Как ни крути, а с бандой Бычи-Карандаша теперь придется разбираться. Он извлек из ящика с инструментами поджигу-самопал. Вместо пороха для стрельбы в нем использовалась сера от спичек, вместо пуль — обрубки гвоздей.

Лешка достал свой боевой трофей. Нож был острым как бритва, с отточенным острием. Лешка высыпал на подоконник коробку спичек и принялся счищать с них серу для самопала, но это ему быстро надоело. Он устроился удобнее у окна. По разукрашенной флагами и иллюминацией предпраздничной улице шли люди, торопились с работы домой. В уличном убранстве и суете ощущалось радостное оживление. От этого его одиночество и тоска стали еще острее.

На кухонном столе валялась пустая банка из-под шпрот и шкурка от копченой колбасы. Не иначе новый "папа" принес "праздничный набор".

Лешка и в самом деле чувствовал себя самым несчастным и одиноким человеком на всем свете. Он нашарил кнопку старого трехпрограммного радиоприемника и нажал ее. Тишину кухни нарушили звуки пиратской песни:

"Прятели, смелей разворачивай парус!

Йо-хо-хо, веселись как черт!

Одни пробиты пулями, других сразила старость.

Йо-хо-хо, все равно за борт!"

По радио передавали спектакль по книге Стивенсона "Остров сокровищ". Скорчившись у окна, Лешка задремал. Ему снились, пальмы, пиастры и паруса "Испаньолы". Снился сундук с сокровищами, среди которых кроваво отсвечивал "Глаз Циклопа". Потом дверь в квартиру открылась и по коридору, стуча по полу деревянной ногой, прошествовал старый пират. Он вошел в кухню и остановился в дальнем темном углу, хрипло напевая пиратскую песню. Только слова в ней были как будто другие. Они четко отпечатались в сонном

Лешкином сознании:

"Тут трое урок вышли из шалмана,
И ставят урки Маньку под забор.
Умри, змея, пока не заложила!
Подохни, сука, или я не вор!"

В коридоре хлопнула дверь. Лешка вздрогнул и проснулся. В дверях кухни, касаясь головой притолоки, возвышался Маленький Гоги и улыбался.

— Эй, малчык, как тебя! Вот ты где? Слюшай, малчык, иды сюда. Я тэбя познакомлю с моим другом. Мэня зовут Малэнький Гоги, а это — Балшой Гоги.,- он похлопал себя пониже живота. — Ха-ха! Иды, нэ бойся, он нэ кусается. Я его рукамы дэржу! Болно нэ будэт! И нэ вздумай орать, сученыш, пополам порву!

Одной рукой Гоги принялся расстегивать штаны и выволакивать наружу свой толстый как докторская колбаса член, а другой сцапал Лешку за плечо. Того охватил панический ужас.

Мать храпела в комнате так, что и на кухне было слышно. Лешка подумал, что если заорать, она все равно не проснется, а Маленький Гоги запросто мог, как и обещал, разорвать его пополам своими огромными как лопаты ручищами. И вдруг как гром в маленькой темной кухне прогремело:

— Отпусти пацаненка, ты, жопушник!

Хриплый голос раздался из темного угла. Того самого, где в Лешкином сне стоял старый одноногий пират. Голос был негромким, но властным.

Неизвестный вышел на свет и Лешка обомлел. Вместо левой ноги у него была деревяшка. Маленький Гоги тоже удивился.

— А ты, в натуре, слюшай, что за хрен с горы?

Незнакомец недобро усмехнулся.

— Про Волоху Призрака слыхал, урюк позорный?

— Кто урюк?! — взвился Маленький Гоги. — Да я твой мама ыбаль!

— Свою ыби, дешевле будет! А за базар ответишь! — спокойно возразил одноногий. — Это я имел во все дырки твой мама, твой папа, дедушку с бабушкой и тебя самого! И нюх твой поганый своей ногой топтал!

Маленький Гоги заревел медведем так, что Лешке даже страшно стало, и попер на Волоху как падающая башня. Он занес свои кулаки, каждый размером чуть побольше Лешкиной головы. В отличие от него Волоха не производил впечатления великана. Казалось, ему уже ничто не поможет.

Но Волоха не стал закрываться или уклоняться, а легонько ткнул гиганта в живот. Маленький Гоги вдруг замер, потом зашатался и медленно осел на пол. В его быстро стекленеющих глазах застыло непередаваемое изумление. Свои огромные лапы он прижал к животу. Между грязных волосатых пальцев ручьем хлынула черная в темноте кровь. Лешка подошел поближе и разглядел — из живота гиганта торчала знакомая ручка бычиного хозяйственного ножа. Волоха как ни в чем не бывало проковылял мимо умирающего и опустился на табурет.

— Что же теперь будет? — едва слышно прошептал Лешка.

— А ничего. Будет срок.

— В тюрьму посадят? — спросил Лешка с затаенным ужасом.

— Нет, в санаторию, — осклабился Волоха. — Не кипишись, пацан. Вору тюрьма, что дом родной. Жалко только с мамашей не повидался. Да и статья мокрая — запаadlo вору по такой ходку делать.

Лешка заглянул Волохе в глаза. Это были глаза человека, только что совершившего убийство и тем спасшего его, Лешку, от боли, позора, может быть смерти. Спасшего от чего-то очень страшного, чего именно — он старался не думать.

Волоха, казалось, нисколько не волновался. Лешка никогда в своей жизни не встречал такого спокойного и уверенного в себе, но в то же время до ужаса печального взгляда. И тут Лешка понял, что очень хочет стать другом этому удивительному человеку. И сам странным образом успокоился, будто повзрослел сразу на десять лет.

— Не будет никакого срока, — твердо сказал он.

Волоха посмотрел на него с удивлением. Лешке было страшно приближаться к мертвому Гоги, но он собрал все силы, взял с плиты тряпку и протер ручку торчащего из тела ножа, а потом несколько раз схватился за нее обеими руками.

— Теперь на ручке мои отпечатки, значит и убил я, — твердо сказал подросток. — Будто он на меня напал, а я только защищался. А вам лучше сейчас уйти и вернуться завтра.

Лешка интуитивно взял верный тон. Так говорят со старшим товарищем. И Волоха Призрак этот тон принял.

— Ты откуда такой смышленный? — спросил он.

— Книжки читаю, телек смотрю.

— Тебе, пацан, сколько лет?

— Будущим летом четырнадцать стукнет.

— Тогда порядок. По любому под статью не катишь.

— Я знаю. Вернее только сегодня узнал, — кивнул Лешка.

— А на что отзываешься? Кличут-то тебя как?

— Лешкой. А еще Ляхом.

Волоха поднялся.

— Ну, бывай, Лях. Только запомни хорошенько — с мусорами не откровенничай, сразу иди в полный отказ. Говори как можно меньше и показания не меняй. Как сразу сказал, на том и стой. Рогом упирайся. На подначки их не покупайся. Ментам ни в чем верить нельзя. Суки они все.

— Я им не верю. Я их ненавижу, — процедил Лешка сквозь зубы.

Волоха протянул руку, на которой не хватало двух пальцев. Его пожатие было на редкость крепким.

Дверь за Волохой закрылась. Лешка подошел к телефону и набрал "ноль-два". Когда трубку сняли, он заговорил дрожащим голосом.

— Дяденька, приезжайте скорее. Я, кажется, человека убил, — сказал он.

* * *

Приехавшая милиция долго трясла Лешку в присутствии учительницы Галины Ивановны. Ее подняли с постели и срочно доставили на место преступления, поскольку Лешкину мать разбудить так и не удалось. Следователь прокуратуры долго пытался понять, как подросток одним ударом сумел насмерть заколоть громадного мужика.

"Никак, — отвечал Лешка, — я просто нож перед собой выставил, а он попер и сам на него наделся".

Следователь внимательно осмотрел комнату с все еще храпящей матерью, стены, увешанные Лешкиными грамотами за победы в олимпиадах и на со-

ревнованиях. На хулигана парень никак не тянул. И все же в его рассказе что-то не сходилось, он темнил и недоговаривал. Следовательно это интуитивно чувствовал, поэтому вновь и вновь задавал одни и те же вопросы и выслушивал все ту же историю про пьяного насильника и его нелепую смерть.

"Он расстегнул штаны и пошел на меня. Я схватил нож и выставил вперед. Я его просил не подходить, а он как прыгнет! И напоролся. Нет, в квартире больше никого не было. Почему вы мне не верите? Я же правду говорю".

Следственные действия закончились поздним утром. Труп Маленького Гоги увезли в морг, мать наконец проснулась и сидела, ошалело хлопая глазами. Когда милиция и прокуратура ушли в сопровождении возмущенной Галины Ивановны, в квартире появился Волоха. Он тихо прошел в свою комнату и больше из нее не показывался.

* * *

С того памятного дня Лешкина жизнь сильно изменилась, причем к лучшему. Мать перестала пить и устроилась на работу. Уходила утром и приходила поздно вечером. После случая с Маленьким Гоги она стала осторожнее выбирать ухажеров и домой их уже не водила.

Волоха жил замкнуто. С Лешкой почти не общался. Первым делом он обзавелся протезом ноги. Иногда днем исчезал ненадолго, вечером же всегда сидел дома и смотрел телевизор. Участковый неоднократно проверял его, но каждый раз заставлял за этим безобидным занятием.

Лешка в друзья соседу не набивался, но иногда ловил на себе его испытующий взгляд. Он догадывался, что Призрак его проверяет — не начнет ли пацаненок трепать языком про события той жуткой ночи. Но Лешка помалкивал и терпеливо ждал своего часа.

Как-то раз, вскоре после освобождения, Волоха по обыкновению смотрел телевизор. Показывали новости. Дверь в его комнату была открыта. Лешка проходил мимо, когда вор вдруг позвал его.

— Это кто? — спросил он, указав на экран.

Лешка взглянул на хорошо известное всей стране умное лицо в очках.

— Это? Андропов. Начальник КГБ.

Волоха аж присвистнул.

— Значит не заливал Андрюха! Выходит, я с сыном главного КГБшника спина к спине два года нары полировал!

— Как это? Не может быть! — изумился Лешка.

— У нас все может, — ухмыльнулся Призрак. — Корешами мы с Андрюхой были. Выручил он меня, можно сказать — жизнь спас. Должник я его. Я думал, он про отца заливает, что тот большая шишка. Ну, как все детдомовские. А оно, оказывается, в цвет.

— Может он нарочно?... — осторожно спросил Лешка.

— Что нарочно? — не понял Призрак. — Да нет, он мне фотку показывал, где в детстве с отцом сфотографирован. Не будет же твой КГБшник чужого пацаненка на горбу катать. Да и физиономией — вылитый пахан. Точно он. Андрюха раньше меня откинулся. Письмо прислал откуда-то из Тирасполя. И знаешь, о чем попросил? Если с ним что случится, помочь отцу. Во прикол! Чтобы я, вор, главному мусору помогал. Да и в чем я ему могу помочь? Разве что самому себе петлю на шею накинуть? А не уважить нельзя. Должок на мне. Да, история...

В школе дела тоже изменились. Учителя стали относиться к Лешке с некоторой опаской. Пробовали сбегать в колонию для малолеток — не получилось. Ограничились тем, что поставили на учет в милиции. Зато на переменах и после уроков Лешка чувствовал себя в центре внимания. Дворовый король Муста на улице при всех здоровался первым и предлагал закурить. Быча и его кореша ходили тише воды — ниже травы и угодливо улыбались.

Однажды Лешка с одноклассниками шел из школы. Неожиданно возле него с визгом тормозов лихо остановилась белая "волга". Дверь машины открылась и на Лешку уставился неподвижный, прямо-таки змеиный взгляд сидящего за рулем человека.

Незнакомец сплюнул на мостовую и в уголке его рта сверкнул золотой зуб.

— Ты Лях? — спросил он.

— Я, — кивнул Лешка.

— Значит это ты Призрака от кичи отмазал? Держи.

Он ткнул в руку Лешки небольшой газетный сверток, хлопнул дверцей и укатил. Друзья обступили Лешку и с любопытством уставились на сверток.

— Разворачивай скорее, что там?

Лешка осторожно развернул газету и еле сдержал вздох восхищения. Друзья отреагировали откровеннее.

— Ух ты, класс! — слышалось из-за плеча Лешки. — Фирменное перышко!

В руках Лешка сжимал мастерски изготовленную финку с желобком-кровостоком на тускло блестящем клинке и наборной плексигласовой рукояткой.

А вот с Надей Павловой Лешка больше не встречался. Узнав, что девочка из хорошей семьи вынуждена сидеть за одной партой с бандюгой и убийцей, ее мама тут же перевела дочь в английскую спецшколу.

* * *

Как-то Лешка разбирал в кладовке всякое старье и наткнулся на чемодан одного из бывших маминых ухажеров. Тот работал в металлоремонте и неизвестно зачем притащил к ним на квартиру кучу старых сломанных замков и полмешка ключей. Сам он вскоре исчез, а сокровища свои так и не забрал.

Лешке за отсутствием других игрушек понравилось ковыряться в замках, изучать их устройство. Три из них он даже сумел починить. Мать тоже радовалась, что Лешка не болтается без дела, а приучается к полезному ремеслу.

Так незаметно в суете и заботах пролетел год, за ним другой. Как-то на кухне Лешка по обыкновению возился с замком. Волоха был тут же. Он только что засыпал в большую эмалированную кружку, которую называл "фанычем", целую пригоршню чая и залил кипятком. Такой чай он называл "купчиком".

— Ну что, Лях, пропустим по паре "хапков"? — предложил он.

Лешка любил чай. Конечно не такой крепкий. Но и от предложенного Волохой никогда не отказывался. Тому это определенно нравилось.

"Чай — это все, — любил повторять Призрак. Сделав два глотка, он передавал кружку Лешке. — Чай на зоне — это и лекарство, и кайф. Ты про индейцев читал? Так вот, чай на зоне — это как трубка мира. Но только смотри — чифирить можно только с достойными".

Вот и теперь Волоха ждал пока чай заварится и следил за тем как Лешка увлеченно возится с замком. Тот как раз потел, пытаясь загнуть сувальдную пружину под регулятор защелки.

— Что, Лях, разбираешься в замках? — спросил он наконец.

— Так, немного, — скромно признался Лешка.

— И наш дверной замок без ключа откроешь?

— Приходилось открывать пару раз, когда ключ терял.

Волоха взял "фаныч" с крепко настоенным чаем и махнул Лешке свободной рукой.

— Пошли ко мне, базар есть серьезный, — пригласил он.

В его комнате за плотно закрытой дверью и состоялся разговор, круто изменивший Лешкину жизнь и превративший его впоследствии в законного вора Ляха.

Волоха пил чай маленькими двойными глотками. У Лешки от первого же глотка свело челюсти и защипало в носу. Призрак увидел это и усмехнулся.

— Привыкай, это еще не чифир. Тот злее будет. А на зоне без чая нельзя. Он там вместо витаминов и всего прочего. Без водки можно, а без чая — никак.

Лешка, обжигаясь, послушно глотал огненную жидкость, передавал кружку Волохе, принимал и снова глотал. Он ждал, когда Волоха продолжит разговор. И дождался.

— Старый я стал, — произнес наконец Волоха. — Пора в тираж выходить. К тому же инвалид. С одной ногой из меня крадун никакой. Теперь разве что к другим скокарям в наводчики идти за долю малую. Смекаешь?

Лешка смекал, но не торопился лезть со своими догадками.

— Расскажи, как ты ногу потерял, — попросил он.

— На лесоповале отморозил. Вывели нас на работу, я в отказ. А мороз был — градусов пятьдесят. Бугор говорит — помаши топором хотя бы для вида, согрейся. А я ему отвечаю, что лучше отморожусь, но работать не буду. И прилег на бревна, да так и пролежал, ногу на ногу, до конца смены. Вставать надо — не могу. Ног не чую, особенно той, что сверху была. Как в жилую зону вернулся — сам не помню. Полдороги братва меня на руках тащила. А ногу потом лепила оттяпал по самое колено.

— А на руке пальцы тоже там отморозил?

— Нет, рукой я за косяк ответил. Наказать ее пришлось маленько.

— За что? — не понял Лешка.

— А за то, что в карты играла.

— Разве может рука сама в карты играть? — удивился Лешка.

— Она еще не то может. Я тебе как-нибудь потом расскажу. Ты-то картишками не балуешься?

Лешка пожал плечами.

— Пробовал, неинтересно. Лучше в шахматы.

— Это хорошо. Карты, бабы и водка — вот что губит вора.

— Так я же не вор.

Волоха так пристально посмотрел на Лешку, словно рентгеном просветил.

— А хочется воровать стать?

Лешка помолчал, волнуясь, и наконец решился.

— Я твердо решил стать воров.

— С чего это? — недоверчиво усмехнулся Волоха. — Из-за того, что менты твоего пахана замочили?

— Не только, хотя и из-за этого тоже.

Волоха отставил в сторону кружку.

— Серьезное решение. Но ты учти — стать настоящим вором непросто, а жить вором еще труднее. А то ведь многие так рассуждают: "Люблю жизнь воровскую, только воровать боюсь".

— Ты меня научишь воровать? — прямо спросил Лешка.

Волоха помолчал, потом проговорил:

— Вор не только ворует. Вор — это крест. Крест тяжелый. Не каждый сможет его нести. Он должен соблюдать воровской закон. По этому закону он не может иметь ни жены, ни детей.

— А я и так один и жениться пока не собираюсь.

Волоха улыбнулся уголками рта:

— Вор не должен работать.

Лешка рассмеялся в ответ:

— И это переживу.

— Не сдавать братву и подельников, — продолжал Волоха. — Если тебя замели, бери их статью себе в прицеп. Ну, с этим-то у тебя порядок. А остальное тебе пока рано знать. Главное запомни — словами не бросайся. И с других загнилой базар спрашивай. Сам никого не оскорбляй, но если тебя оскорбили — тут же убей. И мой тебе совет — не играй в карты, не увлекайся феней, и не делай наколок. Это все внешняя шелуха, настоящий авторитет совсем в другом. И не бойся тюрьмы. Тюрьма ведь для людей построена. А вору тюрьма — дом родной.

— Это все? — настойчиво спросил Лешка.

— Нет, — покачал головой Волоха. — Остальное узнаешь позже. Запомни, вор — это аристократ. Благородный человек. Он никому не подчиняется и никому не приказывает. Для него существуют только законы чести. Его сила не в пистолете или ноже, а в авторитете. Если будешь жить по понятиям, когда-нибудь и тебя коронуют званием законного вора. И ты сможешь носить такой крест.

Волоха потянул за шнурок на шее и показал Лешке воровской крест, сделанный из алюминиевой ложки. По концам его были выбиты картежные масти.

— Видишь? — сказал Призрак. — Крести, вини, бубы и червы. Возьми первые буквы — "КВБЧ". Это расшифровывается так: "Когда выйду, буду человеком". Человеком — это значит вором.

— Я тоже хочу быть человеком, в смысле вором! — загорелся Лешка. — А когда воровать пойдём?

Призрак усмехнулся.

— Воровать буду я, а ты пока будешь учиться. Ты вообще любишь учиться?

— Смотря чему, — честно признался Лешка.

Волоха снова едва заметно улыбнулся:

— Значит набздюм бегать будем?

— Куда? — не понял Лешка. — На какой-такой "бздюм"?

— "Бегать набздюм" — значит воровать вдвоем, на пару.

ГЛАВА 3. ШКОЛА

— Вора, как и волка, ноги кормят.

С этими словами на следующий день Волоха пригласил Лешку прогуляться. Они не спеша шли по улице. Лешка отметил цепкий взгляд, которым Волоха буквально ощупывал окна домов, мимо которых они проходили. По своему обыкновению Волоха хрипло напевал вполголоса:

— Рано утром проснешься и откроешь газету,

А на первой странице золотые слова.

Это Клим Ворошилов подарил нам свободу,

И теперь на свободе будем мы воровать!

Как ты думаешь, что в нашем деле главное? — без всякого перехода спросил вдруг Волоха своего юного друга.

— Справиться с замком?

— Нет. Замок — всего лишь препятствие. Вернее одно из препятствий. Справиться можно с любым, самым сложным замком. Вопрос в другом — стоит ли? Поэтому самое главное — это быть уверенным, что за дверью скрываются хорошие башли.

— А как найти такую дверь? — с детской прямоотой спросил Лешка.

Волоха вопрос проигнорировал. Но пробормотал себе под нос:

— Есть у меня одна хатка на примете. А наперед — искать надо. Стоп, приплыли! Вот и наша хатка.

Они остановились перед новым кирпичным домом. Волоха уверенно, как к себе домой, прошел в подъезд. Лешка протопал за ним. На лифт Волоха даже не посмотрел.

— Всегда поднимайся и спускайся только по лестнице, — предупредил он.

— А если на десятый этаж придется лезть? — заныл Лешка.

— Жирные караси живут не выше седьмого этажа. Но и не ниже четвертого, — заверил Волоха.

В подтверждение его слов они поднялись на шестой этаж и остановились возле стандартной, ничем не примечательной двери.

— Обрати внимание, некоторые специалисты с собой по несколько килограммов отмычек таскают. А у меня — вот всего...

Призрак извлек из кармана набор инструмента. Связка была небольшой — тринадцать отмычек, сверкающих золотом и перламутром.

Лешка тихо ахнул:

— Золотые?

— Нет, — усмехнулся Волоха, — позолоченные. Юбилейный гарнитур. Работа немца Вилли Гроба к пятидесятилетию своей воровской деятельности. Мне достались в наследство.

— Ты был в Германии? — удивился Лешка.

— Нет, в Усть-Каменогорске. Старик жил там на поселении.

Волоха выбрал нужную ему отмычку и вставил ее в замок. Его щелчок показался Лешке оглушительным. Так же быстро вор справился и с другим замком.

— Заходим, — пригласил он и вошел первым. — Заруби на носу — руки пока держи в карманах, иначе все залапаешь. А сегодня не День милиции, чтобы мусорам такие подарки делать. Кроме того — не пей, не кури, не чихай, не

пользуйся сортиром и береги каждый волосок.

Лешка осторожно проследовал в квартиру и ногой прикрыл за собой дверь. Здесь он снова тихо ахнул. Старинная массивная мебель, картины на стенах. Не квартира — музей.

— Добра-то сколько! А как выносить будем?

— Что выносить? — не понял Волоха, перебирая висевшие в стенном шкафу шубы.

— Барахло.

Волоха покачал головой.

— Мы не вшивари и не кусошники, чтобы барахло тырить. Наша цель — голые насунуть. Бабки, то есть. Найти и аккуратно изъять.

— А зачем же ты тогда в гардероб полез?

Призрак снисходительно улыбнулся.

— Чтобы понять, что за народ тут живет и сколько их. Видишь, шляпа? Вот еще одна. Значит папаша — интеллигент. По крайней мере он сам так про себя думает. А вот и мамина доха. Фасон явно не парижский. Скорее всего мама у нас зам по домохозяйственной части. От этих открытий мы с тобой и будем плясать.

Волоха повел Лешку в большую комнату, оказавшуюся кабинетом. Стены были уставлены высокими, почти до потолка, резными книжными шкафами. Волоха медленно шел мимо книг, полуприкрыв глаза.

В столе посмотреть? — спросил Лешка.

Но Волоха не прореагировал. Похоже, он даже не слышал вопроса, так был поглощен книгами. Вернее тем, что скрывалось за их переплетом.

— Здесь, — сказал он вдруг и взял с полки невзрачную, в мягкой обложке, потрепанную книжку, затерявшуюся между толстыми томами в золоченых переплетах.

Лешка увидел как вор раскрыл книжку. Страницы в середине были вырезаны, в углублении лежала толстая пачка сотенных бумажек.

— Едем дальше!

Следующий тайник Призрак обнаружил за книгами на нижней полке. Там пачка денег была еще более внушительной.

— А как ты определил где деньги лежат? — спросил Лешка.

— Опыт и интуиция. Побегаеть с мое, тоже научишься. А теперь на кухню. Проверим мамашины запасы, — пригласил Волоха. — Граждане, храните деньги в банке!

Хозяйка дома и в самом деле хранила свои деньги в банке. В банке с сахаром. Как и в случае с книгами, Волоха безошибочно вычислил из многих нужную емкость и инкассировал ее.

— Ну и достаточно, — сказал он. — Никогда не бери у людей последнее.

— Слушай, — подергал его за рукав Лешка, — там в спальне шкатулка. В ней наверняка драгоценности.

— Ну и что?

— А мы их разве не возьмем?

— Зачем? Чтобы спалиться при продаже? Сам не попадешься, так барыги-перекупщики сдадут. Если хочешь жить на воле, бери только бабки, никакого хлама. Если, конечно, нет прямого заказа.

Лешка смущенно засопел. Тайком от Волохи он прихватил в кабинете хозя-

ина пистолет-зажигалку и теперь боялся признаться в этом.

"Ладно, — подумал он, — я же не драгоценности взял. И продавать я ее не собираюсь".

И поглубже затолкал добычу в карман.

Перед уходом Волоха снова влез в шкаф с одеждой и показал Лешке короткую модную шубку.

Видишь, здесь еще и дочка имеется. Я ее не срисовал, потому что она сейчас где-нибудь каникулы весело проводит. Дочка — это хорошо.

— А зачем она нам? Неужели и у нее заначка имеется? — удивился Лешка.

— Заначки у нее, конечно, нет. Но вот ее шубейка нам пригодится. Видал такие обноски? Другая на такую норку за всю жизнь не заработает. Клади ей в карман сотню. Вообще-то и полсотни хватило бы, да нету. Вот эту возьми, надорванную, приметную. Теперь папа с мамой, когда своих сокровищ не обнаружат, на кого подумают? Правильно, на дочуру. А обнаружат они это, будем надеяться, нескоро. И докажи, что мы вообще сюда заходили и что-то украли. Теперь понял, почему меня Призраком зовут?

Вся кража заняла не более пятнадцати минут.

Пистолет-зажигалку Лешка спрятал дома в ящик с инструментами, рядом с подаренной финкой, и поклялся сам себе никому его не показывать. Рукоятку забавной игрушки украшала дарственная гравировка: "Дорогому Михаилу Моисеевичу Гольденблюму от коллектива сотрудников "Продснабсбыта" к пятидесятилетию". Лешке очень хотелось сохранить эту вещь в память о своем первом деле.

* * *

Добыча составила около восьми тысяч рублей. Волоха положил на стол тоненькую пачку денег и сказал Лешке.

— Твоя доля — штука. Тысяча, то есть. Но если я тебе ее сейчас отдам, ты помчишься покупать всякую ерунду и угощать девчонок шампанским и мороженым. Завтра утром об этом узнает весь двор, к обеду — вся школа, а к вечеру мы уже будем беседовать со следяком в уютной КПЗ. Матери твоей тем более нельзя деньги показывать. Так что пусть полежат у меня.

В дверь позвонили. Два длинных, один короткий.

— Открой, это ко мне, — велел Волоха.

Лешка впустил в квартиру двоих мужчин. Один был помоложе, другой почти старик. Лешка узнал молодого. Это он подарил ему финку. Сейчас он сделал вид, что видит парня первый раз. В руках у него был старый потертый чемоданчик.

Гости молча прошли в волохину комнату и закрылись там. Спустя час так же молча гости ушли, но уже без чемодана. Волоха позвал Лешку.

— Ну вот, думал долю со скачка в общак сдать, а вышло наоборот. Само благо воровское ко мне пришло, — Призрак указал на чемоданчик, оставленный таинственными визитерами. — Не думал, не гадал, что хранителем общака стану. Знаешь, кто это был?

Лешка отрицательно pokrutil головой. Волоха понизил голос.

— Авторитетные люди! Старик — сам родский вор Паша Яхонт. А тот, что помоложе — Колька Писарь. Обложили обоих плотно, не сегодня-завтра заметут. Вот они мне общак и скинули. Учти, если со мной что случится, "угол" этот — чемодан то есть — отдашь только кому-то из них. А сейчас его заты-

рить надо подальше. Знаешь надежное место?

— Ага, — кивнул Лешка. — Пошли покажу.

Он провел Призрака в свою комнату и раскрыл окно. Холодный ветер с колючими снежинками пробрал до костей. Карниз под окном отличался необычной шириной — под Лешкиной комнатой находился вход в нотариальную контору, украшенный аляпистым фронтоном. Он, собственно, и служил карнизом верхнего этажа. Лешка задрал железный лист водостока и продемонстрировал Призраку объемистую полость в стене. Лешка давно хранил здесь свои сокровища — первый самодельный нож и поджигу. Они опустили чемодан в нишу и закрыли сверху железным листом.

— До следующего ремонта сюда никто не сунется, — заверил вора Лешка и спросил: — А что такое общак?

— Общак для вора — это святое. Благо. Вроде кассы взаимопомощи. Каждый правильный уркаган со своей добычи обязательно долю в общак отстегирует. С этих бабок арестантам на зону грёв идет — чай, марафет, курево. Без грёва в карцерах не выжить. Ну и тем, кто с зоны откинулся, помочь надо на первое время. Это только в кино добрые менты их на работу устраивают. Но запомни главное — общак предназначен для людей. Самому хранителю с этих денег жировать запаadlo.

Волоха осматривал комнату, поскольку раньше толком ее не видел. Его внимание привлекли два телескопа, стоявшие на шкафу. Один был черный, длиной метра два. Другой — небольшой и компактный.

— Что это за стволы? — спросил Призрак.

— Это мои телескопы, — с гордостью признался Лешка. — Длинный, рефрактор, я сам сделал из ватмана и очковых стекол. А маленький — менисковый, системы Максудова. Им меня во Дворце пионеров наградили.

— За что?

— Я комету открыл.

— Не свистишь?

— Да что б мне век воли не видать! В "Реферативном журнале Академии наук" сообщение было. "Комета Воронцова", координаты и резюме — "не подтвердилось".

— Это что значит? — не понял Волоха.

— С тех пор она больше не показывалась. Может рассыпалась, а может ее и не было. Технический блик на оптике. Такое в астрономии иногда случается.

Волоха взял менисковый телескоп, посмотрел в него на соседний дом и покрутил винты со знанием дела.

— Слушай, гастроном, а почему твоя труба все вверх ногами показывает? — спросил он.

— Так ведь в космосе все равно где верх, а где низ, — пояснил Лешка.

— Зато на земле не все равно, — отрезал Волоха. — Можно это дело как-нибудь поправить?

Запросто, — ответил Лешка. — Можно оборачивающую систему соорудить, а можно вместо окуляра отрицательную линзу поставить. Работы на пять минут.

— Сделай, — коротко приказал Волоха.

Переделкой прибора Волоха остался доволен.

— Красота, с биноклем не сравнить! Во сколько раз он увеличивает?

— Раз в пятьдесят, — ответил Лешка.

— Не слабо, — одобрил Волоха. — Теперь все хаты нашими будут!

* * *

Но на этот раз телескоп им не пригодился. Поздним вечером к Волохе зашел какой-то облезлый тип в черном пальто с петлицами железнодорожника. Они просидели почти до утра, выпили две бутылки водки и накурили так, что даже в коридоре щипало глаза. Когда гость ушел, Волоха позвал Лешку.

— Это мой наводчик по старым делам. Я вообще-то с чужими наколками не работаю, подставить могут. Но Сему я давно знаю. Кент проверенный. Когда мы с моим корешем Фомой начинали, он нам немало верных набоек дал. И сейчас, похоже, дело предлагает. Пойдем глянем. Дельце, похоже, забавное.

— А на фига нам дельце? — удивился Лешка. — У тебя же куча денег!

— Денег у меня даже больше, чем ты думаешь. Но все дело в том, что люди с понятиями воруют не для денег, а для души, — пояснил Призрак. — Это только фраера набушмаченные и гопники скорее украденное пропить да прогулять спешат, а на дело идут только когда бабки кончаются. И в спешке засыпаются. А работа спешки не любит. Каждый скачок готовить надо.

До намеченной квартиры добрались быстро. Призрак окинул взглядом надменный сталинский дом, неодобрительно покачал головой.

— Я первым пойду, — сказал он, — а ты следом на этаж ниже. Услышишь шухер — замри, развернись и спокойно выходи на улицу.

В такой последовательности они стали подниматься. Лешка прислушивался, стараясь уловить хоть какой-то шум сверху. Неожиданно он услышал голоса. Один принадлежал Волохе, другой был женским. Вопреки приказу Лешка не развернулся, а наоборот прокрался выше. Отсюда он смог разглядеть сцену возле квартиры, которую они собирались обокрасть.

Дверь в квартиру была заклеена полоской бумаги и опечатана. Сейчас полоска была разорвана. Рядом стояла перепуганная женщина, она сжимала в руках ключи. Волоха наезжал на нее шагающим экскаватором.

— Очень хорошо, — сурово чеканил слова Призрак. — Что же это получается, гражданочка? Мы входную дверь опечатали, а вас это вроде как не касается? По какому праву вы хотели проникнуть в опечатанное помещение?

Женщина была растеряна, она путалась и запинаясь.

— Понимаете, а не нарочно... Так получилось. Викентия арестовали, а я прописана в другом месте, поэтому мне даже не разрешили забрать мои вещи.

— Вам что, негде жить?

— У меня квартира в Химках. Но здесь остались мои зимние вещи. А ваш капитан Ярославцев не разрешает мне их взять.

Волоха нахмурился.

— Я понимаю. Но и вы должны понять — если я разрешу вам что-то забрать, у меня могут быть неприятности. Капитан Ярославцев — очень вредный тип. Если он узнает, что я вас впустил, мне могут выговор вклеить.

— Что вы, я никому не скажу! — пообещала женщина.

— Я вам верю. Но и вы должны дать мне слово, что до конца следствия сюда и носа не покажете.

— Конечно-конечно!

— А ключики у вас мне придется отобрать.

Волоха отпер дверь, аккуратно отклеил бумажную бандероль и пригласил

женщину войти. Через десять — пятнадцать минут она торопливо выскочила, страшно довольная, сжимая в руках объемистый сверток и чемодан. Когда она вышла из подъезда, Призрак подозвал прятавшегося за лифтом Лешку.

— Заходи!

В квартире все носило следы повального обыска. Подушки, матрас, одеяла, разорванные книги, битые тарелки и чашки, все валялось на полу вперемешку с разрозненными предметами нижнего белья и верхней одежды. Посреди комнаты сиротливо стояло старательно раскуроченное пианино.

— Опоздали? — вздохнул Лешка.

— Наоборот, в самый раз пришли, — обнадежил Призрак. — Неужели ты думаешь, что мусора способны грамотную записку найти? А наш Викентий, судя по всему, не такой дурак, чтобы добровольным признанием самому себе "восемь-девять" на "девять-три-прим" поменять и веревочку на шею сплести. А сами менты вообще искать не умеют. Был я как-то в гостях у кореша. Сидим, квасим. Вдруг звонок. Входят мусора. "Колись, — говорят корешу, — сучий потрох. Доподлинно знаем, что у тебя дома обрез от винтаря имеется". Кореш, понятно, в отказ. "Ни про какой обрез не знаю. Ищи, начальник, раз работа такая. Найдешь — твой будет".

А обрез этот я ему только что принес, он его и затырить-то толком не успел. Ну, думаю, хомут нам обоим. Водка в горло не лезет. А кореш знай наливает. И все без закуси. Облазили они всю квартиру его однокомнатную, с антресоли пыль и паутину собрали, но так ничего и не нашли кроме пустых бутылок. А поскольку дело при понятых было, нам даже по шее не перепало. Ушли они, я кореша и спрашиваю — куда, дескать, ты "мотню" заначил? А он смеется. "Вон она, — говорит, — в холодильнике стоит". И точно. Открываю я холодильник, а там моя бердана, да плавленый сырок, и боле ничего.

Под этот неторопливый рассказ Волоха внимательно осматривал квартиру.

— Может разобрать хлам? — предложил Лешка.

— Не стоит. Мусора тут каждую книжку и тряпку разве что на зуб не попробовали. И стены наверняка простучали. И до пианины вон добрались. Нет, наши гульдены не там. Давай думать. Сема был у меня поздно вечером. Сейчас еще утро не кончилось, значит хомут этому Викентию вешали и шмон тут наводили ночью. Так?

— Так, — согласился Лешка.

— И, похоже, ничего не нашли. Вон как на вещах зло срывали. А что у нас под окнами?

Лешка подошел к окну и глянул вниз. Среди чахлах деревьев и редких кустов прогуливались бродячие собаки.

— Не то сквер, не то помойка, — сообщил он.

— А теперь представь себе — к тебе в дом ломятся мусора, а у тебя в руках большая-пребольшая ценность. Она же — улика, потому как если ее найдут, тебя будут судить не просто за кражу государственной собственности, а за кражу государственной собственности в особо крупных размерах. А это вышка. И что ты с такой ценностью сделаешь?

— Выкину в окно! — сообразил Лешка.

— Проверим. Может ты и прав.

Пустырь под окнами квартиры был изрядно загажен собаками и людьми. Здешние жильцы, видимо, не стремились бороться за звание "Дома образцо-

вой культуры" и выбрасывали в окна все, что не пролезало в мусоропровод. Лешке и его наставнику пришлось не менее получаса с небрежным видом, руки в карманах, прочесывать и перепаживать ногами отходы человеческого бытия.

Подозрительные предметы они отфутболивали к поваленному забору, чтобы потом проверить их содержимое. Среди них были металлические банки из-под краски и масла, маленький посылочный ящик, футбольная камера, заполненная внутри какой-то дрянью и мятая обувная коробка.

Волоха внимательно оглядел собранные сокровища и ткнул пальцем в обувную коробку.

— Открой.

— Почему ты думаешь, что бабки здесь? — спросил Лешка.

— Видишь, она шпагатом перехвачена? А обрывок этой веревки болтается в хате нашего Викентия на занавесках. Чтобы их раздвигать и задвигать.

Лешка нагнулся, размотал шпагат и открыл крышку. Внутри, обернутые в целлофан, были плотно уложены пачки денег.

— Тысяч тридцать, — на глаз определил Призрак. — Небитому фраеру такого лава на всю жизнь хватило бы. Ладно, бери и пошли домой.

Они шли по улице и Волоха как всегда напевал:

— А в тот же день на Беломорканале

Шпана решила марануть порча.

И рано утром зорькою бубновой

Не стало больше Кольки-ширмача.

— Слушай, сказал вдруг Лешка, — а не мог твой Сема знать, что менты этого Викентия пасут? Мы бы пришли и влипли.

Волоха задумался.

— Не знаю. На кого другого я бы мог подумать, но Сема? На фигу ему меня сдавать? Раньше за ним такого не водилось.

— Раньше у тебя чемодана с общаком не было.

Призрак нахмурился и за всю дорогу до дома больше не проронил ни слова.

* * *

Прошла зима, настало лето.

— Сегодня я буду учить тебя как работать с нуля, — сказал Волоха.

— Телескоп брать? — спросил Лешка.

— Чуть позже. Для начала ты подберешь подходящий дом.

Они проехали несколько остановок на метро и вышли наугад. Лешка вел Призрака и внимательно смотрел по сторонам. Наконец он остановился.

— Мне кажется, этот подойдет.

— Почему так решил?

— Дом кирпичный, сплошные балконы и лоджии. Машин внизу возле подъездов много, значит изба кооперативная. Что дальше делать будем?

Волоха что-то одобрительно пробурчал себе под нос и направился в подворотню. Так они обошли дом с другой стороны.

— Как правило большая часть квартир выходят окнами на противоположную от подъездов сторону, — пояснил Призрак. — Значит эту сторону мы и будем наблюдать.

Они перешли улицу и направились к стоявшей по соседству облезлой панельной девятиэтажке. Здесь Волоха остановился.

— Пробежишь подъезд сверху вниз и прозвонишь квартиры. Пустые отметишь, — велел он.

Для Лешки это было скорее забавой. В детстве они часто так развлекались с друзьями. Двери не открыли в одиннадцати квартирах. В соседних подъездах набралось еще два десятка пустых квартир. Лешка тщательно записал номера.

Вечером они вернулись и Лешка повторил хулиганскую процедуру, но уже не по всем квартирам, а только по отмеченным. В списке осталось восемь квартир. На следующий день отсеб продолжился. На третий день, это был выходной, в списке осталось два номера. Эти квартиры можно было считать временно пустующими. Теперь за дело взялся Призрак.

Он начал с более перспективной квартиры в угловом подъезде. Находилась она на последнем девятом этаже, что позволяло вести обзор будущих жертв с выгодной верхней позиции и сводило к минимуму вероятность случайных помех. Первым делом Волоха приподнял придверный коврик. Ожидание увенчалось успехом. Под половиком лежал ключ с приколотой запиской. Она гласила:

"Маша, мы вернемся восьмого. Если приедешь раньше, жди нас. Деньги под телевизором".

— Какое сегодня число? — спросил Волоха.

— Двадцать третье..

— Значит время у нас есть, почти две недели. Дуй за своим телескопом и захвати пожрать. Не будем же мы грабить Машу и ее любезных родственников.

Квартирка оказалась небольшой и без особых изысков. Но Лешке и Призраку они и не требовались. Питались они колбасой и молоком, спали по очереди на диване. Из удобств пользовались только туалетом. После их ухода в квартире не должно было остаться никаких следов пребывания посторонних. Два дня пристального наблюдения позволили им вычислить в кооперативном доме напротив несколько перспективных квартир с хрустальными люстрами и дорогой мебелью. В телескоп казалось, что объекты находятся совсем рядом — протяни руку и коснешься.

За несколько дней Волоха совсем доконал Лешку своими заунывными песнями типа:

"И, как водится, безработица: "Скидавайте штаны и пинжак!

Усадили их на кирпичики и велели ботинки сымать"!

Или:

"На Молдаванке музыка играет, кругом веселье пьяное шумит,

А за столом доходы пропивает пахан Одессы Костя-инвалид"!

Наконец Лешка не выдержал:

— Ты бы хоть Высоцкого что-нибудь спел, а то тянешь эту волынку!

— Это, брат, классика. Фольклор! А что твой Высоцкий? Наблатыкался вершухек и зашаривает под бластного. Слышал я его, жидковат.

— А по мне в самый раз, — буркнул Лешка. — Тогда расскажи лучше как пальцы потерял. Ты обещал.

Волоха растянулся на диване.

— Давно это было. Я тогда марвихером был. По театрам, по ресторанам работал. Мог с лоха часы или с бабы колье снять — они и ухом не вели. А уж ло-

патники щипал — равных не было. И мойкой, бритвой то есть, писать приходилось. Работал всегда набздум с пропольщиком. Тут важно не только взять чисто, но и слам быстро пропулить, в смысле добычу помощнику, пропольщику скинуть. Скинул — и на новый заход. За вечер мог нащипать столько, сколько другой за всю жизнь не наработает. А в скокари, в домушники, я поневоле попал, когда мусора мне в КПЗ пальцы поломали. Была у них такая практика.

— Совсем, что ли, отломали? — не понял Лешка.

— Нет, не совсем. Просто сломали, потом срослось, да техника уж не та. Два раза чуть не засыпался. А совсем я их потерял на этапе. Сел как-то в карты играть с мазевым каталой и продулся. Хоть под шконку лезь, в обиженку. Хорошо катала правильный попался, с понятиями. Разрешил рукой ответить. Ну я ее и наказал, отмахнул два пальца как с куста. Все равно сломанные были, не жалко. Но в карты уж больше играть не садился. А когда откинулся, пришлось новую специальность освоить — замки вскрывать. Меня этому делу сам Юзек учил. Мастер был — теперь таких нет.

— А кто он был?

— Поляк. И по национальности, и по окраске. Про польских воров слышал?

— Это что-то вроде ссученных?

— Сам ты вроде... Ульянова Володи. Поменьше всяких Укроп Помидорычей да Фан Фанычей слушай. Поляки ссученными никогда не были, но и законниками не считались. Они у нас на зоне перед самой войной появились, когда Западную Украину к "Эсесесеру" присоединили. Мы поначалу врубиться не могли, что это за публика. По работе — воры экстра-класса. Особенно по сейфам, да по квартирам. А по жизни — фраера. Тот же Юзек, мир его праху, на железной дороге кондуктором работал. И на зоне они себя непонятно вели — вроде "один на льдине". С администрацией жили мирно, но не стучали. От козлиных должностей в придурне не отказывались, но и с братвой нормально контактировали.

— А суки тогда кто?

— Суки — эти из наших были, из законных воров. При Сталине мусора ворами большие поблажки давали, чтобы те троцкистов да мужиков щемили и норму выработки обеспечивали. Тогда многие ссучились, но много было и правильных людей, которые не поддались и продолжали жить по понятиям. До времени это дело не обострялось по причине малых сроков. А как указ "Четыре-шесть-сорок семь" вышел — и писец котенку. До него за кражу от трех до шести месяцев давали, а тут пять лет, а то и весь червонец. Тут народ и взвыл. Песню знаешь?

И Волоха снова захрипел:

— Идут на север срока огромные.

Кого ни спросишь — у всех "Указ".

Взгляни ж, взгляни в глаза мои суровые.

Взгляни быть может в последний раз!

Да, пять лет на зоне припухать — не полгода. Само собой, каждый стал права качать. Тут или живи, или подыхай. Ворами с суками на одной зоне тесно стало. Общак-то один и не резиновый. На всех не хватает. И власть надвое не делится. Ну и пошла рубиловка. Все зоны по Расее кровью залились.

— А я слышал, что суками тех воров называли, которые на фронт ходили, —

сказал Лешка.

— Да при чем тут фронт? Туфта это. Тех воров, кто на фронте воевал, воевал "красными шапочками" называли. Некоторые из них ссучились, но многие честные воры, кто с фронта вернулись, снова правильную жизнь начали. Нет, тут другое — власть и бабки. За барскую милость братва продалась. Только вскорости суки такую силу взяли, что и на легавых хрен с прибором ложить начали. А мужиков гнобили просто для развлечения, какая уж тут выработка. Тогда мусора и взвыли. Ну и разрешили нам, честнякам, сук рвать да ломать. Не впрямую, конечно, разрешили, но стали смотреть на это дело сквозь пальцы. С тех пор и пошло деление на черные, правильные зоны, где воры в силе, и красные, козлиные, беспредельные. На красной зоне ни мужику, ни урке жизни нет. Чистый душняк. Но самый беспредел на малолетке бывает. Ума у ребят нет, одни сопли. А понты — хоть куда. Вот и крутит их. Следом за ними общий режим идет, за ним усиленный, где тяжкие первоходы. Там вообще опускают ни за что. От нехрена делать.

— А если туда попадешь, что делать? — с тревогой в голосе спросил Лешка.

— Как что делать? Раскрутиться и уйти на строгий. На строгом порядка больше. Там правильные арестанты сидят, а не пассажиры.

— Как же можно уйти? Сбежать, что ли? — не понял Лешка.

— Зачем бежать? — усмехнулся Волоха. — Сами доставят. Раскрутиться — это значит получить новый срок. Выбери из козлов кого покрепче и проломи ему голову. Только не до смерти, а так, слегка. Новый суд — и ты на строгом режиме, с правильными людьми, которые по понятиям живут.

— А ты где сидел?

— Я-то? Да почти везде. Короновали меня на Колыме. Северные прииски, где я кантовался, воровскими были, а западные — сучьими.

— А суки себя тоже короновали? — спросил Лешка.

— Была у них особая процедура. "Разворовкой" называлась. Привозят на зону бригаду сук-гастролеров. Бугром у них был Ванька Уборов. Их так и звали — уборовцы. Выстраивают всю зону и начинают по одному из строя воров выдергивать. Каждый должен был опуститься на одно колено и поцеловать ванькин нож. После этого вор считался суккой. А кто отказывался, того ломали. Меня тогда первым вызвали.

— И ты поцеловал?

— Я его этим же пером и порезал. Тут зона поднялась, сук порвали. Потом чекисты налетели, всю зону на карцер перевели. Но это уж нам было как слону дробина.

В другой раз Призрак первым начал разговор.

— Вот скажи мне, парень, как ты думаешь, что на зоне самое главное?

— Сила, — не задумываясь ответил Лешка.

Призрак усмехнулся.

— А если подумать? Как насчет головы?

— Ну конечно, — согласился Лешка. — Надо знать правила, в понятиях разбираться.

— Я не об этом, — вздохнул Призрак. — Ответь, какое главное оружие вора?

— Нож!

— Не угадал.

— Пистолет?

Волоха снова снисходительно усмехнулся.

— Пистолет — это для мокрушников, для гопников или мусоров. Настоящий вор вольной никогда рук не замазает. Если уж придется кого мочить, то пером или пиской. Но я о другом базарю. Главное оружие вора — ум. С умом ни на зоне, ни на воле не пропадешь. Запоминай, пока я живой.

Лешка продолжал вести наблюдения за домом напротив.

— Что там у тебя нового? — спросил Призрак.

Лешка оторвался от окуляра телескопа.

— На пятом этаже квартира третий день пустая. На седьмом бабка одна. Остальные пока не освободились. Сегодня пятница, наверняка народ на дачу поедет. Ага! К бабке на седьмом кто-то пришел. Ни хрена себе!

— Что еще? — Волоха привстал с дивана.

Голос Лешки предательски задрожал:

— Три бугая вломились. Нету больше бабуси. Топором по башке тюкнули!

Волоха одним прыжком подскочил к телескопу.

— Дай сюда!

Лешка уступил ему место. Вор приник к окуляру.

— Быть не может! Корешок мой нарисовался. Фома собственной персоной. На мокруху пошел! Вот, значит, кто у нас "Мосгазом" работает!

Лешка от нечего делать принялся осматривать улицу. Его внимание привлек невзрачный силуэт у газетного киоска.

— Глянь туда, — дернул он Призрака за рукав. — Вон и другой твой кент объявился. Тот, который к тебе домой приходил.

Призрак посмотрел в указанном направлении.

— Сема? Он, родимый. Ну и дела!

Волоха опустил на стул.

— Сдается мне, что нас хотят подставить.

— Как это? — удивился Лешка. — Я же сам эту квартиру надыбал.

— Сам, да не сам, — скривился Призрак. — Я тебя в этот край специально привел. Проверить хотел, есть ли у тебя нюх. Теперь вижу, что есть. Ты и дом правильно определил, и квартиру вычислил. Только у меня на нее еще до тебя наколка имелась. Догадываешься, кто навел?

— Сема?

— Он самый, налим хитрожопый. Ладно, сворачиваемся. Теперь в тот дом не сунешься, да нам это сейчас и без надобности. Надо ситуацию крепко обмозговать. Каким краем он нас подставить хотел, если и Фоме ту же наводку слил? Есть соображения?

Лешка напряг извилины:

— А если он и тебя, и Фому подставляет? Ты вывернулся, так Фома попал. А если бы не Фому, так нас бы повязали. А верные наколки твоему Семе менты на Петровке выписывают. Вот кажись и они.

Внизу к дому подкатили две машины с мигалками. Через пять минут в квартире на седьмом этаже появились новые действующие лица. Лешка и Волоха видели как менты заломали Фому и его подельников.

— Ладно, наводим тут марафет и без суеты отваливаем, — распорядился Призрак.

Вечером в Лешкиной квартире снова появились Писарь и Паша Яхонт. Волоха назвал встречу малым сходняком. После их ухода Лешка спросил вора:

— Что решили?

— Буду Сему валить.

— А что, без их разрешения ты не мог обойтись?

— Нет, — покачал головой Волоха. — Такие вопросы в одиночку не решаются. Сема ведь тоже воровского сословия. По понятиям поножовщина запрещена. Это голимый беспредел. А вот решение сходки я выполнить обязан.

— Те же яйца, только вид сбоку, — проворчал Лешка. — Когда двинемся?

— А ты тут при чем? — удивился Призрак.

— При тебе, при чем же еще.

Ехать до Семы пришлось на трамвае с двумя пересадками. Лешку колотило. Он хоть и храбрился, но ему было очень страшно. Лишь одна мысль поддерживала его — они идут исполнять решение настоящей воровской сходки.

Сема жил в бараке на окраине Москвы. Они сошли с трамвая и двинулись по темной и грязной улице, застроенной старыми двухэтажными домишками. Прошли заколоченный рынок, от которого за версту несло гнилью и свернули в еще более темный переулок.

— Держи, посветишь, — Призрак сунул в руку Лешке квадратный электрический фонарик. — Нам вон в тот дом нужно. Сначала идешь ты. Сема живет на первом этаже, дверь у него не запирается. Сунешься в хату, спросишь Катю или Валю. У него какую-то из соседок так зовут. Если он дома, свистнешь, если нет, вернешься ко мне. Свистеть умеешь?

— А то нет! — обиделся Лешка и затопал к бараку.

Он вошел в засанный людьми и животными коридор. Семина дверь была третья слева. Он толкнул ее. Открыто. В комнате воняло еще сильнее, чем в коридоре. Лешку окутала крошечная тьма. Он включил фонарик и осветил сначала по стенам, а потом и на пол. Сначала он подумал, что комната пуста, но тут увидел хозяина.

Лешка замер от ужаса. На полу валялся Сема. Голова его была разбита буквально вдребезги каким-то тупым предметом. Пол и все вокруг было залито кровью и чем-то белым, вероятно хитрыми семиноными мозгами.

Сбросив оцепенение, Лешка рванул к выходу. В коридоре он с грохотом уронил со стены корыто, запутался ногами то ли в мешковине, то ли в скрученных половиках и, наконец, выскочил на улицу. Он бросился к тому месту, где оставил Волоху, но его там не было.

Лешка остановился в растерянности. Неожиданно совсем рядом, из непроглядно черного мрака раздалось прямо-таки звериное рычание. Лешка вспомнил о фонарике и зажег его. В ярком свете он увидел дикую картину. Два бугая зажали Волоху в углу. Они держали его за руки, при этом один уже приготовил финку, а другой замахнулся ломиком, испачканным на конце чем-то красным.

Волоха повернул голову сначала к одному, затем к другому нападавшему, странно ощерился и с его языка сорвались сверкнувшие в свете фонаря молнии.

Яростный крик боли прорезал тишину. Оба душегубца выпустили вора и схватились — один за левый глаз, другой за шею. Брызнула кровь. Волоха подобрал упавший на землю нож и раз-другой саданул каждого из них под реб-

ра. Оба рухнули в грязь как подкошенные.

Волоха рванул Лешку за рукав и со всей возможной скоростью заковылял вглубь переулка.

— Но нам же в обратную сторону! — спохватился Лешка.

— Там нас наверняка ждут, — отозвался Призрак. — Сему видел?

— Видел. Только он того, мертвый. Ему всю башку размолотили.

Призрак зло сплюнул.

— Ясное дело. Да, Лях, сегодня ты меня второй раз от кичи спас. А может и от смерти. Что же это на белом свете творится, а?

Призрак так сноровисто ковылял на своем протезе, что Лешка едва за ним поспевал.

— Слушай, а чем это ты в этих бугаев плевал? — спросил он вора.

— Это еще одно секретное оружие вора — мойка, — ощерился тот. — Безопасная бритва за щекой. Пара лезвий для таких козлов у меня всегда найдется.

— А меня бритвой плеваться научишь?

— Обязательно.

Они обошли весь квартал, пересекли железнодорожные пути и вышли к автобусу. Всю дорогу до дома они обдумывали непонятно откуда возникшую угрозу.

ГЛАВА 4. КРЮК

Жмурясь от пота, Крюк хрипло считал сквозь зубы:
— Ити — ни, сан — си, го — рок, сити — хати, ку — дзю...

Он умел считать по-японски только до десяти, потом начинал по новой. И так до полного изнеможения. Отжимания от пола на кулаках, на запястьях, на пальцах, на зажатых в руке карандашах.

Отжимания широким упором, узким, средним, прыжки на кулаках, "крокодил", "сколопендра", отжимания на одной руке, на борцовском мосту — кто бы мог подумать, что из упора лежа можно изобрести столько способов для издевательств над человеком. И за это еще надо платить двадцать рублей в месяц! Но это настоящее каратэ.

После разгона флибустьерского отряда Крюкову не пришлось долго скучать. Он, как и обещал, повесил на гвоздь боксерские перчатки и подался в секцию дзюдо. Она располагалась в детско-юношеской спортивной школе "Атлет", которую теперь возглавлял все тот же тренер Михалыч.

Крюков легко, на лету схватывал все новое и поначалу дела в дзюдо у него пошли очень хорошо. Но на XVI спартакиаде школьников он проиграл "кокой", минимальным преимуществом, какому-то ленинградцу по фамилии то ли Бутин, то ли Пудин. Соперник был старше его и опытней, но Крюкова это не утешило. Дзюдо он бросил и тут же, не успев снять спортивное кимоно "ги", пал жертвой повальной эпидемии. Начиналась новая, великая эпоха каратэ.

В то время заниматься каратэ бросились все, от мала до велика. Секций было множество. Едва ли не каждый школьный спортзал по вечерам оглашался диким топотом босых ног и натужными яростными криками: "Ос!"

Крюков мотался из секции в секцию, придирчиво выбирая лучшую. В большинстве своем секции представляли собой пародию на классическую школу "Сётокан". Кое-кто из новоявленных сенсеев нахально заявлял о принадлежности к контактному стилю "Киокусинкай". Встречались и менее известные направления. Каждый из наставников именовал свою школу лучшей и ведущей свою историю чуть ли не из Шаолиня, конкурентов же называл шарлатанами.

Сходились все лишь в одном — наперебой ругали корейский стиль "Сенэ" и созданную на его базе Центральную школу каратэ Штормина, занимавшую спортзал общества "Труд", что за кинотеатром "Мир". Это дурацкое предубеждение заставило Крюкова отказаться, когда один из старших товарищей, Миша Красин, пригласил его заниматься в Центральной школе. О чем Крюков не раз впоследствии пожалел.

Но при всех различиях это были спортсмены новой формации, настоящие энтузиасты. Они платили за тренировки бешенные по тем временам деньги, сами шили спортивные кимоно, конструировали макивары и жертвовали для любимого занятия буквально всем.

Все фанаты каратэ разделились на две группы. Одни тренировались в поте лица, предпочитая практику, другие же совершенствовались в теории. При встречах они так и сыпали японскими именами и терминами. Знатоки могли отличить Масатоси Накаяму от Масутацу Оямы.

Крюков близко знал неразлучную пару таких знатоков — Миню и Гриню. Оба не старались особенно напрягаться, оттачивая боевую технику, но знали о

стилях, школах и секциях практически все. Скитаясь в поисках совершенства, Крюков постоянно сталкивался с ними на подступах к тому или иному спортзалу. И иногда даже получал дельный совет.

На международных кинофестивалях толпы поклонников штурмовали залы, где демонстрировались японо-американские супербоевики — "Леди Каратэ" или "Девушки — бойцы".

О Брюсе Ли и Чаке Норрисе большинство скорее слышало, чем видело их на экране. По рукам ходили черно-белые, плохо различимые восьмимиллиметровые киноплёнки с фрагментами поединков, переснятые из гонконгских боевиков. Их крутили дома на любительских проекторах, собирая огромные аудитории. При показе в "Иллюзионе" старого-престарого "Гения дзюдо" из-за наплыва желающих посмотреть "настоящее каратэ" пришлось вызывать конную милицию.

* * *

Наконец, перебрав кучу школ и направлений, Крюков по великому благу записался в ученики самого Сато Тецуо, мастера окинавского стиля "Сито-рю". Тот создал одну из первых в Москве секций при университете. Школа понравилась Крюкову отточенностью техники и изяществом базовых движений.

Правда, ему и здесь не все нравилось. Сам сенсей, Сато-сан, вел занятия крайне редко, предоставляя эту роль семпаям — старшим ученикам. Разучив стойки, удары и передвижения, основную часть тренировки они уделяли изучению "ката" — комплексов специальных упражнений. Балет, одним словом.

Крюков же рвался к овладению сокрушительными ударами, которыми можно было бы ломать кирпичи и доски. Во дворе его дома были задворки овощного магазина. Сломанные ящики накапливались здесь кучей, пока дворники не делали из них костер. Крюков перетаскал их к себе и каждый день тренировался в разбивании досок. Но настоящего тренировочного зала с борцовским ковром-татами и макиварами ему все не попадалось. Приходилось ограничиваться работой на боксерских мешках и настенных подушках. Но это было не то.

Крюков купил в "Тканях" при "Петровском пассаже" настоящей черной грубоботанной далембы и скроил себе черное каратэистское кимоно. Правда, штаны с первого раза не получились. Чего-то он определенно по неопытности не учел и вместо свободных японских "хакама" у него вышли гусарские рейтузы.

Пришлось докупать материал и делать новые. Зато на тренировках он теперь форсил в супермодном черном кимоно и зеленом ученическом поясе. Чтобы сдать на более высокий разряд, нужно было долго заниматься в одном месте, а такого усердия Крюков никак не мог от себя добиться. Но он не огорчался, так как вовсе не гнался за регалиями.

Свое старое дзюдоистское кимоно венгерского производства он продал Грине. В благодарность Миня и Грinya привели его в секцию контактного стиля Киокусинкай.

Поначалу Крюкову здесь очень понравилось. Удары в полный контакт, полное пренебрежение балетными катами. Главное внимание уделялось кумитэ — поединку, а также тамесивари — разбиванию неодушевленных предметов. Кроме того, много сил уделялось созданию и наработке мышечного корсета, поскольку поединки происходили без защитного снаряжения.

Но кое-что сразу не понравилось. Во-первых отсутствие ударов рукой в го-

лову. Крюков с его боксерской подготовкой и сокрушительным апперкотом чувствовал себя словно со связанными руками.

Не понравилось и полное отсутствие техники. Противники в поединке почти не передвигались. Они наносили друг другу смазанные, размашистые тычки кулаком в живот как кулачные бойцы в уличной драке. Из ударов ногой практиковался один — лоу-кик, который наносился по бедрам и заднице. В присутствии Крюкова один из бойцов попробовал пробить высокий маваси, но получилось это у него крайне неловко. Противник поймал его за ногу и чуть не надорвал по меридиану.

Из контактной школы Киокусинкай Крюков вскоре ушел. Гораздо больше ему понравилось в новой южнокорейской школе Тэквондо. Здесь, правда, руками практически вообще не работали. Зато техника ног была богатейшей и Крюков старательно погрузился в ее изучение.

* * *

Усердие Крюкова не осталось незамеченным. Как-то ночью, поскольку днем он дома практически не бывал, ему позвонил Красин.

— Ты знаешь, что скоро состоится первый чемпионат Москвы по каратэ? Я могу записать тебя на отборочные соревнования. Может быть пройдешь в подгруппу, в каждом весе их будет четыре. Выбывание после двух поражений. В полуфинал выйдут по два кандидата от подгруппы. Правда, на выход в полуфинал у тебя шансов не будет...

— Это почему? — возмутился Крюков. — Да я задолблю любого как мамонта...

— Может и задолбишь. Как тот слон, который и тонну моркови съест. Только кто ж ему ее даст? Тебя просто из подгруппы в полуфинал не пропустят. Чемпионат организовало общество "Труд". На фига ему чужие чемпионы? У него есть своя Центральная школа. Я ведь тебе, дураку, говорил — переходи к нам. У нас серьезная организация. А так будешь всю жизнь по подвалам тренироваться. Но попробовать ты можешь.

Красин оказался прав и Крюков понял это в первом же бою.

Похожий на летающую тарелку спортзал "Дружба" в Лужниках был переполнен. Крюкову предстоял первый двухминутный бой. Противником был рыжий нескладный парень с бородой. Крюкову повязали "ака" — красный пояс. Противнику достался "сиро" — белый. Судья на татами, облаченный в черную рубашку и белую бабочку, провозгласил:

— Рей!

Противники поклонились ему, затем друг другу.

— Хадзиме!

И поединок начался. Противник Крюкова бестолково прыгал на прямых ногах вверх-вниз и сопел при выдохе так, что было слышно на Ленинских горах. Крюков с легкостью блокировал его неловкие тычки и взмахи ног. Наконец тот махнул ногой со всей дури, целясь в пах. Крюков отбил так, что рыжий запрыгал на опорной ноге, а у самого Крюкова заломило руку. Но один из боковых судей приподнял белый флажок. Удар засчитан.

Крюкова это разозлило. Он прихватил рукав куртки противника и приподнял того еще выше, лишая устойчивого равновесия. Затем он заставил рыжего смещаться вбок ловко провел свою дзюдоистскую "коронку" — окури-аси-бараи — подсечку в такт шагов и добил его в падении, обозначив прямой удар

кулаком в голову. Чистый иппон. Полная победа.

Но рефери на татами провозгласил:

— Вазари!

Полупобеда.

Из четверых боковых судей трое подняли красный флажок до уровня плеча, обозначая "вазари", а четвертый нахально закрылся флажками. "Миэнай" — не видел.

Схватка продолжилась. Рыжий заметно сник и теперь прыгал вдалеке, обозначая удары руками и ногами, которые не доходили до Крюкова на добрых полметра. Крюкову же рефери объявил "тюй" — предупреждение за пассивность.

Неожиданно рыжий сделал длинный прыжок не столько вперед, к противнику, сколько вверх, выставил вперед кулак и заорал диким голосом.

— Кияй!

Крюков отошел в сторону и противник пролетел мимо, за пределы ковра. Рефери остановил поединок, но вместо "дзегай" — выход за пределы ковра — указал на рыжего и провозгласил.

— Вазари.

Боковые судьи послушно засучили белыми флажками.

Крюков обиделся не на шутку. Он понял, что сейчас рыжий изобразит атаку еще раз, ему засчитают вторую "полупобеду" и он станет победителем. Крюков расслабился, стараясь не пропустить момент атаки, и как только рыжий снова заорал и рванулся вперед, впечатал ему в живот ребро подошвы ноги ударом "йоко-кири".

Крик рыжего оборвался как будто ему захлопнули рот. На самом деле он разинул его еще шире и старательно заглатывал воздух. Но воздух, видимо, не шел. Рыжий рухнул на татами, к нему бросились тренеры и врач.

По трибунам пронесся восхищенный ропот.

— Иппон! Чистая победа! Красиво, блин!

Рефери вяло проямлил:

— Ака но кати!...

То есть победил боец с красным поясом.

Крюков сиял от счастья. Значит, опасения Красина были напрасными. Но тут судьи посоветались и рефери вновь вышел на середину татами. Он указал рукой на Крюкова и с нескрываемым торжеством провозгласил:

— Ака но сиккаку!

Крюков почувствовал как у него темнеет в глазах. "Сиккаку" означало дисквалификацию. Громкоговоритель подтвердил.

— Участник с красным поясом дисквалифицирован за удар в полный контакт! Победу "иппоном" одержал участник с белым поясом.

Стадион взорвался яростными криками, поскольку победитель все еще не мог подняться с ковра.

Второй соперник Крюкова оказался не в меру хитрым. Он заметил, что судьи строго карают спортсменов за сильный контактный удар, поэтому старательно подставлял под кулак Крюкова свою морду. И куда бы Крюков ни старался обозначить удар рукой и ногой, всюду встречал нахальную физиономию противника. Тот в наглую лез вперед, Крюков же совершенно потерял инициативу.

Рефери сделал Крюкову замечание за пассивность. Наконец тот понял, что его ждет. Его противник будет до конца поединка нахально ломиться вперед, и одержит победу судьейским решением — "хантеем" — за "высокий уровень боевого духа". Либо он все-таки нарвется на кулак Крюкова и того опять дисквалифицируют.

К исходу двухминутного поединка Крюков понял, что так или иначе, но его все равно дождут. Поэтому он перестал осторожничать и при очередной попытке противника подставиться врубил ему от души прямо в рожу. Нокаут. Допросился!

Трибуны заревели от восторга.

Полуфиналы, финалы, соревнования по ката и разбиванию предметов Крюков досматривал уже в качестве зрителя. Теперь судьи старательно отсекали от финалов бойцов из секции "ЗИЛа".

Победителями во всех весовых категориях оказались, как и ожидалось, спортсмены общества "Труд". Впрочем, в подавляющем большинстве случаев медвежьих услуги организаторов оказались совершенно не нужны. Все победители были бойцами техничными, с хорошей реакцией. Кое-кого из них, Мишу Красина, Валерика Пака, Сашу Иншукова, Крюков хорошо знал.

После соревнований к нему подошел Красин. Он стал чемпионом в весе до 85 килограммов. Крюков поздравил его без тени зависти, тем более, что они находились в разных весовых категориях. Красин развел руками.

— Ну что я тебе говорил? Ладно, не расстраивайся. Ты еще молодой, твои лавры впереди. И вообще этот бесконтактный стиль — полная фигня. Тут один интересный мужик на трибуне сидит, японец. Точнее с Окинавы, из императорского рода. Зовут Хисатака Масаюки. У него школа — не выговоришь — "Сериндзирю — кенкокан — каратэдо". В переводе — шаолиньское каратэ или что-то в этом роде. Работают в полный контакт в защитной амуниции. Завтра я с ним встречаюсь. А сейчас пошли, с тобой Высоцкий хочет познакомиться. Ты ему своей идиотской выходкой очень понравился.

Высоцкого они нашли в раздевалке. Его окружала толпа фанатов. Крюков едва протолкался сквозь нее. Он выдержал внимательный взгляд поэта, пожал протянутую им руку и отошел в сторону, чтобы не мешать его общению с поклонниками. В заключение артиста упростили исполнить "Баньку по белому" и "Охоту на волков". Все были при деле, один Крюков почувствовал себя неловко и направился к выходу.

В коридоре он столкнулся с неразлучными друзьями Миней и Гриней и задержался потрепаться. Они пообещали устроить его в группу к знакомому диверсанту.

— Он вьетнамец, практикует стиль обезьяны. На одной руке тридцать раз подтягивается, — сообщил Миня.

— У него в зале настоящие макивары стоят, — подтвердил Гриня. И поинтересовался. — Ты свое черное кимоно продавать не собираешься? Я бы купил.

Крюков вышел из дворца спорта через боковую дверь. Узкую дорожку наполовину перегораживал огромный "мерседес". Когда Крюков проходил мимо, водительская дверь приоткрылась, из нее выглянул Высоцкий и махнул.

— Садись, Васек, подброшу.

— Почему Васек? — поинтересовался Крюков, усаживаясь рядом с артистом.

— По молодости мы с друзьями так друг друга звали, — пояснил Высоцкий. — Ты мне то время напомнил. Я тогда таким же был. Резким и обидчивым. Ты молодец, Васек, верно поступил. В харю врезал капитально. Кстати, как тебя на самом деле зовут?

Крюков замялся.

— Называйте лучше Васьком, — предложил он.

— Тогда на "ты", — потребовал поэт. — Я видел как ты там, раздевалке в угол жался, когда другие вокруг меня крутились. Колись давай, это у тебя от скромности или просто стихи мои не нравятся?

— Почему? — не согласился Крюков. — Нравятся. Но не все.

— Это какие например?

Артист не то, чтобы обиделся. Скорее удивился.

— Про цветы на нейтральной полосе, — сообщил Крюков. — На границе нейтральной полосы не бывает. И про того, который не стрелял. Таких потом всегда старший расстрельной команды пулей в голову добивал. Не то, чтобы мне сами песни не нравятся. Просто не люблю неточностей.

Поэта такое замечание задело, от его флегматичности не осталось и следа.

— А ты слышал: "Из песни слова не выкинешь"? Думаешь, я не знаю, что на границе не нейтралка, а КСП, контрольно-следовая полоса? Знаю, Васечек. И то, как людей расстрелянных добивали, я от одного старичка-чекиста из первых рук слышал. Они раненых не просто достреливали, а лопатой череп проламывали... Вот так-то, Васек.

Он дал газу и роскошный "мерседес" тронулся со стоянки.

Высоцкий искоса посмотрел на сурового критика.

— Ну а за театр что скажешь?

— Я по театрам как-то не хожу, помялся Крюков. — Времени нет.

— Сегодня время есть? Я вечером Гамлета играю. После долгого перерыва. В кино я тут снимался. Про банду "Черная кошка". Вайнеры до последнего против меня стояли, но Слава Говорухин их все-таки уломал.

Крюков как-то видел как в переулках между Сретенкой и Цветным бульваром снимали фильм про военную Москву, где Высоцкий играл роль милицейского опера.

— Сейчас, подожди.

Высоцкий вдруг отпустил руль, повернулся и полез в сумку, которая лежала на заднем сиденье. Его "Мерседес" летел по Фрунзенской набережной со скоростью около ста километров в час.

— Из колеи не выскочим? — робея, поинтересовался Крюков.

— Нет, у меня автопилот, — отшутился Высоцкий. — Он наконец нашел и протянул Крюкову фотографию, на которой был изображен в хромовых сапогах, галифе и пиджаке с орденом.

— Это фотопроба, — пояснил он. — Как тебя величают?

— Друзья просто Крюком зовут, — снова стушевался Крюков.

Высоцкий достал ручку и подписал фото внизу: "Крюку от Жеглова".

— Приходи вечером на "Гамлета" — пригласил он. — Контрамарку тебе на двоих?

"Гамлет" Крюкову не понравился. В смысле постановки. Актеры выходили на авансцену как пионеры на утреннике и по очереди проговаривали текст. Вытягивал все действие Высоцкий. Он играл не просто великолепно. Он рычал

и метался по сцене как дикий зверь. Казалось, его темперамент превосходит энергией электростанцию средней мощности. Только тут Крюков понял, что такое настоящая звезда. И главный признак звезды — это колоссальный поток исходящей энергии.

Выходя из театра, Крюков носом к носу столкнулся с Ляхом.

— Вот это встреча! Сколько зим! Где бы нам поблизости посидеть?

Самой близкой оказалась "Кама". Первый этаж, где когда-то была кулинария, теперь занимал коктейль-бар. Там толкалась молодая вшивота. Из темноты доносились звон битой посуды, удалые выкрики и звуки ударов.

Крюков и Лях поднялись наверх. Лях заказал бутылку "Старки", мясное ассорти, по салату "оливье" и по паре шашлыков.

— Как живешь? — спросили оба в один голос и рассмеялись.

— Давай ты, — предложил Крюков.

Лях вкратце изложил прошедшие события. Скрывать ничего не стал. Наверно ему давно хотелось хоть с кем-нибудь поделиться своими проблемами. Только сейчас он понял, что после расставания с Крюковым и Сильвером так и не приобрел настоящих друзей среди пацанов-ровесников.

— Осуждаешь? — скорее обреченно, чем с вызовом спросил он. — А куда мне деваться? У тебя отец писатель. Тебе институт обеспечен, да и после института место в жизни приготовлено. А у меня мать то бросит пить, то снова начнет...

— Ладно, расслабься, — махнул рукой Крюков. — Никто тебя не осуждает. Каждый живет как может. И кто я такой, чтобы судить других? Я вот на днях чемпионат по каратэ просрал. Может оно и к лучшему. Пора с этим детством завязывать, делом заниматься. Давай выпьем, что ли?

Они выпили и принялись с аппетитом жевать холодное мясо и колбасу.

— А ты Генку Сильвера давно не видел? — вспомнил Лях третьего из друзей. — Я слышал, он в бокс ударился.

Крюков хлопнул себя по лбу.

— Хорошо, что напомнил. Он же завтра выступает. Крутым боксером заделался. Я обещал с Михалычем. Ему по юношам в полутяжи срочно человек нужен.

— А разве Сильвер полутяж? — удивился Лешка. — Он же всю жизнь глистопером был вроде меня.

Крюков пожал плечами и разлил еще по рюмке.

— Может разожрался, не знаю. Я его давно не видел. Но, думаю, даром времени он не терял.

ГЛАВА 5. СИЛЬВЕР

Сильвер и в самом деле не терял времени. Но его интересы были иными. Началось все давно и вроде бы случайно. Однажды в школе всем классом они поехали то ли в театр, то ли в цирк. Настроение было прекрасное — еще бы, вместо скучной учебы — представление! Ехали весело. Когда поезд метро трогался, девчонки, сбивая друг друга как кегли, падали в одну сторону, когда тормозил — в другую.

Когда они вышли из вагона на станции "Маяковская", то столкнулись с туристами. Кажется это были немцы из ГДР. Иностранцы оживились и принялись раздавать пионерам значки. Сильверу достался самый красивый, сделанный в форме большого немецкого флага на постаменте. Другим тоже достались значки, но не такие красивые.

Этот значок Сильвер потом обменял на машинку парню-коллекционеру из соседнего класса, а машинку продал за огромные по тем временам деньги — пять рублей. Это ему понравилось и в следующий раз он уже целенаправленно отправился на промысел.

На вырученные за машинку деньги Сильвер накупил значков с Лениным и октябрятских звездочек. Но теперь он требовал за свой товар жвачку.

— Гив ми чуин гам!

Значки улетели за полчаса, удалой купец отправился домой с карманами, набитыми жвачкой. Спустя месяц после начала сезона внешней торговли его впервые замели, причем не где-нибудь, а возле мавзолея дедушки Ленина. Сильвера доставили в "Восемь — ноль", как в просторечье именовали отдел охраны Красной Площади.

— Куда его? — спросил милиционер дежурного.

— Сунь в обезьянник к убийцам, — ответил тот.

Сильвер похолодел. Он дал себе слово, что если сумеет выйти из отделения живым, то навсегда покончит с преступным прошлым.

Но все оказалось проще и смешнее. "Убийцами" на милицейском жаргоне именовались такие же как и он попрошайки-жвачечники, пристававшие к иностранным туристам. Поняв это, Сильвер, разумеется, тут же забыл о данном себе слове. Но первая получасовая отсидка не прошла для него бесследно. Здесь, в обезьяннике, он познакомился с Хорем.

Тот был старше его года на три. Кличку свою он получил от непомерной жадности. По бледному носу и бегающим глазкам Сильвер понял, что у Хоря неприятности.

— На, спрячь, — попросил тот Сильвера и протянул ему маленький бумажный сверток.

Сильвер не придумал ничего лучше как засунуть его в карман брюк. Через пять минут в обезьянник заглянул хмурый тип в штатском и обратился к Хорю.

— Вынимай все из карманов.

Хорь сделал плаксивую рожу и начал выкладывать на стол свою собственность. Ключи, деньги, грязный носовой платок.

— Штаны снимай, — велел тип в штатском.

Хорь поспешно скинул новенькие джинсы.

— Теперь носки, — продолжал опер.

Носки были модными, когда-то белыми, но невероятно грязными.

— Что, постирать некогда? — проворчал опер.

— А чо их стирать? — удивился Хорь. — Я неделю ношу, потом новые покупаю. И трусы тоже.

Трусы Хоря также не освежили затхлого воздуха. Видимо его недельный санитарный цикл подходил к концу.

Опер брезгливо оглядел шмотки задержанного, пошевелил их концом взятой у дежурного линейки и велел.

— Одевайся. А у тебя что? — сурово обратился он к Сильверу.

— Он жвачку выпрашивал, — поспешно вставил Хорь. — Он больше не будет. Он уже в комсомол заявление написал.

— Ладно, катитесь отсюда, — махнул рукой опер. — Кто следующий?

На улице Сильвер отдал Хорю сложенные бумажки. Тот поблагодарил и заверил.

— За мной не заржавеет!

И пропал надолго. Сильвер снова встретил его только через месяц возле гостиницы "Интурист". Они поздоровались как старые приятели.

— Как бизнес? — поинтересовался Хорь.

— Нормально, — отозвался Сильвер. — Слушай, мне тут один фирмач вместо жвачки доллар сунул. Не знаешь, что с ним делать?

Хорь нарочито громко зевнул.

— Понятия не имею. Вообще-то есть у меня один мужик знакомый, он эту фигню коллекционирует. Могу для него купить, — он порылся в кармане и достал из него газетную вырезку. — Так, почему нынче курс? Вот, смотри сам — за сто долларов США шестьдесят рублей семнадцать копеек. То есть шестьдесят копеек за доллар. Держи рубль. Кстати, если еще будут доллары, франки или марки, приноси.

— Марки? — удивился Сильвер. — Какие?

— Ну не почтовые, конечно, а бундесовые, — презрительно пояснил Хорь.

Но Сильвер пока ни долларами, ни марками не интересовался. От жвачки и значков он постепенно переключился на шмотки. Стал классическим фарцовщиком. Теперь он издали мог определить ценность иностранца, отличить "фирмача" из капиталистической страны от "вареного" собрата по социалистическому лагерю. Впрочем, некоторые соцстраны также были достаточно интересны. Например Польша. Поэтому Сильвер продолжал совершенствоваться в языках.

— Хцалбым буты, скафандэр, зэгарки и, конечно, джинсовы сподне! Иле то коштуе, яка ест цэна?

Купленный у иностранцев товар он сбрасывал, главным образом, на "Беговой". Попробовал появиться на "Кудринке", возле Планетария, но там его чуть не сдали милиции постоянные спекулянты. Хорошо еще, что, будучи человеком осторожным и опытным, товар он с собой не носил, а хранил в камере хранения городского трансагенства на "Улице 1905года".

К тому же прямо на его глазах разыгралась жуткая сцена. Возле комиссионного затормозило такси, из него пулей выскочил щуплый мужичонка в шикарной кожаной куртке и шмыгнул в дверь магазина. Но тут его перехватил такой же щуплый, но одетый попроще милиционер в штатском.

— А ну стоять! Управление спецслужбы!

И извлек из подмышки схваченной жертвы увесистый пакет. Тот был полон наручными часами. "Сейко", "Ситизен", "Ориент".

— Чье это? — грозно рявкнул страж.

— Не-не знаю, — промямлил задержанный.

— Ладно, разберемся! Следуйте за мной.

С этими словами милиционер с пакетом направился в сторону площади Восстания. За всю дорогу он ни разу не оглянулся. Владелец изъятого товара помялся. Жадность боролась в нем с осторожностью. Наконец здравый смысл победил. Ограбленный спекулянт свернул к планетарию и торопливой рысью скрылся среди построек астрономической площадки.

Сильвер невесело усмехнулся. Здесь места были заняты.

Его тоже не раз задерживали, но он всегда выходил сухим из воды. При покупке задержание превращалось в фарс. Менты тщательно перелопачивали изъятое у него барахло, составляли протокол, потом все возвращали и отпускали. То же получалось и при продаже. "Да продаю джинсы. Купил себе, но не подошел цвет, размер и так далее. Да, три пары. Почему человек не имеет права купить себе три пары джинсов? И все три не подошли". Снова составлялся протокол и его снова отпускали.

Чтобы сесть за спекуляцию, нужно было быть очень глупым или очень жадным. Один из коллег-приятелей Сильвера, фантастически талантливый спекулянт, пострадал из-за своих феноменальных способностей. У дверей гостиницы "Метрополь" он купил у иностранца джинсы за сто пятьдесят рублей, сел в такси и, даже не отъехав, тут же продал их водителю за двести двадцать.

Опера из отдела борьбы с мелкими кражами прихватили продавца-иностранца, который подтвердил сумму продажи, и таксиста-покупателя. Заработанные буквально за пять минут семьдесят рублей определили удачливому посреднику срок в три года лишения свободы.

Как-то Сильвера снова задержали вместе с Хорем в новой гостинице "Орленок". Тот сидел ни жив ни мертв. Опера в это время считали изъятую у него валюту — доллары и франки. Потом они несколько раз перезванивали во Внешторгбанк и уточняли валютный курс. Увидев их пасмурные лица, Хорь просто засиял от радости.

— Повезло тебе, — сообщил ему старший группы захвата. — Еще бы один доллар, и ты бы сел.

Когда их снова выпустили, Хорь пояснил товарищу.

— Понимаешь, если тебе вешают хомут а у тебя на кармане валюта, то твоя судьба зависит от ее количества. Если в переводе по курсу она тянет на двадцать пять рублей и меньше, за это полагается административный штраф. А если хоть на копейку больше, то это уже криминал и срок, причем не слабый. Кстати, тебе не надоело мелочевкой заниматься? Сколько можно в фарцовщиках бегать?

Сильвер удивился.

— А ты сам-то не фарцовщик?

— Я вальцовщик, — усмехнулся Хорь. — Валькой промышляю. Валютой, то есть.

— А что ты с ней делаешь?

— Продаю. Не в "Березке" же ее отоваривать. Лишний геморрой. Хотя есть и

такие любители. Я буду брать у тебя доллары "один к четырем". Фирма сдает "один к трем", а, если повезет, то и "один к двум". С сотни баксов — минимум сотня "деревянных" твоя.

— А если посадят? — скептически прищурился Сильвер.

— Что поделаешь? За риск и цена. Другие за сотню рваных целый месяц за станком горбатятся. Выбирай. К тому же, если не будешь дураком, то и не посадят.

Сильвер задумался. Через два дня он принял решение. Теперь в его иностранном словаре прибавилась еще одна интернациональная фраза:

— Чендж мани? Деньги меняем?

Хорь забирал у него валюту. Дело пошло семимильными шагами. Оперативников из спецслужбы, которые охотились за валютчиками, Сильвер вскоре узнал в лицо. Он никогда не зарывался. Если, делая заход на бомбежку очередной группы туристов, он замечал поблизости знакомую личность из "конторы", то тут же уходил и перебирался на другой объект.

Однажды Хорь предупредил его.

— У "Интура" теперь будь на стреме. Там один кент место застолбил. Грузин, зовут Нодариком. Он из спортсменов. Раньше у "Березок" чеки ломал, а теперь решил и валютой заняться.

— А что он мне сделает? — удивился Сильвер.

— Да ничего особенного. Разве что ноги повыдергивает, — просветил его Хорь. — Ему это как два пальца обсморгать. Здоровый мужик. Ты бы, Сильвер, тоже спортом занялся. Не повредило бы.

— Обойдусь как-нибудь и без твоего спорта, — буркнул в ответ Сильвер.

* * *

Но всерьез заняться спортом Сильверу все же пришлось. Причина тому была очень серьезная. Как-то на Беговой, где он по старой памяти промышлял фарцовкой, он пошел в кусты показать очередному "купцу" джинсы на продажу. В кустах его ждали трое друзей "купца". Оказалось, что ребята приехали из подмосковного города Люберцы, чтобы приодеться. И приоделись.

Одному подошла куртка Сильвера, другому его рубашка-батник, третьему приглянулись джинсы. Те джинсы, которые они сначала собирались купить, не подошли никому и они забрали их вместе с кроссовками Сильвера для еще одного друга, который остался дома. Часы и деньги они прихватили "до кучи".

После непродолжительной беседы с гостями столицы Сильвер вышел из кустов с разбитым носом, фонарем под глазом, одетый в рваную майку, застиранные треники и старые кеды. Спасибо, отзывчивые ребята оставили ему пять копеек на метро.

Тогда Сильвер вспомнил заветы старого друга Крюкова и записался в ближайшую секцию бокса. Он был длинный и тощий как жердь. Тренер это оценил.

— Староват ты, конечно, но, так и быть, возьму. Руки у тебя длинные, это хорошо. У меня по юношам в первой средней весовой категории человечка не хватает. Это до шестидесяти шести килограммов.

— Но я тяжелее, — испугался Сильвер. Во мне шестьдесят восемь.

Тренер нахмурился.

— Это уже вторая средняя. Там у меня и без тебя перспективный паренек имеется. Но это ерунда, вес мы тебе сгоним, — успокоил он. — Зато будешь

иметь преимущество в росте. Сейчас на повестке дня игровой, технический бокс, а не костоломы-нокаутеры. Это тебе говорю я, Маэстро.

Сильвер принялся упорно сгонять вес и тренироваться. На ринге за ним прочно закрепилась кличка Скелет. Длинные руки позволяли ему в бою держать противника на дистанции и набирать очки прямыми ударами. Так он одержал несколько побед. Тренер Маэстро расписывал головокружительные перспективы.

— Ты самый талантливый из моих учеников. Скоро окажешься в сборной.

Но на первенстве города Сильверу не повезло. Невысокий, крепко сбитый соперник прорвал его защиту, вошел в ближний бой и прямо-таки размазал его по канатам. Сильвер держался сколько мог, но рухнул за двадцать секунд до финального гонга.

— Тебе надо было записываться в школу бальных танцев! — презрительно сплюнул Маэстро и вышел из раздевалки, хлопнув дверью.

Он словно забыл, что сам же натаскивал Сильвера как "игровика", говорил, что главное — не удар, а техника и что противника надо обыгрывать по очкам. Позже Сильвер узнал, что у Маэстро появился другой перспективный ученик, сын спортивного чиновника.

А сейчас он сидел, тупо разглядывая облупившуюся кафельную плитку на противоположной стене. В этот момент дверь в раздевалку снова распахнулась и в нее ввалились возбужденные Крюк, Лях и Михалыч. Так они и встретились после долгой разлуки.

Увидев Сильвера в разобранном состоянии, они принялись его ободрять.

— Ты не бзди, — заверял его Лях. — Еще Мохаммеду Али навтыкаешь!

— Ну что, Михалыч, возьмешь пацана? — поинтересовался Крюков.

Старый тренер придирчиво и с неодобрением окинул взглядом тощего бойца. Потом проворчал.

— Ну ладно, приходи завтра в "Атлант". Знаешь где это? Будем из танцора делать бойца. Немножко мяса на костях тебе не повредит. Первая средняя — не твоя весовая категория.

— Переведете во вторую? — с надеждой спросил Сильвер.

Бесконечные сгонки веса утомляли его сильнее тренировок.

— Нет, — покачал головой Михалыч. — Ты прирожденный полутяж.

В спортзале, куда на следующий же день пришел Сильвер, его удивило большое количество тренажеров для культуристов. Впрочем, Михалыч не позволил ему увлечься накачкой мышц. Если другие пацаны часами нагружали бицепсы или "дельту", Сильверу приходилось до изнеможения рывками толкать вверх пятидесятикилограммовую, а потом и семидесятикилограммовую штангу, лежа на горизонтальной скамейке.

Тренировки также проходили теперь совсем по другому. Михалыч развивал в Сильвере резкость удара и взрывную силу. Для этого он заставлял его прыгать с отягощением на плечах, работать на тяжелом боксерском мешке с небольшими гантелями в руках и лупить огромной кувалдой по старым автомобильным покрышкам.

В полутяжелую весовую категорию Сильвер ворвался как метеорит. От его нокаутирующих ударов противники валялись как кегли. Он выигрывал одни соревнования за другими и на редкость быстро выполнил норму кандидата, а затем и мастера спорта. Бывший тренер, Маэстро, при случайных встречах

только скрипел зубами и проходил, не здороваясь.

На сборах Сильвер случайно познакомился с грозным Нодариком, Нодаром Картлишвили. Тот был борцом-классиком. Они быстро нашли общий язык и стали закадычными друзьями.

Однажды в жестком соревновательном спарринге Сильвер встретился с новым, перспективным учеником Маэстро. Тот был на голову выше, но вес у них оказался равный. По всей вероятности Маэстро и теперь продолжал держать курс на игровую манеру боя.

Сильвер выдал противнику длинную серию ударов в голову и корпус, в результате чего тот рухнул на ринг без признаков жизни. Маэстро выскочил из-под канатов и обрушил на бывшего ученика поток брани и угроз. На свою беду он не удовольствовался словами и попытался перейти к делу. Попытка ударить Сильвера закончилась для его бывшего наставника трагически. Теперь на ринге лежало двое — ученик и учитель.

За избиение тренера Сильвера с треском выгнали со сборов и дисквалифицировали на год. Нодарик хлопнул по плечу и презрительно усмехнулся.

— Плюнь на этих уродов. Не пропадем.

— Загляни ко мне через недельку, — буркнул Михалыч, провожая Сильвера в Москву.

ГЛАВА 6. КОМСОМОЛЬСКИЙ ОПЕРАТИВНЫЙ

Как-то в "Яме", что в Столешникове, куда Крюков иногда заглядывал попить пива с креветками, он снова повстречал Миню с Гриней. Они держались с видом заговорщиков.

Взяв по паре кружек и по тарелке креветок, они забились в дальний угол возле сортира.

— Есть одно место, — шепотом сообщил Крюкову Миня. — Зал для спецслужб, оборудован по последнему слову техники. Занятие ведет профессиональный диверсант.

— Вьетнамец? — припомнил Крюков старый разговор.

— Нет, наш, русский. Но приемчики знает — закачаешься. Одним пальцем убить может. Чувак молодой, но совершенно седой. Альбинос.

Тут в разговор вступил и молчавший до тех пор Гриня.

— Только чтобы у него заниматься, надо вступить в ОКОД.

— Куда? — не врубился Крюков.

— В ОКОД. Оперативный комсомольский отряд дружинников. Ты дружинник?

— Всегда! — щелкнул каблуками Крюков. — Какой только херней не приходится заниматься, чтобы попасть в приличный зал!

Они договорились встретиться через пару дней, чтобы отвести Крюкова к седому инструктору.

* * *

Генерал Степан Кузьмич Цыгун был приставлен самим генеральным секретарем КПСС к председателю КГБ Антропову не столько в должности заместителя, сколько в качестве шпиона. И в этой роли он чувствовал себя крайне неудобно. Он постоянно ощущал себя между молотом и наковальней. Кроме того, с работой секретного ведомства он был знаком разве что по фильмам о нелегкой судьбе резидента. Поэтому ощущал он себя в доме на Дзержинке чужим для всех.

Генералу Цыгуну как воздух была необходима своя команда. И набрать ее он мог только из числа перспективной молодежи, в первую очередь — выпускников институтов, не имеющих связей внутри секретного ведомства.

Одного из таких выдвиженцев он и вызвал сейчас в свой кабинет. Лейтенант Седой закончил спецфак Университета Дружбы Народов, в просторечье "Лумумбария". База спецфака находилась под Москвой, в поселке Новонагорное. Высокий бетонный забор, окружавший по периметру это сверхсекретное заведение, украшала сделанная местными юмористами и намалеванная аршинными буквами надпись: "Шпионская школа".

Фамилия нового помощника — Седой — до странности соответствовала его внешнему облику. Несмотря на молодой возраст, лейтенант был сед как лунь. Это позволяло ему легко менять внешность и видимый возраст. Он выглядел молодо, но, в то же время, солидно и импозантно. Из его личных качеств генералу Цыгуну больше всего импонировали исполнительность и инициативность лейтенанта.

Лейтенант Седой любил кабинет шефа, обставленный мебелью в стиле "сталинский ампир". Гигантский старый глобус в углу, на котором Советский Союз еще не включал в себя прибалтийских стран, а карта Африки пестрела

романтическими названиями "Бельгийское Конго", "Французское Конго", "Британская Африка", "Германская Африка".

Когда генерал впервые вызвал новичка в свой кабинет, тот просто не поверил в свое счастье. Такое сотрудничество обещало не просто радужные перспективы, но головокружительную карьеру. И это ему, человеку, не имевшему в Комитете ни родственных, ни иных связей.

Генерал говорил долго и, вроде бы, ни о чем. Наконец подошел к главному.

— Мы должны бороться за нашу молодежь, ведь это наши завтрашние кадры. С Запада идут гнилые поветрия — рокмузыка, модные тряпки, красивая жизнь. Теперь и с Востока завоняло. Мы со своей стороны, конечно, не будем долго терпеть и скоро прихлопнем все эти каратэ, кунфу и прочие восточные штучки-дрючки. Но в эти секции идут не хиппи, не стилиаги, а настоящие крепкие парни. Это наш контингент, и мы должны возглавить это движение. Главная задача на данный момент — создать на базе неорганизованных секций, пропитанных чуждой нам самурайской идеологией, комсомольские отряды, члены которых будут проникнуты патриотическим и коммунистическим сознанием. Вы сами-то, кажется, владеете этими самурайскими спецприемами?

— Так точно! Имею черный пояс.

Генерал припечатал кулаком лежавшие на столе бумаги.

— Вот и займитесь. Организационная и материальная помощь будет вам оказана. Только чтобы без поясов и поклонов, без всей этой восточной мистики и ритуалов. У нас же есть свои ценности. Что-то вроде волкодавов и чистильщиков. Помните, как там у Богомолова в "Моменте истины"?

— Так точно! — снова щелкнул каблуками Седой.

— Тогда действуйте.

* * *

Через пару дней Миня и Гриня, как и обещали, привели Крюкова в "закрытую" секцию.

Тренером был молодой парень, лет на пять старше Крюкова, но совершенно седой. На ум приходили стереотипы на тему выпавших на его долю страданий и приключений. Крюков ему даже позавидовал.

Сначала Крюкова и других вновь пришедших оформили и занесли в списки оперативного комсомольского отряда. Потом какой-то облезлый тип из райкома принялся рассказывать о сложном международном положении и задачах комсомола. Говорил он долго и, наконец, исчез, а вместо него на трибуну взобрался бородатый энтузиаст и понес околесицу об исконно славянских истоках рукопашных единоборств.

По нему выходило, что славяне, они же скифы, научили рукопашному бою греков. Александр Македонский занес это умение в Индию, а оттуда Бодхидхарма экспортировал их дальше, в Китай. И так далее. Докладчик провел параллели между танцевальными позами гопака и тренировочными движениями шаолиньских монахов. Выходило, что гопак гораздо древнее и является ровесником египетских пирамид.

Затем речь зашла о населявших территорию Советского Союза азиатских народностях. Оказалось, что это именно они разработали приемы борьбы без оружия, которые потом бессовестно присвоили себе китайские и японские милитаристы. Завершилась лекция рассказом о мастерстве советских НКВДшников.

ков из контрразведки СМЕРШ. Впрочем, на просьбу показать как правильно следует "качать маятник" лектор пробормотал что-то невнятное и исчез.

Зато практические занятия понравились Крюкову гораздо больше. Для начала седой тренер велел всем облачиться в легкие бронежилеты и закрытые боксерские маски. Потом он вызывал всех по очереди и проводил с каждым небольшой спарринг вполсилы, чтобы понять степень подготовленности ученика.

Крюков все свое умение демонстрировать не стал. Попрыгал немного, нанес пару пробных ударов с дальней дистанции, отбил атаку Седого. Тем не менее, когда они расходились в разные стороны, Крюков уловил вдруг цепкий как колючка репейника взгляд удивительно светлых глаз нового тренера.

Вскоре начались рейды и дежурства по линии ОКОДа. Крюкова зачислили в группу, где старшим назначили Гриню. Миня, разумеется, оказался с ними. Поначалу задания у них были — проще некуда. Они патрулировали улицы как обыкновенные дружинники, дежурили на дискотеках. Крюков подозревал, что все это ерунда и готовят их не для этого. И продолжал напряженно тренироваться.

Однажды их группу прикрепили к отделению уголовного розыска Павелецкой железной дороги. В дежурной части на вокзале веселый опер в штатском угостил их самодельными солеными сухариками и приступил к инструктажу.

— Работать будем в электричках на линии "Аэропорт" Домодедово — Москва". Наш объект — это карточные мошенники, так называемые каталы. Работать будем рано утром или поздно вечером. Практически ночью. Вы будете выступать в роли жертвы шулеров. Дело опасное. Вас будет прикрывать опергруппа, но урки есть урки. Могут и ножичком ткнуть. Возражений и отказов нет?

Возражений и отказов не было. Напротив, предложение не спать ночами и за бесплатно подвергать себя смертельному риску было встречено с большим энтузиазмом.

— Тогда немножко поучимся, — сказал опер и раздал карты. — Хорошо играть вы не должны, но уметь играть обязаны. Причем во все основные игры. Очко — это просто. Главное — запомнить какая карта чего стоит. "Сика" и "бура" сложнее. "Бура" обычно используется как затравка к "сике".

— Скажите, "сика" — это что-то вроде "покера"? — поинтересовался Миня.

— Таких тонкостей вам знать не надо, — возразил опер. — Ваша задача — разыгрывать из себя лоха, лопуха. Вы должны дать втянуть себя в игру. Остальное сделают за вас.

В почти пустой вагон электрички Крюков ввалился с тяжелым чемоданом, на котором виднелась приклеенная квитанция аэропорта. Он взгромоздил чемодан на полку и уселся на свободное сиденье. Не успел пригородный поезд тронуться, как напротив Крюкова приземлился бородач в очках интеллигентного вида.

— Не возражаете, если я здесь присяду, молодой человек?. Благодарю. Время позднее, вагон пустой. Всякое может случиться, а вдвоем спокойнее. Вы в Москву?

— Угу, — кивнул Крюков. — В техникум поступать. Кулинарный.

— А жить есть где? — выразил озабоченность интеллигент. — Сейчас жилье снять очень дорого. Вы же, поди, дочку Рокфеллера не трахаете.

— Нет, только собираюсь, — согласился Крюков. — Но денег на первое время должно хватить.

И он похлопал себя по карману куртки.

Собеседник вроде бы успокоился, положил на колени свой кейс и принялся раскладывать на нем так и этак колоду карт. Заметив внимание Крюкова, улыбнулся.

— Я знаете ли, большой любитель пасьянсов. А вы, молодежь, поди азарт предпочитаете?

Крюков в ответ неопределенно пожал плечами. Сосед какое-то время подчеркнуто неумелыми движениями тасовал колоду, потом предложил.

— Ну что, может быть скоротаем дорожку? Скатаем... То есть сыграем? Нет, не на деньги, конечно. Вот, на спички. По коробку на кон. Хе-хе! В сичку на спички!

Крюков снова пожал плечами. Собеседник воспринял это как знак согласия. Он перетасовал колоду и предложил Крюкову снять. Затем сдал по три карты.

Ставки быстро росли. Когда Крюков выиграл тысячу коробков спичек, интеллигент протянул ему красную десятирублевку.

— Прошу принять в эквиваленте.

Тут на остановке к ним подсел военный морячок в звании мичмана. Нос моремана отливал красновато-синими прожилками. Вероятно он нес службу на Северном флоте. Он попросился в игру и его приняли. Играть втроем было гораздо веселее. К тому же мичман постоянно спорил с интеллигентом, тот горячился и оба постоянно обращались к Крюкову как к арбитру.

Наконец ставка достигла фантастической суммы — в сто тысяч коробков. В переводе на деньги это означало тысячу рублей. "Жигули" в то время стоили шесть тысяч.

Интеллигент буркнул:

— Я пас.

Мореман удвоил ставку и предложил Крюкову вскрыться. У обоих число очков оказалось равным. Вышла "свара", но не успели они бросить карты, как в вагон с двух сторон ворвалась бригада оперативников.

— Вот это называется "перетемнили", — процедил сквозь зубы мичман, обращаясь к интеллигенту, и сплюнул на пол. — Говорил тебе, не надо тянуть.

Затем он обратил свой сизый нос к Крюкову.

— А с тобой, сученок, расчет впереди.

— Ладно, топай, — толкнул его в спину один из оперов.

Как ни странно, денег при мошенниках не нашли. Вероятно они успели их незаметно сбросить. Сыщики облазили на карачках весь вагон, но все безрезультатно. Задержанных доставили в отдел и занялись их оформлением.

Ближе к рассвету, подписав все положенные протоколы, Крюков направился домой. Когда он вышел на улицу, ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Оглянулся — никого.

Метро было закрыто, поезда еще не ходили. Крюков вдруг обнаружил, что за тревожными ночами совершенно забыл о естественных потребностях. Сейчас его так и подмывало справить малую нужду. Подходящее место он нашел между глухой стеной дома и высоким забором.

Изготовившись произвести мочеиспускание, он вдруг обнаружил, что не

одинок. Вслед за ним за забор завернул невзрачный тип. Крюкову показалось, что он уже видел его, когда садился в электричку в Домодедове.

Незнакомец воровато оглянулся и неожиданно ринулся на Крюкова. В рукаве его пальто сверкнул клинок не то ножа, не то бритвы.

Драться с полным мочевым пузырем — серьезное испытание. Крюков пропустил первый удар и едва не поплатился за это жизнью. Острые вспорол куртку, правда самого Крюкова не задело. Он перехватил вооруженную руку налетчика и ударом в локоть парализовал ее. Затем с яростью принялся наносить удары коленом в лицо и живот согнутого противника. После пятого или шестого удара тот рухнул на кучу мусора.

Крюков, пошатываясь, отошел в сторону. Посмотрел на прореху в куртке. Нож бандита рассек ее в районе пояса. Ничего, если аккуратно зашить, будет незаметно. Крюков задрал полы, чтобы получше рассмотреть разрез и вдруг почувствовал, что в расстегнутую ширинку ему задувает пронизывающий ветер. В горячке боя он даже не успел спрятать свой "надменный член, хозяйство роковое, излишнее почти во всяком бое".

А если бы нож прошел чуть ниже?!!! Вот так бы чиркнул — и все перечеркнул. Всю жизнь! В молодые годы многим свойственно путать детородную функцию со смыслом жизни. Крюкову стало плохо.

Хорошо ему стало дома, когда он обнаружил в кармане куртки пачку денег. Что-то около пяти тысяч рублей, незаметно засунутые туда кем-то из его карточных партнеров перед обыском.

* * *

Сыщики узнали о нападении на Крюкова. После этого начальник розыска долго пил валидол. За такую инициативу он запросто мог лишиться погон. Он приказал немедленно свернуть программу привлечения добровольных помощников.

После этого их перебросили на фронт карманной кражи. Крюков ездил в троллейбусах и автобусах вдоль Кутузовского проспекта и других центральных магистралей столицы и выступал в роли свидетеля карманных краж, поскольку найти настоящих свидетелей было весьма затруднительно. Люди боялись, да и увидеть сам момент кражи мог разве что специалист. Приходилось и сброшенные кошельки в карманы крадунам засовывать, пока опера держали их за руки. А потом самому же в роли понятого свидетельствовать, что кошелек все время находился в кармане похитителя и был извлечен из него на твоих глазах. И снова тренировки до седьмого пота в прекрасно оборудованном спортзале.

Когда Седой после одной из тренировок вызвал к себе Миню, Гриню и Крюкова, тот понял — начинается главное. И не ошибся.

— Я хочу направить вас в группу повышения квалификации, — сообщил им Седой. — Вас будут готовить для наружного наблюдения. А это основа практической оперативной работы.

И Крюков принялся учиться "сидеть на хвосте". Самым главным было умение вести объект так, чтобы тот об этом не подозревал.

— Ни в коем случае не тащись за ним следом, — наставлял Крюкова старый отставной сыщик, приглашенный в качестве инструктора. — Ты должен менять позицию. Идешь следом, обогнал, прошел навстречу или пропустил мимо себя. И все естественно. Никаких темных очков, приклеенных бород или

смены шапки на кепку. Если объект имеет глаза, он сразу врубится, что перед ним один и тот же дурак, который меняет внешность.

— А как же быть? — не понял Крюков. — Если я не буду менять внешность, он меня скорее вычислит.

— Ты должен быть незаметным. Ни в лице, ни в одежде — ни малейшей зацепки. В этом и есть талант и высокое мастерство наружника. Чтобы на тебя в упор смотрели и не видели. И еще. Менять нужно не внешность, а манеру поведения. Прошел торопливо, в следующий раз иди вразвалочку. Пристроился к девкам — держись гоголем, а за старушку спрятался — вроде дорогу ей помогаешь перейти — сам согнись в три погибели. И ни в коем случае не проявляй внимания к объекту. Учись смотреть боковым зрением. А если вдвоем или втроем пасете, то вообще в сторону объекта смотрит только один. Тут без радиосвязи никак не обойтись.

Старик учил Крюкова как обходить углы, как действовать если тебя раскусили и во многих других случаях. В качестве тренажера использовалось, главным образом, здание ГУМа и метро. Наставник нырял в толпу, а студенты старались не потерять его из виду и при этом не попадаться ему на глаза. Кроме того, они должны были тщательно собрать незаметно сброшенные им в процессе тренировки улики — сложенные газеты, пустые сигаретные пачки и спичечные коробки.

Иногда Крюков задавался вопросом — а на хрена ему это надо. Не собирался же он и в самом деле идти работать в ментовку. Все-таки мальчик из хорошей семьи. Правда, окончив школу, в университет он не попал. Завалил английский. Влиятельный друг семьи, который курировал его поступление, заламывал руки от отчаяния.

— Ну хоть бы на тройку сдал! Остальное мы бы как-нибудь утрясли.

Мама ужасно расстроилась, а отец, вроде, даже обрадовался.

— Ничего. Сходит в армию, повзрослеет, поумнеет. Это физикам-теоретикам спешить надо. У них пик таланта приходится на двадцать лет. А гуманитарий зреет медленно. Так что иди, зрей, говнонитарий.

И скрылся в своем кабинете.

В армию, так в армию. А что для армии главное? Правильно — физическое развитие. Поэтому Крюков целыми днями пропадал в спортзале, отвлекаясь иногда на мероприятия, организованные Седым.

* * *

В тот вечер они собрались в штабе дружины на Калининском проспекте. Задание было несложным — дежурить в местах общепита. К таковым относились кафе "Бирюса", "Ангара", "Октябрь" и, конечно, рассадник разврата — "Метелица" или проще "Метла". Крюкова отправили в "Метлу".

Он еще в вестибюле заметил крепких ребят в рубашках с очень короткими рукавами, застегнутых до самой верхней пуговицы. Тесный воротник и рукава в обтяжку по всей видимости должны были подчеркивать толщину шеи и бицепсов собравшихся крепышей.

— Что за придурки? — поинтересовался Крюков у буфетчика.

— Шпана из Люберец, — ответил тот. — Уже не первый раз тут кучкуются. Они сюда ходят с хиповьем и панками драться. Сегодня их что-то особенно много.

Крюков поднялся наверх. Здесь тоже крутились люберецкие крепыши.

Крюков отошел в угол. Тут его окликнули.

— Крюк! А ты что тут делаешь?

За столом в углу сидели Сильвер и какой-то тип с крысиным личиком. Сильвер поднялся. Они с Крюковым обнялись.

— Знакомься, это Хорь, — представил Сильвер крысopodobного парня. — Слушай, Крюк, ты мне не поможешь липовую работу найти? А то я в вечернюю школу записался. Аттестат мне обеспечен, но им нужна справка с работы.

— А ты поговори с Михалычем, — посоветовал Крюков. — Заодно и тренироваться будешь без отрыва от работы.

Хорь тем временем отошел справить малую нужду. Возвращаясь обратно, он наткнулся на похожего на шкафа амбала. Тот сильно ткнул валютчика в плечо.

— Куда прешь, спекулянтская рожа? Людей не видишь?

— Извините, — буркнул Хорь.

Возмущаться было равносильно самоубийству. Но и подчеркнуто мирное поведение не спасло валютчика.

— Ты что же, гад, извиняешься, а рожу такую недовольную сделал, будто тебя кто-то обидел! — прорычал громила.

— Еще раз извините, — Хорь заставил себя улыбнуться.

— Так ты, сука, еще и зубы скалишь!

И громила с плеча засветил Хорю кулаком между глаз. Тот улетел к стене, сметая по дороге столики вместе с посудой.

— Ну вот, началось, — с неудовольствием отметил Крюков. — Гляди, Сильвер, твоего друга Хоря уже метелят. Впрягаемся?

— Да уж, раз пришел в "Метелицу", так давай метелиться, — согласился Сильвер. — Но вообще-то я бы моему другу и сам навесил. Но ничего не поделаешь. Поехали драться.

Он рывком поднялся с места и одним прыжком подскочил к гиганту. Пока тот замахивался, Сильвер провел ему серию ударов по печени и прочей требухе. В лицо бить не стал из благодарности. Ему и самому давно и сильно хотелось вмазать Хорю, да все как-то не находилось повода.

Драка между тем приобретала все более массовый характер. На гиганта надели обиженные посетители кафе, которым Хорь, пролетая, посшибал столики с харчами и выпивкой. Друзья амбала тут же пришли ему на помощь. И завертелась веселая карусель!

Дружинники из команды Крюкова предусмотрительно держались в стороне. Сам же он метнул в гущу сражения кувшин с фирменным напитком и принялся отлавливать нарушителей порядка на периферии поля битвы.

Неожиданно Крюков почувствовал, что его тянут за рукав. Он едва не врезал на запах, не глядя. Но удержался и правильно сделал, потому что тянул его неизвестно откуда появившийся тут Миня.

— Пошли скорее со мной, — зашептал он. — Там понятые срочно нужны. В квартире обыск.

Отряхиваясь и отплеываясь, Крюков неохотно последовал за приятелем. Обидно было оставлять битву в самом разгаре. Но ничего не поделаешь, Миня плохого не предложит. Идти пришлось недолго. Нужная им квартира располагалась в новом кирпичном доме на углу старого арбатского переулка.

Лифт был занят. Поднимаясь за Миней на четвертый этаж по лестнице, на площадке между третьим и четвертым этажами Крюков увидел странного типа. Судя по внушительному носу, он принадлежал к народам, населяющим Кавказский хребет. Щеку незнакомца пересекал глубокий шрам. На вид незнакомец выглядел настоящим убийцей.

В дверях их встретил парень с оттопыренными ушами, которые не могли скрыть даже длинные волосы. Он велел следовать за ним. Квартира была очень большой, комнат из четырех. Пожилая хозяйка и женщина помоложе, вероятно ее дочь, сидели в гостиной. Обе были бледны и растеряны. Обыск проводил молодой чернявый парень в милицейской форме. Крюкову он показался даже слишком молодым для погон капитана. Ему помогали двое в штатском. Они извлекали из ящиков и шкафов различные вещи, среди которых было немало ценного.

Стену комнаты украшал портрет очень известного народного артиста, умершего несколько лет назад. Судя по всему, квартира, в которой шел обыск, и изымаемые ценности принадлежали его растерянным наследницам — вдове и дочери.

— Эй, Чингиз, тут понятые... — начал было тот, кто привел Крюкова и Миню, но прикусил язык и поправился. — Товарищ капитан, понятые пришли.

— Присядьте за стол и смотрите внимательно, — распорядился тот, кого называли Чингизом. — Здесь происходит обыск. Все изымаемые при обыске ценности вносятся нами в опись...

Он не успел договорить. В этот момент дверь в квартиру распахнулась и в нее ворвались люди в милицейской форме и в штатском.

— Не двигаться, уголовный розыск!

На чернявого набросились трое и скрутили его в один миг. Двоих его помощников постигла та же участь. Чингиз презрительно сплюнул.

Когда милиционеры подскочили к Мине он вдруг заверещал пронзительным голосом.

— Я не понимаю, что здесь происходит! Нас пригласили сюда понятыми! Вот и женщины подтвердят.

После этого он и Крюков поднялись и проследовали за милиционерами.

Миня наклонился к Крюкову и прошептал:

— О Седом ни слова. Он нас сам вытащит. Мы просто понятые. Шли мимо, нас попросили.

— Кто попросил? — так же шепотом пошутил Крюков. — Тот грузин со шрамом, который на лестнице стоял?

Миня вдруг не на шутку перепугался. Даже губы задрожали.

— Ты что, сдурел? — зашипел он. — Не было там никакого грузина. Понял? Повтори, понял?

— Да понял, успокойся, — Крюков был сильно удивлен такой реакцией. В то же время он понял, что Миня знает гораздо больше, чем говорит. И что с работой в ОКОДе пора завязывать.

В отделении милиции Крюков предъявил удостоверение дружинника.

— А как же ты к бандитам попал? — удивился следователь.

Крюков кивнул на Миню.

— Мы с другом возвращались из кафе. Нас остановил человек, ушастый такой, представился сотрудником милиции и предложил стать понятыми. Мы

согласились и поднялись за ним в квартиру.

Он ждал, когда приедет Седой и все объяснится. Но тот так и не появился. Это было немного подозрительно. И Крюков дал себе слово обязательно во всем разобраться.

* * *

Спустя неделю Крюков и неразлучная пара — Миня и Гриня — получили новое задание. Они должны были следить за подъездом дома на набережной возле Киевского вокзала и фиксировать всех входящих и выходящих. Крюков вызвался дежурить первым и в течение двух с лишним часов старательно фотографировал фотоаппаратом с длиннофокусным объективом жителей подъезда и их гостей.

Погода стояла промозглая и он изрядно продрог. Каково же было удивление Крюкова, когда он увидел идущего по набережной в его сторону Ляха.

— Эй, театр, далеко собрался?

— А ты что тут делаешь? — удивился Лях.

— Сижу в засаде, тебя поджидаю, когда на дело пойдешь — сострил Крюков, не догадываясь, насколько он был близок к истине.

В это время с другой стороны показалась смена — Миня и Гриня. Оба выглядели сытыми и довольными. Им за дежурства в ОКОДе шли отгулы.

— Ну как, много наспионил? — спросил Гриня.

— Так, есть кое-что, — Крюков сунул ему в руки фотоаппарат. — Я тут друга встретил. Так что вы заступайте на пост, а мы пойдем в тепле посидим. В КПЗ. Седому потом сам доложишь.

Они прошли дворами к бульвару, перешли дорогу и оказались в КПЗ. Так в народе называли Киевский пивной зал из-за его соседства с Киевским же вокзалом.

В зале было тепло, даже душно. Крюков с Лешкой взяли по паре кружек пива, по тарелке креветок и забились в угол. Поблизости шумела компания молодежи. Были они сильно пьяные, нечесаные, одетые в черную кожу и увешанные металлическими побрякушками.

— Может найдем место потише? — предложил Крюков.

— Нет, — возразил Лешка. — Я хочу рассказать тебе кое-что интересное, а так меньше шансов, что нас подслушают.

Они осушили по кружке и принялись щелкать креветки. Наконец Лешка спросил.

— Скажи честно, кого вы там пасли?

Крюков задумался.

— А ты куда шел? — спросил он в свою очередь.

Лешка назвал номер дома.

— А подъезд?

Лешка ответил. Это был тот самый подъезд, который отслеживали Крюков и его соратники.

— Точно не знаю, но может быть мы пасли тебя, — предположил Крюков. — К кому ты шел?

Лешка неопределенно пожал плечами. Отвечать ему не хотелось.

— Так, к одной подруге детства. Предупредить хотел.

— О чем?

Лешка еще немного помялся.

— Собственно, я с тобой об этом и хотел поговорить. Знаешь, что-то странное сейчас стало творится. Я тебе рассказывал, что подламываю квартиры. Моя работа тихая и аккуратная. А тут уже не первый раз слышу — в наглуую хаты кидают, причем давно. В основном евреев, которые на выезд документы подали. А теперь и до артистов добрались и прочих деятелей, у которых антиквариата полно. И разгоном не брезгают.

— Что такое разгон?

— Когда на дело идут в ментовской форме. А это уж совсем впадлу. Кстати, в двух случаях хозяев квартиры завалили наглушняк. Говорят, у них забойщиком грузин. Кликуха — Квали. В переводе на русский значит "шрам".

— Шрам, говоришь? — нахмурился Крюков. — Кажется я попал в говно.

— Мужик, поделись пивком!

К соседнему столику, за которым тихо квасили несколько солидных мужчин, подвалил сопливый юнец в черной коже и ухватил со стола сразу две полных кружки.

— Куда?! — заорал было тот, кто находился ближе всех к похитителю.

— Понял, не хочешь. А зря.

Сопляк с удрученным видом поставил кружки на стол и без размаха, но резко ударил ближнего своего в челюсть. Тот схватился за подбородок и медленно сполз на грязный пол. Металлист снова ухватил кружки и потащил их к своему столу. Соратники приветствовали его радостным гоготом. Ограбленные позорно молчали, пытаясь помочь подняться избитому.

Ободренный успехом победитель плюхнул добычу на стол, орлиным взглядом окинул помещение и направился грабить новые жертвы. Ближе других оказались Крюков и Лешка.

— О нет, ну почему снова я? — заныл Крюков.

— Ты о чем? — Лешка стоял спиной к сцене и не видел разыгравшейся трагедии.

Черный стервятник решил провести обманный финт. Он сделал вид, что проходит мимо, потом резко метнулся к столу, за которым Лешка готовился продолжить свой рассказ. Но Крюков был на страже. Он подпустил противника на расстояние вытянутой ноги и тут, не оборачиваясь, лягнул его в пах.

Удар был так силен, что отбросил незадачливого крадуна на несколько метров, прямо на стол его собутыльников. Крюков не стал упускать инициативу. Он испытанным приемом швырнул одну за другой пустые кружки в смешавшегося противника и потащил Лешку на выход.

— Пошли на воздухе добазарим.

Из кучи выбрался один из облаченных в черную кожу и с диким визгом бросился на Крюкова, размахивая тесаком приличных размеров. Тот подхватил со стола одну из полных кружек, плеснул нападавшему в лицо, а потом заехал доньшком прямо в лоб. Больше преследовать их никто не осмелился.

* * *

Детско-юношеский спортивный клуб "Атлет" принадлежал нищему обществу "Спартак" и располагался в старинном, много раз перестроенном соборе. Узенькие окошки в толще стен пропускали так мало света, что свет в залах горел даже днем. Залов было три: боксерский, борцовский и для занятий штангой. Последний постепенно заполнился невиданными раньше, по большей части самодельными, тренажерами для накачки мышц.

Сильвер постучал в дверь с надписью "Директор ДЮСШ".

— Входи, кого там принесло? — негостеприимно отозвался голос хозяина кабинета.

Сильвер вошел.

— А, это ты, — в голосе директора не было слышно радостного энтузиазма. — Хреновые, Гена, у тебя дела. Наше спортивное начальство на тебя сильно взъелось за тот случай с избиением тренера. О восстановлении и речи быть не может.

— Я не за этим, — успокоил Михалыча Сильвер. — Мне для вечерней школы справка нужна с места работы.

Михалыч развел руками:

— И насчет работы ничем помочь не могу. Была тут одна непьющая должность, директорская. Так я сам на ней сижу, — пошутил старик. — Есть у меня, правда, полставки сторожа, но я их уборщице доплачиваю.

— Денег мне не надо, я работать не собираюсь, разве что иногда потренироваться зайду. А денег я и сам доплатить могу.

Тренер заинтересованно усмехнулся.

— Тогда какой разговор! Справку оформим. Оно, конечно, не трудно, но хлопотно...

— Хлопоты оплачиваю по отдельной графе, — предложил Сильвер.

Михалыч просиял:

— Ловлю на слове. Мне-то самому ничего не надо, а вот инвентарь — сам видишь — пообносился. Перчатки, мешки, груши — все по много раз латанное — перелатанное. Посильнее ударишь — опилки летят и песок сыпется. В магазинах сейчас инвентаря всякого — завались. Но только за наличные, по безналу ни шиша не дают.

Сильвер хлопнул тренера по плечу.

— Нет проблем, Михалыч, едем хоть сейчас. Заодно и бумажки подпишем.

По дороге Михалыч оживленно вещал:

— Вот в борцовский зал ковер бы еще обновить, а то дзюдоисты на матах тренируются — вата совсем свалялась. Тут в "Динамо" два татами прямо из ФРГ завезли. Их в Киев для соревнований купили, а менты перехватили.

Сильвер охладил его пыл.

— Хорош, Михалыч, имей совесть. Размечтался.

Но про себя подумал, что неплохо было бы натянуть мусорам нос. Вечером он позвонил Нодарику. Через неделю в борцовском зале лежал новенький ковер-татами из зеленых прямоугольников. Михалыч выглядел самым счастливым человеком на свете.

ГЛАВА 7. ТУЧИ НАД "РОССИЕЙ"

Седой постучал в дверь и вошел.

— Разрешите?

В кабинете генерала Цыгуна работал телевизор. В новостях освещался визит в Советский Союз чемпиона по боксу среди профессионалов и борца за дело мира Мохаммеда Али.

Правда еще недавно все советские газеты писали, что он просто дебил и хулиган. Но после отказа от службы в армии придурок и бандит вдруг превратился в посла мира для всего прогрессивного человечества и стал лучшим другом советских физкультурников. Чемпион широко улыбался во весь экран и заявлял:

— В Америке я слышал только ложь о Советском Союзе. Я думал, что увижу злых уродов с винтовками и автоматами, но вместо этого встретил прекрасных людей, составляющих миролюбивое общество. Здесь нет насилия, суеты, ненависти...

Генерал убрал звук. Он выглядел усталым.

— Входи, старший лейтенант, — пригласил он. — Замотался я как собака. Достал этот негритос, — генерал кивнул на экран телевизора. — Его убить проще, чем охранять. Представляешь, приспичило ему, козлу, утренние пробежки делать по Красной площади. Если так пойдет, скоро перед мавзолеем каток устроят. Каждое утро до скандала доходит. Скорее бы этот Мохаммед Али дальше в Ташкент ехал к своим мусульманам. Баба с возу... Я вчера документы подписал, к капитану тебя представил. Так что оправдывай оказанное доверие. Докладывай, что у тебя по литерному делу "Семья"? Генеральный секретарь от меня каждый день отчеты требует.

Седой подтянулся.

— Пока ничего нового. По восемь групп в смену работают. Основные проблемы связаны с объектом "Дочь". Вокруг Галины Леонидовны крутятся очень подозрительные, я бы сказал, криминальные типы. Один этот циркач Петрос Григорян чего стоит!

— Он не циркач, а эстрадник, — поправил генерал. — Может быть добавить тебе людей?

— Думаю, этого пока достаточно. Мы взяли в разработку актрису Зою Федотову. Она является важной связью между объектом "Дочь" и преступными элементами. Но наверх докладывать пока рано. Разрешите провести дополнительную проверку?

— Не просто разрешаю, а приказываю! Но проверка должна быть очень тщательной. Если что не так — головой ответишь. А теперь слушай новое задание. Слушай внимательно, никаких записей. Разговор этот сугубо конфиденциальный. Как ты знаешь, существует секретный приказ председателя КГБ приступить к разработке случаев коррупции в верхних эшелонах партийного и хозяйственного руководства. Заговорались, сучьи дети, в конец обнаглели! Мы должны вскрыть механизм незаконного обогащения отдельных руководителей, потерявших партийную совесть. Но для этого нам необходимо иметь точные данные. Ты ведь принимал участие в подготовке операции "Исход"?

Седой кивнул:

— Так точно, товарищ генерал. По информации Пятого управления наш отдел разрабатывает лиц еврейской национальности, живущих на нетрудовые доходы и подавших заявления на выезд в Израиль. Мы выявляем тех, кто собирался вывезти за рубеж значительные ценности и путем квартирных краж и грабежей изымаем их. Для этой цели активно задействуем нештатных помощников и общественников из числа активной молодежи. Наш резерв, так сказать.

Генерал оперся на лежавшие на столе бумаги, усиливая тем самым весомость своих слов:

— Сейчас от тебя требуется не изъятие, а только разведка. Грабежи исключаются. Нужно организовать серию краж у наших партийных князьков. Причем таких краж, чтобы и сама жертва не догадалась, что ее обокрали. Есть у тебя такой специалист?

Седой задумался. Работа требовалась тонкая, дуболомы из банды арестованного милицией Чингиза для нее явно не подходили.

— Нет, — признался он. — Правда есть один классный мастер, квартирный вор по кличке Призрак. Но он, по нашим сведениям, в последнее время отошел от дел.

Генерал раздраженно скомкал сигарету. Он все время забывал, что бросает курить.

— Тогда сделайте так, чтобы он вернулся! Как там у них по фене это называется? Бегать, скакать! Как угодно сделай, но он должен снова начать воровать. Кроме того, должны же у него быть дети, друзья, ученики, в конце концов. Короче, иди и работай! Кто у нас на связи с агентурой?

— Майор Васин. Старый опер, проверенный. Одно плохо, не наш человек. Он — креатура Антропова.

— Придется с этим мириться. Используй его втемную и больше никого в операцию не посвящай. Главное в этом деле — секретность! По моим сведениям министр внутренних дел Челокhov приказал создать на базе Управления специальной службы МВД отдел разведки. Базируется он в западном крыле гостиницы "Россия" на одиннадцатом этаже. Надо подумать, что с этим делать. Но что-то делать обязательно придется.

На экране телевизора Мохаммед Али посещал детскую спортивную школу на окраине Москвы. В огромных трусах типа наших "семейных", только не в цветочек, а белоснежных, он порхал по рингу. Его партнером был какой-то жилистый парень, вероятно тренер детской секции.

Оба бойца старательно делали вид, что мутузят друг друга всерьез. Наконец, к восторгу детишек, после очередного легкого крюка в голову, чемпион мира среди профессионалов, легендарный Мохаммед Али вдруг упал и остался лежать.

Юные спортсмены самозабвенно орали от счастья. Тут чемпион мира, счастливо улыбаясь во все свои сорок четыре негритянских зуба, вскочил на ноги, подпрыгнул и высоко задрал руку своего "победителя". Тот выглядел смущенным.

Седому его лицо показалось знакомым. Он напряг свою фотографическую память, абстрагировался от ринга, трусов и прочих внешних атрибутов и тут же вспомнил парня. Фарцовщик, подозревается в незаконных валютных операциях. Кличка Сильвер. Вращается в компании Нодара Картлишвили.

Другое лицо, маячившее возле ринга, заинтересовало Седого еще больше. Он снова пролистал картотеку в своем мозгу. Так, Воронцов Алексей, связь фигуранта, о котором только он что говорил — квартирного вора Призрака. Именно эти парни могли идеально подойти для новой операции. И еще тот наивный дурачок-энтузиаст из комсомольцев по фамилии Крюков.

* * *

Незадолго до этого в час, когда, по определению Винни-Пуха, обед давно кончился, а ужин еще и не думал начинаться, в пустом и полутемном зале закрытого на технический перерыв ресторана "Метрополь" собирались любители кофе. Люди это были разные, но непростые. Во всяком случае такие, кто мог свободно пройти в зал закрытого ресторана через гостиницу, минуя бдительного как пограничный пес швейцара, и получить в служебном буфете чашку настоящего "эспрессо" за свои трудовые, мозолями заработанные, двадцать копеек.

Для выходов в свет Лях прикупил по случаю у знакомого спившегося артиста костюм "от Поля Мориа", чей оркестр недавно гастролировал в Москве. В комплект входили приталенный пиджак с огромными лацканами и широчеными плечами, а также брюки клеш, имевшие в ширину сантиметров тридцать. Не исключалось, что костюм и в самом деле был куплен или украден у кого-то из оркестрантов. А, может быть, и у самого великого маэстро.

Благоухающий и элегантный, Лях не глядя прошел через вестибюль гостиницы, махнув знакомому швейцару. В зале было по обыкновению полутемно и прохладно, но при этом как-то по особенному тихо.

Лях не сразу понял, в чем дело. Он по привычке прошел в свой угол и тут увидел одного из собратьев по клубу любителей кофе, переводчика Яна. Тот сидел в обществе огромного скучающего негритоса и, увидев Ляха, махнул ему рукой. Лях подошел к их столу, поздоровался и присел.

— Тебя давно не было видно, — поприветствовал его Ян. — Знакомься, это Мохаммед Али, — представил он своего собеседника.

Лях глазам своим не поверил. После нескольких дежурных фраз приветствия Ян спросил его, где он сейчас работает. Тут Лях и вспомнил о своем обещании, данном Сильверу. Лях не стал вдаваться в подробности и сказал Яну, что трудится тренером по боксу в детской спортивной школе. Когда Ян перевел это чемпиону, тот очень оживился.

— Он хочет к вам заехать, — перевел слова американца Ян. — Посмотреть как тренируются будущие олимпийцы.

— Запиши — клуб "Атлет", — отозвался Лях.

На следующий день к ужасу Михалыча Мохаммед Али в сопровождении толпы КГБшников и телевизионщиков приехал в клуб. Он осмотрел залы и провел несколько показательных однораундных боев с тренерами. А Сильверу он устроил полный триумф, изобразив нокаут. Тут-то и попались Сильвер с Ляхом на глаза телезрителям, а заодно и Седому.

Вечером того же дня Мохаммед Али снова сидел в ресторане "Метрополь" в компании Ляха и переводчика. Чемпион ждал вызова в Кремль и от нечего делать расписывал белую скатерть автографами.

Наконец от входа к ним чуть ли не бегом устремился очень солидный человек с криком:

— Скорее, Леонид Ильич уже ждет!

— Оставайтесь здесь, мы ненадолго, — предложил через переводчика Ляху американец.

Из подсобки примчалась заместительница директора и, оглядев стол, зашипела на переводчика как гусыня.

— Ян, твой черномазый хулиган скатерть испортил!

— Не волнуйтесь, я ее куплю, — успокоил ее Лях. — А пока принесите еще кофе, я у вас тут долго сидеть буду.

Мохаммед Али вернулся спустя два часа. Войдя в зал он высоко задрал над головой левую руку, украшенную подарком генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева — золотыми часами марки "Полет".

— Я встречался с великим человеком! — орал чемпион по-английски на весь зал. — Великий человек подарил мне эти часы!

В тот вечер непобедимый боксер был нарасхват. Чтобы не мешать атаковавшим его журналистам, Лях перебрался за соседний столик. Неожиданно над самым ухом он услышал тихий голос.

— Если не хочешь иметь лишних проблем, через полчаса жду тебя возле выхода из ресторана.

Лях оглянулся, но увидел только спину удалявшегося человека. На всякий случай он взглянул на часы. Выйти или не стоит? Приглашение могло оказаться ловушкой. Подумав немного, он поднялся и вышел из зала через служебный вход.

* * *

Седой окинул взглядом кубик гостиницы "Россия", чудо из стекла и бетона, который неузнаваемо изуродовал район Зарядья. До постройки гостиницы этот уголок Москвы являлся настоящим музеем под открытым небом.

Здесь, в гостинице, на одиннадцатом этаже находился секретный отдел разведки Управления спецслужбы МВД. Седой вошел в вестибюль и воспользовался телефоном-автоматом.

— Алло, младшего лейтенанта Ниночкина. Это ты? Жду тебя на северо-западе, где обычно.

По углам гостиницы, через этаж, были расположены многочисленные буфеты. В одном из них и устроился Седой. Он взял бутылку пива, пару бутербродов с осетриной и принялся через большое оконное стекло любоваться тем, как фарцовщики атакуют группы интуристов возле Кремля и храма Василия Блаженного.

Вскоре к нему подошел молодой человек, отдаленно напоминающий французского актера Жерара Филиппа. Он также взял пиво с бутербродами и уселся напротив Седого. Тот отодвинул свой стакан и протянул ему фотографии старого арестанта в фас и профиль.

— Посмотри, лейтенант. Это Призрак. Вор-домушник. Освободился, затих, но долго без дела сидеть не станет. Мне нужно на него все, что есть в вашем ведомстве.

Ниночкин спрятал фотографии в карман и начал говорить, не глядя на собеседника.

— У меня для вас имеется кое-что поинтереснее. Мой начальник майор Мурашов поделился сегодня с нами информацией по поводу обезвреженной недавно банды Чингиза. Он считает, что все последние громкие кражи и грабежи у выездных евреев, а также наших знаменитых артистов, художников и

прочей знати — дело рук банды Чингиза. Майор уверен, что Чингиз имеет кровителей в вашей конторе, причем на самом высоком уровне и собирается выйти с докладом прямо на нашего министра Чолокова.

Седой нахмурился.

— А если этого Мурашова устранить?

— Бесполезно. Он же свою информацию не в кармане держит. Все оприходовано, входящие-исходящие, копии и так далее. Тут если устранять, то весь отдел. А это невозможно.

— Почему же? Ладно, что-нибудь придумаем, — Седой незаметно положил в газету конверт с деньгами и придвинул его к лейтенанту. — Кстати, тот вор, чьи фотографии я тебе передал, может иметь к кражам у артистов и художников самое непосредственное отношение. Но об этом пока никому, особенно своему майору.

— Если это так, он сам не дурак, догадается, — проворчал младший лейтенант и сгреб газету вместе с деньгами.

Седой встал и направился к лестнице, оставив на столе пустой стакан, чуть начатую бутылку пива и один из бутербродов, к которому даже не притронулся. Лейтенант неодобрительно покачал головой.

"Или зажрался, или выделяется".

Потом вылил пиво из бутылки Седого в свой стакан и решительно придвинул к себе тарелку с бутербродом.

* * *

Крюков твердо решил ни в ОКОД, ни на тренировки в зал к Седому больше не соваться. Но через пару дней до него дозвонился Миня.

— Есть срочное задание. Очень важное. Идем втроем. Ты, я и Гринька. Отказ приравнивается к предательству.

Крюков не был готов к такому напору. Он уже хотел было наскоро придумать какую-нибудь отговорку, но передумал. Сваливать нужно было аккуратно и потихоньку. Поэтому он посопел в трубку и спросил.

— Когда и где встречаемся?

Выслушав ответ, он положил трубку.

* * *

Седой с трудом пробирался сквозь толпу игроков к кассе столичного ипподрома "Бега". Ему нужен был высокий носатый мужик с изуродованной глубоким шрамом щекой, торчавший возле окошка кассы. Седой слегка хлопнул его по плечу и сказал негромко.

— Отойдем в сторону.

Они с трудом выбрались из толкучки спустились с трибуны и отошли к денникам. Здесь Седой наконец поздоровался.

— Гамарджоба, Квали.

— Гамарджоба, — нелюбезно, но очень громко буркнул собеседник. — Чего надо, слюшай? Знаю, что просто так не придешь. Опять убить кого-нибудь? Нет?

Седой скривился и понизил голос чуть ли не до шепота:

— Не кричи, услышат.

— Слюшай, я тише не могу! — снова проорал Квали. — Мы, хевсуры, в горах живем, у нас, если ты мужчина, громко говорить должен! Так кого валить надо?

— Никого валить не надо, просто поможешь в одном деле. Гостиницу "Россия" знаешь?

* * *

На следующий день в служебный подъезд с северной стороны гостиницы вошли пятеро человек. Среди них был и Крюков. На вопрос вахтера один из них предъявил милицейское удостоверение.

— Эти со мной, — сказал он.

— А что у вас в коробках? — поинтересовался вахтер.

— Цветы для Аркадия Райкина.

В это время в концертном зале гостиницы как раз шел концерт великого сатирика. Черными лестницами и переходами группа поднялась на одиннадцатый этаж. Здесь двое, а это были Седой и Квали, приказали Крюкову, Мине и Грине поставить тяжелые коробки и немедленно уходить через противоположные выходы.

Седой в темном парике и наклеенных усах первым подошел к двери дежурной части секретного отдела разведки, незаметной в ряду других таких же, и постучал условным сигналом. Код он получил от лейтенанта Ниночкина. В отделе дежурила недавно заступившая ночная смена. Из четверых оперативников двоим повезло. По договоренности с коллегами они отправились смотреть Райкина. Двое других должны были идти в следующий раз. Но, видно, не судьба. Последнее, что они увидели в своей жизни, была зверская рожа Квали и холодный взгляд Седого. Последовавший удар ножом в сердце был просто делом техники.

Убив оперативников, бандиты деловито, без суеты, извлекли из коробок канистры с бензином и принялись поливать пол в комнатах. В последний момент Седой бросил в бензиновую лужу горящий окурок кубинской сигары и захлопнул дверь.

Уходили убийцы не таясь, в наглую, чтобы перепуганные горничные смогли хорошенько рассмотреть рассеченную шрамом щеку Квали и фальшивые усы и кудри Седого. Пожар наделал много шума.

Уже на следующий день следствие пришло к неопровержимому выводу — пожар устроили грузины. Причиной этому, вне всякого сомнения, послужила борьба за тотализатор на "Беггах". Огонь пожара устремился вверх и охватил башню гостиницы с находившимся там рестораном. В огне сгорело или задохнулось около семидесяти человек.

Никому и в голову не могло прийти, что пожар как-то связан с деятельностью секретного милицейского отдела.

* * *

Домой Крюков вернулся утром. Он уже слышал о пожаре и сумел сложить два и два. Надо было куда-то срочно сваливать. Он позвонил Ляху, но того дома не было. Зато Сильвер сразу снял трубку.

— Хорошо, что позвонил, ты мне очень нужен, — сказал он.

Через полчаса Крюков был у Сильвера.

— Какие проблемы?

Сильвер был в замешательстве.

— Помнишь драку в "Метле"?

— Это где твоего кореша с крысиной мордой помяли? — припомнил Крюков. — Кажется, его кликуха Хорь.

— Он самый. Так вот. Во время этой драки за Хоря один его знакомый крутой пацан вписался. Кучер его погоняло. А любера этому Кучеру рыжий мостик высадили вместе с коронками, все четыре зуба. И цепь голдовую с крестом оторвали. Короче, Кучер с Хоря требует возмещения ущерба. Напрягает его на большие бабки. Хорь, ясное дело, в отказе. Он же Кучера не просил там в кабаке за него в тему впрягаться. Короче, Хорь жалуется, что Кучер ему проходу не дает. А сегодня на вечер они стрелку забили. Ну Хорь меня и попросил прикрыть его на всякий случай. Подсобишь?

— Нет проблем.

После тех событий, в которых Крюкову пришлось принимать участие за последние две недели, предстоящая встреча была детской прогулкой.

Стрелка состоялась в старом парке возле закрытого не первый год туалета. Крюков с Сильвером затаились в тени елок. Хорь отважно прохаживался под фонарем в ожидании врага. Наконец тот появился.

Кучер был на голову выше Хоря и настроен крайне недружелюбно. То ли он и в самом деле пришел один, то ли его прикрытие также скрывалось до поры в окрестных зарослях. Разговор сразу начался в резких тонах и пошел на высоких нотах. Кучер наседал на Хоря, а тот что-то пытался доказывать в ответ. Наконец Кучер прихватил Хоря за воротник и придушил. Тот все же успел жалобно пискнуть, подавая сигнал к атаке.

— Аделанте, флибустьеры! — рявкнул Сильвер и вместе с Крюковым ринулся в атаку на вырубку нанимателя.

Заметив появление новой опасности, Кучер отбросил визжащую как свинья жертву и выхватил из-под куртки обрез. На стрелку он явился один, но вооруженным.

Ему не хватило буквально секунды. А, возможно, он собирался только испугать противника. Сильвер подскочил к нему справа, перехватил обрез и принялся выкручивать из руки. Грянул выстрел и россыпь картечи ушла в темное небо. В тот же момент Крюков обрушил на левую скулу Кучера мощный апперкот. Тот моментально вырубился и ничком ткнулся в газон. Скулящий Хорь был уже тут как тут. Он кинулся под ноги своим наемникам и принялся обшаривать бесчувственное тело обидчика. Он извлек из его кармана толстый бумажник. Порылся в нем и достал оттуда карточку, похожую на карманный календарик.

Крюков хотел было спросить его, зачем это нужно, но тут тишину парковой аллеи прорезал милицейский свисток.

— Милиция! Всем стоять, не двигаться! Стреляю!

С другой стороны аллеи с натужным ревом движка выкатился милицейский "УАЗик". Крюков метнулся в спасительную темноту. Фара искателя выхватила из мрака Сильвера, все еще сжимающего в руках обрез. Он запнулся об ползущего Хоря.

— Эй, ты, бросай оружие! — раздалось сразу несколько голосов, подкрепленных выстрелом в воздух.

Сильвер плюнул со злостью и выпустил обрез из рук. Тот упал на газон. Хорь успел заползти за деревья. На него не обратили внимания, возможно поначалу приняли за жертву ограбления.

В отделение милиции Сильвера доставили слегка помятым. Сразу провели в кабинет следователя. Тут же находились двое оперов уголовного розыска.

— Что можете показать по поводу вооруженного ограбления гражданина Кучерова? — с ходу спросил следователь.

— Не было никакого вооруженного ограбления. Это был его обрез, а я его только вырубил, — отперся Сильвер, хотя и понимал, что дело его дохлое.

Про Хоря, а тем более про Крюкова, он сразу же решил молчать. Во-первых был не приучен сдавать своих, а во-вторых хорошо знал от знакомых — за групповуху больше дают.

— А бумажник из кармана у него кто вытащил?

"Ну Хорь, ну сука, ты мне еще за это ответишь", — мысленно пообещал Сильвер, но вслух сказал:

— Может быть он у него сам из кармана выпал.

— Ладно парень. Но избиения ты не отрицаешь?

— Нет. Что было, то было. Врезал ему раз.

— Для начала и то хлеб, — вздохнул следователь. — Значит оформляем задержание.

При падении Кучер ударился головой о бордюр и был отправлен в больницу. До выяснения дополнительных обстоятельств и по причине позднего времени сыщики отправили Сильвера в камеру, а сами двинулись по домам.

* * *

Крюков, едва не переломав в темноте ноги, бегом пересек парк по диагонали и в самом глухом его углу перелез через старую кирпичную стену. Кольцо вокруг него смыкалось все уже. Он предполагал, что Сильвера могли поймать, но не боялся, что тот его сдаст. Просто он не знал, куда теперь деваться.

Домой Крюков не пошел. Позвонил из телефона-автомата, чтобы успокоить родителей и сказал, что останется на пару дней у друга на даче.

— Тебе звонил какой-то Гриша, — сообщил отец. — Ты не у него? Он просил срочно прийти к нему.

— Давно звонил? — переспросил Крюков.

— Часа три назад. Может быть и больше.

Крюков с трудом разыскал еще одну двухкопеечную монету и позвонил Мине. Трубку взяла минина мать, самого его не было дома. Мать сказала, что часа два назад ему позвонил Гриня и просил срочно приехать. Наверно Миня уже у него.

Крюков позвонил и Грине. Двухшек у него больше не было, но трубку все равно никто не снял. И все-таки Крюков направился к Грине. Тот снимал комнату в деревенском доме в одном из сохранившихся на окраине Москвы поселков. Крюков доехал на метро до конечной, дальше минут двадцать шел пешком.

Дом, в котором жил Гриня, он увидел издали. Тот уже догорал. Вокруг толпилось множество зевак, стояли пожарные машины. Крюков не стал подходить, так как поблизости могли крутиться люди Седого.

— Что там случилось? — спросил он у старухи, которая шла со стороны пожара.

— Да что случилось? Как обычно. Перепились, да и сгорели. Жалко, ребята, вроде, совсем молодые. Вроде тебя.

— Сколько их было?

— Ребят-то двое, да хозяин-пьяница.

Крюкову показалось, что в отсветах огня он вдруг увидел зверскую рожу

Квали. Он развернулся и быстрым шагом направился обратно. Значит Миню и Гриню они убрали. Настала его очередь.

* * *

На его счастье Лях оказался дома. Он уже спал и открыл дверь жутко недовольный. Крюков молча прошел в комнату и выставил на стол купленную у таксиста за десятку бутылку водки. Лях также молча полез в шкаф за стаканами и в холодильник за колбасой.

— На праздник непохоже. Значит поминать будем? — догадался он. — Кого?

— Миню и Гриню грохнули. Помнишь, с которыми я тот подъезд на набережной фотографировал? Сильвера, похоже, менты захомутали. Очередь за мной.

Они выпили и зажевали безвкусной резиновой массой, именуемой "колбаса "Докторская".

— И что собираешься делать? — поинтересовался Лях. — Ждать когда придут и замочат?

— У меня два выхода, — принялся анализировать ситуацию Крюков. — В петлю или на зону. Ни тот, ни другой мне не подходят по определению. Может в тайгу с геологами податься или на комсомольскую стройку?

— А в армию? — спросил Лях.

— Я бы пошел, но не возьмут, — вздохнул Крюков. — Мне же только семнадцать стукнуло. Я уже узнавал. Пока восемнадцать не исполнится — никаких разговоров. Зато потом не открутишься.

— Мне это не грозит, — признался Лях. — У меня сотрясение мозга было.

Крюков посмотрел на него с удивлением.

— А разве с сотрясением не берут?

— Оно было семь раз, — уточнил Лях. — Ладно, если ты так хочешь отдать долг родине, постараюсь помочь. Жди.

Он принялся одеваться.

— Куда это ты собрался? — заинтересовался Крюков.

— В твой военкомат. Куда же еще?

— Ночью?

Лях посмотрел на него как на дурака и ушел. Вернулся он уже под утро. Крюков спал сном праведника.

— Порядок, — сообщил Лях. — Можешь прямо сейчас двигать в призывную комиссию. Твои документы лежат в нужной стопке.

— А возраст?

— Я там кое-что немножко подчистил. Короче, ты стал на год старше. Пока разберутся что к чему, ты уже будешь строевым шагом топтать. Постарайся куда-нибудь подальше забуриться.

Крюк едва не пустил слезу.

— Леха, спасибо!

— Лучше скажи "благодарю", — поправил Лях.

На следующий день Крюков позвонил домой с городского сборного пункта, сообщил родителям, что призван на действительную военную службу и пообещал написать сразу после прибытия в часть.

ГЛАВА 8. МАЛОЛЕТКА

Сильвера доставили в странное отделение милиции. Располагалось оно в квартирах первого этажа нового дома. Кое-где еще не были закончены отделочные работы. Сильвера сунули в камеру, пахнущую побелкой и забыли о нем до утра.

Камера была пуста. Сильвер улегся на дощатом помосте, именуемом "спальным возвышением", закрыл глаза и попытался задремать, но ничего не получалось.

Вдруг возле двери послышался легкий шум. Сильвер открыл глаза. На полу, как раз под отверстием "кормушки", лежала сложенная бумажка. Он поднял ее и прочитал.

"Вернете карточку, заберу заявление. К."

Записка была, ясное дело, от Кучера. Какую карточку? Это что, была не просто драка? Сильвер задумался.

Что он, собственно, знал о Кучере? В общем немного. Кучер был сутенером. Девочек у него было немного, но все высшего класса. Обслуживали они не кого попало, а постоянных клиентов, сотрудников иностранных фирм, преимущественно из Италии.

Сильвер слышал, что фирмачи расплачиваются с Кучером не наличными, а кладут деньги на его счет в швейцарском банке. И счет этот, опять же по слухам, был не маленький. За сотню штук баксов. Слышал Сильвер об этом давно, по пьянке, причем... от Хоря.

Он вдруг все понял. Понял, что за календарик увидел в руке Хоря, когда тот вынул, а потом сбросил бумажник Кучера. Понял и то, каким идиотом оказался сам и как чуть не потянул за собой Крюкова. Ну, Хорь! Ну и сука! Вот подставил, так подставил!

Не было у Кучера к Хорю никаких претензий. Просто тот развел Сильвера как последнего лоха. Для Хоря, конечно, было бы лучше, если бы Сильвер и Кучер там же в парке и замочили друг друга. И кто знает, не собирался ли он добить оставшегося в живых? Если бы Сильвер не привел Крюкова, так бы оно, вероятно, и было.

Но и теперь дело обстоит не намного лучше. Сильвер в камере, Кучер в больнице, а Хорь спокойно переоформляет на себя его кредитную карточку вместе с банковским счетом. Как он это делает? Ну уж этому Хоря учить не надо.

Утром Сильвера вывели на допрос. В комнате находились четверо мужчин в штатском. Тот, что постарше, видимо был начальником. Из тройки молодых один выделялся богатырской статью.

— Ну что? — поинтересовался старший. — Будем признаваться или как всегда? Ты отсюда хочешь обратно в камеру вернуться или сразу в больницу? Только предупреждаю — без привычки сломанными руками зубы с пола собирать будет трудно.

— А в чем признаваться? — завозмутился Сильвер. — Я шел по парку, никого не трогал. Там какие-то пацаны базарили. Спросили у меня закурить. Я сказал, что нету, а он за обрез. Я у него вырвал...

— Он у пал и ударился головой, причем четыре раза, — закончил за Сильвера сыщик. — Не пойдет, голуба. Ты обвиняешься в совершении преступления,

предусмотренного статьей сто сорок шестой, часть вторая, пункт "г". А именно: "Разбой, то есть нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, плюс с применением оружия". От семи до двенадцати с конфискацией. Классический квалифицированный разбой. На гражданина Кучерова напал? Было дело. Где у нас гражданин Кучеров? В реанимации. Обрез у тебя в руках видели? И здесь полная свидетельская база. Лопатник спер, но успел скинуть. Признавайся по хорошему, а мы тебе явку с повинной запишем. Как говорится, признание снимает половину вины.

— Правда? — обрадовался Сильвер. — А если я два раза признаюсь, вы меня совсем отпустите?

Сыщики весело переглянулись. Старший достал из папки протокол допроса.

— Вот что, юморист. Поскольку восемнадцати годков тебе еще не стукнуло, ты считаешься малолеткой. Поэтому бить тебя будет инспектор по делам несовершеннолетних. Вот он.

Старший указал на богатыря. Тот подошел к шкафу. Открыл дверцу и достал оттуда большую теннисную ракетку. Сетки на ней давно не было, а края были оббиты и ободраны.

— Кто бы мог подумать, что теннис так бьет по почкам? — спросил богатырь как бы сам себя. — Да и по печени тоже.

Сильвера поставили лицом к стене в метре от нее, велели наклониться и опереться кончиками пальцев.

— Теперь приподнимись на цыпочки, — велел старший.

Сильвер замер в напряженной позе.

— Так и стой. И запомни, — снова обратился к нему старший из оперов. — Если ты опустишься на пятки или обопрешься на стену всей ладонью, получишь ракеткой по почкам. Спасти тебя может только чистосердечное признание.

Несмотря на хорошую физическую подготовку Сильвер почувствовал, что долго так не выдержит. Затекла спина, от напряжения дрожали пальцы рук, судорогой сводило икроножные мышцы.

"А, хрен с ним, будь что будет", — решил он и опустился на всю ступню.

И в стену не просто уперся рукой, а облокотился всем плечом.

— Сознаешься? — спросил богатырь.

— Да пошел ты! — Сильверу было уже все равно.

— Колись, милый. Я вижу, ты еще в хороших руках не обсирался, — почти ласково улыбнулся начальник розыска.

Неожиданно дверь в кабинет распахнулась и в проеме показалась фуражка дежурного.

— Эй, орлы, на вылет! Срочная радиограмма из центра.

— Что еще? — недовольно скривился начальник.

— Пратия и правительство оказали вам высокое доверие. Поехать в "Бутырку" и принять там двоих законных воров.

Начальник покрутил головой?

— Я что-то не въезжаю. Зачем их из тюрьмы принимать?

— Они там не сидят. На свиданку к корешу пришли. А надо. Чтобы все оказались по ту сторону решетки. Есть указание принять по полной программе.

Начальник переглянулся с оперативниками и скривился еще больше.

— Понятно, опять нашими руками дерьмо разгребать. Что там у нас имеется?

Богатырь порылся в сейфе и растерянно развел руками.

— Был же кропаль гаша! Колитесь, гады, кто взорвал?

Один из сыщиков потупился.

— Я это... На оперативные нужды... Агента подогреть пришлось. А что, разве больше ничего нет?

— Одна ампула конины осталась. Но ее же на двоих не поделишь.

Начальник махнул рукой.

— Ладно, второму патрон подбросим. По коням. Разбойника закройте в камеру.

* * *

Спустя пару часов Сильвер, водворенный в камеру, снова услышал шум голосов и топот сапог в коридоре возле камер. Дежурный опять ругался с начальником розыска. Ему негде было разместить задержанных.

— А куда я их дену? — оправдывался он. — У меня всего одна камера. Другую еще не отделали.

— Ничего, — басил начальник розыска. — А ты малолетнего бандита туда переведи. На полу поспит.

— Да там даже дверь не запирается, — стоял на своем дежурный.

— А ты ему в камеру швабру дай, пусть он на нее изнутри закроется. Ха-ха-ха! Сам знаю, что к малолетнему не положено. Открывай!

Камеру открыли и затолкнули в нее двоих. Один был пожилым, почти стариком. Второй — крепкий мужик средних лет. Они по-хозяйски оглядели помещение. Сильвер поднялся и поздоровался.

— Кто такой? — хмуро поинтересовался тот, что помоложе. — Подсадка ментовская?

— Нет, непохож вроде, — присмотрелся к Сильверу старик. — Пассажир как пассажир. Из каких будешь, терпигорец?

Сильвер пожал плечами. Своим спекулянтским прошлым он решил не бравировать.

— Так, за драку припахали.

— А что шьют?

— Сто сорок шестую, часть вторую. Вооруженный разбой, — неохотно признался Сильвер.

— Нормальная статья, — одобрил старик. — Все лучше, чем по хулиганке бакланом идти. Ну давай знакомиться. Меня Пашей Яхонтом кличут, а он на Николу Писаря отзывается. Бродяги мы.

Сильвер уже знал, что бродягами и босяками гордо именовали себя воры.

— В сознанку не идешь? — спросил Яхонт.

Сильвер покачал головой.

— Что я, больной? Я никого не трогал, а на меня какой-то дурак с обрезом кинулся. Ну я его и вырубил.

— В цвет, пацан. Самому себе дело шить — запаadlo. Пусть мусора землю роют, им за это бабки платят. Тебе восемнадцать-то есть? — поинтересовался Никола.

— Нет еще.

— Хреново. На малолетку загремишь.

Яхонт согласился.

— Испортят пацана. С малолетки все поголовно суками приходят. Будто с косяком на рукаве родились. Ты, парень, там на зоне держись и запоминай, кто тебя щемить будет. Бугры там совсем беспредельные. Но уж когда они на взросляк подымутся — там с них по полной спросят. Им одна дорога — не в козлятник, так в обиженку. Да, я ведь тоже с малолетки начинал. Малахольное время было. У нас там кроме петушни два десятка мастей насчитывалось, — принялся вспоминать Яхонт.

— А у нас тридцать шесть! — вставил Писарь. — Петухи, черти, свиньи. Кондуктор — это который ногти на ногах у других обкусывает. Бухгалтеру член за ухо суют. "Бабушкины очки" — это когда яйца на глаза кладут. Мотор — который другим дробит.

— А у нас этих драконами называли, — припомнил Яхонт. — Да, малолетка — это помесь обезьянника в зоопарке с сумасшедшим домом. Понятий не знают, а сами со скуки придумывают — да какие! Колбасу вареную, к примеру, нельзя есть, потому что она на елду похожа. Капусту тоже нельзя, потому что ее козлы едят. Помидоры не ешь и "Приму" не кури, потому что красного цвета. Заехал я лет пять назад на этапе на одну хату вместе с малолетками. Ох и жизнь у меня была — малина! Они палку копченой колбасы в шкуре, да еще в газету завернутую, на пол уронили и не едят, считают — зашкварилась. Им жрать запаadlo, а мы, тертые урки, схавали.

"На бархотку, — говорю, — упала".

Другой малец шоколадные конфеты в бумажках из кармана не выложил, когда на парашу садился. По ихнему опять зашкварилось. Ну, мы и конфеты оприходовали. Смех.

Спустя час в камеру постучали. Милиционер принес огромную сумку.

— Вот, просили передать, пробормотал он.

Видимо просьба была подкреплена солидным финансированием.

Писарь распаковал "дачку". Она была битком набита теплыми вещами и жратвой. Через минуту на газете, разложенной поверх спального возвышения, вырос импровизированный походный стол. Колбаса, ветчина и даже хлеб были уже нарезаны, так как собравшие передачу знали, что все режущие предметы у их друзей будут изъяты.

Воры присели к газете. Писарь кивнул Сильверу.

— Давай, подгребай к "дубку". Если, конечно, никаких косяков за собой не знаешь.

Но Яхонт только махнул рукой.

— Да какие за ним косяки! Видно, что пацан правильный. Я и сам когда-то таким был. За шпанское братство стоял. С суками рубился.

Сильвер подсел к столу. Жрать хотелось дико, но он старался есть не спеша. Писарь достал со дна сумки бутылку водки. Выпили. После еды Писарь свернул жгут из газеты, высыпал в большую кружку пачку чая и принялся варить чифир. Когда напиток протомился, кружку пустили по кругу.

— Подсаживайся, — пригласил Яхонт Сильвера.

Каждый отпивал пару глотков и передавал ее следующему. Все молчали.

Яхонт сидел, прикрыв глаза. Наконец негромко проговорил.

— Тебя, Никола, думаю, нагонят скоро. Нет у них на тебя ничего конкретно-

го. Патрон, который у тебя в кармане нашли, ты не лапал. А меня с наркотой, похоже, всерьез припахали. Ну да ничего. Я в тюрьме родился, в тюрьме, видно, и помру. Прокачусь напоследок по родной стране ходом за казенный счет. Меня вот что беспокоит. Сдается мне, неспроста мы тут оказались. Под общак кто-то копает.

— На Фому думаешь?

— Так на свиданку он нас сам малявой вызвал. Кто же кроме него знал, что мы в Бутырь приканаем? Что делать, сам знаешь.

Сильвер не стал слушать продолжения разговора, который его не касался. Он отошел в дальний угол спального возвышения и задремал. Наутро его выдернули из камеры и отправили в КПЗ. Воры собрали ему с собой пакет необходимых в тюрьме вещей: носки, зубную пасту и щетку, мыло, несколько пачек чая и кое-что из жратвы. Никола проинструктировал Сильвера насчет некоторых понятий.

— И вот что, — напутствовал его напоследок Яхонт — тюрьма случайных пассажиров не любит. Привыкай к тому, что на несколько лет она будет твоим домом.

* * *

Ранним утром дверь камеры открылась и Сильвер поехал по этапам скорбного пути. И первым таким этапом на очереди была "камера предварительного заключения" или, как ее теперь стали называть, "изолятор временного содержания". Это было небольшое двухэтажное здание, обнесенное глухим железным забором с пропущенной поверху колючей проволокой и с решетками на окнах. Под окнами бегали громадные овчарки.

Здесь Сильвера обыскали и, не заводя в камеру, сразу же отправили в набитом до отказа воронке в тюрьму, а точнее — в следственный изолятор. В изоляторе малолеток, а их оказалось четверо, отделили от взрослых и отправили сначала на повторный шмон, затем в баню. Здесь же тюремный стригаль оболванил их налысо.

Сильвер сразу обратил внимание на крепкого парня с наколкой "КОТ" на плече. Он знал, что такая аббревиатура означает "коренной обитатель тюрьмы". Парень вел себя как дома. Был он приبلатненный и на вид очень крутой.

— Эй, первоходы, бабки есть? — обратился он к остальным.

— А что?

Двое других юных арестантов не скрывали растерянности. Одного, тощего и головастого, в очках, Сильвер окрестил Ботаником. Другого, рыхлого и лопухого, Хрюней.

— Скидывайтесь, — по барски распорядился Кот. — Не пожалеете. Без моего инструктажа вы в тюрьме пропадете. Сразу под нары в обиженку залетите.

Ботаник с Хрюней полезли под стельки. Сильвер усмехнулся. Деньги надо прятать в стельку, а не под нее.

— А ты что? — удивленно воззрился Кот на Сильвера.

— А мне мама рупь на завтрак дала. И тот мусора отобрали, — отрезал Сильвер.

— Так ты что, фраерок, может и прописки не боишься? — с сомнением поинтересовался Кот.

— Мне еще шестнадцати нет, — нахально соврал Сильвер. — А микронов прописывать не положено.

Время бесед с ворами не прошло для него даром. Он вовсе не горел желанием поделиться последним с первым встречным нахалом. Кот не поверил, но отстал.

Сильвер получил тюремную робу, а свои шмотки сдал в каптерку. Кот шепотом давал своим ученикам практические наставления. В ходе его инструктажа часто слышалось жуткое слово "прописка". Вскоре с матрасами в руках все четверо протиснулись в дверь камеры.

Камера была большая. Шконки возвышались в три этажа. Первым в камеру вошел Кот. За ним Хрюня, следом Ботаник и последним Сильвер. Он не сразу понял что произошло. Только увидел, что с нижней шконки у окна поднялся и направился к ним здоровый как бегемот парень. Он смотрел на Кота и ухмылялся. Подскочив в Коту, он с размаху въехал ему кулаком по носу. Брызнула кровь.

Кот, который до этого строил из себя чуть ли не авторитетного урку, вдруг растолкал шедших за ним, прижался к двери и забарабанил в нее кулаками и ногами.

— Открывай, начальник! Отказываюсь от этой камеры категорически! Открывай! Спусти в карцер!

Дверь снова приоткрылась, ограниченная толстой цепью, и Кот протиснулся обратно, протащив следом скрученный матрас.

Стоявший за ним Хрюня испугался не на шутку. Он решил, что это началась прописка. Страшный амбал подошел к нему и грозно спросил.

— Ну что, сливочный, зуб камере подаришь или полы помоешь?

— Я согласен полы мыть! — заорал до смерти перепуганный Хрюня и полез под шконку. — Где у вас тряпка?

Но амбал уже забыл про него и перешел к Ботанику.

— Первую ходку делаешь?

— Первую, — не без робости ответил тот.

— А ты? — обратился он к Сильверу.

— А твое какое дело? — резко ответил тот. Ты что, смотрящий?

Амбал немного смутился.

— Ну не смотрящий, но угловой. Рамсы развожу, за косяки спрашиваю. Бычей меня кличут. Слышал?

— Не слышал, — как можно беспечнее отозвался Сильвер. — Я тут с Пашей Яхонтом и Николой Писарем кантовался. Они про тебя ничего не говорили. Они тут со мной децал чаю и курева подогнали. Куда тут у вас "на общее" сдавать?

После такого выступления Быча тут же согнал с соседней койки какого-то шпаненка и кивнул Сильверу:

— Кидай матрас!

Позже состоялась прописка. Хрюню не прописывали, он со своим положением определился. Благодаря истерической выходке, он обеспечил себе место в касте "обиженных". Теперь он мог быть "чмырем", "чушком", "чертом", то есть исполнителем черной и грязной работы. Отсюда ему была прямая дорога в "петухи" или, как их еще называли, в "опущенные".

Но кроме Хрюни были и другие новички. Все обитатели камеры собрались поглазеть на предстоящее развлечение. Быча подошел к Сильверу и развел руками.

— Ты хоть пацан и правильный и с ворами пайку ломал, но закон есть закон. Раз по первой идешь, треба тебя прописать.

Сильвер в ответ только пожал плечами. Раз надо, так надо.

Быча подозревал, что Сильвер в курсе покупок, используемых при прописке новичков. В этом случае прописка теряла всякий смысл. Поэтому начал с Ботаника.

Быча щелкнул пальцами и "припотевшие" из числа шестерок поднесли ему полную кружку воды.

— У нас свадьба, — заявил Быча. Я тамада, а ты гость. Что будешь пить — вино, водку, пиво или шампанское? Имей в виду, отказываться нельзя.

Ботаник выбрал вино. Когда он опустошил кружку, ему наполнили ее снова. Теперь он согласился на водку. За ней последовали пиво и шампанское. Ботаник по наивности думал, что этим дело и ограничится, но ему снова поднесли полную кружку и быча обратился с тем же вопросом.

Ботаник пошевелил мозгами и принял нестандартное решение.

— Коньяк, — попросил он.

— Эй, налейте гостю коньяк, — ухмыльнулся Быча.

Шестерки вылили воду из кружки, наполнили ее по новой и опять протянули несчастному. Казалось, он скоро лопнет. Камера покатывалась со смеху. Наконец Быче надоело потешаться над Ботаником и он протянул кружку Сильверу с тем же предложением.

— А тебе чего налить?

— Налей то же, что и себе, — отозвался тот под одобрительные выкрики.

Сразу ясно — не новичок, Тертый пацан, хоть и первоход. Но проверка продолжалась.

Быча снова щелкнул пальцами и шестерки повесили на стену картинку из журнала с изображением быка.

— С каким бычей бодаться будешь? — спросил он одуревшего от выпитой воды Ботаника. — Со мной или с тем, что на картинке?

Ботаник, естественно, выбрал нарисованного.

— Тогда с разбегу головой вперед, — скомандовал Быча.

Ботанику нахлобучили на голову какую-то замасленную кепку и толкнули к стене.

— Давай!

Он приблизился к стене и не очень сильно ткнул лбом в картинку с быком. Штукатурка на стене была шершавой и сырой.

— Молодец! Давай сильнее! — заорали вокруг. — С разбегу бей!

Ботаник отошел на несколько шагов и снова бросился на стену. На этот раз удар получился сильнее, а в голове у него зазвенело.

— Дай ему, дай еще! — веселились малолетние арестанты.

После пятой стыковки с покрывающей стену шершавой "шубой" Ботаник рухнул на пол с разбитым лбом.

Снова настала очередь Сильвера.

— Ну а ты с каким Бычей подерешься?

Судя по голосу, Быча всерьез опасался, что Сильвер выберет его в качестве поединщика. Но тот указал на картинку.

— Вот с этим. Только пусть он первый нападает.

И снова камера одобрительно зашумела.

— Лады, — хлопнул его по плечу Быча. — Прописку ты, считай, прошел. Только надо определиться. У нас самые авторитетные масти — летчик и машинист. Тебе какая больше нравится?

Про такую проверку Сильвер от воров не слышал, видно что-то новенькое. Он прикинул, что где машинист, там и поезд, а поезд идет на вокзал. Вокзалом же в камере называлось пространство под шконками, где обитала "обиженка".

— По мне лучше летчиком быть, — заявил Сильвер.

— Тогда лезь на "пальму", — предложил Быча.

Сильвер забрался на третью, самую верхнюю шконку. Здесь двое сокамерников плотно завязали ему платком глаза.

— Если ты летчик, лети. Падай головой вниз, — распорядился Быча.

Сильвер понятия не имел, что с ним должно произойти. Но знал одно — разбиться ему не дадут. Так и получилось. Как только он устремился вниз, в проход между шконками, его подхватил десяток рук и бережно опустил на землю.

— Молодец пацан, духовитый, — одобрил его поведение Быча. — Осталось последнее — дубаку в репу дать. Не засышь?

Сильвер презрительно скривил губу.

— Зови его. Хоть сейчас врежу.

— Айда к "кормяку", — махнул рукой Быча и все отправились к кормушке. Отверстие, закрытое металлической дверкой, располагалось низко. Чтобы увидеть лицо "дубака", то есть коридорного надзирателя, нужно было чуть ли не встать на колени.

— Давай, — дал отмашку Быча и один из его помощников, длинноносый лопухий паренек, застучал в дверь.

— Гражданин начальник!

За дверью не обнаружилось никакого движения.

— Тихо! — зашипел Быча. — Они, суки, неслышно ходят.

Как он и предупредил, окно кормушки распахнулось внезапно и в нем появилось недовольное лицо контролера.

— Ну что опять за базар? Дубинала прописать?

Быча хлопнул Сильвера по плечу.

— Давай!

И Сильвер, размахнувшись, запустил кулак снизу вверх, прямо в сонную рожу надзирателя.

Ударить ему не дали. Опять несколько рук вцепились в него и рывком оттащили от кормушки. Вместо Сильвера перед надзирателем появился лопухий пацан и принялся втирать что-то про больной зуб. Коридорный не стал его выслушивать и захлопнул кормушку.

Сильвер снова не знал, чем закончится и это испытание, но опять действовал интуитивно. Для этого замахивался и бил не спеша. Если бы он врезал как умел, без замаха, по-боксерски, то вряд ли ему сумели бы помешать. Да и сама жертва, скорее всего, просто не успела бы понять, что с ней произошло.

Но, как бы то ни было, испытание он выдержал с честью и по всем понятиям теперь считался правильным арестантом.

— А что ты на Кота взъелся? — спросил Сильвер Бычу, когда они устроились на соседних шконках.

— Я его, суку, еще поймаю! Я когда первую ходку делал, он у меня в отряде "рогом" был, бугром то есть. Мусорам жопу лизал, а пацанов щемил, шакалья морда! Если бы он из хаты не выломился, я бы ему швабру в задницу загнал.

Теперь в камере Сильвер был самым авторитетным лицом после Бычи. Правда формально старшим в камере был поставленный администрацией "батя" — толстый мужик лет сорока по кличке Бобер. Но поскольку сидел он за спекуляцию и считался "барыгой", то, запуганный Бычей, никаким авторитетом не пользовался, в дела камеры не лез и только втихаря жрал свои передачи и радовался, что его не трогают.

Время от времени Сильвера вытягивали на допрос. Это разнообразило жизнь, но в основном время тянулось невыносимо медленно. Сокамерники развлекались как могли. В основном подшучивали над новичками.

— Хочешь узнать, какой тебе срок влепят? — спрашивал лопухий у Ботаника.

— А вот гляди, — лопухий бросал в кружку игральные кости, называемые "мандавошками". — Дунь в кружку изо всей силы. Сколько очков выпадет, такой и срок будет.

Пока Ботаник набирал в легкие воздуха, лопухий подменял кружку на другую, в которой был насыпан зубной порошок. Ботаник дул изо всей силы и оказывался весь обсыпанным белой пудрой.

Или предлагалось перетягивать палку. Новичку при этом сзади незаметно подставляли таз с водой. Его соперник выпускал палку и новичок обрушивался задом таз. С таким же финалом — падением в таз с водой — новичку предлагали "половить рыбку". Игра "Пропади копеечка" была менее безобидной. В ней жертве розыгрыша незаметно мочились на ноги, а это была прямая дорога в обиженку.

— Эй, чушок, сегодня ночью будешь просить у тюрьмы кликуху, — велел Быча Хрюне.

Засыпая, Сильвер с раздражением слушал как Хрюня орет в щели решетки:

— Тюрьма-тюрьма, дай мне кликуху!

Ему что-то кричали в ответ из других камер.

— Ну что, дала тюрьма кликуху? — спросил наутро Быча.

— Дала, — ответил Хрюня. — Только какую-то странную. Нерусскую. Сародип.

Все слышавшие снова радостно загалдели.

— Эх ты, — отвесил Хрюне леща лопухий. — "Сародип" — это пидорас наоборот.

От скуки юные зэки изобретали сложности там, где можно было сделать все гораздо проще. Однажды с помощью веревки, "коня", они протащили через канализацию посланный соседями огромный кусок сала, запакованного в целлофан.

— На фига такой гимор? Попросили бы дубака, он бы принес, — удивленно проговорил Сильвер.

— Нет базара, ноги зарядить проще, — согласился Быча. — Зато через говно интереснее!

Описывая "малолетку", Яхонт и Писарь оказались правы во всем кроме одного. Мастей тут было не двадцать и не сорок, а более шестидесяти. По числу арестантов. И все они постоянно менялись. Каждый стремился подняться в

камерной иерархии как можно выше и при этом шел по головам других. Несмотря на завоеванный авторитет, Сильверу пару раз пришлось продемонстрировать свое профессиональное боксерское мастерство на особенно борзых и непонятливых. Только после этого его окончательно оставили в покое. Так тянулся срок его следствия.

Суд учел все смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Разбой был переквалифицирован на грабеж и Сильвер получил три года лишения свободы с отбыванием в воспитательно-трудовой колонии под Можайском. Бычу осудили еще раньше. Когда его переводили в камеру — "осужденку", он на прощанье успел крикнуть:

— Все ништяк, Сильвер! Не на волю, так на зону! Может там свидимся?

* * *

На зоне они не просто свиделись, но и оказались в одном отряде. С момента расставания прошло не больше месяца, но Сильвер не сразу узнал Бычу. Быча же сделал вид, что вообще не узнает Сильвера.

Он стал как будто ниже ростом и уже в плечах. Лицо его, казалось, утратило симметрию. Во всяком случае челюсть с правой стороны значительно выдавалась вбок.

Быча шел в голове отряда строевым шагом. Отряд горланил "Не плачь, девчонка!" Двигались они по направлению к приземистому одноэтажному зданию. По исходившей от здания тошнотворной вони в нем можно было безошибочно распознать столовую.

Территория зоны поражала чистотой и благоустроенностью. Ни дать — ни взять пионерский лагерь, а не зона. Барак тоже скорее походил на казарму. Аккуратно, без единой морщинки, заправленные двухэтажные койки, уложенные кирпичиком подушки. Стены пестрели наглядной агитацией. Чувствовалось, что воспитательная работа здесь поставлена на высоком уровне.

Сильвер получил в каптерке кирзовые сапоги и новую хлопчатобумажную робу. Их у него украли прямо в бане. Взамен каптерщик подобрал комплект из старья. Судя по наглой ухмылке, обновки он же и спер.

Бугром отряда, или как здесь говорили "рогом", был чернявый парень с наглыми и злыми глазами. На вид ему было больше восемнадцати. Он и еще несколько здоровяков отличались от основной массы воспитанников колонии щегольски ушитыми мелюстиновыми курточками и раскормленными харями.

Сильвер сразу увидел, что "роги" поддерживают в отряде режим беспощадного террора. За малейшую провинность виновного избивали до потери сознания. Никого из офицеров-воспитателей, кроме дежурного по колонии, он так и не увидел.

На ужин в столовую отряд отправился строем с песней. Войдя в обеденный зал все расположились за длинными, на десять человек, столами. Во главе каждого стола занял место бугор.

— Приятного аппетита! — хором гаркнули юные зэки.

— Спасибо. Садись! — скомандовал бугор.

Ужин начался в полной тишине. Сильвер ненароком звякнул ложкой о край алюминиевой шлемки-миски. Бугор насторожился.

— Отряд, шум! Строиться на улице!

Процедура посадки за стол повторилась.

— Уже лучше, но мы еще потренируемся.

Только после третьей попытки ужин был продолжен.

После ужина Сильвера отправили подшивать полученную робу, остальные должны были целый час ходить строевым шагом за полученную одним из воспитанников двойку. Отрядные бугры отправились курить.

— В какую секцию думаешь вступать? — спросил один из здоровяков Сильвера, когда тот уселся пришивать к робе бирку с фамилией и номером отряда. — Советую к нам, в "Секцию внутреннего порядка".

— А в "Секцию садизма и расовой дискриминации" можно? — нахально поинтересовался Сильвер.

Здоровяк заскрипел зубами, пробормотал что-то угрожающее и отошел.

Перед самым отбоем Сильвер отправился в туалет. Ходили туда также строем, по десять человек. В сортире Сильвер столкнулся с Бычей. Теперь тот не стал делать вид, что не узнает его.

— Ну что, корефан, — поприветствовал его Сильвер. — Как я погляжу, житуха тут не сахар?

— Вот хрен ты угадал, — буркнул в ответ Быча. — Сахаром тут сроду не воняло. Такой душняк, что ты даже представить не можешь. Хоть расплетай носки и вешайся. Активисты, суки, вообще житья не дают. Пускают под молотки по три раза в день. Отрядный появляется раз в неделю, да и то в жопень пьяный. Всем заправляет отрядный рог — Чингиз. Ему, козлу, по возрасту на взросляк давно пора, а мусора его на малолетке держат. Спецом, чтобы пацанов прессовать. На взросляке-то его сразу в параше утопят.

— А сам как? — спросил Сильвер с сочувствием.

В ответ Быча только махнул рукой.

— Я как только попал на зону, попытался права качать. В первую же неделю мне челюсть сломали и почку опустили. Если бы не вступил в актив, давно бы мне амбец был. Тебе тоже советую. Иначе замордуют. Гляди сам, тут чуть ли не у каждого на челюсти следы от скобок.

— Мне в актив? — удивился Сильвер. — А ты в какой секции состоишь?

— В культурно-воспитательной. Библиотекарь я, — буркнул Быча.

— Кто? Ты? — не поверил Сильвер.

Меньше всего Быча был похож на человека, который прочитал в своей жизни хотя бы одну книгу.

Неожиданно Быча заторопился.

— Пошли в барак. Скоро построение. У них отбой "без последнего". Кто последний ляжет, того сначала сапогами отметелят, а потом на всю ночь на полы или очко досуха драить. А там вода все время подтекает, так что до самого подъема работы хватит.

После построения и переключки Чингиз скомандовал:

— Отряд, отбой!

Строй рванулся врассыпную. Чингиз с презрительной ухмылкой прохаживался вдоль коек. За ним как собаки следовали два амбала из актива, сжимая в руках по тяжелому кирзовому сапогу.

— Ну, кто у нас сегодня последний? — ехидно спрашивал Чингиз, наблюдая картину паники.

И вдруг поперхнулся на полуслове и замер, не веря своим глазам. Сильвер вальяжной походкой направлялся к выходу.

— А ты куда? — удивился Чингиз.

— На улицу покурить, — отозвался Сильвер.

— Чо?!

Помощники Чингиза пришли в себя от удивления и обрушились на Сильвера сразу с двух сторон, но он вырубил их двумя точными ударами. Но тут на него накинута вся свора активистов. Раскормленные, здоровые, они задавили его массой. Двоих или троих он, правда, еще успел вырубить, но тут на него навалились всей кучей. Последнее, что увидел Сильвер, это тяжелый табурет в руках Чингиза, который стремительно опускался прямо ему на голову.

* * *

В кабинете начальника воспитательно-трудовой колонии майора Макаренко шел напряженный разговор. Приехавший из Москвы следователь мерил пространство между столом и окном тяжелыми шагами.

После того, как Сильвер с тяжелыми травмами был отправлен в санчасть, кто-то из вечно недовольных сотрудников колонии настроил жалобу в министерство. Сверху отреагировали незамедлительно. Шла очередная кампания за чистоту рядов.

Приехав в колонию, и ознакомившись с ее порядками, следователь просто за голову схватился. Пьяные начальники отрядов, воры-хозяйственники и при этом произвол распоясавшихся "активистов".

— Ты что, хочешь снова "сучьи войны" начать? — гремел бас следователя. — Что у тебя тут творится? Бухенвальд развел, понимаешь! Саласпилс какой-то, лагерь детской смерти! Да твоего Чингизова давно пора расстрелявать.

Майор Макаренко слабо возражал.

— Тебе хорошо из столичного кабинета рассуждать. А мне что делать? Отрядные у меня — алкашня, сам видел. Кто будет порядок поддерживать? Да если я Чингиза на суд отправлю, его на взрослой зоне завтра же убьют. А после завтра тут у меня полный беспредел начнется. Тут же тысяча молодых отморозков, у каждого мешок гонору и сперма вместо мозгов. Если их не прессовать, будет бунт. И пострашнее, чем на взрослой зоне.

Следователь нервно прошелся по кабинету. При всей своей принципиальности он понимал правоту аргументов майора. Наконец ему надоело ходить, он сел к столу и закурил.

— В общем так, все будет зависеть от показаний этого потерпевшего, Сиверчука. Если он будет настаивать на том, что Чингизов его избил, придется заводить дело. Тут я ничего не могу поделать. Да и не хочу.

— И на том спасибо, — обреченно вздохнул майор.

* * *

Сильвер шел на поправку. У него было несколько переломов и сотрясение мозга. Вставать он еще не мог — кружилась голова. Лежал он в отдельной палате изолятора.

Как-то утром дверь в его палату открылась. В нее, опасливо озираясь, проскользнул Быча. Он положил на тумбочку возле койки Сильвера пакет.

— Вот, это тебе пацаны собрали. Типа — грев. Ка ты?

— Все ништяк, махнул рукой Сильвер. — Ка там воздух снаружи?

Быча сел на койку, наклонился к Сильверу и зашептал.

— Наши роги обтрухались. С взросляка малява пришла. Месяц назад бугор

нашей зоны, Козырь, за пьянку залетел. Его в наказание на взрослую отправили. А там с него за беспредел братва спросила. Лом нагрели и в очко загнали. Вот так. А теперь из-за тебя шухер. Комиссия из Москвы наехала. Чингизу новый срок ломится и туда же — на взросляк.

Через час после Бычи явился и сам Чингиз. Он также притащил пакет со жратвой и куревом, только вдвое больший по размерам.

— Тут тебе наши кое-что подогнали, — несмело начал бугор. — Ты пацан духовитый, правильный. Так что тебе решать. Заложешь меня следаку — мне кранты. На взросляке меня, сто пудов, удавят. Без базара. Но я тебя как брата прошу — выручи. Не пожалеешь. Чингиз добро помнить умеет.

Сильвер для вида нахмурился, потом сделал вид, что думает.

— Ладно, — наконец махнул он рукой. — Крови твоей я не хочу. Только на будущее давай определимся. Попробуешь меня согнуть...

— Да о чем базар, кореш! Ты мне братом будешь! — засиял Чингиз.

На следующий день в санчасть заявился следователь. Сильвер поведал ему, что поскользнулся на лестнице, упал и ударился о ступеньки. Поскольку ступенек было четыре, об одну он ударился головой, о другую сломал ребра, о третью... и так далее.

Через пару дней следователь уехал. После выписки из санчасти Сильвер приобрел на зоне высший, хотя и неофициальный статус "братухи главного рога, Чингиза". А вскорости вместе с Чингизом они вышли на волю по амнистии. Начинался новый виток его жизни.

ГЛАВА 9. В ГОРАХ ТОРАБОРА

Лейтенант Куценко вскинул автомат и, почти не целясь, произвел несколько одиночных выстрелов. Пули легли возле самой головы Крюкова, но тот обратил на них не больше внимания, чем на порхающих вокруг мух. Его собственный выстрел пришелся точно в цель.

Крюков сплюнул песок, налипший на губах. Афганистан, округ Хост, развалины крепости Матун, которая, вероятно, помнит воинов Кира Великого и Александра Македонского. Граница с Пакистаном. Днем здесь палит невыносимое пекло, ночью пронизывает ледяной холод. Змеи, скорпионы и прочая дрянь. Вокруг горы и пустыня, братская могила для полчищ персов, македонцев, монголов и англичан. А теперь к ним прибавилась "непобедимая и легендарная".

Какой идиот там, в партии и правительстве, полез воевать в эту дыру, крайнищих и голодных? И каким наивным дураком был он, Крюков, решив спрятаться от Седого здесь, "за речкой". Это то же самое, что, спасаясь от пожара, выпрыгнуть с десятого этажа.

Крюков вспомнил первые месяцы службы. От дедовщины он предпочел укрыться в учебке. Здесь тоже гоняли, но гоняли всех, а это было не обидно. Не надо стирать чужие штаны и портянки, "пидорасить" по ночам полы в сортире и кукарекать "на тумбочке", оповещая "дедушек" о количестве оставшихся до дембельского приказа дней.

Все, что осталось в памяти от того времени — это бег и отжимания. Все передвижения, за исключением ходьбы строевым шагом, делались бегом.

"Если хотите выжить "за речкой", бегайте", — учили вернувшиеся оттуда обстрелянные ветераны. Если новобранцам и дозволялось остановиться, то только для того, чтобы упасть в упор лежа и отжаться с полсотни раз.

Бег не прекращался и ночью. Замполит учебной роты капитан Паниковский, по кличке "Брось-гуся", страдал странной формой бессонницы. Он мучился от отсутствия сна и это мучение доставляло ему странное, почти мазохистское удовольствие.

Брось-гуся приходил в роту после отбоя. Посидев в ротной канцелярии с полчаса, он давал дежурному приказ.

— Поднимай роту по тревоге.

— Р-р-рота подъем! — орал дежурный, радуясь, что сам он хотя бы на эту ночь избавлен от участия в этом идиотизме. — Тр-р-ревога! Строиться с койками на плацу!

Солдаты скручивали постельные принадлежности и складывали их на полу, затем подхватывали вдвоем двухэтажные металлические кровати и, толкаясь в проходе, выбегали с ними на улицу. Тяжеленные кровати норовили завалиться набок.

Брось-гуся засекал время по секундомеру. Если рота не укладывалась в отведенный норматив, подъем повторялся. Если же личный состав успевал, Брось-гуся вел подразделение на штурм близлежащей возвышенности. Бегом, с криками "Ура"! и "За родину!"

Кровати гремели, бойцы матерились, толкаясь и спотыкаясь в потемках. Заняв высоту, рота возвращалась в казарму, где Брось-гуся милостиво разрешал личному составу "отбиться" и заснуть.

Все полгода, проведенные Крюковым в учебке, он мечтал о двух вещах: по-жрать и выспаться.

* * *

— Эй, сержант Крюков, сон-тренаж отставить!

Командир разведроты капитан Куценко занятия проводил всегда сам. Задачу на занятиях лейтенант ставил простую — сосчитать технику в колонне или поразить точным огнем обычную мишень из положения лежа. Но при этом отходил немного в сторону, брал автомат и одиночными выстрелами "щекотал уши" бойцу. Стрелял он неплохо и пули клал в каком-нибудь десятке сантиметров от головы подчиненного.

Во время первой такой тренировки Крюков просто впал в ступор от неожиданности и не мог двинуть ни рукой, ни ногой, а не то, что считать или стрелять. Но потом привык и даже не щурился, когда пули взбивали фонтанчики земли и щебенки возле его головы.

Сейчас Крюков в отсутствие командира взвода исполнял его обязанности. Ротный подозвал Крюкова и развернул перед им карту.

— Получен приказ, готовь взвод к выходу на боевые. Будем штурмовать душманскую базу. Она у командования как кость в горле. Вот, гляди сюда. Это горная цепь Торабора. Левее торчит пик Даригар. Высота — три шестьсот. На его склонах тоже закрепились духи. Наша цель — Джавара — ниже, в трех километрах. Это мощная база, она представляет собой полсотни пещер в горном массиве. Сверху тридцать метров скальной породы. Командует базой полевой командир Усама бен Ладен. Наемник, подготовку прошел в Штатах. Команда у него — настоящие головорезы. Их оттуда никакими бомбами не выкурить. Так что придется их выбивать нашему десантно-штурмовому батальону. А мы как всегда впереди.

Крюков внимательно рассмотрел карту.

— Пока мы будем базу снизу атаковать, они нас с этого Даригара огоньком польют. Убойная позиция.

Капитан закурил.

— На Даригар пойдет вертолетный десант. Афганский спецназ и наши, вторая рота. Афганцы — звери. Элитное подразделение, к тому же — поголовно кровники душманов. Командовать операцией будет сам замминистра обороны генерал-лейтенант Азими.

Крюков поморщился.

— Чем выше шишка, тем больше бардак. Кто будет пилотировать вертушки? Наши летуны?

— Нет, афганцы.

Крюков не удержался от презрительной ухмылки.

— Понятно. Тогда лучше всем застрелиться прямо здесь, до вылета. Горючее сэкономят и мучиться не будет. Ладно, я пошел строить взвод.

Перед погрузкой второй роты в вертушки Крюкова вызвал к себе замполит батальона, майор с хорошей русской фамилией Шут. Крюкова он тихо ненавидел с тех пор, когда в приказном порядке велел ко дню своего рождения принести ему часы "Сейко".

"С какого-нибудь душмана убитого снимешь, — пояснил он. — Вы же, разведчики, впереди идете, вам и так все сливки достаются".

"За сливками сам сходишь" — Крюков добавил непечатное выражение.

Майор Шут не имел привычки отходить от здания штаба больше, чем на сто метров.

Сейчас майор был вальяжен, словно и не было того разговора. Обращался исключительно на "вы".

— Сержант Крюков, вы проследили за погрузкой вертолетов? — строго спросил он.

— С какой стати? — удивился Крюков. — Я же не старшина и не ротный. Бо-еприпасами и жратвой не заведу. И вообще я из другой роты.

— Вы комсгруппорг первой роты, значит и всего батальона, — важно напомнил майор. — И обязаны обеспечивать политрабату в подразделении. Агитаторов боевыми листками снабдили? А переносную ленинскую комнату погрузили? То-то! Идите и проследите. Если что-то упустите, я с вас спрошу со всей строгостью.

Крюков плюнул и вышел из кабинета замполита. Только переносной ленкомнаты ему сейчас не хватало!

Он прошел в казарму и гаркнул во все сержантское горло.

— Первый взвод "Раздолбаев" непобедимой "Китайской" р-р-роты, строиться на бетонке!

* * *

Разведчики карабкались по крутому склону горы Даригар. Шел третий день осады базы. Джавара держалась как Брестская крепость. Командир базы Усама бен Ладен насмеялся над атакующими из своего надежного укрытия.

Вертолетный десант благополучно доставил советских десантников и афганских коммандос по назначению. Спустя полчаса они доложили, что закрепились на Даригаре и полностью владеют этой господствующей над местностью высотой.

Десантно-штурмовой батальон, а следом за ним и афганский пехотный полк при поддержке артиллерии двинулись на штурм базы. Душманы встретили их ожесточенным огнем. Насупило самое подходящее время ввести в бой силы спецназовцев, высадившихся на склонах Даригара. Но они почему-то молчали.

Наконец с горы ударили очереди. Раздались залпы минометов и гранатометов. Но огонь обрушился не на осажденных, а на правый фланг наступающих.

Командующий наступлением генерал Азими и полковник Кареев бросились к рации. Связь с группой десантников оказалась прекрасной.

— Что вы делаете? Немедленно прекратите огонь! — заорал генерал.

— А мы и не стреляем, — спокойно ответил командир десантников.

— Как так? А кто же тогда, мать вашу, стреляет? — удивился Кареев.

— Понятия не имеем. Перестрелка слышна, но где-то далеко.

Темнота, как и везде в горах, наступила внезапно. Огонь с обеих сторон прекратился.

Дайте световой снаряд навесом на вершину Даригара, — приказал полковник и снова обратился к рации.

— Что видите?

— Видим световой снаряд в пятнадцати километрах к западу, — ответили десантники.

Полковник Кареев опустил на снарядный ящик.

— Им п...здец. Они в Пакистане.

Потом полковник посмотрел на генерала Азими.

— Интересно, как ваши вертолетчики смогли среди бела дня промахнуться мимо самой высокой вершины в этой местности?

Генерал долго хлопал глазами, потом вдруг рывком выхватил из кобуры "стечкина" и заорал, брызжа слюной во все стороны.

— Немедленно арестовать командира полка вертолетчиков!

Но оказалось, что тот успел скрыться в неизвестном направлении.

* * *

Артиллерия молотила по склонам Даригара, и по самой базе Джавара, пытаясь выбить душманов с их позиций, но все напрасно. Во время артобстрела душманы прятались в пещерах, а во время атак пехоты снова занимали свои позиции.

Наконец капитан Куценко предложил полковнику Карееву.

— А что если без всякой артподготовки затемно подняться и выбить их оттуда?

Полковник нахмурился.

— А твои ребята справятся?

Капитан усмехнулся.

— Непобедимая гвардейская "Китайская" разведрота? Обижаете, товарищ полковник! Впереди — лучший взвод — "Раздолбаи". Я сам с ними пойду.

— Слышал я про твоих "Раздолбаев". Крутые ребята. Особенно этот, как его, замкомвзвода Крюков. Имя у него еще такое чудное, никак не запомню...

Ночью в потемках разведрота, матерясь принялась карабкаться по крутым склонам хребта Торabora. Капитан Куценко возглавлял тихую атаку. Заняв небольшую возвышенность, он подозвал Крюкова.

— Давай со своим взводом вправо, зайдешь во фланг. Я там еще днем проход заметил. Не заблудишься?

— Ну что вы, товарищ капитан! Я за всю жизнь только один раз заблудился. В метро. Главное, не проспать общее наступление. Чтобы начальству своевременно показаться. Очень уж медальку хочется, перед девками пофорсить.

Крюков собрал своих бойцов и повел в сторону темнеющей на фоне неба гряды. Как и предполагал капитан, они вышли к узкому проходу. Здесь и затаились.

С первыми признаками рассвета начался бой. Батальон при поддержке афганской пехоты снова пошел на штурм. Как только душманы ввязались в бой, на них из засады ударила рота капитана Куценко.

Крюков со своим взводом до поры сидел затаившись. И только когда из-за прохода донеслись гортанные крики и послышался шум тяжелого двигателя, дал команду.

— Вперед, раздолбаи!

Их атака была молниеносной.

— Вах! Ишак сыктым! — успел крикнуть какой-то бородатый мужик в чалме и рухнул, сраженный очередью из "калаша".

Враг бежал в панике. Бойцы Крюкова с интересом осматривали проложенную между скал дорогу и новенькие металлические ворота, закрывавшие вход в пещеры.

— А это что за рухлядь? — почесал в затылке Крюков.

Перед воротами в одну из пещер стоял танк Т-34 времен Великой Отече-

ственной войны.

Разведчики обступили древнюю боевую машину.

— Кто-нибудь умеет с антиквариатом обращаться? — спросил Крюков.

— Могу попробовать, — предложил одессит Юра Верже. — Я до армии с каскадерами работал на съемках фильма про партизан. Там у нас тоже "тридцатьчетверки" были, только фанерой под немецкие "тигры" закамуфлированные. Думаю, что справлюсь.

— Тогда полезли внутрь.

С того места. Где стоял танк, открывался широкий обзор на главную позицию моджахедов.

— Ого, и боезапас имеется! — послышалось через минуту из танка. — Разворачивай башню. Заряжай! Сейчас подкинем духам огоньку!

Внезапный огонь из танка окончательно смешал ряды защитников Джава-ры. Они поспешно бросали свои позиции и откатывались на сопредельную территорию Пакистана.

* * *

Генерал Азими и полковник Кареев осматривали захваченную базу противника. Увидев танк, генерал удовлетворенно хмыкнул.

— Кто вел огонь из танка?

— Гвардии сержант Крюков и гвардии рядовой Верже! — доложил капитан Куценко.

— Это наши герои-разведчики, — пояснил полковник. — Им мы обязаны нашей победой.

Генерал покачал головой.

— Их следует наградить высшими орденами. Проследите за этим, полковник.

* * *

По пещерам сновали солдаты, таскали огромные ящики.

— Это ребята из сорок пятого инженерно-саперного полка. Пещеры взрывать будут, — пояснил Крюкову капитан. — В каждую пещеру загрузили до двухсот противотанковых мин. Только фигня это все. Я ведь до службы инженером был. Гляди — сверху тридцать метров скалы. Тут надо в потолке шурфы сверлить метра по два в глубину и забивать взрывчаткой. Тогда все обвалится. А так — взрывом из пещеры все как из пушки выметет. Будут чистенькие-гладенькие, только без ворот. Приходи и новую базу закладывай. Лучше прежней.

Капитана вызвали на командный пункт. Вернулся он хмурый.

— Вот что, Крюков, собирай своих "раздолбаев" и на погрузку. За нашими полетим. Вторую роту выручать надо.

Над головой уже лопатил винтами воздух низко зависший вертолет.

* * *

Вертолеты огневой поддержки прошли на бреющем полете, поливая огнем местность вокруг плато, на котором отбивались наши десантники. И все же когда транспортник пошел на посадку, с соседней возвышенности, оставляя дымный след, небо прочертила ракета.

— "Стингер", мать его!

Вертолет трянуло так, что Крюков решил: "Кранты котенку". Но они не упали.

Прбитый осколками салон окрасился кровью. Капитан Куценко лежал без признаков жизни.

Крюков не пострадал. разорвал перевязочный пакет и остановил кровотечение из плеча капитана. Оставшиеся на ногах бойцы оказывали раненым товарищам первую помощь.

Крюков пробрался в кабину пилотов.

— Слышь, командиры, как у вас?

Кабина вертолета также была сильно посечена осколками. Пилот в правом кресле не подавал признаков жизни. Другой отозвался.

— "Правак" убит, меня немного зацепило. Попробую посадить. А у вас как?

— Капитана моего сильно задело, — ответил Крюков. — Теперь я за старшего. Постарайся зависнуть вон над той высоткой. Мы с ребятами отождем духов к зеленке и подержим, пока раненых погрузят.

Над горами прошли вертолеты прикрытия, поливая огнем противника. Наконец пилот сумел подвести свою тяжелую машину к нужному месту. Крюков со своими бойцами спрыгнул вниз. Навстречу бежал салабон с перепуганным лицом и лычками младшего сержанта, только недавно прибывший из учебки.

— Ты кто? — спросил Крюков. — Где у вас тут старший?

— Младший сержант Афиногенов, — доложил он. — Командир отделения. Из тех, что еще в строю, я самый старший. Остальные — кто убит, кто ранен.

— Капитально вас тут зажали, — оценил ситуацию Крюков. — а куда же союзники подевались?

— Афганцы ушли пробиваться своим ходом.

— А вы что же?

— У нас много раненых, — пояснил Афиногенов. — И из числа афганцев тоже. Только похоже, из тех кто ушел, никого в живых не осталось. Окружили их внизу и пулеметами покосили.

— Ладно, заноси всех раненых в вертушку, — велел Крюков. Мы прикроем.

Крюков лежал за большим камнем. Ствол его пулемета раскалился чуть не докрасна, да и патроны подходили к концу. Но и погрузка раненых закончилась. Он оглянулся и увидел как сержант Афиногенов машет ему. Крюков на прощанье выпустил длинную очередь и перебежками устремился к вертолету.

Возле машины суетились бойцы с носилками.

— Некуда класть, — развел руками Афиногенов.

— А это что? — Крюков пнул ногой большой ящик, лежавший на полу салона..

— Да эта гребаная переносная ленинская комната, ее так и не распаковали.

— Выкидывай ее на хрен

— Шут убьет, — испугался Афиногенов.

— Скажешь, я приказал, — и Крюков рванул за край ящика.

Вертолет благополучно достиг аэродрома. Уже на подлете раненый капитан Куценко повернул голову и едва слышно сказал Крюкову.

— Если выберусь живым, добыюсь, чтобы тебе "Героя" присвоили.

На летном поле их встречали все те же афганский генерал и полковник Кареев. Только теперь позади них крутился майор Шут. Крюков доложил о потерях, о количестве спасенных людей и единиц вооружения.

— Капитан Куценко тяжело ранен, командование ротой принял сержант

Крюков, — закончил он свой доклад.

— Молодец, сынок! Спасибо тебе! — полковник Кареев смахнул незаметную слезу. — Сам, лично тебя к "Герою" представлю. Сегодня же!

— А переносную ленинскую комнату эвакуировали? — встрял из-за его спины майор Шут.

* * *

Совещание в штабе подходило к концу. Последним как всегда выступил майор Шут. И сразу взял быка за рога.

— Сержант Крюков представлен к ордену "Героя Советского Союза", — прокаркал он. — Прекрасно! Сегодня Крюков оставил противнику переносную ленинскую комнату, а завтра бросит в бою знамя полка. А вы все знаете, что бывает с воинской частью, утратившей свое знамя. Так что я считаю — Крюкова под трибунал надо отдать, а не к ордену представлять!

"Героя" Крюкову так и не дали. Его наградили орденом "Красной Звезды".

ГЛАВА 10. СЕДОЙ

Сразу после убийства наводчика Семы Волоха залег на дно и затихарился. Загадка семиной смерти висела тяжелым камнем. Менты своего стукача убить не могли, Фома тоже. Он к тому времени уже сидел. Призрак терялся в догадках. Он выжидал, но поскольку на нем эти события никак не отразились, постепенно возобновил свою деятельность с удвоенной осторожностью.

От людей он узнал, что Пашу Яхонта менты все же замели — подбросили ему наркоту. Никола Писарь попал было на кичу вместе с ним, но отбоярился. Он заходил время от времени к Призраку, навещал оставленный общак. В таких случаях Волоха просил Лешку прогуляться. Лешка не обижался и шел в кино. Он понимал, что воры должны залезть в тайник под его окном и взять из чемодана или положить в него общаковые деньги.

Постепенно возобновилась и Лешкина учеба на скокаря. Призрак заставлял его самого искать объекты кражи, а также делать всю остальную работу. Сам только контролировал и подстраховывал. Постепенно он стал приучать Лешку к деньгам, вернее к их разумному употреблению.

Призрак учил:

— Грамотный вор должен производить впечатление культурного человека. Ты должен одеваться как артист и уметь найти общий язык с профессором. Поэтому никаких татуировок, никакого блатного жаргона. Это для набушмаченных фраеров.

Лешка купил себе джинсы "Lee" и остроносые ковбойские сапоги. Хотел отрастить волосы до плеч, но Галина Ивановна предупредила, что если он не подстрижется, то помощи на выпускных экзаменах может не ждать. Это был удар ниже пояса и Лешка вынужден был подчиниться.

Вечерами он шлялся по "Бродвею" или "Пешков-стрит", как тогда называли улицу Горького, терся в центральных кабаках. Но иногда менял "Интур" и "Националь" на "Метлу" или "Ангару", что на "Калине". Здесь народ собирался попроще, можно было для души, аккуратно, без опрокидывания столиков и битья посуды помахать кулаками в вестибюле или в сортире.

Лешка не любил гудеть в одиночку и всегда приглашал кого-нибудь из случайных приятелей, любителей выпить на холяву.

Как-то вечером Лешка двигался по подземному переходу — "Трубе" — под Манежной площадью. Направлялся он из ресторана "Москва" в "Националь". Неожиданно его внимание привлекла громкая матерная брань и возмущенное восклицание. Он обернулся. Двое крепко подвыпивших работяг приставали к девушке.

— Что, сучка, рыло воротить? Не нравятся пацаны с "Пятого троллейбусного"?

Лешка двинулся к ним.

— Эй, гегемоны! Хиппи задрищенские! А ну быстро завяли и свалили отсюда!

— Сам вали, козел!

Один из молодых пролетариев размахнулся и постарался заехать Лешке в глаз. Не попал. Лешка не стал дожидаться продолжения и нанес резкий удар поддых сначала одному, а затем и другому. Пацаны с "Пятого троллейбусного" как-то сразу утратили боевой пыл и присели за колонной, пытаясь глубоко

вздохнуть. Это им удалось далеко не сразу.

— Не бойтесь, девушка... — начал Лешка и осекся.

— Ты? Вот это встреча!

Перед ним была Надя. Она обрадовалась встрече не меньше Лешки. Оба повзрослели за то время, что не виделись.

— Ты же как-то говорил, что ненавидишь, когда вопросы решают силой, — с улыбкой напомнила она.

— Я ненавижу насилие. А это разные вещи. К тому же эти хамы явно придерживаются другой точки зрения, — возразил Лешка. — Поэтому пришлось объяснять им понятным языком. Ты куда-нибудь торопишься?

Надя никуда не торопилась. Они посидели в "Московском", выпили по паре коктейлей и вспомнили детство. Надя собиралась после школы на журфак. Этот разговор заставил Лешку задуматься о собственном будущем. Поскольку он не испытывал тяги ни к ботанике, ни к физике, а с историей был знаком в рамках книжек Дюма-отца и Вальтера Скотта, то решил поступать в театральное училище. В какое именно — неважно.

После того разговора у Лешки появились друзья в мире искусств. Общение с завсегдатаями ресторанов, ипподрома и прочих мест проведения культурного досуга позволяло Лешке тщательно отбирать кандидатов на "раскулачивание".

Один из новых друзей-наводчиков работал вахтером в ГИТИСе и два года безуспешно пытался в него поступить. Нестандартная половая ориентация обеспечивала ему обширные знакомства среди состоятельных граждан. Другой — официант из ресторана "Кама", однажды провел его на спектакль в "Таганку" и познакомил с самим Высоцким. Тем вечером Лешка и встретился с Крюковым.

После ареста Сильвера и ухода Крюкова в армию Лешка заскучал, перестал выбираться в свет и торчал дома. Как-то вечером вдвоем с Призраком они обсуждали план предстоящей кражи у товароведа из антикварной комиссии. Тот хранил нажитые непосильным трудом деньги не дома, а под полом гаража. Обсуждение было прервано условным звонком — два длинных, один короткий.

Лешка открыл дверь и замер. Перед дверью стоял Седой. Тот самый сосед Нади, которому он так удачно обменял драгоценный орден Гитлера на кошачье дерьмо. Только через секунду Лешка сообразил, что Седой его никогда не видел и не знает. Гость внимательно смотрел на Лешку светлыми, чуть красноватыми глазами альбиноса.

— Я к Волохе, — бросил он.

Лешка проводил его в комнату. Волоха встретил пришельца настороженно.

— Откуда будешь, мил человек, на какое погоняло отзываешься?

— Седой я. Меня Фома прислал с весточкой.

— И где она, та весточка?

Гость сел к столу и положил перед собой сверкающий хромом ломик-монтировку.

— Вот она. Узнал арматуру? — спросил он.

Волоха взял фомку и внимательно осмотрел.

— Как не узнать? Знакомая "балерина". Любит Фома фомкой орудовать, отсюда и погоняло получил. Шнопырь, одно слово. А по мне отмычка вернее.

Где Фома сейчас? Парится?

Седой утвердительно кивнул.

— Да, у хозяина он. Нары полирует. Кланяться тебе велел и просил помочь, если сможешь.

— И что тебе надо, убогий? — Призрак и не пытался скрыть своего пренебрежения к пришельцу.

— Дело хочу предложить верное. Работы на полчаса, капусты — немерено.

— А чего сам не возьмешь? — недоверчиво прищурился Призрак.

— Одному не поднять. Подхват нужен.

— Это что значит, мне к тебе в подпаски идти? — усмехнулся вор. — Заманчивое предложение — к фраеру набушмаченному в шестерки записаться.

— Что ты, что ты! — не на шутку перепугался Седой. — Наоборот! Ты мастер, а я за помогало буду. Кто же спорит?

Волоха презрительно скривился:

— Ладно, Седой, слушай внимательно. Повторять не буду. Я в завязке. Прошляком заделался. Когда увидишь Фому, так ему и передай.

Гость покачал головой.

— Послушай, Призрак, ты, может, не въезжаешь? Зуб даю, дело верняк! Хата принадлежит одному генералу. А его пахан маршалом был. Старик после войны половину Германии выгреб. Батя мой его всю войну возил. А когда бате червонец вкатили, за то, что какую-то немецкую сучку трахнул, этот козел даже не почесался. Вот тебе и благодарность! Не я буду, если не подломлю кубышку этого гада. У него ценностей немерено. Бабки, рыжье, цацки-побрякушки. И огоньки имеются, брюлики-изумрудики. А одному ордену просто цены нет. Он его из музея увел. В центре алмаз чуть ли не с куриное яйцо. "Глаз Циклопа" называется. У меня на него и купец уже имеется.

Лешка напрягся, но Волоха прервал рассказчика.

— Я же тебе сказал — не бегаю больше, завязал. Отошедший я. Слышь, Леша, сделай одолжение, проводи гостя.

Седой поднялся и молча вышел. Лешка закрыл за ним входную дверь и вернулся в комнату. Сверкающая фомка так и осталась лежать на столе перед Волохой.

— Почему ты отказался? — спросил его Лешка.

— Я, Лях, мусорской дух за версту чую.

— А разве Седой — мусор?

— Самой чистой пробы. И не простой мусор. Чекист он, тухлятиной от него прет. И про батю своего он нам тут по ушам ездил — что твой Фенимор Купер.

— Так он ведь вроде от Фомы. Ты же сам признал.

— "Балерина" точно от Фомы, — Волоха покрутил в руках фомку, — а вот откуда этот кролик белый ее взял — может мы когда и узнаем. Я вот думаю — не этой ли дырой Семе голову проломил и меня тогда в переулке чуть не приласкали? И не он ли Семе те самые "верные набойки" давал?

Лешка наморщил лоб от напряжения.

— А я знаю, на чью квартиру Седой тебя навести хотел, — сказал он. — это хата генерала Павлова. Я с его дочкой в одном классе учился. Только нет там никаких брюликов. И рыжья нет. А вот почему он про орден и "Глаз Циклопа" протрепался, не пойму. Может потому, что уже в расход нас обоих списал?

— Тем хуже для нас, — проронил Призрак. — Только такие предложения за

здорово живешь не делаются и добром не кончаются.

* * *

Наутро Седой позвонил Волохе по телефону.

"Ну как, — спросил он, — не передумал?"

В ответ Волоха послал его открытым текстом.

"Лады, — ответил Седой, — себе же хуже делаешь".

Лешку взяли на входе в "Метрополь", где он собирался с утра пораньше попить кофе в компании завсегдаев, и отправили в отделение милиции. Но доставили его не в "Полтинник", как следовало ожидать, а в "Восемь-восемь", в отдел милиции по охране Красной площади. Здесь его завели в "обезьянник" и забыли.

Спустя три часа в камеру завели знакомого Лешке по пьянкам в "Интуре" валютчика и кидалу Нодарика. Его сняли с двадцатого этажа, где он пил кофе в компании итальянских туристов. Нодарик не сопротивлялся, но напоследок пообещал ментам:

— Подождите, я ваш "Интур" куплю от крыши до подвала! А вас на пушечный выстрел не подпущу!

Он преувеличивал. Лет через десять он действительно вернулся сюда хозяином. Всю гостиницу, правда, не купил, хотя при желании смог бы, а ограничился любимым двадцатым этажом, который снял под офис, а также открыл при отеле казино "Габриелла".

Не успели задержанные перекинуться между собой парой слов, как в дверь просунулась усатая голова сержанта.

— Воронцов, на выход!

В кабинете инспектора уголовного розыска Лешку ждал неприятный сюрприз. Тощий субъект в штатском, то ли инспектор, то ли следователь, сидел за столом и вертел в руках пистолет-зажигалку, память о первой краже, непонятно как изъятую из ящика с инструментами. Хорошо, если менты добрались только туда и не в курсе насчет тайника под оконным карнизом.

С первой кражи прошло немало времени, Лешка уже успел забыть о своем трофее. А ведь Волоха его предупредил, что нельзя брать ничего кроме денег!

— Объясните, гражданин Воронцов, как вещь, подаренная коллегами Михаилу Моисеевичу Гольденблюму, оказалась у вас? — вкрадчиво попросил следователь.

— Понятия не имею. Может подарил по пьянке или в карты проиграл? А что он сам говорит? — поинтересовался Лешка.

— Сам он сидит в Мордовии, в колонии общего режима. Мы послали туда телеграфный запрос и ждем ответа с часу на час. Если факт кражи подтвердится, разговор с вами будет вестись по-другому. Поэтому лучше чистосердечно признайтесь. Откуда у вас эта вещь?

— Признаюсь чистосердечно, — заявил Лешка. — Нашел на улице. Можно прокурору жалобу написать?

— Очень жаль, — печально произнес инспектор, — что вы, гражданин Воронцов, не хотите помочь нам в установлении истины.

— Истину я вам только что изложил, — стоял на своем Лешка. — Только мне кажется, что вам на истину плевать. Вам просто посадить меня нужно. Хотите, чтобы я вам помог? Не дождетесь.

Взгляд следователя посуровел. Он вызвал милиционера и Лешку увели назад в камеру. К огорчению следователя осужденный Гольденблум тоже не захотел устанавливать истину и факт кражи не подтвердил. Поэтому Лешку, до полусмерти искусанного за ночь злыми ментовскими клопами, наутро отпустили. Но перед самым выходом Нодарик, который ждал отправки в КПЗ, шепнул ему:

— Слышь, Лях, тут в коридоре менты базарили, что тебя сюда спецом сунули, чтобы какого-то Призрака развести.

На этом период относительно спокойной жизни Ляха закончился.

* * *

А началось все с приятного сюрприза. Позвонил Сильвер, и сообщил, что его "нагнали" по амнистии. Освобождение друзья решили отметить тем же вечером в ресторане гостиницы "Берлин". Это был единственный день недели, когда тамошний оркестр имел свой законный выходной. А посему никто не оглушал посетителей ревом и грохотом инструментов, лишь по какому-то недоразумению именуемых музыкальными.

Был чудесный зимний вечер. До Нового года оставалось чуть меньше недели. Крупными хлопьями падал снег.

Сильвер предложил встретиться возле елки у Большого театра.

— Отвык от нормальной жизни. Елка, салат "оливье", мандарины, шампанское. Там, на зоне, понимаешь, все больше одеколон жрать приходилось.

А совсем неподалеку от места их встречи, укрывшись за колонной Большого театра, кряхтел сильно пьяный человек. Он стоял лицом в угол и мочился на стену, не обращая внимания на прохожих.

— Как не стыдно! — воскликнула с гневом шествующая мимо солидная дама. — А еще военный!

— По... почему военный? — в недоумении спросил пьяный.

— А кто же? — в свою очередь удивилась дама. — Шапка-то на тебе какая!

— А какая? — с неподдельным интересом спросил пьяный.

Он громко икнул, еще громче пукнул и стянул с головы форменную солдатскую шапку с кокардой, нахлобученную к тому же задом наперед. Долгое время он сосредоточенно и обескуражено ее рассматривал, потом, наконец, произнес.

— Странно... А была ондатровая...

Свернув за угол Малого театра, Сильвер и Лях увидели другого, не менее пьяного человека. Одет он был странно — в офицерские сапоги гармонию, распахнутую солдатскую шинель и ондатровую шапку. Он определенно кого-то или что-то искал. Этим странным человеком был Крюков.

— Во, блин! Флибустьер! Шкипер! Каким ветром?

— А, это вы? — казалось, Крюков совсем не удивился. — Куда собрались? Я с вами. Не мешало бы сейчас пивка. Освежиться.

— А кого ты тут ищешь? — поинтересовался Лях.

— Да с хорошим человеком тут познакомился, — Крюков все еще продолжал озираться по сторонам. — Вмазали вместе. Шапка его вот тут, а самого нет. В моей куда-то уканал. А меня ведь без моей шапки обратно в армию не пустят.

— А что ты тут делаешь? — Сильвер все еще не верил своим глазам.

— Я делегат на этом... Ну как его?... Короче какая-то херня по линии комсо-

мола, — гордо сообщил Крюков.

— Ладно, завтра заскочим в военторг на Калине и купим тебе шапку, — пообещал Лях.

— А лучше пойдем к мавзолею и с часового снимем, — предложил Сильвер. Ему ведь все равно нельзя двигаться.

Крюкову идея понравилась, он весь так и загорелся ею.

— Они же с карабинами, — пытался остановить друзей Лях.

— Карабины не заряжены, — отмахнулся Крюков.

А Сильвер добавил

— Они же там не шапки свои охраняют, а труп товарища Ленина. А нам его труп на хер не нужен.

С ним согласились.

— Но сначала выпьем! — Лях понял, что это единственный шанс удержать друзей от совершения особо опасного государственного преступления.

— Да, сначала выпьем! — поддержал его Крюков. — Нужно освежиться.

— Тогда сначала идем в "Метрополь", оттуда в "Москву", далее везде, — предложил Лях.

И понеслось. В голове Крюкова все смешалось. Он смутно запомнил темнеющий в вышине витраж на потолке "Метрополя", похожий на вокзал интерьер ресторана гостиницы "Москва", бесконечно длинную анфиладу малогабаритных залов "Националя". Везде они много пили и немного закусывали. Наконец, пройдя каким-то служебным коридором, они оказались в "Интуристе". В коридоре Крюков проблевался и немного пришел в себя.

В зале "интуровского" ресторана "Звездное небо" ему стало совсем хорошо. Он, наконец, соблаговолил расстаться со своей шинелью (дембельская, боялся, что украдут) и оказался облаченным в джинсовую куртку, украшенную орденом Красной Звезды. В сочетании с тельняшкой, военными галифе и сапогами выглядело все это довольно странно.

— Слушай, а за что ты Красную Звезду получил? — спросил между переменной напитков Лях.

— За переносную ленинскую комнату, — коротко пояснил Крюков.

— А разве за ленинскую комнату ордена дают? — удивился Лях.

— Дают, — заверил его Крюков. — В зависимости от того, как ты эту комнату употребишь. Пошли в сортир прогуляемся.

— Отлить хочешь? — уточнил Сильвер.

— Не-а. Может с кем подеремся, — высказал надежду Крюков.

В приятно пахнущем туалете Крюков с удивлением воззрился на поддатого мужика в безрукавке, руки которого до самых плеч были сплошь покрытого наколками из голых баб и свастика. Мужик мочился мимо писсуара и чесал на чистом английском с таким же татуированным оборванцем.

— А это что за фашистские морды? — поинтересовался Крюков.

Лях снисходительно улыбнулся.

— Газеты надо читать. Это английские шахтеры. Приехали к нам по приглашению центрального совета профсоюзов. Их там у себя Маргарет Тетчер затрахала во все дырки.

В это время снизу, из расположенного в подвале валютного бара, послышался шум и крики на разных языках. Заморские стахановцы мигом стряхнули с конца последние капли и, толком не застегнув ширинок, бросились на

шум.

— Там драка! — радостно объявил Крюков.

— Там иностранцы! — возразил Лях.

— А у меня справка об освобождении вместо паспорта, — предупредил друзей Сильвер.

— Тогда ты оставайся, — разрешил Крюков. — А мы с Лехой — аделанте, флибустьеры!

И покатился вниз по лестнице. Ляху и Сильверу ничего не оставалось как последовать за ним.

В валютном баре витал запах разврата и морального разложения. Здесь пахло дорогим импортным табаком, французской парфюмерией и прочими отходами капитализма.

Картину, которую увидели трое друзей внизу, можно было бы сравнить разве что с дракой в салуне из американского вестерна. Высокая барная стойка была проломлена чьей-то крепкой головой. В воздухе летали тяжелые дубовые стулья. Оркестранты в атласных косоворотках боязливо жались в углу и отмахивались от агрессоров своими балалайками. В центре зала шло настоящее месилово. Дрались все со всеми. Чувствовалось, что люди получают огромное удовольствие.

Оттолкнув в сторону друзей, в бар хозяйской походкой вошли двое в штатском. Это были лейтенант Мурашов, пониженный в чине после пожара в гостинице "Россия", и младший лейтенант Ниночкин. Они несли службу в гостинице.

— Немедленно прекратить драку! — громко потребовал Мурашов

Но на него не обратили ни малейшего внимания. Тогда он угрожающим жестом извлек из кармана красное служебное удостоверение.

— Криминал полис! — сообщил он.

— Кей джи би! — поддержал его Ниночкин.

Из толпы дерущихся вылетел тяжелый стул с высокой спинкой и снес Ниночкина. Следом из кучи выбрался могучий английский горняк.

— Фак ю, шит! — сообщил он Мурашову и принялся месить его натруженными мозолистыми руками.

Этого Крюков не мог стерпеть.

— Аделанте, флибустьеры! Бей инглизов! Снимай с них скальпы! — рявкнул он, налетел на горняка и вырубил его ударом сапога в промежность.

На него тут же навалились двое передовиков-шахтеров.

— Ну что, отомстим за смерть Нахимова? — поддержал друга Лях и врезался в свалку.

— У меня же справка... — вяло пытался возразить Сильвер, махнул рукой и тоже пошел валить братьев по интернационалу.

Поддержка друзей в корне переломила ход битвы. Минуты через три шахтеров отгеснили в угол. В этот момент в бар ввалился постовой милиционер в форме и дунул в свисток.

— А ну прекратить! — гаркнул он.

Шахтеры вмиг присмирели и как ни в чем не бывало принялись поднимать с пола и расставлять опрокинутые столы и стулья.

— Ни хрена себе, — тяжело дыша возмутился Ниночкин. — Ни криминальной полиции, ни "кей джи би" не боятся, а простого постового испугались.

Окончательно протрезвевший Крюков уныло рассматривал наполовину оторванный рукав джинсовой куртки.

— Постовой в форме для них власть, — пояснил он. — А вас они приняли за обычных вышибал.

К ним подошел Мурашов.

— Спасибо, мужики, — поблагодарил он.

Сильвер напрягся. А вдруг менты документы спросят? Но те были заняты другим.

— Слушай, орденоносец, давай к нам в Управление спецслужбы, — предложил Крюкову Мурашов. — Нам такие парни нужны.

— Как только дембельнусь, так сразу, — пообещал Крюков.

Друзья вернулись за стол. Лях заказал еще выпивки и тут уж Крюков сорвался в штопор. Выводили его с трудом.

— Куда его такого? — озабоченно спросил лях, сам нетвердо стоявший на ногах.

Сильвер загадочно усмехнулся.

— Есть тут поблизости один хороший человек.

И они, поддерживая друг друга, заковыляли в сторону "Трубы".

* * *

Герой-разведчик Великой Отечественной, водрузивший над Рейхстагом красное знамя, Мелитон Кантария безвыездно жил в гостинице "Москва", что в самом центре столицы. Старик пользовался любовью и уважением всего персонала гостиницы и даже обслуживающих ее милиционеров. Через их сквозную комнату он частенько проводил к себе в номер гостей, минуя посты швейцаров, служивших негласными помощниками КГБ. С племянником героя, известным мазевым каталой, карточным игроком, Сильвер ломал пайку в Краснопресненской пересылке.

Батоно Мелитон принял друзей как родных. Гвардеец-разведчик Кантария мигом устроил гвардейца-разведчика Крюкова в одном из вечно пустующих номеров корпуса "Б", предназначенного для размещения депутатов Верховного Совета.

Они договорились встретиться на следующий день и Лях отправился домой.

* * *

Лях поймал такси и всю дорогу торопил шофера. Его не отпускало странное тревожное предчувствие. Квартира оказалась пуста. Волохи дома не было. Только на кухонном столе под перевернутым блюдцем Лешка нашел Волохину записку: "Не ищи меня".

Искать Волоху и не понадобилось. Рано утром в квартиру заявился участковый.

— Колычев Владимир здесь проживает?

— Здесь, только его дома нет, — ответил Лешка.

Он впервые слышал Волохину фамилию, но догадался, что речь идет о нем.

— А из родных его есть кто дома?

— Нет, мать в больнице лежит.

— А ты кто?

— Сосед.

— Опознать сможешь?

— Что?

— Не что, а кого. Соседа своего, Колычева Владимира.

— Конечно смогу.

— Тогда поехали.

Лешка не сразу понял, что его везут в морг. А когда сообразил, отметил, что процедура эта становится для него привычной. Сначала отец, потом Волоха. Кто следующий?

Волоху он узнал, хотя и не без труда. Его лицо, как и лицо отца, почернело и распухло. С одной стороны оно было вдавлено, словно по нему проехал грузовик. В виске зияла аккуратная круглая дырочка. Санитар собирался совсем откинуть покрывавшую тело простыню, но патологоанатом придержал его за руку.

— Дальше парню лучше не смотреть. Там все словно через мясорубку прокручено. Для опознания этого достаточно. Слушай, — обратился он к Лешке, — а твой друг всегда за щекой лезвие таскал?

— Два, — ответил Лешка. — Два лезвия.

— Мы только одно нашли, другое он наверно проглотил, — ухмыльнулся санитар. — С тебя полсотни.

Он наклонился к Лешке и протянул ему что-то мелкое, завернутое в обрывок газеты.

— Что это? — на понял лешка.

— Я слышал, убитый вором был, — сказал санитар шепотом. — Это обмылок, которым я его обмывал. Удачу приносит, с ним никогда менты не заметут.

Лешка заплатил деньги, забрал обмылок, потом подписал протокол опознания и вышел на улицу. Голова у него шла кругом. Он не помнил как вернулся домой. Вечером позвонил Колька Писарь и сказал, что зайдет за чемоданом.

Лешка залез в тайник, извлек оттуда общак и вдруг увидел коробку, которой раньше здесь не было. Он открыл ее. Внутри лежал Волохин алюминиевый крестик, деньги, что-то около пятидесяти тысяч рублей, и странный завернутый в газету предмет. Лешка развернул его. Он узнал его сразу. Это был наградной крест Гитлера, украшенный в центре кровавым алмазом.

Он набрал телефон Нади Павловой, но у нее никто не подходил. В коробке лежала еще одна записка от Призрака: "Теперь, Лях, это все твое. Волоха".

Коробку с волохиным наследством Лешка оставил себе, а чемодан с общаком той же ночью передал Писарю и рассказал ему все, что знал о смерти наставника. Тот ответил, что похороны Призрака он организует сам и посоветовал залечь на дно.

Лешка не ожидал, что на похороны Волохи на Ваганьковское кладбище соберется так много народа. В основном это были люди с грубыми, покрытыми явно не курортным загаром, лицами. Лешка не лез вперед, держался с краю и ушел как только гроб опустили в могилу. У выхода с кладбища он неожиданно столкнулся с Надей. Глаза у нее были воспалены, голова покрыта черным платком.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Лешка. — Я звонил тебе, но никто не брал трубку.

— Мы папу хоронили. Его убили. Чем-то острым в голову ударили, — ответила Надя. — Мы сейчас живем на даче. А в квартире милиция работает.

— Вашу квартиру обокрали?

— Откуда ты знаешь?

— Я сейчас похоронил друга, — сказал он. — Его тоже убили, причем очень похожим способом. Чем-то острым в голову ударили. Ты не знаешь, кто мог убить твоего отца?

— Как кто? — удивилась Надя. — Грабители, конечно. Недавно неизвестный человек позвонил папе и предупредил, что скоро нас придут грабить. Папа отправил нас с мамой на дачу. Он позвонил одному знакомому. Помнишь Седого? Он сейчас в КГБ работает. Но его не было на месте. Мы с мамой провели выходные на даче и утром вернулись. Папа был убит, двери взломаны, а в квартире все перевернуто вверх дном. Унесли разные вещи, всю коллекцию, которая от деда осталась. Но следователь сказал, что у них уже есть версия и скоро похищенное найдут.

Лешка остановился.

— Ничего они не найдут. Но я тебе обещаю, что убийцу твоего отца отыщу и сам с ним разберусь.

Надя покачала головой.

— Зачем тебе это?

— Потому что моего друга убил тоже он. Печенкой чую. Иди, тебя ждут.

На этом они расстались.

А вечером следующего дня в Лешкину квартиру завился наряд милиции во главе со старым знакомым, тощим следователем. Пока одни милиционеры неторопливо обыскивали Лешку в коридоре, другие сноровисто рассовали по комнате несколько принесенных с собой предметов.

К тому моменту, когда участковый привел понятых, все было готово. На глазах изумленных соседей из серванта были извлечены две небольшие картины голландского художника семнадцатого века де Влигера и той же эпохи кувшин, сделанный из раковин моллюсков-наутилусов, в серебряной оправе. Те самые вещи, что были похищены из квартиры генерала Павлова.

— А ведь тебе по-хорошему сознаться предлагали, — укоризненно заметил следователь. — Ну что, теперь-то будешь писать чистосердечное признание?

* * *

Чистосердечное признание Лешка писать не стал. Он хорошо помнил наказ Призрака — ни в чем не сознаваться. Его продержали три дня в камере при отделении милиции. На четвертый день его отвели к следователю.

В кабинете кроме него и оперов находилась Надя. Следователь выглядел злым и обескураженным одновременно.

— Почему же вы, гражданин Воронцов, сразу не сказали, что найденные у вас при обыске предметы антиквариата были не украдены вами, а переданы вам на хранение гражданкой Павловой? — желчно спросил он.

Лешка развел руками.

— Я говорил, что ничего не воровал. Но вы не стали записывать это в протокол, а требовали, чтобы я себя оговорил.

— Ладно, — буркнул следователь. — Распишитесь здесь и можете быть свободны. Пока.

Когда формальности были улажены и он вышел на улицу, Нади уже не было. И Лешка отправился домой.

* * *

Лешка задумался. Стоило ли продолжать воровать? С одной стороны, ничего другого делать он не умел, с другой — именно сейчас у него появился шанс круто изменить свою жизнь. Крюков умотал дослуживать свой срок, Сильвер снова уда-то исчез.

Лях решил на время исчезнуть из поля зрения милиции. Для начала он решил обзавестись машиной.

В Южном порту он присмотрел шедевр отечественного автостроения — шестую модель "жигулей". Новую, с пробегом в каких-нибудь пять тысяч километров. Он мог бы купить и "волгу" или огромный сверкающий изумрудным лаком "шевроле-корвет". Денег хватило бы с лихвой, но он решил не светиться понапрасну. Поэтому и машину решил зарегистрировать по доверенности. Бывший владелец не возражал.

Когда они оформили все документы и Лях расплатился с продавцом, мимо них проехала белая "волга". На ее капоте лежал мужик и орал. Из салона машины доносились веселые голоса. Через опущенное стекло Ляху показалось, что он увидел в машине Сильвера.

— Кидняк, — по своему понял его взгляд продавец. — Последнее время чуть не каждый день такое случается. Сначала кидалы платят в кассу номинальную цену, потом владелец оформляет на них все документы. После этого покупатели должны доплатить продавцу оговоренную сумму, для "волги" это, считай, вдвое против госцены и получить в обмен документы. А они просто дали ему в морду и документы забрали. Так что получается — купили тачку по госцене. Видно пожадничал мужик. Что — не видит кому продает? Этим в основном черножопые промышляют, но этого, похоже, наши, славяне кинули.

Вечером того же дня Ляха снова навестил участковый, узнал, что тот нигде не работает и посоветовал ему побыстрее устроиться на работу. В противном случае пообещал сам устроить ему направление на "сто первый километр".

Лях понял, что в покое его не оставят. Он закрыл квартиру на ключ, сел в машину и поехал туда, где менты стали бы искать его в самую последнюю очередь. К батону Мелитону, в номер гостиницы "Москва", освобожденный Крюковым.

Шикарный номер вместе с суммой взятки обошелся Ляху даже дешевле, чем он рассчитывал. Съездов и пленумов в обозримом будущем не предвиделось и Лях мог не бояться экстренного выдворения из незаконно занятых апартаментов.

* * *

До Нади Лях сумел дозвониться только через месяц. Он предложил ей встретиться и она согласилась. Они сидели в ресторане "Метрополь". Их столик находился в самом центре зала, рядом с фонтаном. Лях любил это заведение, так как был некурящим. Благодаря колоссальной высоте потолка табачный дым здесь не скапливался внизу, а уходил ввысь, к темневшему в глубине пространства витражу. Кухня, правда, была так себе, но в то время она везде была практически одинаковой. Все дело было в добросовестности повара. Ляха же здешние повара и официанты уважали за щедрые чаевые.

— Для чего ты меня вызвал? — спросила Надя.

Лях протянул ей крест.

— Я нашел его, — сказал он..

— А убийцу ты тоже нашел? — спросила она.

— Еще нет, — он опустил голову. — Но найду обязательно. Спасибо за заявление там, в ментовке. Снова ты меня выручила. Как тогда, в детстве. Зачем ты это сделала?

Надя отпила глоток минеральной воды.

— Во-первых я знаю, что ты не виноват. И ты только что это подтвердил, вернув мне крест. А во-вторых — ты чем-то опасен преступникам. Они подбросили тебе краденые вещи и пытались посадить.

— Знаешь, пусть лучше этот орден останется у тебя, — попросила Надя.

— Не понял?

— Я вышла замуж. Теперь у меня новая жизнь и я не хочу, чтобы что-то тянуло меня в прошлое...

Ляха известие о надином замужестве просто убило.

— Ты его любишь, своего мужа? — спросил он.

— Не знаю, — призналась она. Но он хорошо ко мне относится. Он сильный, а мне сейчас очень одиноко. Как-то я рассказала об этом ордене мужу. Он орал как сумасшедший. Кричал, что я проворонила целое состояние, вообще вел себя отвратительно. Представляешь, он еще не видел "кровавого камня". Что же будет, если он возьмет его в руки? Нет, это испытание не для него. Камень его погубит. А я хочу покоя и нормальной семейной жизни.

Казалось, она доказывает что-то не Ляху, а сама себе. Он усмехнулся.

— Предпочитаешь, чтобы "кровавый камень" погубил меня?

— Ты сильный, тебе он не страшен. Ты уже не раз это доказал тем, что отказывался от него. Этот крест не для тебя. А ведь он стоит огромных денег.

Лях помрачнел.

— Именно поэтому я и не могу его взять. Но хочу предупредить тебя. Не вздумай его продавать. Его цена не деньги, а жизнь.

Хорошо, спасибо за крест и за совет, — Надя убрала драгоценность в сумочку и повесила ее на спинку стула.

— Надеешься, что его кто-нибудь украдет? — усмехнулся Лях.

— Я отдам крест на хранение одному человеку. Все, не хочу больше думать об этом, — отмахнулась она. — Давай лучше выпьем.

Ляху этот вечер показался лучшим мигом его жизни. Он пил легкое вино и слушал Надю. Больше всего на свете ему сейчас не хотелось с ней расставаться. Но он знал, что это невозможно.

Тем временем музыкальный ансамбль закончил обязательную программу из песен советских композиторов и перешел к ритмам зарубежной эстрады. На сцену вышел Олег Попов. Нет, не знаменитый Солнечный клоун, а не менее знаменитый в кругах завсегдатаев ресторана певец.

Некогда Олег прославился дракой в вестибюле гостиницы с перуанским дипломатом. Тот снял девочку, всю дорогу поил ее шампанским и угощал икрой, а в финале томного вечера она вдруг вильнула хвостом и отправилась с Олегом. Драка вышла славная. Даже когда их растащили, противники все еще пытались угостить друг друга добрым пинком в основание корпуса.

Досталось и подоспевшему начальнику милиции. Дипломат "надел" его "на калган", то есть ткнул лбом в большой красный нос. Короче, веселились как могли. Из МОМА, Московской организации музыкальных ансамблей, монопольно поставлявшей кадры столичным ресторанам, Олега за это едва не выгнали, но, спасибо, заступились друзья из Малого театра, что стоял по сосед-

ству через улицу.

Сегодня Олег выдавал хиты из репертуара Джо Дасена.

"Салю сетокомба, салю камонтюва"!... - заливался он бархатным баритоном. — Потанцуем? — пригласила Надя.

Лях танцевать не то, чтобы не умел, а попросту никогда и не пробовал. Но, поглядев кругом, он обнаружил, что и другие не блещут хореографическими способностями, однако бодро топчутся перед эстрадой.

— Пошли, — согласился он.

"Салют" сменила "Эсетюнекзистепа". Лях потерял ощущение времени и пространства. Сейчас он боялся одного — что этот сон когда-то кончится и он снова вернется в мир грязи и насилия.

А Олег жарил без перерыва. Теперь он тянул "Бабье лето", почему-то по-русски:

"Где же ты и где искать твои следы?

Как тебя найти? Никто не может мне подсказать.

Лишь во сне порой приходишь ты ко мне,

Чтоб уйти под утро опять"...

А потом была ночь в гостиничном номере. Они иступленно любили друг друга до полного изнеможения. Потом, обессилив, лежали и рассматривали игру отражений уличных огней на потолке комнаты.

— Что скажешь мужу? — спросил Лях.

— Его нет дома. Он в командировке. Хочешь, поедем ко мне?

— Нет, — отрезал Лях. — Я вор, а не нищий. Прощай.

Он посадил ее в такси. Смотрел как скрываются огни увозившей ее машины.

* * *

Лях вернулся за свой столик. Неожиданно к нему подсел знакомый тип в замшевом пиджаке. Звали его Леней. Когда Лях с ним познакомился, Леню за фарцовку выперли с журфака и его отец, известный журналист-международник, отправил его на исправительную работу в типографию. В отличие от Ляха для Лени эти годы прошли с пользой.

— Можно сесть? Не занято? — спросил Леня.

— Сесть всегда можно, была бы статья. Падай, место не куплено.

— Давно не виделись. У тебя, говорят, проблемы? Друга убили?

— А ты откуда знаешь? — напрягся Лях.

Леня сочувственно покряхтел.

— Так ведь я на телевидении работаю. С людьми разными общаюсь. Разговор у меня к тебе есть серьезный.

— Тогда пошли проветримся.

Разговор они продолжили на улице, поскольку Лях знал, что столики в "Метрополе" прослушиваются. От промозглого дождя они спрятались в машине Ляха.

Леня был подозрительно возбужден. Он курил одну сигарету за другой, его глаза горели лихорадочным огнем.

— Слушай, Лях, ты поработать не хочешь?

— В смысле? Лес валить? Благодарю, только по приговору суда. Тьфу-тьфу, не накаркать бы. Я ведь легкотрудник-белобилетник. Могу справку показать.

Журналист смущенно поерзал на сиденье.

— Я понимаю, что выгляжу ментовским стукачом и провокатором, но поверь, подставлять тебя не собираюсь.

Лях за время знакомства составил о Лене вполне благоприятное мнение. Он был разгильдяй и пьяница, но парень неплохой. Впрочем, людям свойственно меняться. И все же Лях не спешил с выводами.

— Допустим я не считаю тебя стукачом. Но все равно какой-то базар у нас с тобой идет несерьезный...

Леня поглядел по сторонам и понизил голос:

— Серьезнее некуда. Ты про Горбатого слышал?

— Слышал, что-то болтали. Питерский вор, по антиквариату работает, — ответил Лях.

— А ты знаешь, что он — главный эксперт Эрмитажа. Его фамилия Алексеев, и сам Пиотровский без него ничего не решает? Так вот, работать будем на него. Типа — московский филиал. Доход впополаме. Другим он треть предлагает, все равно соглашаются. За счастье считают. Его наколки — чистый верняк. Получаешь миллионера на блюдечке и стрижешь. И со сбытом никаких проблем. Сами миллионерами станем!

— И где же твои непуганные миллионы прячутся? — с сарказмом спросил Лях.

— Зря смеешься, — обиделся Леня. — Я точно знаю, что есть у нас миллионеры, настоящие ротшильды и рокфеллеры. И никто никогда их не посадит. Сами воруют, а нас учат как честно жить. Тебя это не возмущает?

— Нет, — ответил Лях. — У меня другие проблемы. Я, в отличие от тебя, не журналист и не собираюсь бичевать пороки и вскрывать язвы общества.

— Я тоже не собираюсь. Я хочу предложить тебе вместе тряхануть кое-кого из этих толстопузых. У меня такие рыбы на крючке! Ты не представляешь, что такие бабки вообще существуют.

Лях пожал плечами:

— А я-то тебе зачем?

— Без тебя мне это не поднять. Нужен специалист экстра-класса. Я тебя не тороплю. Откажешься — тоже не обижусь. Понимаю. В тюрьму кому охота?

— Напугал вора тюрьмой, а ежа голой жопой, — буркнул Лях. — Ладно, подумаю.

Он обдумал предложение Лени. Наутро он позвонил журналисту и сказал:

— Я согласен. Но время и способ работы я выберу сам. И учти, если продашь — под землей тебя разыщу, вы...бу, высушу и обратно закопаю. Живым.

— Этого мог бы и не говорить, — удовлетворенно ответил Леня.

Лях не мог знать, что сразу после их разговора Леня отзвонился Седому и доложил о проделанной работе.

— Отлично, — похвалил его Седой. — Больше мне не звони и о моем существовании забудь. Связь будешь держать с майором Васиным. Запиши телефон. Ваш первый объект — директор торга "Океан" Иванов. Только осторожнее, он депутат Моссовета и без пяти минут герой социалистического труда. Сейчас он с делегацией в Венгрии.

ГЛАВА 11. КРОВАВЫЙ КАМЕНЬ

Седой допил чай и поставил коллекционную чашку севрского фарфора на синкрустированную поверхность антикварного стола.

— Большое спасибо, Зоя Федоровна. Чай просто замечательный. И варенье прекрасное.

— Давайте я вам еще положу!

Пользуясь тем, что гостеприимная хозяйка отвернулась, Седой поднялся, выхватил из-под пиджака большой пистолет и рукоятку нанес ей сильный и точный удар по затылку.

Седой достал платок, протер чашку и ложку, к которым прикасался, затем натянул тонкие резиновые перчатки и приступил к тщательному обыску квартиры. Неожиданно в дверь позвонили. Он поздно сообразил, что с улицы хорошо был виден свет в окнах квартиры. Звонок повторился. Седой осторожно подкрался к двери и заглянул в глазок. На лестничной площадке стояли люди в милицейской форме.

Седой облегченно вздохнул и открыл дверь. В квартиру вошли двое в милицейской форме и двое парней в штатском.

— Давай, Чингиз, заходи быстрее, — недовольно обратился Седой к первому из милиционеров. — Где вы болтаетесь? Я и так за вас всю работу провернул. Старуху самому вырубать пришлось.

Чингиз обернулся к сообщнику, также облаченному в милицейскую форму.

— Сильвер, тебе не в падлу будет на стреме постоять?

— Нет базара, — бросил Сильвер и вышел из квартиры.

Чингиз прошел в прихожую и спросил у Седого.

— Узнал у старухи, где крест?

— Не успел, — раздраженно ответил тот. — К тому же надо было и вам работу оставить.

Чингиз подошел к неподвижному телу и перевернул его на спину.

— Ты же ее урыл, начальник! И с кого теперь спрашивать?

Женщина вдруг открыла глаза. Чингиз и Седой вместе наклонились к ней.

— Орден где? Где крест? Говори, старая сука!

— Будьте вы прокляты! — прошептала она и снова затихла, теперь уже навсегда.

— Готова. Давайте, ищите! Кто найдет, получит штуку! — заорал на пришедших с Чингизом бандитов Седой.

Чингиз поддержал его:

— Слон, Мурик, носом землю рыть, но чтобы крест нашли. Все остальное — бабки, побрякушки — ваше.

Минут двадцать спустя вертлявый парень с усиками по кличке Мурик действительно нашел крест в банке из-под печенья. Но поскольку увлеченные поиском товарищи этого не заметили, он поглубже заныкал находку в карман и сделал вид, что ничего не случилось. После двух часов бесплодных, по понятной причине, поисков Седой, страшно недовольный, распорядился прекратить поиски. При этом он так посмотрел на своих помощников, что Мурик пожалел, что присвоил крест. Но заикнуться об этом уже не посмел.

— Очень странно, — медленно проговорил Седой. — Я точно знаю, что орден где-то здесь.

Чингизу тон, каким это было сказано, и взгляд Седого не понравились.

— Подозреваешь, что кто-то из нас скрысил побрякушку? Могу карманы вывернуть. И ребята тоже. Но если ты погнал порожняк, придется ответить.

Но и Седого трудно было взять на понт. К тому же ставка была слишком высока.

— Согласен, — сказал он. — Но если крест взял кто-то из вас, то он рядом ляжет.

И он небрежно указал на труп хозяйки.

Мурик облился холодным потом. Сейчас он мечтал об одном — каким угодно образом подбросить проклятый крест под стол или за шкаф.

Неожиданно с улицы послышались частые выстрелы. В окно ударила пуля, разбила стекло и, срикошетив от стены, упала на пол. На улице послышались крики.

— Атас, мусора!

Все четверо, не сговариваясь, бросились к дверям, перескакивая через труп хозяйки. Но когда они выскочили на улицу, здесь все было на удивление спокойно. Сильвер встретил их недоуменным взглядом.

— Что это было? — растерянно пробормотал Слон. — А где мусора?

— А тебе не один хрен? — рявкнул Чингиз. — Может это путч как в Чили. Может вон на том белом доме снайпера засели!

Он ткнул пальцем на недавно построенное белое здание Совета министров, возвышавшееся на противоположном берегу Москвы-реки.

Предположение было столь нелепым, что Слон не удержался от глупой ухмылки.

— Что будем делать, начальник? — спросил он Седого. — Вернемся и продолжим шмон?

— Нет, — отрывисто бросил тот. — Расходимся. Если понадобится, я вас найду.

И они направились в разные стороны.

* * *

Надя Павлова поднималась от набережной Шевченко к Кутузовскому проспекту, когда ее внимание привлекли крики, выстрелы и звон разбитого стекла. Вместо того, чтобы укрыться, она, как любой воспитанный советской властью человек, чуть ли не бегом направилась к источнику шума.

От дверей магазина "Вологодское масло" врассыпную бежал народ. С визгом сирены подъехала милиция. Оказалось, что покупатели из бесконечно длинной очереди дружно напали на инкассатора, пытавшегося пройти в магазин, вырвали у него инкассаторскую сумку и надавали по голове. Тот в долгу не остался и произвел несколько выстрелов по окнам гостиницы "Украина" и соседних домов. Вообще-то он думал, что стреляет вверх, но от удара металлической планкой сумки слегка утратил ориентацию.

Инцидент замяли, оголтелым любителям масла разрешили вернуться в строй и очередь мгновенно вернулась к внутренним проблемам, теряясь в бесконечности и выкрикивая: "Вас тут не стояло"! Надя пожалала плечами и спустилась в переход.

На другой стороне Кутузовского она с трудом протолкалась сквозь толпу у магазина "Сантехника" и вошла в подъезд. В последнее время она хранила орден Гитлера — все, что осталось у нее после кражи от вещей деда — у подруги

своей матери, у известной актрисы Зои Федотовой. Вчера та позвонила Наде и попросила зайти.

"Мне показалось, что за мной следят, — сказала она. — И знаешь, кто это был? Придешь — расскажу, это не телефонный разговор".

На звонок в дверь не последовало никакой реакции. Надя постояла, позвонила еще раз, потом постучала. Дверь открылась сама, она оказалась не запертой. Надя вошла в темную прихожую.

В квартире, казалось, не было ни единой живой души. Тело Зои Федотовой она нашла в гостиной. Сама комната напоминала типографию "Правды" после разгрома ее царскими жандармами. Содержимое шкафов вместе с ящиками валялось разбросанным по полу. Хозяйка лежала возле стола, глядя в потолок остекленевшими глазами. Ее волосы шевелил сквозняк, тянувший через разбитое случайной пулей инкассатора стекло.

* * *

Яков Маркович Иванов любил повторять фразу: "Ай бросьте, я же не директор Каспийского моря, я всего-навсего скромный директор "Океана". Лях и Леня без особых проблем вошли в его защищенную бронированной дверью квартиру. Домашний сейф директора торгового дома был под завязку набит золотом и деньгами — рублями и долларами. Сосчитать их даже приблизительно было невозможно.

Лях забрал себе из рублевой стопки пару сиреневых двадцатипятирублевых пачек. По его прикидкам немного, тысяч пятьдесят. Видимо директор торгового дома держал их для насущных покупок — за хлебушком или за картошкой сбежать. Леня, в свою очередь, прихватил несколько пачек стодолларовых купюр.

— Не жадничай, — предупредил его Лях, — сам спалишься и меня потянешь.

— Спокуха, — отозвался Леня, которого несметные богатства героя и депутата товарища Иванова, казалось, нисколько не удивили. — У меня этого добра через час уже не будет. Все учтено могучим ураганом.

Прощаясь, Леня предложил Ляху позвонить через недельку. Будет новый клиент.

Директора торгового дома Иванова повязали через два дня и расстреляли ровно через год. Это громкое дело положило начало целой череде разоблачений в системе социалистической торговли.

* * *

После освобождения Чингиз, как и обещал, взял Сильвера в дело. Его банда была небольшой, но сплоченной. Пацаны Сильверу не понравились и отношения он поддерживал только с самим Чингизом.

На первое дело они выехали вдвоем. В квартире, куда их впустила хозяйка, сидел толстый молодой человек с большим носом и глазами навывкате. Увидев Чингиза, он побледнел.

— Фима! Вот это встреча! — Чингиз хлопнул толстяка по спине, достал из кармана пистолет, передернул затвор и убрал оружие обратно в карман. — Что же ты, в карты играть любишь, а долги не возвращаешь? С тебя, как я слышал, сорок штук причитается с учетом процентов.

Толстяк только беспомощно открывал рот, пытаясь возражать.

— Я... я верну, — проблеял он наконец.

— Конечно вернешь, — рассмеялся Чингиз. — Но только теперь накинь

еще двадцатку мне за беспокойство.

— Но у меня таких денег нет, — попытался возражать толстяк.

— Как нет? А машина, а квартира? А барахло твое?

Чингиз подхватил с пола большую сумку толстяка и принялся выкладывать из нее разные предметы: толстый альбом марок, три небольших картины в рамах, обернутые бумагой.

— Это с тебя задаток, — сообщил Чингиз. — А теперь садись и пиши расписки. Три расписки по двадцать тысяч. Ты у меня брал в долг на машину, на квартиру и... в связи с материальными затруднениями. Вот так, молодец. Теперь ты понял, что ты должен эти деньги мне? Сроку — неделя.

Чингиз потрепал толстяка за щеку и махнул Сильверу.

— Пошли.

Через неделю деньги были получены без ропота со стороны жертвы.

Не все налеты проходили так гладко. Приходилось пускать в ход паяльник, за что один из подручных Чингиза получил кличку Радиоловитель.

Сильвер таких сцен не любил и отправлялся на улицу страховать ситуацию. Ему больше нравились силовые решения, когда свое право нужно было доказывать с помощью кулаков или оружия. Для этих целей Чингиз снабдил его старым, но надежным "наганом". Правда Сильверу еще ни разу не пришлось им воспользоваться.

Из постоянных членов банды кроме Сильвера только Слон и Мурик были урками с арестантским опытом. Слон отмотал трешник за хулиганку, а Мурик — пятерик за изнасилование. Остальные же, бакланы-хулиганы, зоны еще не топтали и дальше милицейского обезьянника не забирались. Сильвер с ними общался только по необходимости, а Слон и Мурик держали их за шестерок и обращались крайне высокомерно.

Члены банды занимались, главным образом, вымогательством, но не брезговали и грабежом. Объектами охоты они выбирали наркоторговцев и прочих барыг. Из тех, кто после наезда не побежит стучать в ментовку.

Так вчера они ездили колоть одного валютчика. Поначалу парень хорохорился и посылал всех на хрен. Первые зуботычины его не вразумили. Но когда Чингиз вставил ему в задницу окурок сигары, тот мигом выложил все свои нычки-зачачки.

Сейчас бандиты отдыхали. Чингиз с Сильвером отправились проветриться. Слон и Мурик сидели на кухне и тихо разговаривали.

— Слышь, Слон, ты базарил, что у тебя барыга на драгоценности есть? — обратился к корешу Мурик.

— А у тебя слам на сдачу имеется? — отозвался Слон. — Не тот ли крест, за который Седой интерес проявлял?

— В цвет попал. Нашел я ту цацку, — признался Мурик.

— А что не сказал? Седой ведь премию обещал.

— Такое сокровище за тыщу рваных отдать? Да там одному большому камню цены нет, а кроме него еще мелких брюликов целая россыпь. Сами спустить сумеем, чай не безголовые.

Слон приосанился и гордо наморщил крошечный лоб.

— Ладно, надо обмозговать. Сколь отстегнешь?

— По-братски, впополаме будем. Хоп?

— Хоп.

Их разговор внимательно слушал из-за угла коридора невзрачный паренек. В банде он был самым слабым и унижаемым сообщниками членом. Кличка его была Дохлый.

Из беседы авторитетных корешей Дохлый понял, что они задумали наварить за спиной Чингиза и не упустил случая кинуть подянку вечно унижавшим его старшим товарищам. В тот же вечер он стуканул об услышанном Чингизу. Тот велел держать язык за зубами и никому больше об этом не рассказывать.

На следующий день Дохлый пошел за водкой и не вернулся. Чингиз ушел следом за ним. Он вернулся спустя час и сообщил, что этот "зачуханный гумозник", Дохлый, попал под машину и погиб под колесами. Проверять его слова никому не пришло в голову.

На самом же деле Чингиз завел Дохлого на стройку и заколол заточенной отверткой. Тело злополучного помощника он сбросил в колодезь. С этого дня Чингиз стал внимательно следить за обоими друзьями.

* * *

Спустя пару дней Слон отозвал Мурика в сторону:

— Где твой камень? Барыга нас ждет.

Мурик сделал несколько заходов на предмет выяснить, где тот обитает. Но Слон по партизански отмолчался. При всей своей тупости он прекрасно понимал, что Мурик отделается от него как только узнает адрес барыги. Слон и сам не собирался делиться с корешем. Он привез его на окраину Москвы в Царицыно к заброшенной деревне. Сойдя с автобуса, Мурик недовольно огляделся.

— Куда ты завел нас, долбаный Сусанин? Здесь же давно никто не живет!

— Почему? — не согласился Слон. — Тут половина домов обитаема. Секи за трубами.

И действительно, над некоторыми крышами курился печной дымок.

Слон провел товарища к густо заросшему кустарником забору и первым вошел в покосившуюся калитку. Участок и дом были явно заброшенными. Но Слон не дал Мурику времени осмотреться. Он оглянулся и вытаращил глаза.

— Атас, балан на хвосте!

— Где? Кто? — Мурик быстро оглянулся.

Улица была пуста. Мурик поздно сообразил, что оказался жертвой предательства. Он уже разворачивался навстречу опасности, когда ржавый железный костыль, зажатый в чудовищном кулаке Слона, обрушился на его голову, проламывая кости черепа.

Слон обтер подобранной тряпкой орудие преступления и отбросил его далеко в кусты, на территорию соседнего участка. Убийца нагнулся над трупом кореша и тщательно обшмонал его. Орден лежал во внутреннем кармане куртки Мурика. Слон запрятал его поглубже в собственный карман и торопливо двинулся обратно. Барыга жил тоже на окраине, но в диаметрально противоположном конце Москвы, в Бескудниково.

За орден барыга отвалил Слону три тысячи целковых.

— Да это же грабеж! — возмутился бандит.

— Не хочешь, тогда иди сам продавай, — барыга потянул назад сверток с деньгами. — Нормальная цена за побрякушку, новый "запорожец" купить сможешь.

Слон мигом ухватил деньги, оставив "побрякушку" барыге.

— Ладно, не твоя забота, — буркнул он. — На хрен мне твой "запорожец" обломился!

Спустившись вниз, Слон зашел под лестницу, чтобы при свете тусклой лампочки пересчитать деньги. Тут его и отловил Чингиз. До этого он старательно пас похитителей ордена. Он стал свидетелем расправы Слона над приятелем, но не вмешался, потому что не был уверен, что крест у них с собой.

После этого, на протяжении всего пути к барыге, Чингиз несколько раз пытался подобраться к Слону, но всегда неудачно. То мешали прохожие, то не было возможности приблизиться незаметно.

В подъезде Чингиз прятался под лестницей и Слон сам пришел к нему в руки. Встреча оказалась неожиданной и для Чингиза. Он лишь на долю секунды смог опередить своего бойца и сунул ему финку под ребро.

Слон рухнул на грязный цементный пол и засучил ногами. Чингиз вырвал нож и приложил лезвием к горлу Слона.

— Где крест, сучий потрох? Колись! Может и выживешь. Или глотку передрежу!

И он надавил острием на горло.

— Там он, — едва слышно прохрипел Слон. — У барыги. Вот деньги. Возьми, не убивай...

— Раньше надо было боржом пить!

Чингиз полоснул финкой по горлу Слона. Дождавшись, пока умирающий перестанет сучить ногами, Чингиз прошелся по его карманам и извлек пачку денег. Пересчитал и не поверил своим глазам.

— Что? Ты что, придурок! Отдал целое сокровище за три тысячи рваных?

Он пнул тело, потом еще и еще раз. Если бы можно было убить Слона еще раз, Чингиз с удовольствием сделал бы это.

Сверху послышался шум лифта. Чингиз поспешил выйти из подъезда. Ему предстояло быстро, пока не обнаружено тело Слона, организовать налет на квартиру барыги.

* * *

Звезда советской эстрады Петрос Грегорян был прекрасен как полубог. Как говорится, высокий, полный и красивый. Черные очи с поволокой, казалось, прожигали насквозь, если не бывали мутны с похмелья. Как сейчас. Петросу с большим трудом удалось выйти из дома и добраться на такси до квартиры известного столичного антиквара и перекупщика драгоценностей Зурика Амаликитяна. И только потому, что тот обещал сенсацию.

А это было Петросу просто до зарезу необходимо. В отношении Галины Брешиной у него были самые серьезные намерения. Еще бы, такой шанс дается раз в жизни и далеко не каждому. Упустив его, можно сразу идти и вешаться.

Наконец страдающий от жуткого похмелья Петрос вошел в гостеприимные двери земляка. Они обнялись и сразу прошли к столу, где завязалась непринужденная беседа. Ни один из собеседников не знал армянского языка, разговор шел по-русски. Опохмелившись фужером "Двина", Петрос почувствовал себя немного лучше. Но закусывать все равно не смог.

— Ну, давай, показывай свою сенсацию, — предложил он наконец хозяину.

Тот, загадочно улыбаясь, извлек из огромного резного шкафа шкатулку, открыл ее и поставил перед гостем.

— Что там? — Петрос запустил руку внутрь и достал красный округлый камень. — Это что за яйцо от Фаберже?

— Сам ты Фаберже без яиц! — в раздражении закричал на него Зурик. — Это же знаменитый орден — Тевтонский крест Гитлера. В центре камень — "Глаз Циклопа" из коллекции Шлимана! Ему в Алмазном фонде место, а ты, понимаешь, тут морду кривишь! Знаешь, сколько он стоит?

— Нет, — признался певец. — И не хочу знать. Лучше скажи, сколько ты за него хочешь. Потом я скажу, сколько готов заплатить. Потом мы вместе посмеемся друг над другом и перейдем к серьезному обсуждению. Так сколько?

Зурик приложил палец к губам и чиркнул на бумажке требуемую сумму. Петрос взглянул, усмехнулся и зачеркнул ноль в конце. Потом подумал, и зачеркнул еще один. Теперь усмехнулся Зурик.

— Если хочешь знать, этому кресту вообще нет цены. Он единственный в мире! Уникальный! На Сотби или Кристи у тебя его просто оторвут с руками. Причем по той цене, которую ты сам назначишь.

— А почему ты сам не хочешь выставить этот крест в Сотби или Кристи? — подозрительно прищурился Петрос. — Боишься, что руки оторвут?

— Да? А как я его вывезу? А если меня с ним повяжут? Вышка мне обеспечена. Я простой спекулянт, я же не клеюсь к дочке первого лица государства! — брызнул слюной антиквар.

Они торговались еще полтора часа. Наконец Петрос окончательно выбился из сил.

— Ладно, согласен. Но сейчас у меня таких денег нет. Отдам половину, остальные буду должен.

— О чем разговор, Петрос-джан! — Зурик не скрывал торжества. — Я ведь знаю, для кого ты покупаешь эту побрякушку. Давай считать это нашим совместным вложением в общее дело.

— Э нет, Зурик-джан. Вкладывать и вынимать лучше буду я один. Ишь, чего захотел? Общее тело... Но я тебя не забуду. Дай срок, всех в бараний рог согнем. Мы им всем покажем... А сейчас мне пора.

И Петрос засунул орден в карман замшевого пиджака.

Минут через двадцать после ухода певца в дверь антиквара снова позвонили.

— Кто там? — поинтересовался хозяин.

— Это я, Зурик-джан, открой!

— Это ты, Петрос? Что-нибудь забыл? Может аванс сразу решил заплатить?

Амаликитян открыл дверь, но, к своему ужасу, увидел на пороге не пьяную и добрую морду Грегоряна, а заросшую щетиной, пересеченную глубоким шрамом физиономию какого-то абрека. За его спиной толкались двое, на вид — типичные бандиты. Это были Квали, Чингиз и Сильвер.

Получив удар в челюсть, хозяин квартиры отлетел к противоположной стене прихожей, дав возможность непрошеным гостям войти в квартиру.

Из-за спины абрека вышел молодой брюнет в черных очках с вонючей сигарой в зубах и спросил:

— Где крест?

— Ка-какой крест? — потянул было антиквар, но мужик в очках приставил к его лбу дуло огромного пистолета.

— Ответ неправильный, — сообщил брюнет с сигарой. — Ты, может, слы-

шал про меня. Я Чингиз. Так вот, после второй неудачной попытки я спущу курок. Понял?

— По-понял...

— Ответ правильный. Так где крест?

— Он у Пе-Петроса...

— Ответ правильный, но неполный. Кто такой Петрос? Где живет, чем занимается? Мандаринами на Центральном рынке торгует?

Амаликитян выложил все, что знал и про Петроса, и про его связь с дочерью первого лица. Возможно, он надеялся сохранить себе этим жизнь. Ожидания не оправдались. Выстрел из пистолета с глушителем прервал его карьеру на пороге славы и богатства.

* * *

Седой рвал и метал. Рвал свою докладную, составленную для генерала Цыгуна и метал клочки в Чингиза. Тот стоял перед ним с сокрушенным видом, но видно было, что с трудом терпит разнос.

— Кретины! — орал полковник. — Почему никому ничего нельзя поручить?! Я же физически не могу делать все сам!

На столе Седого зашипел селектор.

— Генерал ждет вас с докладом, — сообщил голос секретарши.

— Сейчас буду, — рывкнул в ответ Седой и посмотрел в упор на Чингиза. — Значит говоришь, орден забрал артист Петрос Григорян? Ладно, попробуем достать конфету из кучи дерьма. Жди меня в приемной.

Через минуту он постучал в кабинет Цыгуна.

— Разрешите?

— Входи, порадууй! — теперь роли поменялись и Седой сам очутился в положении жертвы разноса. — Ты уже в курсе?

— Смотря чего... — тихо произнес Седой.

— Ограбления квартир артистов и писателей наконец-то прекратились. Теперь начали грабить квартиры и дачи сотрудников аппарата ЦК. Это не твои орлы?

Седой изобразил обиженный вид.

— Мои люди работают под контролем, строго в рамках задания. Инициатива исключена. У меня есть основания считать, что наводка на квартиры товарищей из ЦК идет из окружения объекта "Дочь", — с ходу сочинил он.

— Ты в своем уме? Как я докладывать буду? Ты же знаешь, что Антропов только и ждет моего прокола, чтобы от меня избавиться. Леонид Ильич ясно сказал — делайте что хотите, но чтобы имя детей не пачкали. А я ему должен доложить, что его дочка воров наводит на квартиры членов политбюро?

— Дело не в ней. Все сходится на одном человеке — артисте Григоряне. Если его убрать, никто ничего не сможет доказать.

— Хорошо, займись этим делом.

* * *

Черный "мерседес" Петроса Григоряна мчался по Ленинградскому проспекту. Иллюзионист торопился в "Яр", где у него была назначена важная встреча. Драгоценный орден в форме креста покачивался на платиновой цепочке возле лобового стекла. Красноватый прозрачный камень в его центре словно магнитом притягивал к себе взгляд.

"Надо его убрать на фиг, а то, чего доброго, отвлечешься, зазеваешься и вре-

жешься во что-нибудь" — подумал Петрос.

Он протянул руку к кресту и вдруг почувствовал, что машину повело влево, на встречную полосу. Он налег на руль и по его люфту понял, что теряет управление. Жесткий толчок, скрежет. Левое переднее колесо с силой пушечного ядра вырвалось из-под крыла, устремилось вперед и протаранило встречную "волгу".

"Мерседес" Григоряна круто развернуло поперек оси, опрокинуло. На полном ходу в него врезался междугородний автобус и отбросил дальше, в правый ряд, прямо под груженный бетонными плитами "МАЗ".

Седой очень торопился к месту аварии, но все равно опоздал. Когда он подъехал, кругом было не протолкнуться от машин с мигалками. Постовой пропустил его за оцепление только после предъявления удостоверения КГБ.

— Что случилось? — спросил у него Седой.

— Какая-то шишка накрылась, — хмуро сообщил милиционер, которому вовсе не улыбалось торчать в субботний вечер на осеннем ветру.

Генерала Цыгуна Седой увидел издалека. Когда он приблизился, то едва сдержал стон разочарования. Генерал с огромным интересом рассматривал Тевтонский крест Гитлера. Седой подошел.

— А, это ты, — сказал генерал. — Долго добирался. Алиби, что ли, зарабатывал? Ха-ха. Шучу. Не повезло нашему другу.

Цыгун кивнул на обломки машины.

— Как это произошло? — спросил Седой.

— Сам будто не знаешь? Говорят, колесо на полном ходу отлетело. Наш фокусник содержал свое шикарное авто в ненадлежащем состоянии. В аварийном, я бы сказал.

Седой сделал вид, что только теперь заметил крест в руках начальника. Ему стоило большого труда не выдать своего волнения.

— А это что за побрякушка?

Генерал блудливо отвел взгляд.

— Да вот, нашли в машине. Судя по всему, музейная ценность.

— Я могу отвезти ее на экспертизу.

Голос Седого предательски дрогнул, но генерал этого не заметил.

— Не надо, пусть пока побудет у меня.

Цыгун старался не смотреть на своего подчиненного, но тот успел заметить алчный огонь, загоревшийся в его глазах. Шеф явно не собирался расставаться с музейной ценностью. Своей жадностью он подписывал себе приговор.

* * *

Прошло несколько дней и Лях с Леной снова отправились на дело. Потеплело. Они оставили машину в кустах и с километр прогулялись по лесу. Леня уверенно вывел его на поселок, где им предстояло обчистить очередную дачу. Но в самом поселке проводник вдруг засуетился.

— Ты что? — спросил Лях. — Заблудился? Может в милицию обратимся, там адрес и спросим?

— Адрес-то я помню. Второй дом от угла. Только от которого? От того или этого?

— Начнем с этого, если пойдем, что не туда попали, пройдем туда, — предложил Лях.

Леня согласился.

Сначала они и в самом деле подумали, что попали не туда. Дом, простой, бревенчатый, издалека смахивал на большую русскую избу.

— Бля буду, пустышку тянем, — проворчал Леня. — не может расхититель в такой халупе обретаться.

Лях его не слушал. Был ли у него особый дар, сродни таланту экстрасенса, или сказывался опыт общения с Призраком, но он теперь и сам безошибочно определял места, где хозяева прятали свои сокровища.

При ближайшем рассмотрении дом оказался не таким простым, как из-за высокого забора. Если он и напоминал избу, то не русскую, а скорее швейцарскую. Из бревен был сложен только верхний этаж, низ же был кирпичным.

Комнаты дома ничем не привлекли внимания вора. Пыль, некоторое запустение показывали, что с лета здесь никого не было. Если где-то здесь и закопан клад, то для его поисков придется перерыть участок вместе с фундаментом. Лях было собрался признать неудачу и идти в следующий особнячок, когда, выйдя в прихожую, обратил внимание на капельки засохшей грязи у двери в погреб. Да и пыли тут было как будто меньше.

Спустившись в подвал, Лях облегченно вздохнул. Сейф за бочкой с квашеной капустой он обнаружил, что называется, верхним чутьем. Вскрыть его не составило труда.

Из вмурованного в стену железного ящика Лях к великому изумлению Лени извлек шесть трехлитровых банок. Такими же были заставлены полки погреба. Присмотревшись внимательнее, Леня понял разницу. В извлеченной Ляхом посуде вместо аппетитных домашних солений и маринадов тускло светились совершенно несъедобные предметы.

Леня с изумлением перебирал сложенные в банки драгоценные камни, преимущественно бриллианты и изумруды. Он с трепетом вынимал со дна банок пятикилограммовые золотые слитки и подложенные под них, чтобы не раздавить стекло, пачки рублей и долларов.

Лях же обратил внимание на небольшой предмет, лежавший отдельно. Он достал из сейфа небольшой бархатный мешочек и вытряхнул на ладонь блестящий предмет. Это был Тевтонский крест Гитлера.

Наверху скрипнула половица. Лях замер и свободной рукой зажал Лене рот. Тот испуганно глянул на напарника. Лях прижал палей к губам и указал вверх. Теперь и Леня услышал — наверху кто-то ходит.

Лях сунул крест в карман и махнул Лене.

— Уходим.

Того не пришлось просить дважды. Он не глядя выгреб из банки горсть камней и прихватил пачку долларов. Остальное пришлось бросить. Времени замести следы тоже не оставалось. Судя по звукам наверху, пришедшие прошли в комнаты.

Лях поднялся по ступенькам погреба и осторожно приоткрыл дверь. Никого. Хорошо смазанные петли не скрипнули. Изнутри дома слышались голоса.

— Слышь, Чингиз, а Седой в натуре десять косых отстегнет, если мы крест найдем? — спросил хорошо знакомый голос. Он принадлежал Сильверу.

Лях не стал слушать ответа, только отметил про себя, что в этом деле как-то задействованы его старые друзья и недруги.

Перед тем как выйти на улицу, он извлек из-за голенища модного сапога с латунным мыском старую добрую финку с наборной плексигласовой ручкой.

Но на улице тоже никого не было. Видимо у Чингиза не хватало людей, чтобы выставить стремщика, либо тот торчал на улице.

Скрываясь за сараем, Лях с Леней прокрались к забору и перевалили через него. Только здесь, уходя задами к лесу, Леня вдруг замер и хлопнул себя по лбу.

— Блин! Мы же не в тот дом залезли! Точно! Я сейчас вспомнил, у того барыги крыша зеленая должна быть, из железа. А тут шиферная.

— Ладно, в другой раз и к тому заглянем, — успокоил его Лях. — Что один барыга, что другой, никакой разницы.

Но оказалось, что разница есть, и залезли они вовсе не к барыге.

* * *

Генерал Цыгун метал громы и молнии. Часть из них доставалась Седому, от других он успевал увернуться.

— Ты хочешь сказать, что мою дачу обчистили не твои долбо...бы?! — гремел генерал.

— Впервые слышу! — разводил руками Седой. — Я бы их за это сам передумал. А что, много взяли?

— Да нет, в общем, — сразу стушевался генерал. — Что на даче возьмешь? Наломали больше, напакостили. Так ты уверен, что твои люди не были у меня на даче?

— Голову даю на отсечение, — твердо произнес Седой.

Он изо всех сил старался не дать слабину. Если генерал заподозрит его в предательстве... Об этом лучше было не думать.

— Пойми, если ты работаешь на себя и обворовываешь меня, это полбеды. Я тебя уберу, и весь разговор. Я другого боюсь, — продолжал генерал более спокойным тоном. — Что, если против нас сработали тем же методом? Получается, мы все под колпаком у Антропова. Имей в виду, если что всплывет, меня расстреляют. Тебя, впрочем, тоже. Я ведь никого покрывать не собираюсь! Кто еще в курсе наших операций?

— Майор Васин.

— Вот его придется его убрать. И вообще нужно капитально зачистить концы. Причем срочно! Выполняй.

Седой вышел из кабинета шефа не на шутку встревоженным.

"Интересно, кого он захочет убрать следующим? Очень вероятно, что на очереди моя кандидатура", — подумал он.

* * *

Лях подъехал к Дому кино как раз вовремя. Леня выбрался из ресторана и направился к своей ржавой "копейке", которую боялся сменить на более приличную машину.

Лях отпустил его метров на пятьдесят и двинулся следом. Ехать пришлось долго. Они пересекли центр Москвы и принялись петлять в переулках между Солянкой и Бульварным кольцом. Лях с трудом держался на хвосте и не потерял Леню только потому, что тот не подозревал за собой слежки и не предпринимал попыток оторваться.

Наконец Леня остановился возле полуразрушенного дома. Из темной подворотни мигнул свет — там стояла машина. Леня проворно выскочил из салона своей "копейки" и торопливо нырнул во мрак. Лях также покинул свою машину и осторожно приблизился к подворотне и прислушался.

Разговаривали двое. Одним из собеседников был Ляня. Голос второго также показался Ляху знакомым, но его обладателя он так и не вспомнил. Говорили тихо. Лях, как ни напрягал слух, так и не смог расслышать ни слова. Неожиданно раздался вскрик. Кричал определенно Ляня.

Лях, позабыв об осторожности, рванулся в темноту. Он едва различал в темноте силуэты двух людей. Один из них в этот момент падал, другой замахивался, чтобы нанести последний смертельный удар.

Лях ударил его кулаком в голову. В темноте коронный удар не сработал. Он попал, но вскользь. Нападавший грязно выругался и бросился вглубь подворотни. Лях нагнулся над упавшим Ляней. Тот стонал, держась за голову обеими руками.

— Ты жив? — спросил его Лях

— Ка-кажется да, — вяло отозвался журналист.

Его вырвало, Лях едва успел отскочить. В этот момент в глубине двора взвыл мотор, подворотню залил ослепительный свет фар. Лях, пачкаясь в блевотине, едва успел выволочь Ляню из подворотни, как буквально в миллиметре от ног журналиста прокатились колеса машины.

Ослепленный ярким светом, Лях даже не успел толком рассмотреть машину. Мелькнув красными фонарями, она скрылась в переулке. Лях нашарил в Ленином кармане зажигалку и осветил подворотню. Под ногами что-то блеснуло. Он нагнулся и поднял. Это была пика — обычная заточенная отвертка с толстым клинком. Именно такая пика могла послужить орудием убийства Призрака и отца Нади.

Лях взвалил обмякшее тело Лени на плечо и потащил к своей машине. В салоне он смог наконец рассмотреть рану журналиста. Убийца в темноте немного промахнулся, стальное жало не пробило височную кость, а лишь скользнуло по коже, разорвав ухо.

Лях упал за руль и дал газу. Ляня пришел в себя и тихо постанывал.

— Ты хоть знаешь того, кто тебя уделал? — поинтересовался Лях.

— Понятия не имею, — прошептал Ляня. — Мне показалось, что он блондин. Очень светлый.

— Кто он? Ты ему стучал на меня, а он давал наколки на жирных клиентов? Говори, мы на него работали все это время?

— Я его не знаю... — стонал Ляня. — Вернее, никогда не видел, мы разговаривали по телефону. Меня завербовал майор Васин. Сегодня я должен был с ним встретиться, но этот тип позвонил, и сказал, что встреча переносится. Ха-на мне тепер. Куда ты меня везешь?

— В Склифософский, уже почти доехали. Когда ты должен был встретиться с этим майором?

— С Васиным? Он должен был подъехать перед закрытием метро и пересест в мою машину.

— Куда подъехать? Где вы с ним забили стрелку?

— Где всегда, на "Ждановской". Он раньше не мог. У него сегодня был какой-то банкет на работе.

— Ладно, опиши как он выглядит.

Ляня обрисовал внешность майора. Лях остановил машину возле приемного покоя.

— Подожди, — сказал Ляня. — Запомни телефон на всякий случай. Васин

дал мне его на всякий случай. Это оперативного дежурного КГБ.

Лях запомнил. Спустя пятнадцать минут он уже гнал машину по пустому Садовому кольцу в направлении Таганки.

* * *

Лях стоял у перил станции метро "Ждановская", одной из немногих, находящихся не под, а над землей. Он смотрел на редкие в это время последние автобусы. За темным яблоневым садом горели огни недавно возведенного храма науки — Института управления. Из темноты сада временами доносились веселые крики загулявших подвыпивших студентов.

Подошел очередной поезд. Судя по времени, он был последним, в крайнем случае предпоследним. Немногочисленные пассажиры торопливо проследовали мимо Ляха и платформа вновь опустела. Васина не было.

Лях подошел к дежурной и спросил:

— Извините, вы тут такого солидного мужика не видели? — и он описал приметы майора.

— Как же, — радостно сообщила дежурная. — Видела. Его, пьяницу, в милицию забрали!

Лях спустился вниз. Комната милиции располагалась прямо под платформой станции. Туда вел длинный узкий коридор. Лях добрался до двери с надписью "Милиция", постучал и открыл. Внутри было ужасно накурено и сильно воняло перегаром.

За столом дежурного восседал раскрасневшийся щуплый сержант в расстегнутом кителе, с бегаящими глазками.

— Тебе чего надо? — как-то испуганно уставился он на Ляха.

— Меня ограбили, — наугад погнался Лях. — Дипломат вырвали! Там, на улице.

Он успел хорошо рассмотреть помещение. За оградой обезьянника лицом кверху лежал человек. Судя по описанию, этим человеком вполне мог быть Васин. Его положение, в принципе, соответствовало информации о банкете, но что-то в его позе Ляху не понравилось.

— Слушай, мужик, вали отсюда! — прорычал сержант в расстегнутом кителе. — Сам свой чемодан по пьяни где-то потерял, а теперь права качаешь. К тому же улица — не наш участок. Мы обслуживаем только метрополитен имени Ленина. И вообще, документы предъяви!

В руках сержанта Лях успел заметить красное удостоверение, на котором разглядел буквы "КГБ" и фамилию "Васин". Сомнения отпадали.

Лях подался назад.

— Да вы что? Я не пьяный! А документы в дипломате остались.

— Тогда быстро рули отсюда! А то этот тоже говорил, что не пьяный, а его вон как развезло, — указал сержант на лежавшего на лавке Васина.

Лях еще раз внимательно окинул взглядом лежавшего. Теперь он окончательно убедился, что тот не был пьян. Он был мертв, Лях много встречал как тех, так и других и сумел безошибочно определить разницу. Оставаться в дежурке становилось смертельно опасно и вор двинулся на выход.

Из смежной с дежуркой комнаты показалась раскормленная харя с погонями старшего сержанта. Позади него маячил светловолосый, практически седой тип. Несмотря на темное время суток он носил непроницаемо-черные очки. От обоих не укрылось появление в комнате милиции постороннего.

— Придержи его! — крикнул седой тип.

— Эй, а ну назад! — приподнялся дежурный.

Но Лях уже был в коридоре и постарался погромче хлопнуть дверью. Дверь хлопнула, судя по крику боли и ярости, прямо по лбу сержанта. Коридор Лях преодолел за секунду, выскочил в переход и сразу свернул за угол. Здесь он укрылся за табачным ларьком и услышал как снова хлопнула дверь. Послышался раздраженный голос:

— Где этот козел? Куда делся? Не мог же он так быстро слинять! Ты направо, я налево. Увидишь — стреляй на поражение. Стоп!

Неожиданно площадь перед станцией пересекла черная "волга". Лях поспешно перебрался дальше, за автоматы с газировкой.

"Волга" резко затормозила. Из машины вылез толстый полковник и заорал на растерявшихся милиционеров.

— Вы тут, мать вашу, с ума посходили? Комитетчиков мочить начали!

Вместе с ними полковник направился в комнату милиции. Теперь Лях слышал их голоса через приоткрытую фрамугу.

— И что с ним делать будем? — грозно спросил голос полковника.

— Вывезем за окружную, там возле поселка комитетчиков выбросим, — развязно предложил кто-то из сержантов.

Через минуту с кряхтением и оханьем четверка милиционеров затащила тело майора Васина в багажник черной "волги". Полковник молча наблюдал за их действиями.

Позади них маячил седой тип. Он отозвал полковника в сторону. Оба отошли и остановились возле автоматов с газировкой, за которыми прятался Лях.

— Имей в виду, Антропов меня расстреляет, если узнает, — промямлил толстый полковник.

— Ничего он тебе не сделает. Не успеет. Им займутся с минуты на минуту, — заверил его Седой. — К тому же он не твой начальник. Твой министр Челокосов как-нибудь своих отмажет.

Хлопнули дверцы и черная "волга" исчезла в ночи со своим страшным грузом. Уехал и седой. Лях осторожно выбрался из укрытия и двинулся напрямик через сад к тому месту, где оставил свою машину. Он прикидывал варианты своего дальнейшего поведения.

Стучать кому бы то ни было Лях считал занятием недостойным, но по понятиям вложить ментов КГБшникам было "не в падлу". Он нашел будку с целым телефонным аппаратом и для начала набрал "ноль-два".

"Пусть мусора сами себя ловят", — решил он.

— На Рязанском шоссе возле поселка КГБшников убит сотрудник правоохранительных органов, тело лежит в лесопосадке, — сообщил он дежурному и повесил трубку.

Главное поднять шум. Пока менты разберутся, чье именно тело нашли, будет поздно хоронить концы. А он, Лях, поможет им разобраться.

Лях по памяти набрал оставленный Леной телефон оперативного дежурного по КГБ.

— Я хочу сделать важное сообщение, — сказал он. — Оно касается лично Антропова.

Неожиданно в трубке что-то щелкнуло и раздался усталый, но властный голос.

— Антропов слушает, — сказал вновь подключившийся человек. — Что вы хотели мне сообщить?

— Во-первых на станции "Ждановская" нарядом милиции убит майор Васин, его тело сейчас везут в область, чтобы там спрятать. А во-вторых вам лично тоже готовят какой-то сюрприз.

— Вы можете подъехать прямо сейчас? — спросил голос в трубке.

— Могу. Куда?

— Записывайте.

* * *

В кабинете генерала Цыгуна Седой подробно изложил ему суть последних событий. Генерал упал в кресло, держась за голову.

— Идиот! Ты же закопал нас! — простонал он.

Седой сокрушенно молчал.

Генерал плеснул себе коньяка в стакан и выпил залпом. Седому не предложил. Для генерала оставался единственный выход. Приходилось играть ва-банк. Он набрал номер прямого телефона министра внутренних дел. По старой сталинской традиции партийные бонзы любили засиживаться на работе за полночь.

Трубку взял сам министр внутренних дел Челоков.

— Анисимыч? — сразу перешел к делу Цыгун. — Есть разговор. Антропов приказал провести операцию "Щит". Завтра по дороге на работу тебя возьмет спецгруппа захвата.

На другом конце провода воцарилось долгое молчание. Министр задумался.

— И что ты предлагаешь? — наконец спросил он.

— Его нужно опередить. Взять прямо сейчас, — твердо произнес Цыгун.

— Что, Сема, самому порулить захотелось? — усмехнулся собеседник. — Что, еврей дорогу перекрыл?

О еврейском происхождении председателя КГБ в недрах самой организации даже подумать боялись, зато в конкурирующих службах и в аппарате ЦК с нескрываемым злорадством перешептывались все кому не Лень.

— Потерпи, он же больной совсем, долго не протянет, — успокоил Цыгуна министр. — Годок-другой максимум.

— Какой годок? Ты что, не понял?! — пришел в ярость Цыгун. — Он завтра нас с тобой к стенке поставит! Это же вопрос жизни и смерти!

— Кончай истерику, Сема! — оборвал друга Челоков. — Леонид Ильич в курсе наших разногласий с Антроповым. Он не позволит ему и пальцем нас тронуть.

— Леонид Ильич просто не успеет нам помочь! — стоял на своем Цыгун. — Завтра мы с тобой погибнем в автомобильной катастрофе или вены в теплой ванне вскроем. Забыл как умерли Кунаков с Мажеровым?

Челоков сдался.

— Ладно, что ты предлагаешь?

— Его надо опередить! Отправь к нему на Кутузовский своих дуболомов. Сегодня же. Сейчас же! Я тебя умоляю, послушай меня хоть раз!

— Считаю, уговорил, — мрачно произнес Челоков и повесил трубку.

* * *

Лях поставил свою "шошу" на стоянку возле странного памятника раскоря-

ченному человеку. То ли Троцкому, то ли Плеханову. Напротив темнел витринами "Сороковой" гастроном, за ним весело светились окна старого здания Комитета Государственной Безопасности.

Лях прошелся по тротуару. Рядом с ним остановилась светло-зеленая машина-такси. Открылась задняя дверь.

— Это вы мне звонили? — спросил знакомый Ляху голос. — Садитесь скорее.

Лях хотел было по привычке бросить в ответ: "Будет за что, сяду", но вовремя удержался. Он уселся на заднее сиденье и машина сорвалась с места.

Рядом сидел немолодой человек, лицо которого было знакомо Ляху по фотографиям. Это был всеильный председатель КГБ Антропов.

— Не боитесь на такси разъезжать? — поинтересовался Лях.

Водитель усмехнулся, Антропов тоже сдержанно улыбнулся.

— Это наша спецмашина, — сказал он. — Она бронированная. Можете чувствовать себя здесь в безопасности.

— Куда мы едем?

— На резервную спецквартиру. Там вы расскажете мне подробнее то, что хотели сообщить.

Бронированное такси летело по пустынным ночным улицам. Улица Горького перешла в Ленинградский проспект, затем они вынырнули из тоннеля между башней Гидропроекта и Бериевским институтом, переехали Мост Победы и свернули в арку большого наполовину желтого, наполовину серого дома.

Лях с Антроповым вылезли и машина тотчас же скрылась. Чекист повел Ляха в подъезд. Войдя в него, тот удивился. Дом насчитывал не то девять, не то десять этажей. В подъезде же их было всего два. Дальше шел потолок.

Антропов открыл дверь одной из квартир и провел Ляха широким коридором. Вместо того, чтобы идти в комнату, Антропов открыл дверцу стенового шкафа, отодвинул висевшие в нем пальто и открыл заднюю стенку. За ней наверх шла крутая лестница, похожая на корабельный трап.

Немолодому председателю было нелегко вскарабкаться наверх. Без помощи Ляха он вряд ли сумел бы это сделать.

Пройдя похожим коридором, Антропов вывел Ляха из квартиры. Наверх вел лифт, только поменьше чем обычный. Они поднялись на восьмой этаж и вошли в одну из дверей. Спецквартира была небольшой, но Ляху понравилась.

— Вы можете перекусить. Продукты в холодильнике, — предложил Антропов. — Я на диете, почки, знаете ли, барахлят. Поэтому ограничусь рюмкой коньяку. Вы как?

Лях не возражал. Через несколько минут они сидели на крохотной кухне за наскоро сымпровизированным столом. Лях подробно, в деталях сообщил председателю комитета об убийстве майора Васина и об опасности, которую и сам не до конца понимал.

— Спасибо, — сказал Антропов. — После вашего звонка я навел справки, так что я в курсе ваших занятий. Почему вы это сделали?

— Что? — не понял Лях.

— Помогли мне. Ведь я для вас "легавый", "мусор".

Лях помолчал, обдумывая. Наконец проговорил.

— Мой друг, заменивший мне отца, сидел вместе с Андреем. Вашим сыном.

Он много мне о нем рассказывал.

Антропов сник. Было видно, что эта тема для него особенно болезненна.

— Он про меня что-нибудь рассказывал?

— Нет, ничего.

— Наверно он меня ненавидел, — тихо вздохнул Антропов.

— Он вас уважал, это я точно знаю, — сказал Лях. — Где он сейчас?

— Андрей погиб. После освобождения он жил в Тирасполе. Его убили милиционеры.

— У меня они убили отца, — сказал Лях.

Они выпили молча и просидели до самого утра, не сказав больше ни слова. Каждому было о чем подумать.

* * *

Свой первый рабочий день в Управлении спецслужбы МВД СССР младший инспектор Крюков начал с аврала. Личный состав не отпустили вечером по домам, продержали всю ночь в управлении, а на рассвете усадили по машинам. Крюков попал в группу к своим крестным — Мурашову и Ниночкину.

Ближе к утру на улицах Москвы начали твориться странные вещи. По Кутузовскому проспекту двигалась колонна из пяти легковых машин с мигалками. Неожиданно путь колонне перегородил тяжелый самосвал.

Из остановившейся головной "волги" выскочил человек в форме милицейского подполковника и бросился к водителю самосвала.

— Ты что делаешь, пенек долбаный! А ну, разворачивай свою колымагу! Отгонишь вон туда, к тротуару, а потом я с тобой разберусь.

Водитель самосвала выплюнул в окно недокуренный бычок и сообщил:

— А пошел ты, мусор недоделанный!

У подполковника от удивления отвисла челюсть и едва не свалилась фуражка. Так с ним лет двадцать никто не разговаривал.

Он уже было собрался сообщить наглому шоферюге, что именно с ним сейчас сделает, как со всех сторон с воем сирен и сверканием мигалок вылетели полтора-два десятка черных "волг" с КГБшными номерами. Милицейская колонна была взята в кольцо. Из машин повыскакивали автоматчики в штатском. За их спиной маячил вояка с погонами полковника.

— Не советую сопротивляться, — прогрохотал он сиплым басом. — Разворачивайтесь и мотайте обратно. На размышление десять секунд. В случае неподчинения имею приказ открывать огонь на поражение.

Милицейский подполковник грязно выругался и вернулся к своей машине.

— Вам это даром не пройдет, мы еще встретимся! — с угрозой пообещал он.

— Обязательно! — поддержал его чекист. — И будем дружить домами. И кланяйтесь от нас товарищу Челокову, Николаю Анисимовичу!

Подполковник оглушительно хлопнул дверцей, милицейская колонна развернулась и через проход, открытый им "старшими братьями", отправилась восвояси.

Аналогичная сцена разыгралась и возле Политехнического музея. И там спецгруппа, посланная министром внутренних дел для ареста председателя КГБ, натолкнулась на превосходящие силы противника и вынуждена была отступить.

Но на Ленинградском проспекте вышло иначе. Пятерку машин замыкала

"волга", за рулем которой находился лейтенант Ниночкин, а на заднем сиденье крутил головой Крюков. Рядом с водителем, на командирском месте, восседал старший группы капитан Мурашов. Рядом с Крюковым теснились двое бойцов из группы захвата.

По дороге у машины спустило колесо. Мурашов доложил по радиации начальнику группы и получил приказ устранить неисправность и догонять колонну. Местом назначения был "Серый" комитетский дом на Войковской, где по данным разведки мог находиться председатель Комитета.

На развилке у здания "Гидропроекта" Ниночкин притормозил.

— Куда теперь? В туннель?

— Давай верхом, — распорядился Мурашов.

Проезжая мимо ампирного здания Бериевского института, оперативники вдруг услышали автоматные очереди. Ниночкин притормозил. Выстрелы, похоже, раздавались снизу из тоннеля.

— Что будем делать? — спросил он Мурашова.

— Ты думаешь, это наши там воюют? — спросил он.

— А кто же? Больше некому. Атакуем?

Мурашов задумался. Невыполнение поставленной задачи грозило ему очередным понижением, в крайнем случае увольнением. А если открыть военные действия против КГБшников... Это пахло вышкой.

— Разворачивайся, на хрен, и давай в переулок, — распорядился он. — Мы свои награды еще успеем заработать.

Бойцы ОМОНа на заднем сиденье проявили полнейшее равнодушие. Их подняли среди ночи, когда они отдыхали после изматывающего кросса. И теперь они хотели одного — выспаться. Крюкова же вообще никто не спрашивал.

Неожиданно дорогу им перекрыли две черные "волги" и микроавтобус. Из машин горохом высыпались бойцы в форме десантников и взяли милицейскую тачку на прицел.

— Никому не двигаться, выйти из машины с поднятыми руками! — приказал старший.

Лейтенант Ниночкин с удивлением узнал в нем своего седого "друга" из гостиницы "Россия". Крюков тоже удивился родному лицу.

Пленных перегрузили в "РАФик" и повезли в неизвестном направлении. С ними сели двое автоматчиков и Седой.

— Куда вы нас везете? — попытался возмутиться Мурашов.

— Расслабься, капитан, — успокоил его Седой. — Вам предстоит совершить маленький подвиг.

* * *

Поутру они расстались у дверей подъезда. За Антроповым приехала все та же бронированная "волга"-такси.

На прощанье он крепко пожал Ляху руку.

— Еще раз спасибо. Возвращайтесь домой и живите спокойно, вас больше не побеспокоят. Если вы, конечно, сами не приложите к этому усилий. Может куда подбросить?

Лях отказался. Ему надо было побыть одному и хорошенько все обдумать. У него появился реальный шанс завязать и начать новую жизнь.

Неожиданно он вспомнил, кому принадлежал голос убийцы из подворот-

ни. Вспомнил и его обладателя, седого парня из надиного подъезда, укравшего когда-то крест Гитлера. Это он приходил к Призраку с предложением ограбить надину квартиру. Это именно его видел Лях ночью в комнате милиции на "Ждановской".

Получалось, что именно он убил Волоху Призрака и отца Нади, а там в подворотне пытался убить журналиста Леню. Удар пикой в висок, похоже, служил ему визитной карточкой. И этот парень работал в КГБ? А, собственно, почему бы и нет?

Лях нашел свою машину возле "Сорокового" гастронома. При свете дня памятник Троцкому (или Чичерину) казался еще более нелепым. Забрав свои вещи из гостиницы, Лях направился домой. И здесь его ждал сюрприз.

Видимо они следили за окнами. Как только Лях зажег свет в комнате, в коридоре раздался телефонный звонок. Хриплый голос без предисловий сообщил:

— Хочешь увидеть свою бабу живой, приезжай к ней на хату. И не забудь крестик. Если приедешь не один, пожалеешь.

В трубке послышались короткие гудки.

* * *

Чингиз дымил сигарой и расхаживал по квартире Нади из угла в угол. Сильвер и трое бойцов нервно следили за передвижениями главаря. Коротко стриженный ежик черных волос, черные очки, закрывавшие пол-лица, и kloкoтавшая в нем энергия делали его похожим на демона разрушения.

Для себя Чингиз все решил. С Седым нужно было кончать. Но сначала требовалось получить от Ляха крест, продать его Седому, а затем замочить Седого и забрать и камень, и деньги. Про последнюю операцию Чингиза Седой ничего не знал. Чингиз не сказал ему, что собирается захватить бабу, с которой недавно засек Ляха возле ресторана и проследил до гостиницы.

Поэтому когда Седой назначил Чингизу встречу, тот не смог отказаться. Ему уже пора было ехать на стрелку к Седому, а Ляха все еще не было. Чингизу гораздо спокойнее было бы разговаривать с Седым, если бы крест лежал у него в кармане. Но ничего не поделаешь. Он повернулся к помощникам.

— Мы с Сильвером сейчас ненадолго отъедем. Когда придет Лях, закоцаете его в браслеты и ждите меня. Если отдаст крест сразу, можете его с бабой мочкануть прямо здесь. Но без меня не уходите. Рыжий за старшего.

Они ушли. Спустя пятнадцать минут в квартире раздался звонок. Рыжий здоровяк отправился открывать дверь. Другой бандит, пониже ростом, но еще шире в плечах, прозванный Радиолюбителем, стал за дверью с пистолетом. Третий, за рост получивший кличку Длинный, остался с обрезом в руках стеречь связанную пленницу.

Рыжий открыл дверь. На пороге стоял Лях.

— Проходи, грабли в гору, — приказал Рыжий.

Радиолюбитель похлопал поднявшего руки Ляха по карманам.

— Похоже чистый.

— Я не гопота, чтобы со стволом таскаться, — презрительно подтвердил Лях.

Радиолюбитель грязно выругался и ударил Ляха рукояткой пистолета между лопаток. Лях рухнул на пол. Рыжий нагнулся и прихватил ему руки за спиной наручниками. Вдвоем они отволокли потерявшего сознание в комнату и

бросили на стул. Постепенно Лях пришел в себя и огляделся.

— Где она? — спросил он.

— В соседней комнате твоя шмара, — ответил Рыжий. — Ты не ссы, за ней там Длинный приглядывает, а у него как-никак незаконченное медицинское образование. Слесарь-гинеколог без диплома. Останется довольна. Лучше колись, где крест? При тебе? Радиолобитель, общмоной его по полной программе!

— Сначала отпустите ее, потом получите крест, — сказал Лях.

— Если ты не скажешь, Длинный поставит твою матрешку раком и будет драть ее прямо при тебе. А потом также отдерет и тебя. Хочешь доставить ему это удовольствие? — поинтересовался Рыжий. — А можно вместо этого побаловаться паяльничком. Вон Радиолобитель у нас родился с паяльником в руках. Так им орудует — закачаешься!

— Ладно, — согласился Лях. — Но если я отдам крест, вы нас отпустите?

— Моментально! — не моргнув глазом соврал Рыжий.

И добавил, уже про себя:

"На тот свет".

Хорошо. Он внизу, в почтовом ящике.

— Ты чо, охренел?! — взвился Рыжий. — А если его шпана вместе с газетами стырит или спалит? Радиолобитель, лети мушкой на первый этаж, проверь. Найдешь крест, волокн сюда. А если он соврал, яйца отстрелим.

В это время раздался телефонный звонок. Два условных звонка, затем молчание. После этого телефон зазвонил снова.

— Это Чингиз, — сказал Радиолобитель.

Рыжий снял трубку.

— Да, это я. Порядок, шеф. Он раскололся. Крест у нас. Ждем тебя.

Рыжий несколько преувеличивал, но считал, что так будет солиднее.

Радиолобитель исчез за дверью. Хлопнула дверь лифта. Лях выждал минуту и спросил Рыжего.

— Как думаешь, он вернется?

— Чего? — протянул Рыжий.

Эта простая мысль только сейчас пришла ему в голову.

— Я бы свалил, — ответил Лях. — Знаешь, сколько этот крест стоит? Лимон!

Рыжий рванулся к двери, крикнув в соседнюю комнату:

— Длинный, присмотри за клиентом!

— Чо за базар? — из спальни показался Длинный с обрезом в руках.

— Я на секунду! — Рыжий выскочил из квартиры и с грохотом поскакал вниз по лестнице.

— Куда они делись? — не врубился Длинный.

— Забрали крест и свалили, — пояснил Лях.

— Не свисти! — крикнул Длинный, но и сам рванулся в прихожую.

Лях только и ждал этого момента. Он вскочил со стула, подскочил к письменному столу и на ощупь выдвинул ящик, за ним другой. Скрепка нашлась в третьем.

Ляху повезло. Если бы его не заковали в браслеты, а, скажем, связали ремнем или веревкой, освободиться было бы гораздо труднее. Скрепка послужила ему отмычкой. Он едва успел открыть один из браслетов, когда в комнату ворвался красный от ярости Радиолобитель. За ним лез Длинный. Видимо они

столкнулись возле входной двери.

— Где крест, сука?! — орал крепыш.

Лях плюнул ему в лицо. Это был не совсем плевок и уж совсем не слюной. Радиоловитель вскрикнул и схватился за глаз. Пистолет выпал из его руки. Новый "плевок" — и лицо Длинного залилось кровью из прорезанной брови.

Лях в совершенстве освоил сложный воровской прием — "плевок мойкой". Вот и сейчас тонкие лезвия безопасной бритвы, которые он таскал за щекой для такого случая, сделали свое дело.

Окончательно освободив руки, Лях приблизился к противникам. Воспользовавшись наручниками как кастетом, он ударил Радиоловителя в висок. Послышался тошнотворный хруст и крепыш замертво рухнул на пол. Второй удар — и не успевший прийти в себя Длинный лег рядом с товарищем.

Лях бросился в спальню. Надя сидела в кресле, связанная, с кляпом во рту. Он подхватил со столика маникюрные ножницы и освободил ее. Из прихожей снова послышалась громкая брань. Видимо Рыжий вернулся ни с чем. Но, в отличие от Радиоловителя, прокатившегося на лифте, ему пришлось спускаться и подниматься пешком.

Лях метнулся к выходу. Он успел вовремя. Рыжий ткнулся в гостиную и замер при виде двух недвижных тел сообщников. Пистолет он спрятал, когда носился по лестнице и теперь попытался выхватить. Но не успел. Лях оказался рядом и воткнул ему маникюрные ножницы в шею в том месте, где проходила артерия. Он едва успел развернуть падающего бандита так, чтобы фонтан крови ударил в стену.

Из спальни послышались неуверенные шаги. Лях не мог допустить, чтобы Надя увидела картину бойни. Он сорвал с дивана большое покрывало и накинул на тела бандитов. После этого повернулся к Наде.

— Что здесь произошло? — слабым голосом спросила она.

— Эти скоты тебя обидели и я их слегка проучил, — ответил Лях.

— Они... мертвы?

— Надеюсь. Нам срочно надо уходить отсюда. Собери самое необходимое.

— Но куда?

— Поживешь пока в гостинице "Москва". Номер оплачен до конца месяца.

И прости меня.

Надя все еще не могла прийти в себя.

— Скажи, это из-за моего креста?

— Да. Но теперь это кончится. Я отдам его в общак. И вот что... Я решил... Одним словом, теперь мы будем вместе. Если ты не возражаешь, конечно. Ты же все-таки замужня женщина.

* * *

Седой стоял навтыжку перед генералом Цыгуном. От его вальяжности не осталось и следа. Он торопливо оправдывался:

— Товарищ генерал, я не виноват. Я все аккуратно зачистил, но кто-то настучал самому Антропову.

— Об операции знали трое — Васин, я и ты. Васин мертв. Остаемся мы двое. Как полагаешь, на кого я могу подумать?

По его тону Седой безошибочно понял — генерал его приговорил. Чтобы опередить его, требовалось немного времени. Попытка была безнадежной, но он попытался:

— После Васина остались материалы оперативной разработки. Наверняка вся проблема в них. Они у него на конспиративной квартире. Их могли украсть. Если прикажете, я сейчас съезжу и проверю, на месте ли они.

— Не надо. Съездим туда вместе. Прямо сейчас.

Генерал поднялся. На улице их ждала машина. За рулем сидел Чингиз. Он был чем-то страшно доволен.

— Кто это? — спросил генерал. — Он нас не подставит?

— Новый шофер. Он ничего не знает, работает первый день.

— А почему у него такая счастливая рожа? — подозрительно нахмурился Цыгун.

— Потому и счастливая, что ничего не знает, товарищ генерал, — бодро отрапортовал Седой и велел Чингизу: — Гони на Ленинградку.

Чингиз привез Седого и его шефа в нужное место. Сильвер на неприметных серых "жигулях" соровождал их на приличном расстоянии. Заехав во двор, генерал и его помощник направились в квартиру, где майор Васин осуществлял встречи с агентурой. Седой незаметно сделал Чингизу знак следовать за ними.

Как только они вошли в квартиру, Седой резко повернулся к шефу и нанес удар в лицо. Тот видимо ждал этого и увернулся. В его руке оказался пистолет. Если бы не Чингиз, возможно Цыгун убил бы своего подлого зама. Но тут горло генерала захлестнула петля. Он захрипел, выронил оружие и медленно опустился на пол.

Чингиз некоторое время подержал петлю затянутой, потом отпустил. Тело генерала безвольно обмякло. Убедившись, что тот не подает признаков жизни, Чингиз обратился к Седому.

— У меня есть для вас кое-что. Вы все еще интересуетесь тем крестом с красным алмазом?

— Где он? — яростно зашипел Седой.

Труп генерала, лежавший прямо под ногами, казалось, заботит его меньше всего.

— Через час я вам его доставлю. С вас один миллион рублей.

— Сколько?! — взвился Седой.

— Или я предложу его тому, кому он действительно нужен.

— Ладно, подожди, — Седой мгновенно остыл. — Через час я смогу достать только половину. К тому же мне нужно будет убедиться, что камень настоящий. Вторую половину отдам завтра. Согласен?

— А куда ты денешься? — презрительно ощерился Чингиз. — Хоп, замазали. Пятьсот штук через час...

— Через два, — уточнил Седой. — Мне еще гостей дождаться надо.

Чингиз оставил Седого ждать в засаде своих гостей, а сам пересел в машину к Сильверу и направился домой к Наде, где оставил своих помощников. Звонить он не стал. Оставив Сильвера внизу, он поднялся в квартиру и поначалу удивился тому, что его никто не встречает.

Своих людей он нашел в гостиной. Откинув покрывало, он постоял некоторое время, стиснув зубы, потом повернулся и быстро вышел. Есть у него крест или нет, деньги с Седого он все равно получит.

Но на выходе из подъезда на Чингиза вдруг навалились четверо похожих на самосвалы молодцов. Его согнули пополам ударом в живот, заломили ему

руки и зашел и Бросившегося на помощь Сильвера вырубили ударом сзади по голове. Самого Чингиза тщательно обыскали. Потом старший из напавших достал компактную рацию и доложил.

— Объект задержан. Обыскали. При нем ничего нет.

Выслушав ответ, чуть не щелкнул каблуками.

— Вас понял. Сейчас оформим. Объект будет задержан с поличным при уличном грабеже. Как? Слушаюсь, так точно! Есть "устроить убийство с целью ограбления"!

Он отключил рацию и оглядел улицу в поисках подходящей жертвы.

* * *

Лях отвез Надю в свою гостиницу. Оставив ее в номере, он спустился в холл. Здесь его уже ждал человек с забинтованной головой. Это был журналист Леня. Лях подошел к нему и спросил?

— Как ты? Оклемался?

— Порядок. Только ухо придется теперь волосами закрывать. У меня к тебе дело.

Лях покачал головой.

— Про дела забудь. Знаешь, старик, я твердо решил завязать. Так что ищи другого специалиста.

Леня затряс головой.

— Ты не понял. Там сейчас такое творится! Менты с комитетчиками пострелялись. Я сам думаю, что надо завязывать. Только одна заковыка. Пасли нас.

— Кто? Менты? — нахмурился Лях.

— Нет, ребята из "Глубокого Бурения". Я не виноват...

В глазах журналиста Лях прочитал испуг. Он хлопнул Леню по плечу:

— Не менжуйся, к тебе у меня претензий нет. Знал, на что шел. Ты в курсе, что твоего Васина убили?

— Да, уже слышал, — Леня боязливо посмотрел по сторонам. — Именно поэтому и тороплюсь. Пора обрываться с крючка. Я знаю, где лежат материалы нашего наблюдения. Их Васин хранил на "кукушке" — конспиративной квартире. Я там был пару раз. Эти бумаги надо срочно оттуда забрать.

Лях решил.

— Тогда давай по-быстрому.

От дежурной он позвонил в номер Наде.

— Я должен отъехать, но скоро вернусь.

— И мы будем вместе? — спросила она.

— Да, пока смерть не разлучит нас.

Леня уже ждал его в машине.

Они подкатили к уже знакомому Ляху большому серо-желтому дому на Ленинградском шоссе. Возле дома Лях остановился.

— В квартиру ты не пойдешь, — сказал он.

— Почему? Не доверяешь? — обиделся Леня.

— Нет, просто предчувствие нехорошее. И обмылок, которым Волоху Призрака обмывали у меня эти волки во время обыска вытянули. Короче, этот вопрос не обсуждаем. Отъедешь к парку и оттуда будешь следить за подъездом.

— А если тебя повяжут?

— Не должны. Я чистый. В крайнем случае ты меня вытащишь.

— Смейся? Я же не адвокат.

— Ну и что? Ты журналист. Напишешь статью, поднимешь волну общественного мнения.

— От общественного мнения ничего не зависит. Все решает власть, — обреченно вздохнул Ляня.

— Власть не вечна. Нюхом чую большие перемены, — обнадежил его Лях и вылез из машины.

Войдя в квартиру, указанную Ляней, Лях замер и прислушался. В квартире царил гробовая тишина. Он прошел по коридору и остановился у арочного входа в комнату. На полу лежал человек в генеральском мундире. Лях с первого взгляда понял, что тот мертв.

За спиной Ляха хлопнула входная дверь. Послышался топот и крики:

— Стоять! Не двигаться! Уголовный розыск!

Капитан Мурашов, лейтенант Ниночкин и сержант Крюков в сопровождении троих ОМОНовцев ворвались в квартиру. Ляха повалили на пол.

— Ты арестован за убийство генерала Цыгуна с целью ограбления! — проорал ему в ухо Ниночкин.

Крюков так и замер в дверях, понимая всю нелепость своего положения.

Похоже было, что капитану Мурашову все-таки удалось совершить свой подвиг.

Ляха закоцали в наручники.

— Двигай за понятиями, — велел Крюкову Мурашов.

— Одну минуту, молодые люди.

В комнату вошел седой тип в темных очках. Он подошел к Ляху, похлопал его по куртке и удовлетворенно рассмеялся. Движением фокусника он извлек из лешкиного кармана большой футляр. Раскрыл. Краем глаза Крюков заметил в футляре сверкнувшее украшение в виде креста. Орден, что ли?

Седой переложил футляр в карман своего пиджака, потом махнул рукой.

— Вот теперь давайте понятий. Меня вы не видели.

ГЛАВА 12. ТЮРЬМА

Вместо положенных семидесяти двух часов Лешку продержали в КПЗ чуть больше суток. Прокурор не глядя штемпельнул санкцию на арест и Ляха с попутным бобиком доставили в следственный изолятор, в народе попросту именуемый тюрьмой. В тюремном дворе в это время разгружали автозак, машину для перевозки заключенных. Лешку втолкнули в общую очередь.

На курорт место совсем не походило. Скорее оно напоминало мясорубку.

От фургона до дверей здания выстроился живой коридор из рексов-тюремщиков. Лешка вспомнил кино про фашистские концлагеря: там так же давились от бешеного лая овчарки, орали и ругались надзиратели.

Заключенные по очереди бегом преодолевали коридор. Если арестант мешкал, кто-нибудь из собачьих проводников стравливал поводок, и давал своему четвероногому другу попробовать на вкус арестантскую задницу.

Солидный мужик в шляпе, с большим чемоданом в руках, замешкался и тут же получил по копчику до блеска начищенным вертухайским сапогом. Видимо он, типичный барыга-расхититель, еще не привык к такому обращению.

— Что вы себе позволяете?! — вскипел он. — Я буду жаловаться прокурору!

После чего получил целый град ударов и выронил свой шикарный чемодан. Тот упал на асфальт и раскрылся. Расхититель попытался было нагнуться, чтобы собрать рассыпавшиеся вещи, но от очередного пинка буквально пролетел по воздуху несколько метров. Надзиратели ногами отфутболили чемодан вместе с содержимым в угол двора, в кучу грязи, и продолжили разгрузку живого товара.

Бешенство собак соперничало с бешенством людей. Лешка бегом миновал горячий коридор, не обращая внимания на тычки и затрецины. Внутри здания тоже ждали надзиратели, но поспокойнее, и стояли они пореже. Вертухай рассовывали вновь прибывших по боксам — клетушкам метр на метр. Ляха втолкнули в одну из них. Кроме него тут уже было напихано человек пять.

Еще только попав в коридор, Лях ощутил запах. Особый сладковатый, тошнотворный запах помещения, в котором множество людей, скученных на небольшой площади, спит, принимает пищу, оправляется. Живет и умирает. Запах тюрьмы.

Когда за спиной Лешки захлопнулась железная дверь бокса, ближайший к нему заключенный с хитрой рожей поприветствовал его:

— Вот ты и дома.

Из бокса Лешку вскоре выдернули. Начались унижительные стандартные процедуры. Своего рода инвентаризация. Видимо так же обращались когда-то с рабами. Щупали мышцы, заглядывали в рот...

Лешке для начала заглянули совсем в другое место.

— Снимите трусы, наклонитесь и раздвиньте ягодицы, — предложила уставшая и привыкшая ко всему женщина-врач.

Лешка сделал как просили.

— Ну как, что-нибудь видно? — с беспокойством спросил он докторшу.

Та на приколы уже давно не реагировала.

— Наденьте трусы, теперь приспустите спереди. Обнажите головку члена, — продолжала строгая докторша.

— Желание дамы — закон, — признался Лешка. — Только что о нас с вами подумают?

На Лешку завели дело, где перечислили все бывшие у него при аресте вещи и все его приметы: шрамы и родинки. Тут же у него сняли отпечатки пальцев, откатав их на "рояле".

Затем начался большой шмон. Здесь надо было снова раздеваться догола, присесть и раздвигать ягодицы, но уже с иной целью.

— Что я вам, телевизор, что ли? — проворчал Лешка. — А сразу, вместе с докторшей, не могли туда заглянуть? Я бы вам пошире раздвинул. Любуйтесь, если так нравится.

— Это кто такой умный? — поинтересовался у наблюдателя его напарник, тщательно прощупывая швы Лешкиных джинсов. — Имей в виду, умник, такие здесь долго не живут.

— А я тут до пенсии сидеть и не собираюсь. Мне звездочки выслуживать не надо.

Получив пинка, Лешка проследовал к парикмахеру. Здесь ухарь с машинкой лихо оболванивал прибывших "под ноль" одного за другим. Лешка, наученный Волохой, заартачился было:

— Я не осужденный, меня можно стричь только с моего согласия!

Цирюльник мигнул вертухаям и они мигом пристегнули Лешку к креслу наручниками.

— Это не стрижка, а санобработка, — объяснил парикмахер. — Когда в камере письмари тебя жрать начнут, вспомнишь меня и мне же спасибо скажешь.

— Кто? — не понял Лешка.

— Письмари — это вши. Не знал? Счастливый.

Наконец Лешку оставили в покое. Его привели в транзитную камеру сборки. Маленькое зарешеченное окошко пропускало мало света. На скамьях и двухъярусных шконках сидело человек двадцать заключенных. Здесь ему предстояло провести несколько дней.

Лешка ни с кем не разговаривал. Если спрашивали, отвечал коротко, односложно. "Да-нет". От Волохи он знал, что в любой камере всегда найдутся "пушистые" уши, поэтому не доверял никому. На сборке Лешка также не засиделся. Буквально на следующий день, ближе к вечеру, контролер выкрикнул его фамилию и повел на хату. По дороге Лешку завели в подсобку, где навьючили необходимым скарбом: скрученным матрасом, подушкой и прочим причитающимся зеку добром.

Камера следственного изолятора была небольшой, но народу в ней набилось под завязку. Больше всего угнетала сладковатая вонь, пропитавшая, казалось, все уголки старой тюрьмы. Лешка вошел, поздоровался и остановился в ожидании. Призрак говорил, что к новичку на правильной хате должны подойти и объяснить местные порядки.

К нему и в самом деле направился жилистый долговязый парень. Предплечья его украшали наколки — на одной руке кинжал, роза и решетка, а на другой — голова тигра с оскаленной пастью. Сразу видно — крутой пацан, авторитетный.

Пацан подошел, оглядел Лешку и с ходу определил:

— Первоход? Сливочный? Треба прописать! Выбирай, что лучше — из пара-

ши хлебнуть или зуб камере подарить? А то у нас "вокзал" пустует. Шнырей не хватает хату прибрать.

И он кивнул на относительно свободное пространство под нижними шконками.

Лешка понял, что попал на неправильную хату. На такой случай Волоха его тоже инструктировал.

— Воровской сход решил — никаких прописок, — сообщил Лешка. — Ты что, не в курсах? Прописка только мусорам на руку.

Крутой ощерился.

— Что ты вякнул, сявка? Я Кошарь, правильный пацан! А ты меня с мусорами равняешь?

— Это не я, ты сам себя сравнивал. А за беспредел перед людьми ответишь.

— Слышь, Кошарь, гляди, опять косяк упорешь. Кореец с крякушника поднимется, предъявит, — донеслось из угла.

— Какого хрена он мне предъявит? Я что, фраера небитого прописать не имею права? Я уже третий срок мотаю!

— Хоть и третий, а все дурак, — с угловой шконки поднялся тощий мужик, весь покрытый наколками. — У вас у всех, которые с малолетки поднялись, с этим делом перебор. Беспредельничаете. Раз новый пассажир на хату заехал, ты ему должен правила наши объяснить, место показать.

— А бутерброд с икрой ему пожевать не надо? Или туза подмыть? Тоже мне, нашел шестерку!

Кошарь протянул руку к Лешкиным джинсам.

— А ну-ка, фраерок, давай портками махнемся!

Лешка резко ударил его по руке. Кошарь молниеносно махнул другой рукой с зажатым в ней заточенным супинатором, вынутым из ботинка. Лешка еле успел увернуться.

Он легко мог бы подсечь нападавшего или сломать ему руку, но знал, что такие "мусорские" приемы у блатных не котируются. Поэтому ответил по-боксерски встречным правой в голову. От удара Кошарь залился кровью и отлетел к параше.

Со шконок послышался злой ропот и обозначилось движение. Кошарь, хоть и слыл беспредельщиком, но был свой, блатной. И давать его в обиду какому-то дерзкому залетному фраеру камера не собиралась. Лешка отступил в угол, понимая, что расклад сложился не в его пользу.

В разгар наступления в замке звякнул ключ. Дверь приоткрылась, пропуская крепкого невысокого человека с волевым умным лицом. Про Лешку тут же забыли, а пришедшего встретили радостными криками:

— О, Кореец! Как отдохнул? Что в карцере нового? Телевизор не поставили? Лицо вошедшего также осветилось улыбкой.

— Привет, братва, давно не виделись! Мне бы теперь кишку набить, а то десять суток на кумовской диете — мало не покажется.

— Двигай сюда! А ну, братцы, организовали хавчик по-быстрому!

В козырном углу послышалось оживление. Возвращение из карцера авторитетного вора было встречено с энтузиазмом. Кореец уселся на почетное место, окинул камеру — свой дом родной — хозяйским взглядом и только теперь заметил Лешку, который продолжал стоять возле двери.

— А это кто такой у тормозов отирается?

Тощий мужик в наколках ухмыльнулся беззубым ртом:

— Первоход на хату заехал. Кошарь его прописать хотел, а тот его урыл.

Кореец сурово глянул на Кошаря.

— Опять беспредельничаешь? Я тебя предупреждал.

Потом обратился к Лешке.

— Кем будешь, на что отзывается? Погоняло имеется?

— Люди Ляхом зовут.

Кореец настороженно прищурился.

— Что за люди?

— Ну Волоха Призрак, например. Или Паша Яхонт. Никола Писарь тоже слово сказать может.

Кореец покачал головой.

— Та-а-ак! — он повернулся к Кошарю. — Ты хоть врубился, тормоз трудный, на кого, по ходу, наехал?

Он извлек из кармана куртки свернутую трубочкой записку.

— Слушайте, урки. В этой маляве прописано, что на нашу хату заехал правильный пацан Лях. За него авторитетные люди мазу тянут. Ежели кто не понял, я тому лекарство для ушей лично пропишу.

И обернулся к Кошарю:

— А ты, баклан, канай сюда. Первым на клизьму будешь.

С привилегированных шконок поднялись два здоровых уголовника. Они прихватили Кошаря за руки и за ноги и подтащили к Корейцу. Смотрящий не спеша взял металлическую кружку и с размаху обрушил ее на голову незадачливого беспредельщика. После десятого удара ручка осталась в руке авторитета, а сама кружка отлетела в сторону и покатила по полу.

— Ну вот, из-за тебя кругляк зашкварил! — с досадой бросил Кореец. — Ладно, отпустите, хватит с него. Свою шконку уступишь Ляху, а сам будешь спать в смену с фраерами.

Кошарь ухватился за голову и даже виду не подал, что чем-то недоволен. Лешку пригласили к импровизированному столу. Тут была копченая колбаса, икра, баночная ветчина. Откуда-то появилась бутылка водки.

— Давай, Лях, твое новоселье обмоем, — предложил Кореец, потом наклонился и пощупал штанину Лешкиных джинсов. — Только портки американские тебе все же придется на общак сдать. Не менжуйся, в камере они тебе все одно, без надобности. Братва тебе на замену что-нибудь приличное подберет. А из твоих джинсов, если их на полоски нарезать, самое клевое топливо для чифиря. Это тебе не газету палить.

Лешка подумал и решил не возражать. Взамен джинсов ему выделили новые спортивные штаны с тремя полосками по шву.

После банкета Лешка растянулся на своей шконке. К нему подошел Кошарь, обиженно шмыгая носом.

— Что ж ты сразу не назвался, сухариться начал? Одно дело, когда позорную масть скрывают. А тут на тебе! Но я не в обиде. Может в стирь перекинемся конок-другой? Без интереса, просто так, — предложил он, хитро прищурившись и достав из кармана колоду самодельных карт.

— Не играю, — отказался Лешка. — А на "просто так" тем более.

Очередная покупка блатаря не удалась. Лях был в курсе того, что играть "просто так" означало играть на собственную задницу.

— Ну как знаешь, — разочарованно протянул Кошарь и двинулся по проходу между шконками.

— Ну что, братва, есть желающие стирки метнуть?

— Да у тебя мутузки коцаные! — отозвался кто-то с "пальмы" — третьего, верхнего яруса шконок.

— Где коцаные?! — обиделся Кошарь. — Фуфлом отвечаю, на счастье шпилим!

Желающие тут же нашлись и через минуту игроки, затырившись от волчка — глазка в двери камеры — принялись азартно тянуть карты. Лешка не заметил как заснул.

Утро принесло новости. Ночью Кошарь вдупель продулся татарину Мустафе. При попытке отыграться он набрал три тысячи долгу. Выломиться из камеры он вовремя не успел, а отвечать за проигрыш не собирался, поэтому добровольно перебрался на "вокзал", то есть под шконку вместе со своим скарбом и деньгами. Теперь у него ничего нельзя было взять, не "зашкварившись". Урки смеялись над Мустафой и советовали стать у Кошаря сутенером, чтобы хоть таким способом получить с того долг.

Днем Лешку вызвали на допрос и отвезли в ментовку. Оказалось, что следователь решил провести опознание. Кто-то якобы видел, как он входил в квартиру, где был задержан при попытке совершения кражи. Про убийство КГБшного генерала следователь почему-то молчал. Здесь же узник встретился со своим адвокатом. Лешка начал было объяснять ему свою линию защиты, но адвокат, не дослушав, сразу предупредил его:

— Имей в виду, чем больше я скажу на суде в твою защиту, тем больший срок тебе дадут. Улики у обвинения железные. Наша задача — сохранить тебя в правовом поле "сто сорок четвертой" статьи — кража личного имущества, а не "восемьдесят девятой" или, упаси Бог, "девятисто третьей-прим" — кража госсобственности в особо крупных размерах. Квартирка-то была, хе-хе, казенная. А по сумме украденного, что на тебя вешают — на две вышки потянет. А вещицы, похоже, музейные. Кроме того, прокуратура думает на тебя убийство генерала повесить, а это "сто вторая" — убийство при отягчающих обстоятельствах из корыстных побуждений. В общем чистая вышка.

— Что предлагаете? — спросил Лешка.

— Колись на квартирную кражу. Полностью.

— Я подумаю.

Опознание проводилось — курам на смех. Из троих, предъявленных для опознания, двое статистов были в аккуратных костюмах и при галстуках, Лешка же торчал один среди них — в майке и трениках, остриженный наголо.

— Слышь, гражданин начальник, — возмутился Лешка. — По закону этих двоих тоже наголо оболванить нужно. Я прокурору писать буду! Думаешь, ты один тут УПК читал?

Следователь повернул к Лешке страдальческое лицо:

— Ну где я тебе двоих лысых найду? Чего ты боишься? Тебя в любом случае опознают. Если не будешь выеживаться, обещаю — пойдешь только за кражу. Мокруху на тебя вешать не будем.

Лешка не то, чтобы поверил. Он знал, что ментам верить нельзя. Просто выбора у него не было. А дергайся или не дергайся — все равно. Захотят, так обвинят в чем угодно. Судья приговорит, кивалы подмахнут и — скатертью

дорога на лесоповал! И раз в убийстве его не обвиняют, значит нет у них такого указания. Свидетель, понятное дело, опознал в Лешке злоумышленника, входившего ночью в квартиру.

Потянулись унылые тюремные будни. Лешке повезло, всего через полгода дело ушло в суд, который установил его виновность. Выходило, что он совершил попытку кражи личного имущества по части третьей статьи сто сорок четвертой. Поскольку в последнем слове Лешка вину свою продолжал упорно отрицать, судья вкатил ему по минимуму — пять лет исправительно-трудовой колонии общего режима. Уже потом умные люди объяснили — если бы признал вину и раскаялся, вломили бы на всю катушку с конфискацией.

Про убийство высокопоставленного КГБшника на суде не было сказано ни слова. Позже Лешка услышал, что генерал Цыгун умер на даче от инфаркта.

Теперь Ляха ждала зона общего режима. Перекантовавшись еще некоторое время на пересылке, он дождался наконеч своего этапа.

* * *

В детстве Лешка ездил однажды на поезде к тете в Кишинев и дорога ему не понравилась. Было душно. Туда ехали в купейном вагоне, а обратно, ввиду отсутствия билетов, пришлось возвращаться в плацкартном и это окончательно испортило все впечатление от поездки. Было тесно и грязно.

Сейчас в зарешеченное со стороны коридора купе конвойные набили человек десять. Четверых загнали на верхние, третьи полки. Человек десять упаковали внизу. Обиженка и здесь занимала места прямо на полу. Самые коронные средние полки, соединенные перемычкой, практически пустовали. На всем бельеэтаже вольготно расположился один-единственный пожилой пассажир. Когда Лешку последним впихнули в узкое пространство купе, обитатель "люкса" поманил его пальцем.

— Эй, пацан, двигай сюда.

Лешка узнал его. Это был родский вор-законник Паша Яхонт, приходивший несколько раз в гости к Волохе по общаковым делам. Лешка пролез в выемку в средней полке, позволявшую общаться верхнему ярусу с нижним, и оказался рядом с вором.

— Я тебя еще во время выгрузки из собачника срисовал, — сообщил тот. — Значит, замели тебя, паря? Что же, Волохина наука не впрок пошла?

Лешка пожал плечами:

— Мусора на хате подставу устроили.

— Значит по "сто сорок четыре" идешь? Дело хорошее. Правильная статья. Главное не менжуйся. Сейчас в тюрьме сидеть можно, вот только не с кем. Все больше целколомы мохнорылые по "сто семнадцать", барыги да хулиганка. Честные крадуны редкость. Ты как на зоне жить думаешь? Про понятия слышал?

— Буду стараться жить по понятиям.

— Старайся. Только имей в виду, по понятиям сейчас жить трудно. Ты первоход? Тебя, поди, на общий режим везут?

— Туда, — подтвердил Лешка.

— Один хрен, что дурдом. Две тысячи набушмаченных фраеров, у которых вместо понятия один голый понт. Значит вместе на "Силикоз" попадем. Козлиная зона. Не повезло нам, паря.

— Да уж, — тяжело вздохнул Лешка.

Зона общего режима "ИТК-666-бис" в просторечье звалась "Силикатная" или "Силикоз". Она в изобилии производила и то, и другое. Пара лет ударной выработки силикатного бетона — и туберкулез обеспечен. А про жуткий беспредел, творимый на зоне администрацией и активом, Лешке не раз приходилось слышать от однокрытников в камере изолятора.

— Я серьезно, — возразил Яхонт и наклонился к Лешке. — Базар не для чужих ушей. На сходняке решили "Силикатную" размораживать. Этим этапом туда авторитетные люди идут, так что держись к нам поближе.

— Как же вы на общий режим попадете? — не понял Лешка. — Там ведь только те, кто по первой ходке сидят.

— А про снятие судимости забыл? Раз судимость снята, ты вроде и не сидел. И пожалуйте к первоходам.

Наступило время обеда. Жрать розданную пайковую селедку (не тушенкой же зеков в дороге кормить) Яхонт не велел. Поделился копченой колбасой и шоколадом. Всего понемногу. Сам вообще есть не стал.

— Доедешь, тогда и побалуешься своим балычком, — сказал он. — А в дороге и попоститься не грех. Попы и доктора рекомендуют.

В соседней камере-купе забарабанили по решетке:

— Эй, начальник, воды давай!

Молодой узкоглазый солдат остановился перед нарушителем спокойствия, нагло ощерился:

— А чай не хочешь? Или пивка холодного?

— Дайте же людям пить, волки! — заорали на него из всех камер, но конвойный лишь продолжал усмехаться.

Яхонт ткнул пальцем в сторону решетки:

— Понял теперь, почему я тебя от этой хавки удержал? На этапе надо меньше есть и больше спать. Это ведь только начало представления. Сейчас мусора их часок-другой без воды продержат, потом пару ведер мутной грязи принесут, но они и такую в минуту выпьют. Тут их на дальняк по малой нужде потянет. Это будет второе действие. А к ночи чекисты пережрут и начнут действие третье. Под аплодисменты. Понять их можно. Служба у них тяжелая, нервная. На ком еще оттянуться, как не на нашем брате-терпигорце. Хорошо хоть с нами баб этапируют.

Ночью вагон ходил ходуном. Конвойные перепились, из их купе раздавались крики, брань. Потом, судя по звукам, началась общая драка и все закончилось выстрелами. Утром Лях обнаружил, что у них полностью сменился конвой.

Оказалось, что двое охранников, "дедушек", призванных в войска из южных горячих краев, попытались отодрать в задницу салабона-латыша. Тот возмутился, за что был избит и изнасилован. Придя в себя, пострадавший взял у пьяного начальника конвоя пистолет и перестрелял всех, кто находился от него в прямой видимости. И тех, кто его насиловал, и тех, кто смотрел. Пользуясь моментом, заключенные из соседнего купе-камеры попытались выломать решетку и рвануть в бега. Яхонт усмехнулся.

— С этапа бежать легче легкого. Кусок обычного ластика в замок перед закрытием засунь — дверь сама откроется. А уж из вагона выйти — проще простого.

— А почему сам не бежишь? — спросил Лешка.

— Зачем? Я в тюрьме полжизни провел, здесь мой первый дом. А там, на воле, второй. Прежде чем туда бежать, его сперва подготовить надо. Знаешь, кто чаще всего на рывок идет, без подготовки бежит? Петушья обиженная, да и то лишь с беспредельных зон — с малолетки, с общего, да с усиленного режимов. Потому как на строгом и петух свои права имеет. Хочешь его жопой попользоваться — заплати. А на общем и на усиленном их дерут все кому не лень, с утра и до вечера. Бывает и мусора грешат, не брезгают. Вот от такой заботы обиженка и бежит. Мусоров конвойных режут почему зря, своих же однокрытников-зеков в заложники берут и тоже мочат. Да, много зла в мире.

— Волоха так же говорил, — сказал Лешка.

— Волоха мудрым человеком был, — подтвердил Яхонт. — А для меня все равно как сыном. Знаешь, какое у нас ним первое дело было? У Василия Сталина генеральский клифт увели, пока он на блатхате в Гагаринском переулке зависал. Ну ладно, давай покемарим децал, дорога впереди длинная. Успеем набазариться.

Наутро Лешка обнаружил Яхонта тасующим колоду самодельных карт.

— Шпилишь? — поинтересовался старый вор.

— Нет. Не люблю, да и Призрак не советовал.

Старик вздохнул мечтательно.

— А я люблю, грешным делом, короля за бороду потянуть. Только играть тебе все равно придется. На зоне одно из двух — или работаешь, или играешь. Больше средств к существованию взять неоткуда. Работать ты вряд ли согласишься и в пристяжь, к авторитетам шестерить, не пойдешь. А на одной баланде сидеть — ноги протянешь. Так что хочешь-не хочешь, а играть придется. Карты для тебя — это хлеб. И я так тебе скажу. Лучше меня ты учителя в этом деле не найдешь.

— Вот, гляди.

Старый вор тщательно перетасовал карты. Причем делал он это предельно просто. Даже, как показалось Ляху, неумело.

— Сними, попросил он Ляха. Тот ткнул пальцем наугад в середину колоды.

— А теперь следи.

Яхонт сдал сначала четырех тузов, за ними пошли короли, следом дамы и так далее в порядке убывания мастей. Потом он продемонстрировал варианты игровых комбинаций. Сдал себе очко, потом трех тузов — буру. Затем выложил "восьмерик" — восемь карт червовой масти в необычной последовательности — валет, девятка, туз, десятка, король, дама, восьмерка и семерка.

— Это "терц", — пояснил Яхонт. — Старая каторжная игра. Сейчас в нее редко играют.

Затем старый вор перешел к общему обзору карточных игр.

— Вот, к примеру, сика — игра фраерская. Есть и шпанские — рамс, терц тоже, но терц требует игры спокойной. Стос — самая авторитетная. В стос сама Пиковая Дама играла. Да и Пушкин его уважал. Я тебя всему научу. И как мутузки накрапить, и как колоду грамотно зарядить, и много чему еще. Согласен?

— А зачем тебе надо учить меня? Что взамен потребуешь?

Яхонт усмехнулся.

— Пацан ты правильный, старика накалывать не будешь. Верить тебе можно. Предлагаю договор. Едем мы с тобой на одну зону. Дорога долгая, ты па-

речь толковый, успеешь многим примочкам выучиться. На зоне ты играешь, выигрыш пополам. Со мной-то давно никто играть не садится. Боятся. Знают, что раздону. А ты парень новый. Пока тебя раскусят, ты ползоны ободрать успеешь. Главное — с выигрыша на общее отстегивать не забывай. Карцера и больнички греть. Кто ради наживы играет, долго не живет. До первого серьезного косяка. Карты существуют для того, чтобы ты своим выигрышем другим арестантам жизнь облегчал. Так это будет по-божески.

За обучением дорога пролетела незаметно. Наконец вагон загнали в тупик и в коридоре послышались отрывистые как лай команды. Они прибыли.

Из вагона Лешкин этап погрузили в машину — сварной железный ящик, поставленные в кузов "КамАЗа". Спустя еще два часа тряской дороги их выкинули в предзоннике "Силикатной".

ГЛАВА 13. ЗОНА

Кум "Силикатной" капитан Храпов пересекал жилую зону. Навстречу ему попался повар-фуфломет Чушка. Его жирную рожу Храпов заметил и узнал издалека.

"Интересно, — думал Храпов, — почему на холявных должностях и в теплых местечках — в столовке, санчасти, в каптерках-биндюжках, всегда работает жулье? Наверно с ними проще и легче. Честного поставишь — его свои тут же обдурят. Интриги начнутся. К тому же у честного принципы. Кто знает, чего от него ждать? А с подонками все ясно. Ты знаешь, что они хотят — украсть побольше, они знают, чего от них хотят — чтобы крали поменьше. В результате — полный консенсус при обоюдной выгоде".

Храпов начинал службу на собачьей должности мальчика для битья — начальником отряда. Потом должность режимника и вот теперь зам нач по оперчасти. У "кума" служба хлопотная, но уважаемая. Вон как жирномордый повар издалека шапку ломает. Это тебе не беспонтовая должность, на которой, будь хоть генералом, зеки тебя в упор не замечают.

Храпов зевнул во вест рот. Выспаться так и не удалось. Всю ночь зона стояла на ушах. Вчера с предзонника при возвращении с "промки", рабочей зоны, заломил рога один из петухов. В локальных секторах отрядов всю ночь шел шмон. Людей то строили, то распускали по шконкам, чтобы спустя полчаса поднять снова.

В принципе, Храпов за годы службы привык к бессоннице и к бардаку. Да и работа у него была на сегодня несложная. Выдернуть из пришедшего этапа нескольких авторитетов и запереть до времени в "кондей" — штрафной изолятор. А там можно и спать идти.

Ворота предзонника распахнулись, но это был не этап. После охоты за беглецом с триумфом возвращался главный "чекист" зоны — начальник отдельного батальона охраны капитан Жук по прозвищу Канарис... Храпов, как и любой "внутренний" сотрудник колонии, терпеть не мог "чекистов", внешнюю охрану, хотя и пил иногда с Жуком конфискованную у солдат и зеков водку. Судя по довольному виду Канариса, беглеца они взяли. То ли живым, то ли мертвым.

Комбат гордо возвышался в кузове грузовика. Храпову махнул рукой:

— Привет профсоюзникам! Можешь поздравить — почти со ста метров снял. От Канариса не уйдешь!

— Башку ему отпили и у себя в кабинете над столом прибай, — раздраженно посоветовал Храпов.

Про Канариса говорили, что он потомственный сторожевой пес. Еще дед его был зоновским егерем — охотником за побегушниками. В народе ходила шутка, что Канарис плакал только один раз в жизни, на поминках своей матери, когда заглянул на кухню, где жена чистила лук.

Сейчас Храпов был очень зол. Ясный пень — Канарис плюс поймал, а он, Храпов, минус. Пожалуйте, товарищ Храпов за звездюлями. Не углядел, не предотвратил. А что тут углядишь? И слепому видно, что беглец от порванной на фашистский знак жопы в лес рванул. В прошлом году двое таких же петухов на конвой с заточками кидались. А он, Храпов, виноват. И так из петухов отдельный отряд собрали, так всех же в одну кучу не сгребешь! Все равно в

каждом отряде этого добра хватает, а не хватит — новых наделают. Было бы желание.

Кстати, до прихода Храпова на "Силикатной" вообще царил полный беспредел. Большинство зонавских петухов, числом с полсотни задниц, жили... в большом деревянном сортире. Спали стоя, а если заходил справить нужду кто из блатных или мужиков, петухи опасно жалась к стенам, чтобы ненароком кого из них не "зашкварить". Предшественнику Храпова на это было наплевать. И более-менее сносными условиями жизни Силикатная обиженка была обязана именно ему, Храпову.

В поле зрения капитана снова возник повар Чушка.

"Интересно, — подумал опер, — а наверху, в правительстве, насчет кадрового вопроса аналогично рассуждают? Судя по всеобщему бардаку в стране, так оно и есть".

В ворота предзонника въехала машина с пополнением. У Храпова было предчувствие, что с этим этапом спокойная жизнь у него кончится. Он пожегся — обычно предчувствия его не подводили.

Ломать воров, как и перевоспитывать, Храпов считал делом бесполезным. А вот изолировать их пожизненно, чтобы на воле не гадили — дело святое. И гнобить потихоньку. Да они и так, по большей части, не жильцы — туберкулез и наркота жизни не продлевают.

Он затянулся в последний раз и затоптал окурок в асфальт. Предстояла привычная работа.

* * *

Лешка стоял среди прибывших зеков и озирался по сторонам. Эх вы, степи оренбургские! Век бы вас не видать! Лешка заметил, что многие арестанты отдыхают, сидя на корточках. Попробовал присесть — не тут-то было. Ноги быстро затекли, об отдыхе и речи быть не могло. Видимо для того, чтобы расслабиться в подобной позе, требовался немалый опыт или сноровка йога.

Подошедший востроглазый капитан, взгляд, что твой ножик, безошибочно вычислил среди прибывших пятерых авторитетов, в том числе и Яхонта. Их подняли и погнали в зону.

— Куда их? — спросил Лешка.

— Известно куда, в крякушник. В ШИЗО, — пояснил белобрысый парень, удобно сидевший на корточках рядом с ним. — Чтобы воду не мутили. А нас в этапку загонят. Там, говорят, дневальный заправляет — та еще сука. Кликуха — Митя Жуть. Для него арестанту башку проломить — что два пальца обсосать. У них здесь без козлиного косяка на рукаве на зону не поднимешься. Либо замордуют, либо в крякушнике сгноят. Но по мне лучше хвоста нарезать, чем ссучиться. Я пацан и пацаном помру. Слышь, корешок, давай кентоваться. Я видел, Паша Яхонт на тебя глаз положил, а он человека насквозь видит. Мое погоняло Сынок. Я с малолетки иду. А тебя как?

— Ляхом меня кличут, — ответил Лешка. — Вот что, братуха. Паша говорил, если жить хотим, надо в ШИЗО подаваться. Только как?

— Легче легкого. Только не торопись и раньше времени не высывайся, а то без башки останешься.

* * *

В помещении "этапки", стоявшей на отшибе, их выстроили в очередь. Дне-

вальный Митя, ростом под два метра и с руками гориллы, вполне оправдывал свою кликуху "Жуть".

Перед ним лежали бушлаты с намертво пришитыми к рукаву ромбиками — "косяками". Буквы на ромбиках были разные. Чаще попадались "СВП", что означало "секция внутреннего правопорядка". Зеки, большие любители и знатоки аббревиатур, расшифровывали это как "сука вышла погулять" или "сука выпрашивает половинку", то есть досрочное освобождение. С ней перекикалась "СПП" — секция профилактики правонарушений. Были ромбики "СКРМ" — секция культмассовой работы, "СОКГМ" — секция общественных корреспондентов многотиражных газет, "СФСР" — физкультурно-спортивной работы, "СБС" — санитарно-бытовая секция. Но все они значили одно — надевший такой клифт становился козлом, сукой, продавшей ментам. И обратной дороги в честные арестанты ему нет.

Сынок на всякий случай перелопатил всю одежду, но чистого клифта так и не нашел. Дневальный Митя кинул ему первый попавшийся под руку бушлат.

— Надевай и в строй!

— Не надену, — Сынок презрительно сплюнул ему под ноги. — Я пацан, а не козел!

От удара в лицо Сынок покатился по натертому до блеска полу.

— В БУР его! — распорядился Митя.

Подскачившие козлы-помощники моментально уволокли Сынка в штрафной изолятор.

"Неужели это так просто"? — подумал Лешка.

Но оказалось не так. Следующий в очереди также отказался надевать клифт с косяком. На этот раз одним ударом не обошлось. Митя Жуть долго и тщательно долбил протестанта начищенными не хуже чем пол хромовыми сапогами. Этого пришлось тащить в санчасть. Митя Жуть рычал и сопел как буйвол. Было ясно, что следующего отказника он просто убьет. Следующим был Лешка. Он молча взял протянутый ему бушлат и отошел к окну, где стояла банка с белой краской, который зеки изнутри надписывали одежду.

Митя Жуть посмотрел ему вслед пристально и недоверчиво, но ничего не сказал. Дальше в очереди шли бытовики — кухонные боксеры и насильники. Им что в мужиках, что в козлах срок тянуть, без разницы. С этими раздача косяков прошла без восстаний и выступлений.

Но Митя Жуть не ограничился малым. Каждому надевшему бушлат с косяком он вручал то грабли, то швабру, то лопату и отправлял на позорные работы — убрать территорию, разгрести помойку. После такого надругательства над правильным арестантом дорога в авторитеты и отрицаловку была для него навеки заказана.

Лешке Митя вручил грабли.

Прочешешь запретку, — велел он.

Работать в запретке для зека — хуже, чем парашу выгрести. Этим только петухи занимаются.

— Не пойду, — Лешка бросил грабли.

— Что, запахло? — зловеще усмехнулся дневальный. — Да ты у меня сейчас не граблями, а языком всю запретку вокруг зоны лизать будешь!

Митя и его прихлебай взяли Лешку в кольцо. Он уже примерился, кого ударить первым, когда услышал за спиной голос.

— Дневальный, что тут у вас происходит?

К ним подошел давешний востроглазый капитан.

Митя вытянулся и сорвал с головы кепку-пидорку:

— Гражданин капитан, осужденный отказывается выполнять порученную работу!

Храпов внимательно посмотрел на Лешку.

— Ты что, парень, в отрицалово нацелился? Авторитетом мечтаешь стать? Добро. В нашем профилактории как раз от этого лечат.

Но Лешка ушел от темы.

— Гражданин капитан, дневальный посылает меня ровнять запретку. А в правилах написано, что заключенный не имеет права приближаться к запретной полосе. Может дневальный с часовым скентовался. Тот меня в запретке пристрелит, с понтом — я в побег рванул. Часовой в отпуск поедет и дневальному мешок чая привезет. А мне кротов пасти и снизу любоваться как травка корешки пускает? Вот уж хрен. Прикажете дать бумагу, я прокурору заяву писать буду!

Храпов покачал головой.

— Ладно, отставить запретку, — и собрался было уходить, но вдруг замер. — Стоп! А это что такое?

Палец капитана указывал на рукав Лешкиного клифта. Взгляды зеков также устремились на аккуратный ромбик его косяка. На нем четкими белыми буквами было аккуратно выведено "СЛЖВ". Даже самый ушастый фраер знал, что эти буквы расшифровываются как "Смерть легавым, жизнь вора".

— Так что это, я спрашиваю!?

Лешка изобразил лицом полное непонимание.

— Я такое получил. Это он мне дал, — указал он пальцем на дневального.

— В кандей его, чтобы в другой раз смотрел что дает! — распорядился Храпов.

Помощники подхватили донельзя изумленного Митю и, прежде чем он успел вымолвить хоть слово, уволокли в сторону изолятора.

— А с тобой мы еще побеседуем, — пообещал Храпов.

Лешка с невинным видом пожал плечами.

— Да разве я против? Как начальник скажет.

Храпов собственноручно сорвал с его рукава злополучный ромбик и посмотрел на свои испачкавшиеся свежей краской пальцы.

— Говоришь так и было?

— Так точно, гражданин начальник.

— Ну-ну.

Храпов решил, что сначала все же стоит выспаться, поскольку обработка столь дерзкого и грамотного зека скорой победы не обещала.

* * *

Прибывший этап быстро разбросали по отрядам. Комиссия в лице начальника зоны, зама по оперчасти Храпова, замполита, зама по режиму и доктора направила Лешку в отряд к худому майору предпенсионного возраста с усталым пропитым лицом.

— Пойдешь в третий, к майору Демченко, — напутствовал Лешку Храпов и тут же поздравил самого майора. — Принимай будущего вора, Игорь Альбертыч. Перевоспитывай. Тебе и флаг в руки.

Лешку провели в локалку — огороженное решеткой пространство вокруг отрядного барака. В самом бараке было не в пример просторнее, чем в камере следственного изолятора. Шконки не в три, а в два яруса, у каждого своя тумбочка.

В дверях Лешку встретил шнырь-дневальный.

— Новый пассажир? За койку — пятерка. Не хочешь, спи на полу.

— Кого лечишь, козлина? — Лешка коронным ударом в нос с грохотом сбил его на пол, переступил и пошел вглубь барака-казармы. — Кто тут есть из авторитетных людей?

— А ты кто будешь? — донеслось из угла.

Лешка подошел. Он узнал Фома, которого видел однажды через окуляр телескопа в ограбленной квартире.

— Лях я. Работал помогалом у Волохи Призрака.

— Нету больше Волохи, — отозвался Фома. — Кого еще из правильных людей знаешь?

— Пашу Яхонта, Колю Писаря. С Корейцем на одной хате в СИЗО пайку ломали.

Фома удовлетворенно кивнул.

— Авторитетные люди. А как на этапе жил? На транзите не процветал?

Обычно на этапах и пересылке администрация старалась создать своим ссученным стукачам особые, льготные условия, чтобы их не порвали правильные арестанты.

— Я этапом с Пашей Яхонтом шел, в случае чего он слово скажет, — ответил Лешка.

Фома снова кивнул.

— Эй, гумозник! — позвал он дневального. — Устрой человека соответственно. Это правильный пацан, так что его слово для тебя — закон.

Потом он снова обратился к Лешке.

— Ты извиняй, Лях, в свою кентовку пригласить не могу. Вот Чингиз, пацан авторитетный, против. Не нравишься ты ему, — Фома кивнул на сидящего по соседству чернявого знакомого Ляха.

Тот злобно сверкнул глазами, но промолчал. Лях удивился. Увидеть Чингиза на зоне он никак не ожидал. Он понял, что жизнь его теперь сильно осложнится.

— Ничего, ты, я гляжу, пацан духовитый. Свою семью сколотить можешь. Тут пацанов нормальных хватает, и мужики правильные есть.

Лешка в ответ только спросил, кому следует отстегнуть деньги на общак. Фома принял их сам.

— И вот что, — добавил он. — тут порядки козлиные, насчет работы строго, всех выгоняют. Так что с бугром улаживай сам.

Лешка не стал интересоваться, почему в таком случае сам Фома и его шестерки не на промке, а валяются на койке в жилой зоне.

С бугром — бригадиром — он разобрался на следующий же день. Сначала, когда тот попытался проучить обуревшего новичка, Лях немного погонял его среди бетонных блоков. Потом выпил с ним в биндюжке — каптерке — по замутке чифира и предложил отступного. В цене сошлись. Отныне производственную норму за Ляха должны были частью давать работяги-мужики, частью — приписывать сам бугор. Но это были уже его проблемы. Ляху же пред-

стояло найти средства для будущих выплат.

Пришедшие вскоре малявы подтвердили положение Ляха. В отряде он не вошел ни в одну семью, а сколотил свою. Получилась она небольшой, но крепкой и надежной. Все в ней, кроме него, были мужиками, то есть в авторитеты не лезли и спокойно работали на производстве.

Лях на промку ходил только затем, чтобы варить чифир и играть в карты. Играл он осторожно, при желании выигрывал. Он не забывал отстегивать с выигрыша на "общее" и честно отправлял в ШИЗО Яхонту его долю. "Верха" старался не задирать, обыгрывал "низы". Но однажды напротив него уселся Чингиз.

— Ну что, стирогон, пошпилим?

Чингиз считался опытным шулером. Играл грязно, передергивал в наглую. К проигравшим был беспощаден. И если бы не покровительство Фомы, с ним давно бы разобрались.

Лях догадался, что Чингиз собирается не просто выиграть у него, а разгромить. Обыграть так, чтобы Лях не смог отыграться и вовремя расплатиться. Загнать в фуфлыжники, а потом и в обиженку.

Лях имел талант к игре. Он с феноменальной точностью мог запомнить особенности любой "заряженной" разными примочками колоды. И карты, предложенные Чингизом, узнал сразу. Ему уже приходилось ими играть.

По рубашкам он хорошо видел, какие карты у Чингиза, какие в прикупе. Чингиз грубил, явно нарывался на ответ. Но Лях помнил закон игры. Все разборки — после. Даже если видишь, что соперник шельмует, сделать ему предъяву можно только после окончания игры.

Лях давно заметил у себя за спиной невзрачного урку с зеркалом. Тот ползал по верхним шконкам, пытаясь донести до Чингиза изображение ляховых карт. Но Ляху было достаточно лишь наклонить свои карты немного в сторону, как корректировщику приходилось, кряхтя, переползая по верхушкам шконок на новую позицию.

Лях знал, что заигрывать с Чингизом опасно. Поэтому он отказался от обычной тактики — заманивать противника в игру, проигрывая ему время от времени. Он выигрывал у Чингиза одну партию за другой. Тот скрипел зубами, матерился, но игру не бросал, чтобы не потерять лица.

Лях долбил противника хитрыми примочками и все увеличивал ставки. Вопреки правилам, он не требовал от Чингиза засветить деньги. Наоборот, ему было бы выгодно, если бы отморозок не сумел ответить и попал к нему в должники.

По рубашкам карт, оказавшихся в прикупе, Лях определил — пора. Он дал лазутчику вдоволь налюбоваться своим набором, затем скинул все свои карты, среди которых был неплохой расклад, и забрал пять карт из прикупа. Он не ошибся. Четыре туза — рамс. Он открыл карты и списал всю свою запись.

— С тебя две штуки, — сказал он побледневшему Чингизу. — Сразу отдашь?
— Через час рассчитаюсь, — пообещал Чингиз.

Лях догадался, что деньги будут из общака. Так и получилось. Когда Чингиз отсчитывал деньги, за его спиной маячил Фома. Следил, не наколот ли его верный помощник.

Лях отмусолил от пачки полученных денег стопку купюр и протянул их Фоме.

— Это на общее.

Потом помахал оставшимися и предложил Фоме.

— Короля за бороду не хочешь потянуть?

И тут же просадил ему в очко весь свой выигрыш. Денег было не жалко. Радовало то, что ему удалось с честью выйти из критической ситуации. И Чингиза раздавил, и с "верхами" отношений не испортил. По крайней мере на какое-то время.

* * *

Лях принялся создавать свою семью. Первым, с кем он скентовался, был насильник Игорем Каратеев, который также как и он когда-то занимался боксом, а позже, как и многие, увлекся каратэ.

— Куда же было деваться, раз у меня фамилия такая? — пошутил он.

Игорь был парнем спокойным и жизнерадостным. Блестящие внешние данные обеспечили ему срок — в изнасиловании его обвинила брошенная им подружка — и кличку Купидон. На зоне кое-кто из авторитетов безуспешно пытался посулами и хитрыми "прокладками" перевести Купидона в "машки" — привилегированную прослойку педиков для узкого пользования. Дело рано или поздно должно было кончиться насилием, тут не помогло бы и знание приемов. Кентовка с Ляхом такую опасность исключала.

Третьим членом семьи стал чеченец Ваха. Год назад на "Силикатную" пригнали большую партию чеченцев, осужденных большей частью за грабеж и разбой. Потом всех их этапировали на Северный Урал, а Ваха, лежавший тогда на больничке, остался. У чеченцев осталось много недоброжелателей, все они могли теперь отыгаться на Вахе. Лях и ему обеспечил спокойную жизнь.

Четвертым стал гигант — хохол Тарас по прозвищу Сало. До прихода в отряд Ляха он жил "один на льдине". Других не трогал, но и себя в обиду не давал. Узнав, что Лях москвич, сам попросился в семью. На вопрос, зачем ему это надо, ответил:

— Одному дуже скушно.

В подтверждение этого каждый вечер Сало до хрипоты спорил с Лешкой о правопреемстве русских и украинцев на Киевскую Русь и гнусавил:

— Ще нэ вмэр Степан Бандэра, ще живы герои!

Ще нэ довго москалеви спаты у спокое!

Но при этом готов был поделиться с семейником-москалем последним куском сала.

Семья обзавелась и персональным шнырем. Должен же кто-то был стирать носки и выполнять другую хозяйственную работу. Шныря звали Кишкой за то, что он был вечно голодным. Кишка мог сожрать зараз бачок картошки на десять человек и закусить килограммовой буханкой черного хлеба. Если бы не материально обеспеченная Ляшская кентовка, ему, с таким его аппетитом, была бы одна дорога — в крысы, а оттуда в гроб или в опущенные. Кишку подозревали в тяжком преступлении — поговаривали, что однажды он сожрал кота. В отличие от собак, ценившихся на зоне как деликатес, жрать кота считалось западло.

В поисках пропитания Кишка успел перезнакомиться со всем населением зоны и знал все, что происходит внутри охраняемого периметра и за его пределами. Он и принес Ляху новость.

— Завтра воры выходят из штрафного изолятора. Суки назначили рубилов-

ку.

* * *

На практике почти не встречается "черных", воровских или "красных", суцых, козлиных зон в чистом виде. Так и на "Силикатной", козлиной зоне, третий и четвертый отряды считались "черными". Яхонта в зону не пустили, отправили обратно в централ.

Остальных же пришедших с этапом блатных и отрицал распределяли по этим отрядам. Их локалки — огороженные отрядные территории — находились рядом. Выйти из локалки можно было через калитку, запирающуюся на электрозамок. Отпирал и запирал его зек-локальщик из козлов. Надеяться на его помощь не приходилось и в разделяющей зоны решетке сделали пропил, который затерли металлическими опилками и грязью.

В день накануне рубиловки все авторитеты в полном составе проследовали на промку, где запаслись ломом, арматурой и пиками из заточенных электродов.

Среди ночи в казарму третьего отряда ворвались вооруженные таким же оружием суки и заорали:

— Ворам подъем! Мужикам и пидорам лежать!

Каждый не поднявшийся автоматически лишился блатного звания и в дальнейшем мог оставаться, в лучшем случае, мужиком.

Урки давно ждали нападения и встретили противника во всеоружии. Но численный перевес оставался за козлами.

Семейников Лях никто не беспокоил, они могли спокойно отлежаться в койках. Но все они, и даже Кишка, вскочили вместе с Лешкой и плечом к плечу врубались в строй врага.

Основной удар нападавших был направлен на козырный угол, где располагался Фома с семьей и пристяжью. Тем пришлось туго. Их зажали с двух сторон и ряды их таяли на глазах.

Лях, орудуя ломом, шел в голове клина. Ваха и Купидон прикрывали его с флангов. Сало с высоты своего роста орудовал над их головами длинной стальной арматуриной. Кишка за спинами семейников пятился задом наперед, держа в каждой руке по заточенному электроду. Он беспорядочно тыкал и махал ими перед собой, что надежно гарантировало отряд от нападения с тыла.

Лях пробился к Фоме как раз вовремя. Здоровенный козлина — целый бизон, а не козел — из культурно-воспитательной секции сбил Чингиза и уже успел заехать самому авторитету по балде железным прутом с ошметком бетона. Лях отшвырнул его под удар Вахи, а сверху на массовика-затейника обрушилось грозное орудие сторонника самостоятельности и независимости.

Но положение блатных продолжало оставаться близким к краху. Суки уже одолевали, как вдруг со стороны входа в барак послышался боевой клич:

— Дави козлов и легавых! Смерть сукам, жизнь ворам!

Это арестанты четвертого отряда проникли через разделяющий отрядные локалки забор и ударили в тыл врагу.

Поражение сук было полным. Они бежали в полном беспорядке, давя друг друга в узких локальных калитках. На плечах противника блатные овладели всей зоной. К ним присоединились сочувствующие, имевшиеся даже в самых козлиных отрядах. Козлы закрылись в штабе зоны и помещениях ШИЗО и БУ-Ра. Штурмовать их урки не стали, чтобы администрация не расценила это как

бунт.

Тем не менее наутро чекисты вошли в жилую зону, устроили общий шмон, но так ни с чем и вышли. С десятков стукачей и активистов расстались в ту ночь с жизнью. Дело было сделано, зону разморозили.

* * *

Капитан Храпов вызвал к себе Фому. Тот явился в кабинет кума как к равному. Понимал, что с этого дня он, Фома, стал для администрации очень нужным человеком.

— Звал, начальник?

Храпов сел напротив вора и бросил на стол пачку сигарет.

— Кури.

— Покупаешь, начальник?

— Еще нет. Да разве Фому за пачку сигарет купишь? — польстил он авторитету. — Поговорить с тобой хочу по серьезному.

— Знаем мы эти разговоры, — отмахнулся Фома. — Все они крякушником заканчиваются.

— Если правильно себя вести, и в карцере жить можно, — возразил капитан. — С хорошим гревом и в кондее не замерзнешь.

— Так ты, начальник, меня все-таки покупаешь или запугиваешь? Я что-то никак не въеду, — развел руками Фома.

— Ни то, ни другое. Вот спросить тебя хочу. Ты же не дурак. Понимаешь, хоть власть на зоне поменялась, но производственный план нам никто не отменял. Так?

— Ясный пень. Мужик на зоне работать положено, петуху — жопу подставлять, а вору — за правду страдать.

— Не волнуйся, страданиями я тебя обеспечу, — успокоил авторитета Храпов. — А мужиков работой. Значит я так смекаю, что мы друг друга поняли.

— А что тут не понять? За план, начальник, не переживай. Будет план. Только вот такое дело, — Фома замялся. — Та братва авторитетная, что с этапом пришла... Боюсь, с ними так легко не договоришься.

— Это моя забота, — ответил Храпов. — Отправлю за Яхонтом. А что за пацан тут объявился? Лях, что ли? Он тебе как, не мешает?

— Пока нет. А если и помешает, я с ним сам разберусь. Ладно, начальник, зови своих архаровцев, пусть меня в кандей ведут суток на пятнадцать. Без этого мне назад в барак ходу нет. И грев не забудь, по ходу, подогнать.

Через неделю четверо блатных авторитетов, прибывших, чтобы разморозить зону, и представлявших для власти Фомы серьезную конкуренцию, были этапированы на Северный Урал. Сынок, и еще несколько проявивших себя отрицал, отправились с ними.

* * *

Как-то после ужина Кишка отозвал Лешку в сторону.

— Есть новость. Фома завел из мужиков "машку" для себя и своих прихвостней. Тот к нему тайком вафлить ходит. И никто не знает, что он опущенный.

— Быть не может, — усомнился Лях. — Он же так весь отряд зашкварит.

— А Фоме что с того? Большую он власть забрал, — продолжал Кишка. — Общак у него, рамсы разводит, что твой судья. Только люди говорят, что он свое решение за дозу марафета изменить может.

Лях нахмурился.

— Косяк серьезный. За такое не жопой — головой отвечать придется.

— Вот и я говорю, — согласился Кишка. — Надо бы доказательств побольше нарыть.

— А тебе-то это зачем? — спросил Лях.

— Как зачем? Если тебя смотрящим над зоной поставят, мне разве плохо будет?

— Губы подбери, размечтался, — охладил его фантазии Лях. — Тут и авторитетнее меня люди найдутся.

— Хошь верь, хошь не верь, а быть тебе законником, — заверил Ляха Кишка.

— А это я и без тебя знаю. Короче, шпионь, только аккуратнее.

Утром сведения, полученные от Кишки, оказались еще невероятнее.

— Ссучился Фома, — уверенно заявил Кишка. — И заварка у него в кружке — от хозяина.

— За базар отвечаешь? — не поверил Лях. — Нужны доказательства.

— Завтра будут, пообещал Кишка.

На следующий день Кишка на утреннюю проверку не вышел. После долгих поисков его нашли повешенным в старом заколоченном сортире, где когда-то жили петухи.

А еще через день Ляха выдернули на больничку. Это означало разборку.

Сало пошукал среди земляков в других отрядах и принес ошеломляющую весть.

— Тебе хотят предъявить, что ты Призрака завалил.

— Что?!

Такой бессмысленной подлости Лях никак не мог ожидать.

Кенты провожали его до самого забора локалки.

— Это Фома на тебя бочку катит, больше некому, — сказал Купидон.

— Если это так, я Фому на куски порежу, — пообещал Ваха.

— Вы вот что, братухи, держитесь вместе и ждите меня. Я вернусь, зуб даю. А с Фомой придет время — поквитаемся.

Перед вечерним построением Сало отозвал Ляха в сторону.

— Я тут кое-что узнал насчет Кишки. После отбоя сходим в одно место, покажу.

Лях видел, что хохол о чем-то недолго шептался с Чингизом. После отбоя Лешка долго ждал своего семейника, но тот словно сквозь землю провалился. А утром зону подняли на час раньше по тревоге.

Посреди плаца на рваной брезентовой плащ-палатке лежал мертвый Тарас. Рядом гордо прохаживался Канарис. Из его выступления заключенные узнали, что Сало ночью пытался бежать и был застрелен лично им, Канарисом, в запретной зоне.

— Не мог Сало на рывок пойти, пурга это, — уверенно сказал друзьям Лях. — Гадом буду, Фома воду мутит.

С таким тревожным чувством он и отправился на больничку.

* * *

В палате Лешку положили не у окна, но и не у двери. Так, серединка на половинку. Воры заехали тем же вечером, но расположились в другой палате. Лешка из них никого пока не видел и мог только гадать, чью сторону возьмет сходка.

Он вышел в коридор. На полу в коридоре лежал окровавленный парень лет двадцати. Из каптерки высунулся дневальный и прикрыл лежавшего с головой грязной простыней. Так накрывают трупы. Простыня вмиг пропиталась кровью.

Лешке показалось, что лежавшее на полу тело застонало. Он не ошибся. Дневальный также услышал стон и несколько раз с силой ударил раненого ногой. По поверхности простыни пробежала судорога, тело вытянулось и затихло, теперь уже навсегда.

— Кто это? — от удивления и ужаса Лешка не сразу обрел дар речи.

— А, так, — дневальный презрительно махнул рукой, словно только что прихлопнул докучливую муху. — Ибанашка один тормозной, с тараканом в котелке. Из мужиков. Ему кореша с воли децал ганжибаса покурить подогнали, а он его толкнуть решил. А ведь это только блатным разрешается. Вот и разобрались.

— Что с ним?

— Известно — сердечная недостаточность, — усмехнулся шнырь. — Тебя-то зачем на больничку выдернули? Разборка светит? А за что?

— Гонят, что я вора убил. Только пурга это.

Шнырь изобразил сочувствие.

— Если докажешь что это, в натуре, пурга, твое счастье. А если нет, то так легко как этот, — он кивнул на покойника, — не отделаешься.

* * *

Первым вопросом сходки было коронование козырного фраера, доставленного на больничку с соседней зоны строгого режима. Это была его третья отсидка, он пользовался авторитетом и был смотрящим у себя на зоне.

Процедура посвящения в законные вору показала Лешке чем-то средним между школьным комсомольским собранием (в комсомоле он не состоял, но на собрания ходить был обязан) и советом волчьей стаи из книжки про Маугли.

— Смотрите, урки, хорошо смотрите. Ваш приговор обжалованию не подлежит! — громко и хрипло выговаривал с кавказским акцентом один из воров.

Кандидату в законники не повезло. При безукоризненном поведении у него в биографии нашлась сомнительная страничка — то ли успел в армии неделю прослужить и только потом закосил, то ли по молодости фуфло засадил — карточный долг не отдал. Но с коронованием решили децал повременить. Следующим вопросом рассматривалось персональное дело Ляха.

В палате он увидел троих старых воров, покрытых, как индейские вожди, замысловатыми татуировками и с радостью узнал среди них Пашу Яхонта.

Следом в палату вошел Фома. Это Лешку не удивило. Паша представил Лешку, потом назвал имена воров. Это были Реваз Старый и Никодим.

Слово взял Реваз Старый.

— Уважаемый человек, — Реваз кивнул на Фому, — предъявляет тебе очень серьезное обвинение. Он считает, что ты убил законного вора Волоху Призрака. Если бы ты не успел проявить себя во всех отношениях как правильный арестант, тебе давно сунули бы пику под ребро и сбросили в сортир.

— Как Кишку? — Лешка в упор посмотрел на Фому и тот вздрогнул.

— Не перебивай, — рассердился Реваз. — Если есть что сказать по делу, говори.

Лешка встал.

— Не мог я Волоху убить, никак не мог. В ментовке я тогда обретался. А когда утром вышел, Призрака уже в живых не было. Я точно знаю, мне их эксперт сказал, что у Волохи за щекой мойка осталась. Только одна. А он всегда по лезвию за каждой щекой носил. Значит другая у кого-то в горле или на роже след оставила, если тот, конечно, не загнулся. Я думаю, если убийца жив, его по шраму искать надо.

Никодим покачал лысой головой:

— Откуда мы знаем — в ментовке ты кантовался или на воле процветал? Или мусора тебе справку состряпали?

— Дело не в том — парился Лях в тот день на киче или нет, — взял наконец слово Паша Яхонт. — Базар идет о том, завалил он законного вора Призрака или не завалил. Так вот, мы с Николой Писарем тому свидетели — Призрак незадолго до смерти отошел от дел. В прошляки подался. И мы это подтвердили малым сходом. Так что если даже Лях его и замочил, то уже не как вора законного, а как простого фраера. А за это пусть с него мусора спрашивают, если докопаются, а нам ему предъявить нечего.

Воры помолчали, обмозговывая сказанное. Наконец Никодим продолжил:

— Выходит, Фома, ты на правильного серьезного арестанта порожняк погнал? Предупреждали ведь тебя по-братски, не увлекайся марафетом. Он по мозгам бьет не хуже дубинала. Вот и довел до беды. Ты ведь не один раз короноваться пытался, да каждый раз у тебя какой-нибудь рамс выходил.

Фома такого хода не ожидал и не на шутку струхнул.

— Нет, братва, если что не так получилось, то не по злобе, а по непонятке...

— Был ли тут гнилой заход или по непонятке ты косяка упорол — это без разницы, — рассудил Реваз Старый. — Лях имеет полное право тебе предъявить. Есть возражения?

Яхонт и Никодим одобрительным ворчанием выразили свое согласие. Реваз Старый обратился к Лешке:

— По нашему воровскому закону ты, Лях, можешь спросить с Фомы за косяк как с гада или как с достойного. Выбирай, тебе решать.

Фома побледнел. На лбу его выступили капли пота. Если бы Ляха признали виновным в убийстве вора, его наверняка ждала лютая смерть. Но поскольку обвинение оказалось ложным, то и караться оно должно было со всей строгостью.

Лях медлил. Он мог тут же зарезать Фому. Больничные шныри мигом убрали бы все следы, а труп отправили бы в мертвецкую вслед за бедолагой из коридора. Он мог дать обидчику "по ушам", "заделать плотником", переведя Фому навеки в мужики, а то и в обиженку. Но Лях выбрал другой путь.

— Я хочу получить с Фомы как с брата.

Воры облегченно вздохнули. Фома подошел к Ляху и поклонился.

— Прости, братан. По непонятке на тебя наехал. Косяк упорол.

И замер в ожидании. Лях несильно, без размаха ударил его раскрытой ладонью по щеке, отчего голова Фомы мотнулась в сторону.

Фома старательно прятал глаза, но Лях на долю секунды успел перехватить его полный ненависти взгляд. Фома глянул, словно ножом ударил. Ляху стало ясно, что, рано или поздно, доброта выйдет ему боком. Точнее войдет в бок в виде заточки или пики. Но поступить сейчас по другому он не мог, не имел

права.

Он не ошибся. Его отказ от личной мести показал его ворам с лучшей стороны как рассудительного и справедливого человека. Решением сходки Лях назначался смотрящим на "Силикатной". Фоме предложили раскрутиться и этапироваться куда подальше за новым сроком.

* * *

Через неделю Фома пошел к Храпову и взял на себя убийство Кишки. Его увезли на новое следствие. Смотреть над зоной остался Лях.

Лях имел долгую беседу с Храповым. Она значительно отличалась от договора между кумом и авторитетом. Это был скорее пакт о взаимном ненападении. Лях обязался навести на зоне порядок и покончить с беспределом. Храпов обещал не мешать и не вести подковерной интриги.

Первым делом Лях запретил самосуд. Отныне опускать провинившегося по своему усмотрению или решать вопрос поножовщиной запрещалось и каралось как беспредел. Виновных, в этом не опускали и не убивали, а только ломали. Покупка жратвы у повара приравнивалась к крысятничеству — краже у своих. За это также ломали и того, кто купил, и крысу-повара. Первым пострадал Чушка, что очень понравилось Храпову.

Затем Лях объявил — петухи тоже имеют свои права. Все споры с ними разбираются только через главпетуха, поскольку все виды общения с самими петухами, кроме сексуального, запрещались. Услуги петухов отныне оплачивались по жесткому тарифу, в основном чаем.

Прекратились поборы с мужиков. Раньше иной не успевал донести полученную посылку до отряда. Теперь отчисления в общак шли только деньгами, куревом и чаем.

Храпов только диву давался и чесал в затылке. С уничтожением системы беспредела резко сократилось число желающих служить стукачами. Но, с другой стороны, он понимал, что такое положение дел лучше сотни агентов страхует зону от волнений и беспорядков. Так в заботах и пролетел первый Ляхов срок.

На прощание, выписывая Ляху проездные документы до Москвы, Храпов признался:

— Знаешь, Лях, до встречи с тобой я ненавидел всех воров.

— А я ментов, — ответил Лях. — Менты убили моего отца.

— А моего отца убили воры, — сказал Храпов. — Десять лет назад они вломились в квартиру директора облторга Шамеса и вырезали всю его семью: его самого, жену, дочь, мать, брата.

— Что-то ты, начальник, не похож на родственника крутого цеховика, — недоверчиво скривился Лях.

— А я не был его родственником, — подтвердил Храпов. — Мой отец был участковым терапевтом и как раз в это время находился в квартире Шамеса. Выписывал сердечные лекарства его больной матери. Отца убили сразу, потому что понимали — он не может знать, где Шамес прячет свое добро. Остальных сперва долго мучили, потом тоже убили. С тех пор я ненавижу насилие.

— Здесь мы совпадаем, — согласился Лях.

ГЛАВА 14. СУТЕНЕР

После того как Чингиза арестовали менты, а с его бандой разобрался Лях, Сильвер остался не при делах. Возвращаться в ряды уличных валютчиков не хотелось, а для более квалифицированной работы не хватало знания языков.

К тому же советскому человеку нужно было где-то работать, хотя бы формально. Подумав, Сильвер отправился учеником в таксопарк, где ощущалась постоянная нехватка водителей. Получив права, он стал водителем-стажером

Наставником у Сильвера оказался примечательный тип, которого все звали Гриша Кардан. Москву, людей и машину он знал как свои пять пальцев, что позволяло ему заколачивать неплохие бабки. Поговаривали, что Гриша связан с автоугонщиками, но доказать не могли.

Но, покрутившись с Гришей по широким столичным проспектам и тесным переулкам, Сильвер приуныл. Чтобы сколотить за баранкой хоть какие-то деньги, пахать приходилось на износ. А если машина встанет, вешайся.

Помог случай. Возле гостиницы "Интурист" в машину к Сильверу сел старый приятель — Нодарик Картлишвили. Раздраженные его вызывающим поведением менты пытались сшить ему позорное дело — изнасилование, да еще групповое. Но Нодарик открутился через "дурку" и вскоре вышел на свободу.

— Есть у меня для тебя работенка. Непыльная, но дурная, — предложил Нодарик. — Ты к девочкам как относишься?

— Как к помидорам. Есть люблю, а так — нет, — отшутился Сильвер.

— Ты сам знаешь, сколько вокруг "Интура" путанок крутится. Есть совсем оторвы, а есть девчонки умные и хорошие. Жалко таких. С одной стороны их менты щемят, с другой бандиты. Да и среди клиентов отморозков хватает.

— Предлагаешь мне сутенером стать? — презрительно усмехнулся Сильвер. — Бабьей мохнаткой бабки заколачивать?

— Зачем сутенером? — обиделся Нодарик. — Просто по-человечески помочь прошу. У тебя машина, сам ты парень крутой. В случае чего заступиться можешь. Клиенты к тебе сами подходить будут. Твое дело следить, чтобы девочек не обижали и расплачивались по счетчику. Дело выгодное. Для начала можешь просто попробовать.

И Сильвер попробовал. Три девушки, Валька, Дашка и Маринка, переданные Нодариком под его попечение, не были ни умными, ни хорошими. Это были злые как мыши и нахальные до бесстыдства лимитчицы откуда-то с юга России. Жадность их, казалось, не знала предела. Поначалу Сильвер думал не о том, как их защитить, а о том, как защититься от них самому. Решающим аргументом стали неплохие бабки, которые Сильвер стал получать с первого же дня новой работы.

Постепенно он привык к ним, а они к нему. Между ними возникла если не дружба, то что-то вроде товарищеской привязанности. Внешними данными подруги не блистали и возмещали недостаток красоты косметикой.

"Как мало им дала природа и сколь многого они добились сами", — с невольным уважением порой думал о них Сильвер.

Но и Клеопатра, говорят, была так себе, зато от мужиков отбоя не было. Во всяком случае подруги определенно пользовались повышенным спросом у сотрудников зарубежных фирм и иностранных туристов.

Посадив клиента в машину, Сильвер подбрасывал его вместе с одной из девочек на съемную блатхату в переулок Грановского, получал деньги вперед и возвращался на пост к гостинице пристраивать другую.

Иногда к Вальке, Дашке или Маринке цеплялись отечественные искатели постельных утех. Таких они отшивали язвительным словом, а если не помогало, подключали Сильвера. Пару раз ему пришлось серьезно помахать кулаками, но в целом работа оказалась спокойной.

* * *

Беда пришла неожиданно и откуда не ждали. Как-то Нодарик попросил отвезти Вальку с Маринкой в Кунцево. У Дашки выдался критический день.

— Земляки приехали, слюшай. Надо уважить. Подбросишь девчонок на пару — тройку часов, потом заберешь. Денег, ясное дело, брать не надо, даже если предлагать будут. Я с вами потом сам расплачусь.

В квартире, куда Сильвер отвел своих подопечных, стоял дым коромыслом. Гости — сплошь уроженцы горных вершин — не говорили, а орали. За тамаду у них был високий абрек с глубоким шрамом-бороздой на бандитской роже. Он впустил путанок, а Сильверу бросил коротко.

— Утром заберешь, э!

Утром в квартире Сильвера встретила полная тишина. Хозяев не было, в комнатах царил жуткий разгром. На кухне под столом Сильвер обнаружил стонущую Маринку, сплошь покрытую синяками и с разрезанной щекой. Валька оказалась в ванной. Она лежала на полу и уже не дышала. Голова ее была разбита чуть ли не вдребезги. Тут его и повязал вовремя подоспевший наряд милиции.

Маринка показала, что Вальку убил Сильвер из ревности. Сильвера тут же отправили в камеру. Нанятый Нодариком адвокат выдвинул версию, что убийство произошло в состоянии аффекта. Ситуация предельно ясная — обвиняемый застукал невесту с черными, моча в голову ударила и понеслось. Версия была железная. Соседи подтвердили, что квартиру снимали жители Кавказа и что этой ночью они слышали особенно сильный шум. Самого Сильвера вообще никто не слушал.

Правда, однажды его вызвал начальник отделения, в котором рахмещалась его камера.

— Слушай, — попросил он. — Тебе все равно за мокруху сидеть придется. Даже если в состоянии аффекта — это три года. Ты же по специальности таксист? Возьми на себя угон. У одного артиста, понимаешь, "мерс" угнали. Он нас уже заманал. Ты ничего не потеряешь, угон без цели хищения — тоже "трояк". Поглощение я тебе гарантирую. Свои "три" и получишь. Зато в КПЗ как барин жить будешь. Мы тебе чаю, курева, колбаски подгоним.

— А бабу? — нахально поинтересовался Сильвер.

— Это не обещаю. Вот водки могу хоть сейчас стакан накатить.

Сильвер знал, что тачку у артиста Гриша Кардан. Что же, рас так все складывалось... Он махнул рукой.

— Наливай, начальник.

В КПЗ Сильвер действительно жил как барин. По распоряжению начальника отделения его обеспечили колбасой, сигаретами и чаем. Кроме того, снабдили зубной пастой, носками, ручкой и бумагой, а также время от времени разрешали пользоваться телефоном.

Сильвер не отказал себе в удовольствии позвонить Нодарику и сообщить, что час назад вышел на свободу и направляется к нему. Разобраться кое в чем.

Правда, в следственном изоляторе лафа кончилась. По прибытии туда Сильвер сразу повел себя крайне дерзко и почти весь срок следствия не вылезал из карцера.

На суде он получил свои три года с учетом поглощения одной статьи другой и отправился на зону строгого режима. В его личном деле стояла особая пометка. Она означала, что заключенный Сиверчук отрицательно настроен к требованиям администрации исправительно-трудовых учреждений и склонен к дезорганизации их работы.

На зоне Сильвера встретил старый знакомый по малолетке — полковник Макаренко.

— Ну что, сынок, с прибытием! — поприветствовал тот Сильвера. — Имей в виду, если будешь мешать, загоноу в обиженку.

Сильвер в ответ только презрительно улыбнулся. И напрасно.

"Смотрел" за зоной грузинский вор Лорд. Кличку он получил, благодаря фамилии Лордкипанидзе. Впрочем, поговаривали, что фамилию эту он приобрел на сухумском базаре вместе с краденым паспортом.

Во всяком случае ничего аристократического в его поведении не было. Напротив, это был жадный и мелочный тип, трусливый и мстительный. Сразу же по прибытии Сильвера на зону, Лорд предложил ему место шестерки при своей особе. Это было предложение, от которого нельзя отказываться, но Сильвер его отклонил. И Лорд не простил ему этого.

Сильвер сразу повел себя как лопух, наслушавшийся рассказов про пацанское братство. Дважды он побывал в штрафном изоляторе за отказ выйти на хозработы. Макаренко пообещал, что переведет его на тюремный режим в БУР, но Сильвер продолжал лишь презрительно улыбаться.

Однажды к Сильверу подошел сам Лорд. Он отозвал его в сторону и тихо сказал.

— Слушай, ты пацан правильный, не подведешь. Есть дело. Корабельников из первого отряда, сука-активист, видел как братва перекид принимала и заложил. А там, в свертке, малява была на мое имя и геры пятьдесят граммов. Теперь по его инициативе мне дело шьют за распространение наркоты. Корабель, сука, главный свидетель. Если его не убрать, меня ходом на тюремный режим отправят. А там мне с моим силикозом верный кердык будет. Выручай, брат. Корабля валить надо.

Просьба авторитетного арестанта — это святое. На следующий вечер при выходе из клуба после просмотра фильма "Мы из Кронштадта" Сильвер ткнул Корабельникова в сердце заточенной отверткой. Активист умер в санчасти, а Сильвера доставили к начальнику колонии.

— Я тебя предупреждал, — мрачно сказал Макаренко. — Не скрою, ты поставил меня в сложное положение, а я очень не люблю, когда меня ставят в сложное положение.

Сильвер продолжал улыбаться.

— Так вот, — сообщил Макаренко, — если я дам делу законный ход, то за умышленное убийство с целью дезорганизации работы колонии тебе светит вышка.

Сильвер перестал улыбаться. Макаренко же тем временем продолжал.

— Смерти твоей я не хочу. Если бы на твоём месте оказался Лорд, его бы я отправил на суд с большим удовольствием. Но ты же его не сдашь! Потому что дурак. Ты и Корабельникова убил, потому что дурак. А за это казнить — не по-божески.

Сильвер внимательно слушал монолог начальника зоны. Тот закурил.

— Но и оставить этот вопиющий факт без последствий я не могу. Если так пойдет, то завтра блатари у меня весь актив перережут. Так что наказан ты будешь сурово, но в административном порядке. Я тебя предупредил.

Сильвер не успел достать из подкладки клифта половинку лезвия бритвы, чтобы вскрыть себе вены или горло. В кабинет начальника ворвались четверо крепышей-режимников, заломили ему руки и выволокли в коридор. Здесь ему сковали руки за спиной и тычками погнало в направлении ШИЗО.

Сильвер понял, что его ожидает. "Шестая" камера изолятора недаром звалась "петушатником". В не содержались отморозки, опущенные арестантами за беспредел и насилие. К ним и посадили Сильвера.

Он провел в "петушатнике" всего одну ночь, но эта ночь сломала всю его дальнейшую жизнь. Умереть до "опомоивания" он не сумел, а после уже не имело смысла. Оставалось жить с позором. Впрочем, у Сильвера еще оставалась надежда. Все же опустили его не за "косяки", которых у него не было, а по произволу администрации. Неужели же все его прежние заслуги теперь пошли насмарку?

Но когда он вошел в свой барак, то понял, что перешел незримую черту, которая отделяет правильного арестанта и даже "мужика" от категории "обиженных". Его товарищи, с которыми он еще вчера ломал пайку и троил чифир, отворачивались или просто прятали глаза. Увидев его, Лорд демонстративно повернулся к нему спиной.

По проходу шел отрядный петух и нес вещи Сильвера. Он положил их на крайнюю койку возле самого входа и, единственный, посмотрел Сильверу прямо в глаза. В его торжествующем взгляде читалось нескрываемое злорадство.

Сильвер свалил его с ног одним ударом, потом с презрением оглядел нервно суетящихся сокамерников. Теперь у него было два выхода: либо остаться в отряде петухом и подставлять задницу за пачку сигарет, либо идти в козлы, то есть вступать в актив. После того как его подло предали, вопрос для него был решен.

— Ну что же, братва, благодарю за науку! — усмехнулся Сильвер и направился в канцелярию колонии.

Там он прямо заявил Макаренке.

— Записывай в актив, начальник. Только тех шерстяных, которые меня опустили, отдай мне. Тебе они больше не понадобятся. Со своими корешами я сам справлюсь. Будет им пацанское братство. Все до копейки припомню!

— А мне мстить не собираешься? — подозрительно прищурился Макаренко.

— Нет, — признался Сильвер. — Мы в разных весовых категориях. Так что если сам не подставишься, тебе предъявы не будет.

— Благодарю за откровенность, — усмехнулся полковник.

И распорядился перевести Сильвера в "козлиный" отряд активистов. Он не ошибся. С тех пор у лагерной администрации не было более старательного по-

мощника, чем Сильвер. И если простой мужик или даже петух мог рассчитывать на его снисходительность, то тех, кто принадлежал к авторитетной масти, Сильвер щемил с особым удовольствием и без всякой жалости.

Убедившись, что вчерашний "отрицала" твердо встал на путь исправления, Макаренко разрешил ему разобраться с обитателями "петушатника". Тем более, что из четверых трое были насильниками малолеток, а четвертый убивал в деревнях стариков из-за их грошовой пенсии.

Из четверых беспредельщиков после этой встречи выжили двое, но оба так и остались инвалидами на всю жизнь. Сильвер же возглавил работу по перековке осужденных в колонии.

Его работу оценили по достоинству. На него дважды бросались с заточкой, один раз пытались сбросить на голову бревно, но все покушения терпели неудачу. Сильвер же раз от разу зверел все больше.

Макаренко был доволен. Через год он подписал ходатайство об условно-досрочном освобождении заключенного Сиверчука.

Еще через полгода Сильвер вышел на волю. Но теперь это был совсем другой человек. И на воле у него остались долги, которые он не собирался прощать.

ГЛАВА 15. НА ВОЛЕ

Приехав в Москву, Лях первым делом отправился домой. Квартира была пуста. Вот так когда-то и Волоха Призрак возвратился к остывшему домашнему очагу. Оказалось, что мать вышла замуж и живет у нового мужа. О Лешке с момента его ареста она предпочитала не вспоминать. Он не обиделся, понял. Судьба матери выпала нелегкая. Старушка-соседка, мать Волохи Призрака, видимо, снова лежала в больнице.

Лешка открыл окно и проверил тайник в подоконнике. Здесь все было так, как он оставил. Ломик Фомы по-прежнему сиял хромом. На месте были отмычки Призрака и коробка с деньгами. Он снова пересчитал их.

В коробке было чуть больше семидесяти тысяч. Огромные по тем временам деньги. Были. Теперь же, благодаря недавней реформе Павлова, они превратились в бумажки, годные разве что для оклейки стен в сортире. Этим накоплениям уже не страшно было и грянувшее следом гайдаровское обесценивание дензнаков.

Лежал в тайнике и талисман — дань суеверной воровской традиции — обмылок, которым санитары в морге обмывали тело законного вора Волохи Призрака. С такой реликвией удача в воровских делах Ляху была обеспечена.

Лях не стал предаваться унынию, а вспомнил кое-что из преподанного Призраком мастерства. Через несколько дней у него на примете уже имелся солидный объект. Бывший цеховик, бывший кооператор по кличке Бобер. Теперь, как будто, решил заняться банковским бизнесом. Ему Лях и собирался "помыть хату".

Кража прошла на редкость легко. Хозяин слишком понадеялся на вошедшие недавно в моду металлические двери. От гопников или наркоманов такая дверь его, вероятно, и спасла бы, но Лях справился с ней в считанные секунды. Ибо то, что было заперто одним человеком, вполне может быть открыто другим. Было бы желание. А оно у Ляха имелось.

Лешка не обладал экстрасенсорной интуицией Призрака, но она в данном случае и не понадобилась. Искать тайники не пришлось. Лях так же легко и быстро вскрыл незатейливый железный ящик, который хозяин, по всей видимости, считал сейфом.

Здесь Ляха ожидал сюрприз. Кроме пачек денег и каких-то, очевидно ценных, бумаг на полке лежал красивый футляр. Вопреки правилу, лях не удержался и приоткрыл его. И свистнул от удивления. В футляре, посвечивая красноватыми бликами, лежал Тевтонский крест Гитлера. Тот самый, что был изъят у него при обыске Седым.

Лях нарушил завещанный Призраком закон и взял крест. Заодно прихватил и несколько пачек долларов, так как рублей здесь не было. Футляр он убрал подальше вглубь, а остальные пачки денег разложил посвободнее, чтобы их убыль не бросалась в глаза. Затем так же тихо он покинул квартиру.

* * *

С добычи полагалось отстегнуть "на общее", поэтому. Лях направился в Сокольники к Писарю, державшему воровской общак. Неукоснительно придерживаясь правильных понятий и традиций, Писарь проживал в хрущобе, где занимал пропахшую от прежних жильцов плесенью и кошачьей мочой крошечную квартирку. Там, прямо под продавленной кроватью, он и держал об-

щак. Воров Писарь не боялся, а менты давно от него отстали.

У Писаря Лях застал гостя, которого ожидал увидеть меньше всего. За грубым деревянным столомпил водку с хозяином старый Ляхов знакомый — однокрытник Фома.

Увидев Ляха, Фома изобразил на лице радостное удивление. Словно и не пытался подвести его под воровской приговор, словно и не смотрел зверем, получив братскую пощечину.

— Вот это случай, корефан! — воскликнул он. — Давай к столу, накатим со встречей!

— Если хозяин пригласит, почему не накатить? — Лях присел на шатающийся табурет. — А ты как на воле оказался?

Фома сиял щербатой улыбкой.

— Везуха, братан. Помнишь, на зоне кто-то шныря твоего удавил, а я это на себя взял? Зуб даю, я тут не при делах был. Но раз сходка порешила, то какой базар! Только скоро вскрылось, что в натуре того чушка завалил Чингиз. Не забыл его? Подставил он меня, слов нет. Но тут повинился, в признанку пошел. Так что я подчистую вышел, а он раскрутился, поехал на пересуд и с этапа дернул в бега. Ну, давай вмажем за тех, кто за решкой парится!

Они выпили и закусили черным хлебом, крупно накрошенным салом и помидорами. После этого Лях отозвал Писаря в сторону и передал ему деньги.

— Это на грев для братвы, — сказал он.

— Щедро, — отозвался Писарь. — Орла по полету видать. Так и держи, законным воров станешь.

Фома тем временем налил по новой.

— Слушай, Лях, у меня к тебе базар есть, — обратился он к Лешке. — Ты теперь, наверно, снова своим делом займешься. Это, конечно, тема не моя, просто поимей в виду. Если попадетсЯ тебе где-нибудь большой немецкий крест с крупным алмазом посередке и россыпью мелких вокруг, свистни мне. Не пожалеешь. Заказчик у меня на такой товар имеется, отвалит щедро.

Лях не подал виду, что его заинтересовало данное предложение. Он даже не стал спрашивать, кто именно этот заказчик. Рассудил, что вернее будет выяснить все аккуратно, без шума и пыли. Как учил Волоха Призрак.

Его сейчас больше заинтересовало другое. Как Фома так быстро узнал о краже у Бобра и сумел вычислить его, Ляха, причастность к ней? Определенно за этим кто-то стоял.

* * *

Чингиз и не собирался прятаться. Сбежав с этапа, что само по себе было несложно, он направился в Москву и принялся за старое. Первым делом следовало сколотить новую банду.

Он опоздал, город уже был поделен между криминальными группировками. Да и бойцы из числа уголовников давно примкнули к какой-либо из группировок. Но Чингиз пошел другим путем. Он стал набирать под свои знамена не уголовников и не бывших спортсменов, а безработных армейцев и уволенных из органов ментов.

Очень кстати пришелся ему и озлобленный на блатную братию Сильвер. Встретились они тепло. Чингиз был чуть ли не единственным среди товарищей Сильвера, кто его не подставил. По поводу его беды сказал пренебрежительно.

— Дичь это все. Обычай людоедские, понятия. Друзей не продавать — вот и все понятия.

И Сильвер с ним согласился.

Чингиз свозил Сильвера в тир, расположенный в подмосковной воинской части. Неожиданно Сильвер проявил талант к меткой стрельбе. С пятидесяти метров из автомата и с двадцати из "макарова" он уверенно дырявил середины мишеней.

— Тебе потренироваться, снайпером будешь, — похвалил его Чингиз.

И Сильвер приступил к напряженным тренировкам. Он сразу же столкнулся с проблемой оружия. "Макаров" и даже хваленый "стечкин" на практике оказались совершенным барахлом. Обусловлено это было не конструкцией самих пистолетов, а низкими баллистическими свойствами отечественного девятимиллиметрового патрона. Поразить цель можно было только в упор и то, если она не прикрыта бронежилетом или толстым ватником.

Старый боевой пистолет "ТТ" обладал феноменальной пробивной силой, но его крошечная рукоятка никак не желала давать руке твердой опоры при выстреле.

Поэтому Сильвер сразу потребовал от Чингиза снабдить его надежными стволами. Откуда тот их брал, Сильвера не интересовало. Он перепробовал все лучшее — американские, австрийские, израильские, немецкие и итальянские стволы. Мощные пушки типа "дезерт игл" или автоматического "кольта" сразу пришлось забраковать. Слишком большие и грохоту — как от мортиры.

Для "тихой охоты" больше подходили "беретта", "вальтер", "глок" и автоматический "смит-вессон". Особенно нравился Сильверу компактный "глок-19". Пистолет был, правда, толстоват, но под свободной курткой оказывался совершенно незаметен.

Вскоре Сильвер получил от Чингиза первый заказ — убрать главаря Семеновской группировки — Баллона. Баллон имел несколько ходок и пользовался среди уголовников непререкаемым авторитетом. Для Сильвера этого было достаточно. Он встретил Баллона на автостоянке, когда тот в дымину пьяный ждал, чтобы ему подогнали его "мерс".

С десяти шагов, почти не целясь, Сильвер вогнал ему в висок две пули и спокойно ушел как ни в чем не бывало. Авторитета Шару из Кунцевских он расстрелял, когда тот остановился на красный свет. Из-под светофора Сильвер скрылся на белой "пятерке" с заляпанной грязью номерами.

Эти убийства подстегнули затихшую было войну между бандами. По всей Москве начался сезон отстрела воров и бандитских авторитетов. Вступила в действие и гвардия Чингиза. Тот только морщился, заказывая в неделю по пять-шесть гробов. На городских и пригородных кладбищах вырастали целые улицы черныхobelisks с изображениями молодых парней.

Лях не лез в мясорубку, но и не чувствовал себя в безопасности, постоянно ощущая на себе пристальный взгляд Седого. Он несколько раз пытался дозвониться до Нади, но к телефону у нее никто не подходил.

Наконец Лях решился. Он отнес Крест Гитлера Писарю и попросил сохранить его до лучших времен.

— Если меня убьют, положи его в общак, — попросил он.

После этого Лях почувствовал себя значительно свободнее и приступил к делу.

ГЛАВА 16. ВОЙНА БЕЗ ПРАВИЛ

Крюков проснулся и выругался. Когда-то, в молодости, он мог не спать сутками. Трех-четыре часов сна хватало за глаза. Тогда он приучил своих друзей и знакомых звонить ему по ночам, поскольку днем дома вообще не бывал. Сейчас это утомляло.

Возможно, причиной тому была сверхнапряженная работа в милиции. К тому же государство в определенный период истории вдруг перестало заботиться о своих служивых людях и тем пришлось выкручиваться собственными силами.

Кто-то шел в свободное время охранять магазины, кто-то их грабил. Крюков нашел золотую середину. Он был одним из первых, кто предложил торговцам "красную", милицейскую крышу. И делал он ее, следует отдать ему должное, добросовестно и без ущерба для основной работы.

Он продолжал работать под руководством старших товарищей. Лейтенант Ниночкин вдруг заимел сильную руку и стал быстро расти. Та и дорос до генерала. Мурашов же постоянно срывался. Из милиции он ушел, потом вернулся и продолжал ходить в вечных майорах как Крюков в капитанах..

Крюков получал информацию, что Сильвер влился в криминальную группировку Чингиза и исполняет работу киллера. Но о конкретных его делах не знал. Слышал он и про Ляха, который быстро набирал авторитет в воровской среде.

Лях продолжал обворовывать барыг, невзирая на их крыши. Он полностью игнорировал решения Кисловодской сходки, по которым барыга, отдающий десять процентов в общак, считался неприкосновенным.

— И что теперь? Перед тем как на дело идти, разрешение спрашивать? — смеялся Лях.

— Можешь и не спрашивать, но тогда у тебя могут возникнуть серьезные проблемы, — отвечали ему.

И проблемы возникали. Одной из таких проблем были последствия кражи у Бобра, который стал банкиром и тесно завязался с Хорем, теперь тоже банкиром, из бывших валютчиков. Все они так или иначе пересекались в жизни с Чингизом.

* * *

В президентском зале недавно открывшегося, но уже ставшего очень модным ресторане "Семь сорок" Оси Блюма происходил банкет по поводу юбилея банка. Председательствовал за столом Виктор Бобров, известный в определенных кругах как "барыга Бобер". Кроме сотрудников банка в зале присутствовала красивая женщина, сидевшая рядом с Бобром. Ее лицо поразительно напоминало портрет с рекламы банка. На почетном месте расположился Хорь, сильно потолстевший и набравший солидности. Рядом с Хорем сидел Чингиз.

Первым слово взял брат Бобра Анатолий. Затем его заместитель и старый друг Петр. Последовали официальные речи и выступления. Отметили и красавицу, сидевшую рядом с Бобром.

— Это лицо нашего банка, его муза. За нашу Карину! За тебя, кара миа. Да здравствует "Кара-банк"! — провозгласил тост Бобер.

Его дружно подхватили. Вспомнили и Чингиза.

— Господин Чингизов блестяще обеспечил безопасность нашего банка. От-

бил посягательства криминальных элементов.

Выпили и за него.

— А сейчас позвольте представить вам нашего уважаемого гостя! — сообщил Бобер с кислой физиономией.

В зал вошел Седой. Рассматривая присутствующих, он вдруг буквально споткнулся о колючий взгляд Чингиза. Глаза обоих загорелись огнем ненависти.

Седой занял место рядом с президентом банка. Между тостами он наклонился к Бобру и улыбаясь, спросил.

— Где крест, сука?

— Я... Только на один день принес домой... в связи с переездом, — заюлил Бобер. — Я верну...

— Разумеется, и со штрафными санкциями, — снова улыбнулся Седой и поднялся. — А теперь я вынужден откланяться.

В вестибюле он столкнулся с Чингизом и задержался.

— Вот что, Чингиз, ты мне что-то предъявить хочешь? Давай встретимся в тихом месте тет на тет и закроем эту тему.

— Договорились, — бросил Чингиз.

* * *

В том месте, где Машкинское шоссе делает поворот у Новогорской плотины и начинает петлять, в ранних осенних сумерках остановились две машины. Из черной "волги" вышел Седой. Он не скрывал торжества. Бросив по сторонам победный взгляд, он неспешной походкой прогуливающегося человека направился через плотину к заросшему лесом и кустарником пустынному берегу. Под мышкой он нес небольшую коробку, размером с обувную.

Выждав, пока его партнер перейдет на другой берег, из стареньких "жигулей" вылез Чингиз. Он также не спеша направился через плотину. Оба скрылись за деревьями. Спустя десять-пятнадцать минут с той стороны, где они стояли, послышался выстрел, заглушенный, впрочем, шумом воды и вороньими криками.

Еще через несколько минут плотину в обратном направлении торопливым шагом пересек только один из двоих. Кто именно, различить в окончательно сгустившихся сумерках было невозможно.

* * *

У "кара-банка" после того памятного банкета начались проблемы. Появилось много желающих подгрести банк под свою крышу. Проблема зашла так далеко, что противоборствующие стороны решили наконец собраться и "перетереть тему" сообща. Результатом этого решения и явилась стрелка на Павловско-Разумовском рынке. Крюков удачно задержал в качестве киллера старого друга, Сильвера, А другой его старый друг, Лях, не менее удачно избежал покушения со стороны все того же Сильвера. Причем и Лях, и Сильвер в результате оказались за решеткой.

К тому же Крюкову в тот раз так и не удалось побаловаться хорятинкой. Но он дал себе слово когда-нибудь вернуться сюда и исправить все допущенный ошибки. Вот разве что жизнь своему погибшему стукачу он не мог бы вернуть.

ГЛАВА 17. ЛЯХ ПРОТИВ ЛОРДА

Согласно приговору, Лях получил за вымогательство по второй части "шестьдесят третьей" статьи нового уголовного кодекса максимальные семь лет и проследовал этапом к месту отбывания наказания. Главное же отличие от предыдущего приговора состояло лишь в том, что теперь Лях значился рецидивистом и для исправления был направлен в систему "Главного управления лесных исправительно-трудовых учреждений". А попросту — на лесоповал.

В стране началась очередная кампания борьбы с преступностью. Снова на полную мощность заработали комбинаты по развенчанию уголовных авторитетов: соликамский "Белый Лебедь", "Елецкая крытая" и другие "санатории" строгого и особого режима. Курс был взят на изоляцию рецидивистов и их полную перековку. Или, в просторечье, разворовку.

Одним из флагманов разворовки являлась Новоуральская пересыльная тюрьма, за творимый в ней беспредел широко известная как "Сучий транзит". Здесь дивным осенним вечером Ляха сняли с этапа и на ночь затолкали в тесный бокс, где его чуть не сожрали клопы. Не успел он забыться беспокойным сном, как его разбудил лязг отпираемой двери.

— Подъем, выходи с вещами!

— А поспать сначала нельзя?

Тем не менее он подхватил свой "сидор" и вышел в проход — коридор, куда выходили тюремные камеры. В душевой не было ни души. Не было и света. Вертухай захлопнул снаружи дверь раздевалки и помещение погрузилось в темноту.

Лях затаил дыхание. Ему показалось, что он не один. Он не ошибся. На его плечо легла рука. Лях скосил глаза и в потемках сумел рассмотреть, что на ней отсутствовал указательный палец.

— Не оборачивайся, — произнес неизвестный у него за спиной. — Лучше, если ты не будешь знать меня даже в лицо.

— Почему? — спросил Лях.

— Может быть дольше проживешь. За тебя серьезные люди поручились, так что слушай и запоминай. Ты знаешь, куда тебя этапируют?

— Понятия не имею.

— Зато я знаю. Тебя везут на "Елочку". Это строгая спецзона из ведомства "Лесных исправительно-трудовых" колоний. Лесоповал и строительство. Специализируется на "разворовке" — развенчании авторитетов и перековке отрицал.

Невидимый собеседник закашлялся, прочищая битые туберкулезом легкие.

Лях, воспользовавшись паузой, задал вопрос.

— Зона козлиная?

— Козлиная, хуже не бывает. Душняк страшнее, чем на "Белом Лебеде". От мусоров паханом на "Елочке" полковник Медведь. Отрицаловку гладит, что асфальтовый каток. И в смотрящие подтянул зверя. В смысле грузина, лаврушника. Есть такой, Важа Лордкипанидзе. Кликуха Лорд. Называет себя вором.

— Он законный или ерш? — уточнил Лях.

— Какое там, законный! Апельсин! Воровской сан за бабки купил. А гоно-

ру — на трех законников хватит. По жизни — чистая сука. Собрал вокруг себя козлятник и отморозков из шерстяных. Сам процветает, а братву щемит в угоду мусорам. Здесь на больничке сродняк был. Правильные люди Лорда гадом объявили. Так он теперь трясется. Боится, что по его душу гнилую палач с заточкой придет. Потому новичков, особенно тех, кто с "Сучьего транзита" идет, особо тщательно проверяет. За полгода на "Елочку" от нас двое смотрящих ушли. Одного суки еще здесь, на транзитке, на перо поставили. А второго тамошний кум велел по беспределу опустить. Крепко у Лорда все схвачено.

— А я-то тут при каких делах? — не понял Лях.

— Тебе придется "Елочку" разморозить.

— Мне?! — Лях был поражен.

Он помнил, как во время его первой ходки несколько авторитетов разморозили "Силикатную". Но, во-первых, их было несколько, а во-вторых там и ситуация была совсем другая. Чтобы в одиночку разморозить зону строгого режима. да еще специализирующуюся на разворовке, про такое Лях никогда не слышал.

— Ты будешь не один, — словно прочитал его мысли незнакомец, — там есть правильные пацаны и честные люди. Но они до поры затихарились. Ждали малявы с решением схода. На прошлой неделе наши честняки отправили курьера на "Елочку". Маляву он в "непаленом гашнике" вез. Да, видно, не дошел. Может здесь, на транзитке, суки перехватили, тут их власть. А может и на "Елочке" замочили. Ты должен прийти и маляву братве доставить.

— Они могут и меня замочить? — философски предположил Лях.

— Могут. Но не должны. На тебя вряд ли подумают. Эта ходка у тебя только вторая, срок небольшой. Таких как ты много, всех как следует не прошерстишь. Да и везут тебя аж из Москвы. Здесь, на транзитке был недолго, только ночь переспал. Утром отправят, этап уже собрали. Нет, сильно подозревать тебя не будут. Держи маляву.

Лях принял закатанную в целлофан бумажную трубочку размером чуть больше спички.

— Будут шмонать, хоть во рту спрячешь, хоть в очко затыришь. Можешь проглотить. Текст такой, ты должен знать.

И незнакомец стал на память читать содержание воровского послания.

"Час в радость, братва, и мир Нашему дому! Привет всем людям достойным и честным арестантам! Дошло до нас, что на лесной зоне, известной как "Елочка", творится полный беспредел. Правильных людей щемят и гнобят, а козлы и суки процветают. И виноват в этом пиковый апельсин и опомоенный ерш, отзывающийся на погоняло Лорд.

Лорд снюхался с мусорами и крутит вагранку. Грев по арестантам не разгоняет, а крысит для себя и своих шестерок. Правильную братву прессует на душняке.

Мы, Воры, не можем терпеть такого беспредела. Объявляем Лорда гадом. Посему каждый честный человек, до кого дойдет Наше послание, обязан беспредельной суке Лорду пустить квас, заломать хребет или мочкануть его каким другим способом.

С почтением к честным арестантам. Бродяги...", — дальше идут погоняла.

Незнакомец едва успел дочитать, как снаружи в дверь ударили чем-то тяжелым.

— Отворяй, мразь блатная! — крикнуло несколько голосов. — Мы знаем, что ты здесь!

Незнакомец выругался.

— А вот и суки пожаловали!

Он неожиданно сильно толкнул Ляха в плечо и тот влетел в узкий чуланчик. В нос ударило затхлой сыростью, за спиной хлопнула дверь. С разбегу Лях ударился головой во что-то твердое и отключился.

В себя Лях пришел не скоро. Было темно. Он пощупал сначала себя, потом вокруг себя. Голова здорово болела, но, кажется, была цела. Он лежал среди ведер и тряпок. Лях вспомнил обстоятельства, при которых здесь очутился, и испугался, что потерял маляву. Но записка оказалась крепко зажатой в побелевшем от напряжения кулаке. Он поднялся и наощупь выбрался из чулана. В раздевалке никого не было. Лях заглянул в душевую и замер.

В душевой горела одна тусклая лампочка. Но и ее света оказалось достаточно, чтобы разглядеть картину сучьей расправы. Возле дальней стены под проходящей у самого потолка трубой висел человек. Пол и стены вокруг него были залиты кровью. Лях всмотрелся и понял, что тот висит на собственных кишках, тянущихся из распоротого живота. На правой руке повешенного не хватало указательного пальца. Лях догадался, что убитый и был незнакомцем, передавшим ему маляву.

Пошатываясь, Лях вышел из бани в общий коридор. Издалека послышались торопливые шаги. Это был надзиратель. Получалось, что вертухай куда-то отходил и только теперь вернулся. Очень странно. Он посмотрел на Ляха равнодушным рыбьим взглядом.

— Ну что, помылся? Тогда вперед, в камеру.

И отвел его обратно в клоповник.

* * *

Столыпинский вагон был набит под завязку, поэтому Ляха сунули в карцер, где уже помещался пожилой арестант из категории ООР — особо опасных рецидивистов. Вероятно это было сделано для того, чтобы не разлагать "случайно оступившихся" первоходов — наивных убийц, насильников и бандитов. Карцер представлял собой располовиненное по вертикали железной стенкой купе, также сплошь обшитое железным листом.

Погоняло у старика было — дед Матвей. В дороге Лях вел с дедом Матвеем долгие разговоры на разные темы, но чаще всего речь у них заходила о правильных понятиях. Дед хоть и не был вором в законе, но считался уважаемым и авторитетным арестантом. Поэтому Ляха удивили его слова.

Правда и Лях давно уже не был лопаухим пацаном, который слово "понятия" произносит с восторгом и восхищением. Он видел как сплошь и рядом сами законные воры нарушают понятия и требуют их соблюдения только тогда, когда им это выгодно. Об этом и зашел разговор.

— Я считаю, что на зоне без понятий никак нельзя, — сказал Лях. — Иначе чистый беспредел будет. Вот ты сам посуди, дед Матвей. ты дольше моего зону топтал, всякого насмотрелся. Где порядка больше — на черных зонах, где урки верховодят, или на красных, козлиных?

Дед Матвей покряхтел, ворочаясь с боку на бок, и не спеша начал:

— Базара нет, на красных зонах чистый душняк и беспредел. Но вот сами понятия... Сколько нормальных пацанов дуриком, ни за что в обиженку загна-

ли! А что, обиженные, не люди?

Вот один раз ехал я как-то со старым вором в "стольшине". Я сам тогда молодой был, как ты сейчас. Со жрачкой тогда у нас напярэг серьезный был. А тут на нижней полке два зека харчи выкладывают.

"Извиняйте, — говорят, — что мы вас не угощаем, но это потому как мы — пидоры опущенные". А мой сосед, старый честняк, запросто так к ним подсаживается и заявляет: "А это еще доказать надо". Я тогда к ним не присоединился, а теперь вижу — дурак был, потому и голодный в тот раз остался.

— Так по твоему выходит, что понятия не нужны? — с недоумением спросил Лях.

— Почему не нужны? Без понятий нельзя, — убежденно заявил дед Матвей. — Только главное понятие — по совести жить и человеком быть. А все эти правила дурацкие братва со скуки сочиняет, чтобы от безделья на хате башкой не тронуться. Вот мусора и рады. Сам посуди, ведь если бы не козлятник и петушатник, из кого бы менты себе стукачей да актив вербовали? Воры сами себя под корень переводят, ментам и делать ничего не надо. Один раз блатной на работу вышел — сразу стал мужиком, другому елду за ухо положили — "плотником" заделали, третьего опомоили и опустили насильно по беспределу — вообще в обиженку загнали. Обрато в правильное сословие дороги нет. И куда такому деваться? Только в козлы идти и бывших корешей, которые его продали, щемить. Я потому в цветную масть и не лезу. С незаметного меньше спросу.

Лях долго молчал. Обдумывал сказанное дедом Матвеем. Наконец тому надоело играть в молчанку и он обратился к Ляху.

— Тебя куда везут?

— На строгий, — ответил Лях.

— Дело хорошее, — одобрил дед Матвей. На строгом порядка больше. На общем режиме, к примеру, кто в обед первым на "помойку", в столовку то есть, заскочил, тот самый жирный кусок и сожрал. А на строгом что зацепил не глядя половником, то и твое. И не дай бог заметят, что в чужую шлюмку "косяка давишь". Тут же у стола и припорют. Только бы не на "Елочку" к Медведю. Вот уж где и душняк, и канитель смертная.

"А я как раз туда и еду", — подумал Лях, но говорить не стал.

Так, слушая мудрые речи старого арестанта и добрался Лях до своей зоны.

* * *

Этап оказался небольшим, восемь человек. С этапки вновь прибывших первым делом загнали на медосмотр в санчасть. Лях удивился — с чего бы такая забота?

Прапорщик провел их больничным коридором и остановился у двери с табличкой "ЛОР", у кабинета врача "ухо-горло-носа". К табличке кто-то прилепил вырезанную из бумаги букву "Д". Получилось "ЛОРД". Лях понял, что тут и обитает главный авторитет зоны. Из-за двери слышалась веселая песня:

"На Кавказе мы живем, мы танцуем и поем!

Вай-вай-вай, как нам хорошо!

Мы грузынски вино пьем, русскы дэвушка ибом!

Вай-вай-вай, как нам хорошо!

Знайте, все мы кавказцы!

Вах, все мы кавказцы, на Кавказе живем!"

Последнюю строчку-припев спели два раза.

Прапорщик ударил в дверь кулаком и песня стихла. Из кабинета тенями прошмыгнули несколько только что воспетых людей-кавказцев, больше похожих на шнырей, чем на воровскую пристяжь. Прапорщик завел прибывших в кабинет.

Это был не кабинет, а палата. По тюремным меркам палата-люкс. В ней стояла только одна койка, пол был застлан ковром, в углу работал телевизор. При их появлении с койки поднялся грузин средних лет. В отличие от остальных зеков на нем были надеты спортивные штаны, свитер и черные лакированные туфли. Также, вопреки правилам, под носом у него щетинились густые усы. Пухлыми пальцами авторитет перебирал четки из черного камня.

— Я тут за вора, — представился он. — Поставлен над этой зоной. Погоняло — Лорд. Порядки у нас простые: даешь норму и ждешь конца срока. Отрицалы здесь долго не живут. Для непонятливых у меня тросточка имеется из железного дерева, — кивнул он на массивную трость, стоявшую в углу. — Поэтому, мужики, давайте жить хорошо. Вопросы есть?

— Где ты увидел мужика? — с вызовом спросил Лях.

Остальные промолчали.

Лорд повнимательнее посмотрел на Ляха.

— А ты кто будешь, э?

— Сам не видишь? Люди дразнят Ляхом.

Лорд скривился как от зубной боли.

— Ладно, брат, с тобой потом побазарим.

Их вывели в соседний кабинет, где их действительно ждал врач, гигант в небрежно накинутом на зеленый мундир белом халате.

После формального осмотра — никаких тебе "нагнитесь, раздвиньте ягодичы". Ляху показалось, что верзилу-врача больше интересуют сопроводительные документы.

Потом их вернули в этапку. На следующий день всех прибывших распределили по отрядам. Перед тем как распустить этапников, перед ними выступил сам начальник колонии, пахан зоны, полковник Медведь. Слово его было кратким, но выразительным:

— У нас "Тайга — закон, Медведь — хозяин". Будет план, будет и песня. Отказчикам — изолятор. Кто не работает, тот не ест. Передовикам усиленная пайка и досрочное освобождение. Для упрямых — указ "Один-восемь-восемь-три" — добавка в пять лет к сроку за систематическое нарушение режима содержания. Короче, каждый сам творец своего счастья. А сейчас все подойдут и распишутся.

— Что это? — спросил Лях, когда очередь дошла до него.

— Соцобязательства.

Лях глянул в листок. Там значилось, что он полностью осознал свои ошибки, обязуется выполнять производственный план, приказы начальников и постановления актива колонии, а также призывает других заключенных быть благоразумными и починяться требованиям администрации. Оставалось только поставить свою подпись. Лях плюнул под стол и отошел.

— Вы что, отказываетесь трудиться? — строго спросил Медведь.

— Почему? — не согласился Лях. — Я на любую работу согласен. Могу коньяк дегустировать, могу макароны продувать или черную икру в банки рас-

кладывать,

— А красную не хочешь? — спросил Медведь. — Или, к примеру, лес валить?

— Лес валить не хочу, — признался Лях. — Деревья — это кислород. Если каждый дурак начнет деревья валить, скоро нечем дышать будет.

— Так, один отрицательно настроенный есть! — торжествующе объявил Медведь. — Прекрасно. На его отдельном примере мы покажем остальным, что их ждет в случае неповиновения. Для начала объявляю заключенному Воронцову пятнадцать суток штрафного изолятора. Тащите его в крякушник к Папе Карло.

Вертухай подхватили Ляха и поволокли, окучивая по дороге ударами дубинок.

* * *

Десять камер штрафного изолятора и четыре камеры БУРа располагались в бараке, обнесенном высоким забором. Ляха привели в камеру ШИЗО.

Надзиратель обшмонал его наскоро, но дневальный, толстый носатый зек по кличке Папа Карло, не поленился нагнуться и вытащить у Ляха из носка несколько сигарет. Сам Лях не курил, но курево для карцерного общака с собой захватил.

Здесь Ляху выдали теплое белье, выкрашенное в черный цвет. Ботинки у него также забрали, а взамен швырнули чуни из обрезанных валенок. Его втокнули в камеру размером два на четыре метра. За дверью находилась железная решетка.

Две откидные шконки были подняты и заперты на замок. Окно было закрыто решеткой, но лишено стекла. Температура в камере была явно ниже нуля. Стены покрывала корявая "шуба" — штукатурка с солью, вся в разводах плесени и изморози. Единственная неоштукатуренная стена под окном была украшена нарисованной прямо поверх кирпичей батареей парового отопления.

Лях сумел по достоинству оценить вертухайский юмор — типа очаг на куске холста в каморке Папы Карло. Жалко только, что никакой дверцы за картинкой не было. Обстановку камеры дополнял чан без крышки, выступавший в роли параша.

Первым делом Лях стянул с себя нижнюю, "холодную" рубаху, помочился на нее и плотно заткнул этой мокрой тряпкой разбитое окно. В камере стало немного теплее.

— Эй, начальник, почему матрас не дали? В ШИЗО матрас полагается и прогулка!

— Ага, сейчас! — послышался в ответ хохот дневального.

В пять утра Папа Карло поднял и запер шконку, в восемь подал завтрак. Кормили в карцере через день. К счастью, этот день был "рыбным", а не "пролетным" — когда давалась только вода и соль по вкусу.

Лях крепко сжал в руках кружку с кипятком. Он чувствовал как тепло медленно проникает в замороженный за ночь организм. Он вдыхал горячий пар и только иногда позволял себе сделать небольшой глоток.

Пока вода не остыла, Лях отщипнул кусок черного хлеба и скатал из него шарик. Этот шарик он долго сосал, гонял во рту и растирал языком по небу.

Ляху все же удалось обмануть бдительность шныря и пронести с собой в камеру немного чеснока и сала. Эти крохотные дольки он также долго сосал и гонял во рту.

На обед подали отжатый через марлю суп и кашу, предварительно подержав их на морозе. На следующий, пролетный, день Лях не получил и этого. Только пайку хлеба утром и три кружки кипятка в течение дня. Все остальное время он старался спать или согревался бегом на месте и отжиманиями от цементного пола. И с каждым днем чувствовал как уходит жизнь.

* * *

Однажды утром дверь с лязгом открылась и вертухаи волоком втащили в камеру полубесчувственное тело. Когда арестант со стоном перевернулся на спину, Лях узнал его. Это был Сынок, с которым Лях во время первой отсидки познакомился в предзоннике "Силикатной". Тот тоже его узнал. Лях помог ему сесть. Сынок, судя по всему, был то ли болен, то ли сильно избит.

— Вот и свиделись. Откуда ты? — спросил Лях.

— С Новоуральской. С Сучьего транзита.

— И я оттуда. Люди говорили, человек с малявой шел, да не дошел. Это не ты был?

Сынок махнул рукой.

— Теперь уж что скрывать? Я.

Лях решил тоже открыться.

— Я тоже маляву принес. Только не знаю, кому отдать.

— Кому надо к тебе сам подойдет. Что в маляве?

— Прогон. В нем Лорда гадом объявили, — понизив голос, сказал Лях.

— И я с тем же. Здесь, на месте, убедился. Все верно. Он власть забрал. Грев, что на братву идет, на себя тратит. Сам апельсин-лаврушник, масть пиковая, и вся пристяжь у него из лаврушного зверья. Честных арестантов по кондеям щемит, с ментами снюхался. Одно слово, окончательно ссучился.

— Как же Медведь его терпит? — удивился Лях. — Он, похоже, мент крутой.

Сынок усмехнулся через силу.

— Медведь его и поставил над братвой. Ему лишь бы план из мужика выколачивать, а кто и как это делает — без разницы. Кроме того, Медведь ГБшных стукачей боится. У самого рыло в пуху по самые гланды. А Лорд по своим каналам их отслеживает. Он и меня в ГБшники записал, потому Медведь и купился. Запрессовали в лучшем виде. Отхожу я, Лях. Не сегодня-завтра хвоста нарежу.

Лях снял валенок и подложил другу под голову.

— Где тебя так уделали?

— Сначала сам Лорд своей палкой окучил. Потом Папа Карло, сука, поработал. А с ним четверо отморозков из "шерстяных". Они у Лорда вроде быков в охране. Отмячили, твари. С верхней шконки, с пальмы, копчиком на цементный пол кинули. Все нутро отбили. Думали — маляву в непаленом гашнике везу. А она в кармане была, в пленку закатанная. Когда вшивник меняли, я ее в рот перекаладывал. Вот она, сохрани...

Сынок отключился. Лях нащупал в его руке заклеенную в целлофан крохотную записку.

Ночью Сынок бредил. Потом разбудил Ляха и попросил:

— Ты только маляву доставь по месту. Я все одно не жилец. Меня эти суки

опустили по полному беспределу, а опущенным я жить не буду.

А утром оказалось, что Сынок покончил с собой. Приподнял тяжелую шконку и опустил себе на голову, засунув ее предварительно в щель между шконкой и опорой.

* * *

Результатом более чем двухнедельного пребывания Ляха в карцере стала тяжелая пневмония. С этим диагнозом его поместили в санчасть.

— Еще пару таких ходок, и прощайся с почками, — пошутил его сосед по палате. — Злобный паралич обеспечен. К тому же доктора, лепилу нашего, замочили. Лечить, все одно, некому.

Сам сосед ожидал решения на отправку в областную больничку для проведения сложной операции — сведения татуировок. Сделаны они были на самых видных местах. На шее, чуть ниже затылка, красовалось: "Крови нет, менты попили". На лбу значилось: "Медведь — палач и фашист". Спину украшало письмо генеральному прокурору с перечислением фамилий и званий администрации зоны, а также все их преступления. Список дублировался на животе с припиской: "Пособники убийц". Что делать с этой ходячей галереей, не знал никто.

Лях время от времени впадал в забытие. Когда он очнулся в очередной раз, то обнаружил, что соседа уже увезли. На его койке сидели двое и разговаривали вполголоса. Лях узнал голоса. Один принадлежал Лорду, другой — полковнику Медведю.

— У меня на хате говорить опасно, у тебя тоже, а здесь никто не услышит, — объяснял Лорд.

— А этот? — начальник зоны подозрительно обернулся и поглядел на койку Ляха. Тот не подавал признаков жизни.

— Он неделю в отключке. Жар. Не сегодня-завтра загнетса.

— Так ты выяснил, кто у нас засланный казачок? — прорычал Медведь. — Что это за агент "Зет" такой долбаный? Эх, не надо было доктора валить!

— Точно в цвет, начальник, — согласился Лорд. — С лепилой децал обфоршмачились. Кто же знал, что он таким крутым окажется? Длинный, нескладный. В натуре — Паганель голимая. Опять же Папа Карло твой перестарался. Но я и без него знаю, что на зоне готовится бунт.

Он понизил голос и Лях не заметил как и в самом деле заснул. Проснулся он почти здоровым. Отсутствие питания, покой и свежий воздух сквозняков позволили организму самому справиться с болезнью.

Поздно вечером в палату заглянул вислоухий звереныш из пристяжи и поманил Ляха:

— Эй, ара, пашлы со мной. Лорд зовет.

Лях поднялся с койки и направился в палату, занимаемую вором. За стенкой кто-то громко стонал.

— Что там? — спросил Лях у шестерки.

Тот только усмехнулся и махнул рукой.

— А, ерунда. Сегодня утром новый доктор одному петуху "капусту" с заднего "туза" срезал. Главный врач запретил на таких наркоз тратить. В воспитательных целях. Этот пидор во время операции орал как баран в лесу! На улице Медведь как раз развод проводил, так всю зону под окнами маршировать заставил, чтобы все слышали.

Лорд делал вид, что смотрит хоккей, хотя на самом деле с нетерпением ждал Ляха. Когда тот вошел, скороспелый вор обернулся к гостю и широко улыбнулся:

— Какие люди! Проходи, дорогой, присаживайся. Сейчас замутку чифиря сообразим. У меня чай — настоящая "индюшка". А можно и "росомахи" замутить, спирт имеется.

— Благодарю, только хреново мне еще. Ничего в горло не лезет.

Лях присел и молча стал ждать главного. Лорд завел базар ни о чем. В разговоре он все ходил кругами, пытался выяснить, что именно Лях знает о сходе. Но тот отмалчивался, делал вид, что плохо себя чувствует. Наконец Лорду надоело тянуть и он доверительно сообщил Ляху.

— Тут некоторые гонят, что Лорд ссучился. Пурга это. Я Медведю всю дорогу горбатого леплю. Он думает, что крутит мной, а на самом деле все наоборот. Я вижу, ты пацан надежный. Дело у меня к тебе будет.

— Какое? — равнодушно поинтересовался Лях.

— Зону поднять. Ты сможешь. Заодно и авторитет свой поднимешь. А я тебе потом помогу откороноваться.

"Знаем мы как ты поможешь. Петушиным гребешком наградишь", — с презрением подумал Лях, но виду не подал.

— Меня Медведь обещал в кондее сгноить, — сказал он.

— Не трухай, — вальяжно осклабился Лорд. — В следующий раз тебя отправят не в ШИЗО, а в БУР. Там жить можно. Гревом я обеспечу. В БУРе перезимуешь, а летом и карцер не так страшен. Ну что, подписываешься?

Лях все так же безразлично пожал плечами.

— Можно попробовать. А сейчас мне в койку пора. Лихорадит что-то.

Больше всего Лях боялся, что Лорд предложит ему почифрить и придется отказываться.

* * *

Известный старым арестантам БУР — барак усиленного режима — теперь именовался ПКТ — помещение камерного типа. В отличие от карцера здесь в камере имелись стол, скамья, деревянные полы. Нары днем не убирались и на них разрешалось лежать. Узнику полагалось иметь письменные принадлежности, продукты, сигареты и спички. Имелись и газеты "За честный труд", в просторечье — "Сучий вестник".

— Передовицы "Вестника" призывали равняться на активистов, в массе своей — объявленных козлов и петухов.

Из общака Лях получал грев — сигареты и чай. Лорд подбрасывал и жратвы с барского плеча. У него определенно имелись виды на Ляха.

* * *

Едва Лях вышел из БУРа, к нему подвалил арестант неопределенного возраста.

— Я Тимоха, угловой второго отряда. Смотрящего у нас нет. Если кого заподозрят, враз убьют. Пошли в магазин. Сейчас Земеля на смене.

Лях сначала не понял, о каком магазине идет речь. Направились они не к ларьку, а к караульной вышке. Тимоха перемигнулся с часовым и тот спустил на веревке бутылку водки. Затем они все-таки заглянули в ларек, где взяли плавленый сырок и копченую селедку. Присели за бараком на бревнах. Выпили и принялись жевать. Разговор пошел все о том же. Тимоха жаловался.

— Сам видишь, семей здесь нет, каждый за себя. Все знают, что Лорд общее крысит, но это еще доказать надо. У нас и свой, отрядный общак имеется. Мы его разбили понемногу, затырили по разным местам. Запрессовали нас тут — спасу нет. За невыполнение плана лишают пайки, в карцер спускают, мордуют. Кого они считают особо злостными отрицалами, лордова пристяжь ломает. Одного пацана недавно вообще убили. В "ванек", ларь для мусора, упаковали и сожгли.

Лях передал ему обе малявы, свою и сына. Рассказал о его смерти. Тимоха прочитал и внимательно посмотрел на Ляха.

— Знаешь, что тут прописано?

— В курсе.

— И что делать будем?

Лях разлил остатки водки.

— Зону поднимать. Кстати, Лорд тоже этого хочет.

Тимоха с сомнением покачал головой.

— Свежо предание, да верится с трудом.

* * *

Началось все случайно. На промку завезли большую партию краски для ремонта. Тимоха тут же сообщил об этом в караульную роту Земеле. Чекисты из охраны внешнего периметра зоны традиционно конфликтовали с "внутренними" сотрудниками колонии. Солдаты батальона охраны систематически подворовывали с промышленной зоны — промки. Земеля с парой однополчан тут же снарядили экспедицию на промку. Краска в армейском хозяйстве всегда нужна.

О налете на склад Лях уведомил анонимным письмом начальника производства колонии. Караульного Земелю и его соратников взяли с поличным на месте преступления и препроводили в одну из свободных камер карцера.

Начальник батальона охраны расценил задержание своих бойцов как личное оскорбление и на следующий день закрыл жилую зону, оцепив выход вооруженными солдатами.

Зеки-работяги вышли из проходной жилой зоны, чтобы следовать на промку, но были остановлены. Теперь все стояли, переминаясь и ожидая указаний, каждый от своего начальства.

Лях подивился ладному обмундированию арестантов, их относительно сытому виду и крепкому сложению. В сравнении с ними солдаты конвоя выглядели грязными заморышами-чуханами. Ждали долго. Начальство между собой так и не договорилось и заключенных загнали обратно в бараки.

ГЛАВА 18. ВОРОВСКАЯ КОРОНА

Как говорят в армии — солдат, не занятый работой, есть потенциальный преступник. Что же тогда говорить о преступниках, собранных в кучу и томимых бездельем? К вечеру зону крутило. Зеки разогнули прутья в оградах локалок и стали ходить из отряда в отряд. Страсти накалялись.

Обеспокоенный Медведь вызвал Лорда. Тот презрительно покрутил холерный ус.

— Я их проучу! На колени поставлю! Они у меня говно жрать будут! — пообещал он.

Через час зона узнала, что от имени начальника зоны Лорд назначил хлеборезом опущенного петуха.

Сначала вся зона объявила голодовку. В ответ Медведь приказал выдать зачинщиков и отправить их в ШИЗО. Это вызвало вспышку ярости среди заключенных. Всем было ясно, что зачинщиков просто убьют. Арестанты баррикадировались в бараках, местами вспыхнули пожары.

Правильные арестанты гоняли по зоне активистов. Кто-то выволок из барака ШИЗО Папу Карло. На палача накинудись всем скопом и через пять минут его тело уже валялось за бараком с проломленной головой.

Лях, Тимоха и угловые из других отрядов собрались на совет.

— Надо выдвинуть наши условия, — предложил Лях. — Прекратить избиения, насилие и беспредел со стороны актива, прекратить поборы и воровство администрации, сократить рабочий день, запретить лишение пищи, убрать локалки, закрыть пресс-хаты!

— И пусть пришлют комиссию из генеральной прокуратуры и члена ЦК, — добавил Тимоха.

— Теперь нет никакого ЦК, — поправили его.

— Тогда из правительства или откуда-нибудь повыше.

К вечеру в зону, ярко освещенную огнями прожекторов и пожаров, вошло полсотни спецназовцев из числа офицеров внутренних войск. Они взломали наивную оборону заключенных и прошли по баракам как танк сквозь березовую рощу.

Через полчаса после начала силовой акции всех заключенных выгнали из их укрытий и согнали на плац. Перед столпившимися арестантами прохаживался Лорд, помахивая своей тростью из железного дерева.

— Что, залупнулись? — весело рычал он. — Сейчас вас хорошенько проутюжат эти ребята, — он кивнул на дрожавших от нетерпения спецназовцев. — А оставшихся я сам буду ходить по отрядам и добивать своей тросточкой!

Он смело приблизился к сбившимся в кучу арестантам и, злобно ощерившись, наугад нанес стоявшим с краю несколько ударов. Вдруг из их толпы взметнулась чья-то рука, перехватила трость и обрушила ее на голову Лорда. Раз, другой. Авторитет упал. Вокруг его головы мигом образовалась лужа крови. Поверх тела со стуком упала тяжелая палка.

— Собаке собачья смерть! — выкрикнул кто-то из задних рядов.

Все замерли. Начальник зоны Медведь, забыв об опасности, выбежал за линию спецназовцев. Он не верил собственным глазам.

— Кто это сделал?! — проревел он. — Не заставляйте меня снимать отпечатки пальцев.

Раздвинув плечом соседей, вперед выступил Лях.

— Допустим я.

Медведь стоял как в ступоре. Все ждали, что сейчас он даст команду спецназовцам к избиению, но этого не случилось.

— Этого ко мне, — указал он на ляха, — остальные по отрядам.

Лях спокойно проследовал за полковником, сопровождаемый лишь двумя зоновскими режимниками. В кабинете Медведя он, не дожидаясь разрешения, уселся на стул. К удивлению режимников Медведь не возмутился, а махнул им на дверь.

— Оставьте нас.

Когда они вышли, начальник обратился к Ляху.

— Знаешь, что тебе полагается за такую выходку? Вышка. Почему ты это сделал?

Лях спокойно посмотрел на полковника.

— Вы искали казачка, который работал на Гбшников? Так вот — это был Лорд. Он передавал информацию доктору в санчасти. А потом убил его, чтобы снять все сливки самому и отвести от себя ваши подозрения. Вы ведь подозревали его?

— Было дело, — буркнул Медведь.

— Лорд специально спровоцировал бунт. Хотел всех подставить, а самому выйти сухим из воды. Думаю, завтра надо ждать комиссию, — сказал Лях.

Утром специальным этапом Лях был спешно отправлен из зоны. Полковник Медведь не мог простить себе, что своими руками поставил над зоной комитетского стукача. Он не стал обвинять Ляха в убийстве. Но за попытку дезорганизации работы администрации колонии Лях был в судебном порядке переведен на тюремный режим.

Уже находясь на этапе, в пересыльной тюрьме, Лях получил прогон, где общалось, что решением краевой сходки он коронован заочно.

* * *

Автозак в последний раз дернулся и остановился. Они прибыли в ад. Кроме Ляха в тюремной машине находились вор-законник Кореец и человек десять крутых отрицал, о которых обломала зубы администрация лагерей строгого и особого режима. Всех их привезли сюда, в последнюю инстанцию перед преисподней, в "Чернодарскую крытую" на "разворовку", то есть для того, чтобы сломать и заставить отказаться от высокого воровского звания.

Тюрьма была известна в арестантском мире недоброй славой как красная пресс-зона "Черный лебедь", где царил полный беспредел. Отсюда уголовный авторитет выходил полностью перекованным полезным членом общества или не выходил совсем.

Кирпичную стену во дворе украшала надпись: "Сознательным — досрочное освобождение". Ниже чернела корявая полустертая и частично замазанная приписка: "А несознательным — медленный расстрел".

Пинками и ударами дубинок их выгнали из машины и под рычание беснующихся собак бегом прогнали во двор "этапки" — "приемного покоя" тюрьмы. Здесь вновь прибывших в полном составе ожидал комитет по встрече — полтора десятка крепышей в военной форме. Все были вооружены по последнему слову пенитенциарной техники — щитами и дубинками. Лица их, как у палачей или куклуксклановцев, прятались под масками.

Вперед вышел двухметровый гигант с погонами майора и честным открытым лицом. Лучше бы и он надел маску. Его улыбка была способна испугать некрупного медведя.

— Слушать сюда! — проревел майор. — Я заместитель начальника тюрьмы по режимно-оперативной работе майор Жук по прозвищу Канарис! Поздравляю вас, граждане особо опасные рецидивисты, с прибытием в наше краснознаменное, ордена Сутулово и медали "Мы спаслись", исправительное учреждение! Если кто-то из вас, отрицательно настроенных к требованиям администрации, желает жить по воровским законам и правильным понятиям, милости просим к нам. Здесь из вас эту дурь быстро выбьют. Ха-ха-ха! Это шутка юмора. Я полистал ваши дела. Есть среди вас и такие орлы, что прошли "Белый лебедь" и "Елец", но так ничего и не поняли. Имейте в виду, у нас не санаторий, не фабрика здоровья. Мы брака не выпускаем. Мы его здесь хороним. Не бывает арестанта, который не гладится, есть тюремщик, который не умеет прессовать! Это опять шутка юмора. Ха-ха-ха!

К его оглушительному ржанию радостно присоединились подчиненные. Майор откашлялся и продолжил:

— Вы должны строго выполнять все приказы администрации. За неповиновение — трюм, отстойник, глушилка, канитель. Кто не знает что это такое, будет приятно удивлен. Это снова шутка юмора. У нас тут вообще весело. Питание соответственно трехразовое — три раза в неделю кусок хлеба, кружка воды и соль по вкусу. Если до кого сразу не дойдет, тому наша "группа здоровья" поможет. Внимание, этап! Ложись!

Лях не успел опомниться, как сбоку на него наскочил здоровенный прапорщик, огрел по голове резиновой палкой и ударом щита сбил на землю. То же произошло и с остальными.

Они лежали уткнувшись носом в асфальт и слушали как майор на память зачитывал им правила поведения и внутреннего распорядка. Закончив, он начинал снова. Так продолжалось несколько часов. Наконец майор надоел сам себе и дал команду подняться.

— А теперь хорошая новость, — майор взмахнул рукой и его помощники притащили металлическую стойку с подвешенным к ней бронзовым корабельным колоколом, "рындой". — Те, кто надумал отречься от воровских традиций и вступить в секцию профилактики правонарушений, могут ничего не заявлять и не подписывать, а просто подойти и ударить в колокол. Видите, как просто? Прошу!

После бесконечно долгой, как первый тюремный срок, паузы из толпы зеков неуверенно вышел старик. Лях узнал его. Это был дед Матвей. Вором он не был, от коронации отказывался, причем не один раз. Но среди зеков пользовался уважением, ходил в смотрящих и до прибытия сюда был хранителем "воровского блага" — зоновского общака.

Дед Матвей повернулся к товарищам по несчастью и низко поклонился им:

— Простите, люди, старика. Мне жить осталось от силы лет пять, а сидеть — десять. Не сдюжу я ихнего душняка. А пожить еще децал хочется.

Он с понурым видом подошел к колоколу и дернул за веревку. Удар прозвучал похоронным звоном.

Дон переглянулся с Корейцем и оба невесело усмехнулись. Оба знали, что за "Черный лебедь", как, скажем, и за "Елец", предьявы не делают. Воровское

братство прощает выступления и подписки об отказе от воровской идеи и правильных понятий, лишь бы на деле не ссучился и сам братву не щемил, не беспредельничал. А то, что дед Матвей сломался, так на то и возраст.

Неожиданно от группы арестантов отделился еще один, на этот раз молодой и на вид крепкий парень. Лях знал и его. Звали парня Леликом. Он принадлежал к правильным пацанам и был кандидатом в смотрящие на зоне усиленного режима, где мотал "пятнашку" за убийство "двух и более", а точнее трех, лиц.

Лелика пару раз ставили на правилку за творимый им беспредел, но он всегда отмазывался беззаветной преданностью воровским традициям и агрессивной непримиримостью к требованиям администрации. Из отбытых им пяти лет едва ли не половину он провел в штрафном изоляторе и на камерном режиме. И вот не выдержал.

— Да пошли бы вы все с вашими понятиями! Я, может, тоже жить хочу!

Лях умел разбираться в людях. По тому, с какой силой и злостью Лелик рванул веревку колокола, он понял, что в душе парень уже сжег мосты. И майор Канарис на него глаз положил. Просто так не оставит. Ох, придется Лелику до самого дна эту баланду выхлебать. Будет он братву на пресс-хате щемить-канителить, пока как-нибудь ночью самому заточку в бок не загонят или горло удавкой не захлестнут.

Деда Матвея и Лелика увели.

— Больше желающих нет? — гаркнул майор. — Тогда ставлю задачу — добраться живыми вон до той двери!

Он указал палкой на вход в корпус и добавил:

— Кто не выполнит моего распоряжения, будет сурово наказан!

"Группа здоровья" сомкнула щиты и с двух сторон набросилась на кучку арестантов. Лях упрямо прорывался вперед и упал возле самых дверей. Рядом рухнул Кореец. Наконец избиение прекратилось.

— А ты упрямый, — процедил сквозь зубы майор Жук. — А с упрямыми у нас разговор особый. всю ораву волоките в трюм, пусть освежатся, а этих, — он указал на Ляха и Корейца, — в котельную к Мыловару!

— Что, прямо так сразу в печку? — не удержавшись, спросил Кореец. — А помучиться?

— Не бойсь, свое получишь, — обнадежил его один из прапорщиков.

Ляха и Корейца подхватили под руки и поволокли по двору. Остальных подняли и пинками погнали внутрь мрачного корпуса.

* * *

Ляха с Корейцем притащили в отдельно стоящее здание с высокой трубой. Табличка "Котельная" была исправлена и читалась как "Канительная". Понятие канитель означало полный беспредел.

Лях не раз слышал о Мыловаре. Маньяка-убийцу Ивана Мыловарова не расстреляли только потому, что врачи из "Серпов" признали его дураком с ограниченной дееспособностью, который нуждается в амбулаторном лечении. Посему его оставили при тюрьме в обслуге. Обслуживал он специфическое помещение, известное в народе как "пресс-хата".

За успехи в работе Мыловару было присвоено звание "Главной Суки Советского Союза". Находилось его страшное владение в подвале старой тюремной котельной и было широко известно в уголовном мире как "Кровавый пресс

Черного Лебеда".

В пристяжи у Мыловара ходил десяток отморожков-беспредельщиков. Все они были молодыми, крепкими парнями, успевшими не только на воле, но и здесь, в тюрьме, совершить серьезные преступления против законов людских и божеских. Сводились все эти преступления как правило к насилию.

Они считали, что и на воле, и на зоне главное — сила. Эти парни брали все, что им нравилось: деньги, женщин, чужие жизни и чужое достоинство. На зоне таких отморожков называли "шерстью" или "шерстяными" и давили беспощадно.

Напакостив и обгадив все вокруг себя, каждый из шерстяных рано или поздно вдруг оказывался перед необходимостью отвечать за свои грехи. И суд этот был поистине страшным. Откупиться или сбежать от такого суда было невозможно. Воры карали за провинности по-ленински — сурово и неотвратимо. Вариантов было немного. Попавшего в нормальную камеру шерстяного беспредельщика могли изнасиловать и тем перевести в касту "опущенных", но чаще калечили или убивали.

Шерстяные были обречены. Тюремная администрация знала это и широко пользовалась данным обстоятельством, создавая из них "зондер-команды" по типу тех, что трудились у печей в крематориях Бухенвальда и Освенцима. В своих лагерях смерти немцы постоянно обновляли зондер-команды. Старый состав отправляли в ту же печь, а на их место ставили новых обреченных.

Так же теперь поступала администрация тюрем и с шерстяными. При малейшемслушании или просто "по выслуге" их отправляли в общую камеру, где жить им оставалось — до первого отбоя. Наутро злополучного беспредельщика находили висящим в петле или уткнувшимся головой в переполненную парашу. Заранее зная свою судьбу, шерстяные с особым ожесточением проводили обработку попавших к ним правильных арестантов.

Мыловар был постоянным, несменяемым паханом черноморской пресс-хаты, но и над ним висел дамоклов меч расплаты. Поэтому он исправно и рьяно, не за совесть, которой никогда не имел, а за смертный страх исполнял свои неписанные обязанности при тюрьме — щемил и прессовал братву. Причем делал это в прямом смысле слова.

Его фирменным приемом был "бутерброд". Помощники Мыловара из числа шерстяных отморожков клали строптивного узника лицом вниз на толстый лист металла, сверху накрывали другим листом и били кувалдой в область почек. После такой "канители" человек мог протянуть не больше месяца. И никаких следов.

Впрочем, администрация часто смотрела сквозь пальцы на явные увечья и даже на убийства, творимые беспредельщиками "Кровавого прессы". Так законного вора Тенгиза сбросили с верхней шконки, "пальмы", на расставленные внизу шахматы. Смотрящему со следственного изолятора Коту Мыловар самолично выковырнул столовой ложкой оба глаза, "чтобы нечем было смотреть". Правильного пацана Сидора перепилили циркулярной пилой, а всесоюзно знаменитого авторитета, "родского" вора Васю Алмаза, просто забили ногами. Затем его, полумертвого, обложили подшивками газеты "За честный труд", в просторечье именуемой "Сучья правда", и сожгли.

Особо упрямых, в исключительных случаях, ожидала старая печь котельной, для которой время от времени администрация тюрьмы подвозила маши-

ну-другую угля.

И если на других зонах кумовья и их прихвостни редко осмеливались пойти на крайнее средство — "опустить" законного вора, поскольку это неизбежно означало бы общий бунт всех заключенных, то здесь беспредельщики широко практиковали и такой метод.

Но Лях был уверен — его не опустят и не сломают. Во всяком случае пока он жив. Он был готов умереть, но не уступить мрази, будь она в погонах вертухая или в черной робе тюремного подкумка.

* * *

Помещение котельной было превращено в мастерскую. Вертухаи пристегнули Ляха наручниками к водопроводной трубе и поволокли Корейца на пресс.

— Делаем бутерброд, — распорядился Мыловар. Двое подручных из тех, кого называют "поперек себя шире", ухватили его за руки — за ноги и уложили на толстый лист металла. Двое других с напряженными лицами приподняли тяжелую, покрытую то ли ржавчиной, то ли потеками крови, стальную плиту и опустили на вора. Мыловар сделал знак. Из темноты с массивной кувалдой в руках появился Сильвер. Его Лях меньше всего ожидал здесь увидеть.

Неожиданно в дверь снаружи заколотили. Послышался раскатистый бас Канариса.

— Эй, Мыловар! Срочно отправь несколько человек в девятую камеру. Сегодня же надо Бобра расколоть!

Все подручные Мыловара, кроме него самого и Сильвера, поспешно выбежали из котельной. Канариса здесь боялись как огня.

По знаку Мыловара Сильвер обрушил свой молот на верхнюю железную плиту. Из-под нее послышались глухие сдавленные стоны.

Лях рванулся было, но прочный наручник впился в руку и удержал его. Сильвер оглянулся на шум и увидел Ляха. Взгляды их встретились на секунду и разошлись, словно Сильвер не узнал его. Он нанес еще несколько ударов, отозвавшихся гулким глухим звоном, и отбросил кувалду в сторону.

— Хватит для первого раза, — прохрипел он.

Кувалда при падении сбила ящик с инструментами. Под ноги Ляху покати-лась россыпь тонких гвоздей. Открыть замок наручника не составило для него труда. Сильвер стоял и спокойно смотрел как он это делает, словно его это вообще не касалось.

Лях провел рукой по верстаку и укололся. Это была зубчатая фреза. Что или кого ей тут резали, можно было только догадываться. Лях схватил острый диск и запустил в голову Мыловару. Тот так и не понял, что произошло. Фреза вошла ему чуть выше лба. Зубья пробили череп аккуратно по границе с волосами. Беспредельщик рухнул на пол, не издав ни звука.

Сильвер поглядел на него, констатировал вполголоса.

— Полчерепа снесло, мозг не задет.

И, не глядя на Ляха, вышел. В дверях бросил ему.

— Не забудь пристегнуться.

Сильвер вышел в коридор. Со стороны девятой камеры грохотал бас Канариса. Сильвер неслышно приоткрыл хорошо смазанную дверь камеры и вошел.

Здесь в полном составе собралась вся шерстяная братия пресс-хаты. Стояли

они, понуро опустив головы и переминаясь с ноги на ногу. На полу лежало тело. Из спины мертвеца торчал электрод с ручкой, игриво обмотанной цветными нитками. Такие заточенные электроды часто использовались зеками в качестве оружия.

Посиневшее лицо убитого показалось Сильверу знакомым. Он вспомнил, где его видел. На малолетке в следственном изоляторе барыга Бобер сидел с ними в качестве старшего.

Канарис стоял спиной к Сильверу и орал на своих помощников.

— Вы, мать вашу, слушаете ушами или жопой? Вам было приказано его расколоть, а не заколоть.

— Мы пытались, но он на нас прыгать стал, — вяло оправдывался стоявший впереди здоровяк. — Кто же думал, что он таким крутым окажется? Хотели его опустить для начала, а он, сука, у Лысого заточку вырвал и по шнифтам его. А потом на меня. Ну и на электрод накололся. Мы и не поняли как...

— Сейчас поймете, — грозно пообещал Канарис. — Через час всех раскидаю по общим камерам. Там вам и уши прочистят, и другие отверстия. А не хватит, так новых дырок добавят.

Всех шерстяных сковал ужас. Насилие, бывшее до этого их оружием, грозило обрушиться на них самих.

Сильвер шагнул к Канарису и врезал ему крюк по почкам. У майора сразу пропало желание говорить и спорить. Сильвер воспользовался его малоподвижностью и провел ему старый как мир "загиб руки за спину". Свободной рукой он приставил к горлу майора заточку, имевшуюся у каждого обитателя пресс-хаты.

— Меня тоже отправишь в общую? — небрежно поинтересовался Сильвер. — А сам-то ты понял куда попал? Мы ведь беспредельщики. Нам терять нечего.

Канарис побледнел. Как часто бывает с грубыми и недалекими, но физически сильными людьми, утратив свое превосходство, он совершенно растерялся.

— От-отпусти, — прохрипел он. — Соображаешь, на кого прыгаешь?

— На пидора, — просветил его Сильвер. — Ты же такой же козел как и мы, а корчишь из себя полководца. Ты вошь, а не Чапаев. Сейчас мы с тобой выходим наружу. Не дергайся, твоя жизнь сейчас в моих руках и в твоих ногах. Лучше, чтобы они не дергались.

Сильвер поглядел на товарищей-отморозков.

— Вы со мной или на убой останетесь?

— Все выходим! — дружно поддержали его. — Ломимся! На рывок!

— Тогда пошли.

Котельная имела отдельный выход, через который в нее иногда завозили уголь. Отсюда до ворот тюрьмы было рукой подать. Беглецы стремительно пересекли узкий дворик и ворвались в дверь КПП. Здесь находились дежурный и два контролера. При виде грозного, но совершенно беспомощного майора они впали в оцепенение.

— Открывай калитку! — крикнул Сильвер и сильнее нажал на острие. По щеке майора потекла кровь. Он вдруг закатил глаза и стал оседать на пол.

— Зарезали Канариса!

Один из контролеров уже нажал кнопку и автоматическая дверь на свобо-

ду стала понемногу приоткрываться. Но тут другой с вытаращенными остекленевшими глазами рванул автомат и дал из него длинную очередь, щедро осыпав пулями всех присутствующих. По чистой случайности он не задел майора и своих сослуживцев.

Укрывшийся за майором Сильвер тоже не пострадал. Дав на прощанье пинка теряющему сознание Канарису, Сильвер протиснулся сквозь образовавшуюся щель и выскользнул на волю. Рванувший было за ним здоровяк-отморозок поймал спиной свою пулю и рухнул прямо в дверях, прочно заклинив их. Остальные беглецы оказались в ловушке. Пули косили их одного за другим. Кроме Сильвера не вырвался никто. Он был объявлен в федеральный розыск.

По факту побега в тюрьму прибыла комиссия. Работала она долго. Майора Жука с грозной кличкой Канарис с позором уволили. Пресс-хату на время прикрыли. Корейца сактировали по инвалидности. Сильвера так и не поймали.

Лях сидел в одиночной камере, перестукивался с соседями и читал книги. В газетах он часто встречал статьи старого знакомого, журналиста Лени. Тот писал на криминальные темы. Одна из статей касалась его самого. Леня писал, что дело Ляха было сфабриковано спецслужбами и что сейчас его дело вновь рассматривается судом. Лях усмехнулся. Сам он про пересуд ничего не знал. Но он ошибался.

* * *

Однажды лях получил маляву, в которой его просили подтянуться на больничку. Он пожаловался на боль в животе и в тот же день был переведен в тюремную санчасть. Ляха поместили в отдельную палату.

К его удивлению вечером того же дня в палату вошли известные воры — Коля Старый, Якут и Витя Коркия. Сопровождал их знакомый Ляху правильный пацан Кот. Пока воры обнимались, Кот раскрыл принесенную спортивную сумку, извлек из нее портативную рацию и стал выгружать бутылки с водкой и провизию.

Они выпили и закусили. Разговор сначала коснулся общих тем. Наконец пустили по кругу кружку чифиря. Якут укололся. Коркия перешел к сути.

— Плохие времена наступили, Лях. Кореец с Цирюльником довоевались — один уже в Америке на киче парится, другой в Лефортово ласты склеил. А куда общак заныкал — забыл сказать. Есть у нас подозрение, что Фома тут лапу приложил.

— А самого Фому спросить нельзя?

— Не скажет, — проворчал Коля.

— А если так спросить, чтобы ответил?

— В том-то и дело, — пояснил Коркия. — С чекистами Фома снюхался. Его теперь голыми руками не помацаешь. Одним словом, без тебя это дело не поднять. Пора тебе, Лях, откидываться. Ты большой авторитет накопил, люди тебя послушают, пойдут за тобой.

Лях покачал головой.

— На условно-досрочное подать? Не пойдет. Я не сука, чтобы у легавых "половинку" выпрашивать.

Коля Старый зашелся в кашле, прочищая битые туберкулезом легкие, потом прохрипел:

— От тебя ничего не потребуется. На это адвокаты имеются, да и журналист

твой так раскочегарился — не остановишь. Так что выйдешь вчистую, народным героем с полной реабилитацией. Хоть в депутаты подавай. Дело в другом. На воле сейчас опаснее, чем на зоне. За год без малого с полста честных бродяг на луну поканал. Страшные дела на свете творятся. Всеми страсть к наживе овладела. Молодые еще кичи не понюхали, зону и дня не топтали, а уже законных воров в сторону оттирают — долю давай! И стволом в нос тычут.

Лях взорвался.

— Я что, фраер небитый? Меня стволом не напугаешь. И гопников на место ставить умею!

Коля Старый покачал головой.

— Они не гопники. Эти ребята посерьезнее будут. Все больше спортсмены бывшие, да дембеля с Афганской. Нашей братве у них и поучиться не мешало бы.

— Чего это мы у них не видали? — от обиды суженные опием зрачки Якута несколько расширились.

— А вот этого самого, — Коля Старый щелчком поддал пустую упаковку из-под дозы. — Дисциплины. Расстегни свой клифт, да почитай, что у тебя на пузе написано. Что вора губит? Бабы, карты и марафет. Нет, на воле нам с ними не совладать. Зоны бы удержать — и то хлеб. Здесь наша сила.

— Тогда в чем проблема? — не понял Лях. — Мы же их здесь как клопов передавим, пусть только залетят. Или они считают, что от кичи застрахованы?

— Просто среди них хватает полных отморозков с оторванной крышей. А кроме того, киллеров этих развелось — плюнуть некуда. Объявления чуть не на столбах расклеивают. Так что пулю ты можешь схлопотать прямо у ворот тюрьмы.

— Я выхожу, — отрезал Лях.

Неожиданно ожила рация в руке Кота.

— Шухер, — сообщил он. — От города колонна мусоровозов подваливает. Бля буду, чекисты с янычарами пилят. Сдал нас кто-то.

Коля Старый поднялся первым.

— Все, уходим. А тебя, Лях, будем ждать в столице через месяц.

Гости быстро собрались и покинули тюрьму. Буквально через пару минут после их отъезда во двор тюрьмы влетела первая машина с мигалкой.

* * *

Одна из статей Лени заканчивалась анонсом следующей темы. В следующем месяце Леня собирался раскрыть тайну торговли чеченскими наркотиками в обмен на оружие. Ляха и в самом деле выдернули в Москву. Его дело пересматривалось.

Здесь, в камере Матросской Тишины, Лях познакомился со "сникерсами". Это были заключенные новой формации. Накачаные и наглые, они держались особняком и не скрывали, что в тюрьме они случайные пассажиры.

На "голосовую" они не подходили, на общак не отстегивали. Сидели втроем, сбившись кучкой, и если не жрали, то отжимались от пола и между шконок, качали брюшной пресс.

Драка возникла из-за пустяка. Кто-то из качков задел старого арестанта. Когда ему сделали замечание, то все трое тут же полезли в драку, которая стала всеобщей. Вмешались контролеры. Качков раскидали по разным камерам и теперь Лях не дал бы за их жизни и ломаного гроша.

Коля Старый немного ошибся в своих расчетах. Лях действительно вышел через месяц на волю. Но самого Коли Старого среди встречающих не оказалось. Буквально за неделю до выхода Ляха на свободу он был убит в своем подъезде двумя выстрелами из пистолета.

Не было в живых и Коркии. Буквально на следующий день после убийства Коли Старого его взорвали вместе с "мерседесом".

ГЛАВА 19. НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Седой сидел в роскошном кожаном кресле за массивным столом. Перед ним стоял раскрытый футляр с искусственными глазами — от голубого до каре-го. Он захлопнул крышку футляра, взял из соседнего ящичка сигару и гильотинкой срезал у нее жопку.

Затем Седой понюхал сигару и обмакнул срез в большую, пузатую как лампочка Ильича рюмку с коньяком. Через секунду кабинет окутался клубами ароматного дыма. Седой развернул на столе номер газеты, еще пахнувший свежей типографской краской.

— Как это понимать? — спросил он сидевших напротив собеседников.

Заглавие на первой странице гласило: "Сделка века: русско-чеченский бартер — оружие в обмен на наркотики".

— Я перехватил это в последний момент, уже в типографии, — пояснил Седой. — Знаете, во сколько мне обошелся весь тираж?

— Я... — сидевший напротив него генерал Ниночкин побледнел. — Я все возьму...

— Разумеется возместить. И заплатишь штраф. Я позабочусь, чтобы он был большим. А также прямо сейчас объяснишь всем нам, где и как произошла утечка.

Генерал торопливо заговорил.

— Во всем виноват мой заместитель майор Мурашов. Согласно плану операции он должен был курировать охрану грузов. Ну и по пьянке разболтал знакомому журналисту.

— Встань, майор. Покажись народу, — попросил Седой.

Мурашов поднялся из кресла и встал, переминаясь с ноги на ногу как проштрафившийся школьник. Был он небрит, китель на нем сидел криво и лоснился от темных пятен. С тех пор, как после пожара в гостинице "Россия" он попал в немилость, Майор запил. Если бы не протекция со стороны бывшего подчиненного, Ниночкина, шагавшего по карьерной лестнице через три ступеньки, пьяницу Мурашова давно бы выперли в "народное хозяйство". Возглавив управление, Ниночкин назначил его к себе заместителем по оперативной работе.

— Как же это получилось? — благожелательно спросил майора Седой.

Тот был совершенно растерян.

— Это... Не помню. Вроде и не пьяный был. Это все Леня, журналюга, козел. Без мыла втерся. Я же ведь и книжку записную потом у него забрал... В которую он все записывал.

— Идиот, он ее для отвода глаз держал, а сам писал твой треп на диктофон. А ты блокнот спер и обрадовался! Короче, исправлять как будем?

— Да я бы этого писателя!... Своими бы руками!

Седой широко улыбнулся.

— У тебя сейчас появится такая возможность. Я рад, что предугадал твоё желание. Пошли со мной. Мы ненадолго.

В подвале особняка у отверстого жерла печи лежал связанный журналист Леня. Рядом с ним маячили две тени. Один, что повыше, был просто страшен своим рассеченным глубокой бороздой лицом.

Седой указал майору на связанного журналиста.

— Вот он, твой злейший враг. Тот, кто воспользовался твоей наивностью и доверчивостью. Убей его, чего ждешь?

Мурашов замялся.

— Не могу...

Седой недобро усмехнулся.

— Ты хочешь, чтобы он сгорел живым? Я ведь не шучу. Просто не умею шутить. Приступай.

Майор достал табельный пистолет, долго мялся, но вдруг решился и выстрелил журналисту в голову.

Седой следил за ним со зловещей улыбкой.

— Молодец, ты искупил свою вину. Частично, — сказал он. — Поэтому умрешь легко...

Седой молнией выбросил руку с узким граненым стилетом. Клинок с хрустом вонзился майору в висок. Тот мешком рухнул на пол. Крови почти не было.

— Так редко выдается случай попрактиковаться с холодным оружием, — вполголоса пожаловался Седой самому себе, потом кивнул стоявшим в тени помощникам:

— Уберите здесь все. Шмотки в огонь. Журналиста подбросьте к нему домой, майора расчлените и киньте в лесу.

Наверху все застыли в напряженном ожидании.

— Где мой боевой зам? — попытался пошутить генерал Ниночкин.

— Он умер, — развел руками Седой.

Все опешили.

— Как?!

Седой глумливо оглядел гостей.

— Предателя замучила совесть, сердце не выдержало. А может быть он оказался жертвой мести уголовников, я еще не решил. И вообще, хватит заниматься ерундой! Главное в повестке дня — операция "Эльдорадо", как я ее называю. Писака не ошибся, это действительно сделка века, — Седой ткнул пальцем в сторону генерала. — Ты лично, своей бестолковой головой отвечаешь за сохранность товара.

— Один я не справлюсь, — захныкал генерал.

— Есть у меня для тебя помощник, — с гордостью сообщил Седой. — Матерый опричник, из тюремных палачей. Кличка — Канарис. У него на службе были неприятности, пришлось уволиться. Возьмешь его к себе замом. А как дела с ворами?

Из глубокого кресла приподнялся Фома.

— Колю Старого и Коркию убрали. Лях выходит завтра. Уже сегодня. Пока живой.

— Да, недоработали, — грустно вздохнул Седой. — Да и с остальным ворьем пора кончать. Не ссы, Фома, к тебе это не относится. Но теперь я сам лично займусь этим дельцем. У меня для этого есть квалифицированные специалисты. Вы их видели, они сейчас работают в котельной.

В подвале двое палачей заканчивали работу. Оба тела убитых уже горели в топке печи. Тот, что пониже, тронул высокого за плечо.

— Э, подожди, Квали. Зачем ментовской клифт жечь? Он мне пригодится. Давно разгоном не занимался.

Брезгливо, двумя грязными пальцами, он взял засаленный милицейский китель майора и внимательно его осмотрел.

— Он же в крови.

— Ерунда, совсем немножко капнуло. Этот лапсердак и без того весь в пятнах как камуфляж. Пятном больше, пятном меньше — никто не заметит.

* * *

Тюремная дверь распахнулась без скрежета и шума и Лях вышел на волю. Пели птицы, сияло солнце, по всенародно известной улице Матросская Тишина шли счастливые прохожие. Ляху вдруг жутко захотелось мороженого. Фруктового, за семь копеек. Сколько оно стоило теперь, он мог только гадать.

У ворот тюрьмы Ляха ждал Писарь. Он прохаживался взад-вперед возле белой иномарки. Какой именно, Лях не понял, так как совершенно в них не разбирался. Он быстро двинулся навстречу другу и наставнику.

— Такая честь, сам Писарь встречает!

Они обнялись. Писарь опирался на массивную тяжелую трость. Протянул ее Ляху.

— Это тебе сувенир. Узнал? Тросточка Лорда. Медведь прислал, просил передать.

Старый вор был так рад, что даже прослезился, но тут же заспешил.

— Извини, встреча будет скромная, без эскорта. Все давно на кладбище собрались, только нас ждут, — объяснил он. — Мы сегодня Пашу Яхонта хороним. Тебе не говорили, чтобы не расстраивать. Давай, Вальтер, гони, — велел он шоферу.

Руль у машины был справа, что Лях по незнанию расценил как редкое достоинство. Водила, молодой парень, но, судя по наколкам и доверию старого вора, уже сумевший попасть в авторитет, рванул с места. Мимо одноименного с тюрьмой дурдома они выскочили на Стромынку, а там свернули на набережную Яузы и погнали по ее изгибам.

Едва их машина скрылась за углом дома, к тюрьме подкатила черная "волга". Из машины выскочил человек в засаленной милицейской форме с погонами майора и бросился к дверям, из которых совсем недавно вышел Лях. Он вернулся почти сразу. Сунулся в настежь распахнутую из-за жары дверь машины и сообщил:

— Упустили. Пятнадцать минут назад вышел, сука!

Из салона "волги" донесся хриплый голос с кавказским акцентом.

— Мимо нас ни один ышак не проезжала, значит они вперед поехали. Садысь, сейчас дагоним.

— Кого? — рассердился человек в милицейской форме. — Ты хоть видел, на чем они укатили? Нет? И я не видел. А куда? Они могли на набережную выскочить, а могли по Стромынке двинуть, в центр или в Черкизово. А может он, в Сокольники, гад, рвется? Там есть где спрятаться...

— Ты мнэ кыно про Гылэба Жыглова нэ рассказывай! — оборвал его напарник. — Я зынаю, гыдэ его ыскат. На кыладбыще паэхали.

Человек в милицейской форме выругался, забрался в салон и черная "волга", развернувшись, понеслась по пустой в это время улице Матросская Тишина. Когда буквально через минуту черная "волга" вырुливалась с Большого Матросского на набережную Яузы, мимо нее в потоке машин пронесся белый "ниссан" с правым рулем. Но ни человек в милицейской форме, ни его кавказ-

ский напарник не догадались приглядеться к его пассажирам за тонированным стеклом. В противном случае история Ляха могла бы на этом закончиться.

* * *

В машине Лях не успел толком поговорить с Писарем. Узнал только, что Паша Яхонт был найден мертвым возле подъезда своего дома. На голове у него остался след от сильного удара. Но был ли этот удар нанесен убийцей или оказался результатом падения, осталось загадкой. Официальной же причиной смерти старого вора признали insult. Сначала умер, потом ударился головой. И никак не наоборот. В милиции не собирались вешать на себя сомнительное убийство. Судебная медицина не возражала.

Рассказав об этом, Писарь надолго замолчал. Ляху тоже не хотелось ничего говорить. Вальтер, казалось, был целиком занят дорогой. Наконец Писарь произнес:

— Знаешь, Лях, я все-таки уверен, что Пашу убили.

— Кто? — Лях знал, что на этот вопрос Писарь ему не ответит. И не ошибся.

— Не знаю, — буркнул тот. — Сам оглядишься, может разберешься. Я для всего этого бардака слишком стар.

— В чем я должен разобраться? — не отставал Лях.

Писарь устало провел ладонью по лицу, словно стирая с него гнетущий груз забот.

— Старый я стал, — повторил он. — Не успеваю за событиями. На тебя вся надежда.

— Я на воле давно не был, — возразил Лях. — В нынешних делах плохо разбираюсь.

— Ты закон зоны знаешь — не верь, не бойся, не проси. Его и держись.

— Так то на зоне...

— А сейчас и на воле как на зоне, — вздохнул Писарь. — В Кремле и в думе по фене ботают, на законы кладут с прибором. Выступал тут один по телевизору, из тех, кто нам президентов делает. "Живем, — говорит, — не по закону, а по понятиям". Да только туфта это. Не по понятиям мы живем, а по беспределу. Вся страна — один сплошной голимый беспредел. А предьяву сделать некому. Мало нас, и сила не за нами. Жмут, суки. Щемят честных людей. И миром с ними не договоришься. Драться приходится.

Лях покачал головой.

— Ты же знаешь, Писарь, я не по этой части. В армии не служил, воевать не обучен. И крови не люблю.

— Зато спортом занимался. А сейчас половина отморозков — спортсмены. Тебе их легче понять.

— Зачем? У меня свое дело. Я их не трогаю, они меня не тронут.

— Тронут, Лях. Обязательно тронут. Это я тебе обещаю. Никуда ты не денешься, так, видно, карта легла. Война у нас со спортсменами. Они все молодые, отмороженные. У них девиз — "жить насрать" — и глаза завидующие. Вот и лезут во все щели, навроде монголо-татарского нашествия. На зонах, конечно, наш верх — был, есть и будет. А на воле теснят нашего брата уркагана молодые бандиты. Где это раньше было видано, чтобы воры с бандитами воевали?

— Было такое, — Лях откинулся на сиденье. — Я книжку старую читал. До

революции. Тогда все тюрьмы каторжники держали. А были они сплошь бродягами да босяками. Отсюда и погоняло у воров нынешнее. Сидели они за ерунду, за барахло всякое. Всех делов — шапку с головы сорвать, да булку хлеба на базаре стянуть. На воле у них житуха была хреновая, голодная. Зато на крытке — сплошное процветалово. А серьезные крадуны — карманники, домушники, грабители, все, кто крупную добычу брал — садились редко и ненадолго. Часто откупались. Короче, на воле как сыр в масле катались, а как на зону попадали — тут им под каторжной шушерой ходить приходилось. С тех пор и пошло — одним на зоне лафа, другим на воле. Только теперь на зоне воры вместо каторжных стали масть держать, а на воле вместо воров бандиты пришли. Но соотношение осталось то же самое — правильные понятия против бабок. Или по другому можно сказать: кому в воровской жизни сам процесс нравится, а кому результат.

— Умно базаришь. Может оно и так, но от этого не легче, — проворчал Писарь. — Тормози, Вальтер. Приехали.

Вся дорога перед кладбищем оказалась запружена морем машин, в основном иностранных, и Вальтер с трудом нашел где приткнуться.

* * *

Ленинское кладбище, где хоронили старого родского вора Пашу Яхонта, находилось на юге Москвы. Оно отделяло район полуразрушенных хрущовок Ленино-Дачное от промышленной зоны и упиралось в высокую железнодорожную насыпь. Лях подивился расположившемуся на пологом кладбищенском холме некрополю. Его возраст, судя по свежести дат и глянцевої поверхности памятников, не превышал пяти лет. Улица антрацитово-черных и асфальтово-серых мраморных обелисков с портретами молодых парней и душещипательными надписями уходила, казалось, к самому горизонту.

В конце траурной улицы собрался народ, темнела сырой землей свежая могила. Писарь повел Ляха и Вальтера именно туда.

— Здесь наш Паша и упокоится, — сказал он. — Хорошая ему земля досталась. Сухая, с песочком. А вон и старые корешки толкутся, нас дожидаются.

В стороне от могил, прямо посреди газона, переходящего в пустырь, стояли накрытые столы. Все строго, без гастрономических излишеств и выкрутасов. Водка, кутья, блины, разумеется с икрой, другая закуска. Здесь собралась большая часть пришедших на похороны родского вора. Лях рассмотрел старых знакомых заслуженных воров — Калмыка, дядю Митю, Рыбака, Бивня и других. Все стояли с поднятыми стаканами.

— Что за дела? — возмущился Писарь. — А где же Паша? Они что, уже его закопали? И нас не дождались? Вот это кореша, чтоб вас разорвало!...

Он не договорил. Огромной силы взрыв поднял в воздух и разметал столы с закуской и выпивкой, а также расположившихся вокруг них людей. Писарь, Лях и Вальтер замерли.

— Оба-на! — выговорил наконец Вальтер. — Говорили же старые люди — не устраивай жрачку рядом с покойниками. Всех накрыло, бля буду!

С неба как в замедленной съемке падали комья земли и разорванных человеческих тел.

* * *

Вечером того же дня Лях сидел в небольшой квартирке Писаря. Менты и следаки из прокуратуры продержали их долго. Допрашивали, проверяли и пе-

репроверяли алиби — в котором часу Лях вышел из тюрьмы и сколько времени они с Писарем потратили на дорогу до кладбища. Потом их отпустили. Сейчас они сидели на кухне. Перед каждым стоял наполовину налитый стакан водки. Третий стакан ждал Вальтера, который уже с час висел на телефоне в прихожей. Наконец он появился и прошел на свое место.

— Помянем братву, — Писарь взялся за свой "хрусталь".

Остальные последовали его примеру. Выпили. Писарь повернулся к своему помощнику.

— Ну что там? Кто погиб, кто живой?

— Многие погибли: Рыбак, дядя Митя, Калмык, Гулливер, Перо...

Вальтер перечислял имена погибших или попавших в реанимацию воров, а Писарь, полуприкрыв глаза, медленно кивал головой.

— Так я и думал, — проговорил он, когда Вальтер закончил перечислять свой скорбный список. — Почти все наши, староверы, кто новых порядков признавать не хотел. А что, из лаврушников никто не погиб?

— Нет, — ответил Вальтер. — Зверье пиковое сразу укатило, еще до взрыва. А с ними Фома и еще несколько воров из новых, переметнувшихся. И тут банк сорвали. В натуре, что ли, чутье у них звериное?

— Как думаешь, чьих рук дело?

— Кто их знает? Бомбу заложить и чеченцы могли, и из спортсменов отморозки. Эх, такие люди ушли, земля им пухом!

Вальтер опрокинул новую дозу водки и снова ушел звонить. Писарь печально посмотрел в глаза Ляху.

— Ну что, видал дела наши скорбные? Не пожалел, что на волю вышел? Приехали бы чуть пораньше, и нас бы там накрыло. В нашем шалмане нынче жизнь — копейка.

Лях тщательно пережевывал кусок копченой колбасы.

— А на зоне — медный грош, — отозвался он. — Так что шило на мыло махнуть — не велик убыток. Я вот только до сих пор не въеду — зачем меня с кичи вытащили?

Писарь вздохнул.

— Об этом мы с тобой после похорон базарить собирались. Да только базарить-то теперь, считай, не с кем. Ты да я остались, да и то случайно. И, может быть, ненадолго. Про эту хату мало кто знает, но и тут нам долго задерживаться не с руки. В покое нас они не оставят.

— Кто они?

— Эх, — усмехнулся Писарь. — Знал бы прикуп — жил бы в Сочи! Ты, Лях, слушай внимательно и запоминай. От хозяина тебя вытянули по общему решению. Так сходка постановила. Стало быть и отвечать тебе перед всем народом. Сам видишь, какой беспредел творится. Кончать с ним надо.

— За чем же дело стало?

— Люди, — а под "людьми" Писарь понимал исключительно представителей воровского сословия, — в разброде. Одни старых понятий придерживаются, другие в бизнес ударились, кто-то на барыг охраной работает за долю. "Крыша" называется. А то другая напасть — сопляки отмороженные, дембеля безбашенные, чеченцы дикие. Все с оружием и у всех в башке тараканы вместо масла. Сейчас-то немного утихло. Люберецких побили, Ореховские сами разбрелись, чеченцев война поела, а Коптевских менты проредили. Две банды

остались особенно опасные: "Динамо́вцы", из спортсменов, и бывшие менты Гайдука.

— И в чем моя роль?

— Ты должен распорядиться общаком. Это я говорю от имени всех, кто сегодня погиб на Ленинском. Вся козырная братва так порешила. А для поддержки тебе своя бригада нужна, иначе и двух дней не проживешь.

— А как же авторитет воровской? — прищурился Лях. — Или слово вора уже ничего не значит?

Писарь рассердился на непонятливость собеседника.

— Говорю же тебе — времена поменялись! На одном авторитете далеко не уедешь. Сила нужна.

— Я ведь вор и ничего кроме как воровать не умею. Вот ты мне предлагаешь бригаду собрать, а почему сам-то не соберешь? Авторитета для этого у тебя — на троих хватит.

— Я уже старик. Мне переучиваться поздно. И общак теперь не как раньше: "собрал — раскидал". Его в дело пускать нужно, иначе молодые на повороте обойдут. Нынче бабки — большая сила. Но и совесть надо иметь. Не забывать, что общак — благо общее, а не лично твое.

Лях встал и прошелся по комнате.

— Значит ты, Писарь, предлагаешь мне самому стать типа барыгой или бухгалтером при общаке? Нет, не пойдет такое дело. Я не против того чтобы отстегивать долю, это святое. Я даже согласен держать общак, получать с братвы что положено и отправлять грев на зоны. Но стать банкиром — никогда. Я для этого не гожусь. Не мое это.

Писарь покачал головой.

— Никогда не говори "никогда". Пойми, Лях, времена сильно изменились. По старому сейчас не проживешь. Барыги ушли под крыши. Если кого из них помоешь, то не с мусорами, а с бандитами разбираться придется. Да ты уже это знаешь. Так что все, на что ты можешь рассчитывать со своим талантом крадуна — это читать лекции в какой-нибудь шпионской школе о том как незаметно войти в закрытое помещение. Или на первом же скачке сгоришь.

— Ну это вряд ли, — усмехнулся Лях. — Я школу Призрака прошел, следов не оставляю.

— Не оставлять следов — уже след. По нему тебя и вычислят. А эти ребята не менты и не прокурор. Им доказательства собирать не надо, достаточно подозрения. Остальное ты им сам скажешь. Есть у них средства для освежения памяти — гестапо позавидует. И что дальше? А дальше закопают тебя в ближайшей лесопосадке со всем твоим авторитетом, если нет за тобой конкретных пацанов, которые в эту тему готовы вписаться и войну из-за тебя начать. Надежная братва за спиной — это сейчас единственная защита от беспредела.

— Видел я сегодня на кладбище, какая это защита. Хочешь сказать, за Калмыком и Дядей Митей никто из братвы не стоял? Только им теперь от этого не легче!

Писарь нахмурился.

— Здесь совсем другой базар. Боюсь, их для того и взорвали, чтобы войну начать. А сил у нас — один Чингиз со своими людьми. Остальные гроша ломаного не стоят. Всех забот — уколотся и забыться. Да, совсем братва испортилась.

— А ты не думаешь, что бомбу заложить мог кто-то из своих?

— Окстись, Лях! Что ты такое несешь? Чтобы честняк на своих руку поднял? Да на такое даже лаврушники не способны!

— Честняк не честняк, а только я думаю, что, может, и Пашу убили только для того, чтобы всех нас в одном месте собрать и вслед за Пашей "в Сочи" отправить.

Писарь совсем сник и только пробормотал в ответ:

— Ладно, время покажет, кто прав. А сейчас оставлю тебя в покое. Оглядишься хорошенько. Сам поймешь — что к чему. Только бы поздно не было. На вот, возьми, — Писарь протянул Ляху завернутый в тряпку тяжелый предмет.

— Что это? — Лях принялся разворачивать сверток. — Волына?

Он не ошибся. Внутри свертка оказался блестящий хромом небольшой пистолет.

— Красивая игрушка, — покачал головой Лях. — Только мне ствол без надобности. Я вор, а не мокрушник.

— Это вроде микрокалькулятора, машинка для быстрых расчетов, — ответил Писарь. — Сейчас этим все пользуются. Возьми, авось пригодится.

— Нет, благодарю, — Лях протянул ему подарок обратно. — Я уж как-нибудь по старинке, перышком отмахаюсь. Мне Вальтер в подарок к выходу свою выкидуху подогнал.

Писарь недовольно проворчал.

— Ладно, тебя все равно не переупрямишь. Читал я в молодости книжку с картинками про одного такого. "Дон Кихот" называется. Гляди, чтобы не пожалеть. Куда ты сейчас?

— Прошвырнусь по старым адресам, раз такое дело. Если серьезное рубилово начнется, тут не одна лежка понадобится.

— Тогда до завтра, — Писарь протянул Ляху руку. — Вальтер, проводи!

* * *

К ночи похолодало. Лях медленно брел вдоль набережной Москвы-реки. События прошедшего дня обрушились на него как шквал. Он не был готов к такому развороту событий и теперь пытался их осмыслить.

Правильно ли он поступил, отказавшись от предложения Писаря и погибших воров возглавить правильных пацанов, оставшихся верными босяцким понятиям и не ступивших на соблазнительно-легкий путь беспредела? Не был ли его выбор простой боязнью ответственности за людей и общие деньги?

К тому же — легко сказать — возглавить! Как можно возглавить людей, не способных подчинять свое поведение даже самому элементарному принуждению или дисциплине? Поэтому урки всегда будут проигрывать сплоченным кодам спортсменов, вояк или нацменов.

На зоне другое дело, там поневоле живешь по понятиям. И не захочешь, так заставят. Деваться-то некуда. На воле же все иначе. Не зря существует правило — за вольные косяки предьявы не делают. Трудно жить на воле. И опасно.

Размышления Ляха прервал резкий визг тормозов. Он находился под сводами метрооста. Сверху как раз грохотал колесами проходящий поезд. А прямо перед Ляхом, выскочив передними колесами на тротуар, остановилась черная "волга".

Из машины выскочили двое и бросились к Ляху. Первым бежал человек в

милицейской форме в погонах майора. Второй вылез из-за руля и ему пришлось обегать машину вокруг. Оба были при стволах. Щелкнув кнопкой, Лях открыл клинок выкидного ножа.

"Memento mori", "Помни о смерти", — было написано на рукоятке вальтерова подарка, но Лях в этот момент не думал ни о чем. Действия его были автоматическими. Он прыгнул навстречу первому, тому, что в ментовском клифте. Ляху было наплевать — настоящий он мент или прикидывается. Тот неверно оценил дистанцию и Лях подошел почти вплотную. Стрелять было поздно. Увидев перед глазами сверкнувший клинок ножа, убийца в милицейской форме перетрухнул и заорал:

— Мочи его, Квали! Мочи на х...! Он меня завалит!

Он не договорил. Его напарник наскоро прицелился и выстрелил несколько раз подряд. Из четырех пуль одна досталась Ляху, остальные угодили в обтянутую милицейским кителем спину лжемайора.

Лях почувствовал резкую боль в левой руке. Тем не менее он подхватил падающее на него тело и толкнул его на второго. Тот невольно попятился. Лях отметил его темное лицо с глубоким рваным шрамом.

Убийца со шрамом снова вскинул пистолет, но по инерции сделал еще шаг назад. В этот момент опять раздался пронзительный визг тормозов и удар. Отброшенный крылом проезжавшего автомобиля человек со шрамом покатился по асфальту. Пистолета из рук он при этом не выпустил. Послышалась яростная брань.

Лях, прячась за опорой моста, бросился через дорогу и через секунду скрылся в кустах.

* * *

Лях замер и огляделся. Погони, похоже, не было. Вероятно парню со шрамом было сейчас не до него. Что же, Писарь оказался прав. Что-то в этом мире меняется и не в лучшую сторону. Сегодня воры с пистолетами, завтра менты с обрезам, послезавтра школьники с гранатометами.

Он вспомнил последние слова, сказанные ему Писарем при расставании. А ведь и в самом деле он со своими понятиями похож на дон Кихота. Устроил, понимаешь, поединок века — боксер против пулеметчика.

Лях ощупал левую руку выше локтя. Пуля лишь задела ее, но кровь шла сильно. Весь рукав промок. Лях вынул брючный ремень и правой рукой с помощью зубов наложил жгут. Кровотечение прекратилось, но он знал, что долго так не проходишь. Лях окинул взглядом двор, в который забежал. Тот оказался ему знакомым. Точно, он его узнал. Когда-то в этом доме жила Надя. Ноги сами понесли Ляха к нужному подъезду. На его счастье кодовый замок не работал и он вошел внутрь.

Он стоял, прислонившись лбом к холодной двери лифта. События десятилетней давности нахлынули — словно все было вчера. Вспоминался сказочный вечер, начавшийся в "Метрополе", а закончившийся здесь, в квартире на седьмом этаже. В ушах звучала музыка Тото Кутуньо в обработке Джо Дассена.

"Где же ты, и где искать твои следы?"

Как тебя найти? Никто не может мне подсказать.

Лишь во сне порой приходишь ты ко мне,

Чтоб уйти под утро опять"...

Меньше всего ему сейчас хотелось предстать в таком виде перед Надей. И

все же он поднялся. На седьмом этаже он остановился перед мощной бронированной дверью. Так же грозно выглядели и двери соседей. Когда его посадили в последний раз, такого поветрия в Москве еще не было. Впрочем, открыть такую дверь для него было бы не намного труднее обычной. От кровопотери Лях ощущал легкое головокружение. Наконец он решил и нажал звонок.

На двери не было глазка, но Лях был уверен, что его разглядывают. Не сразу в небольшой трещине над дверью он разглядел зрачок видеокамеры. Такого раньше тоже не бывало.

Дверь открыла женщина. Нет, это была не Надя. Перед Ляхом предстала сравнительно молодая брюнетка, этакая красавица южного типа. Впрочем, женщины этого типа никогда не были в его вкусе. Ее лицо показалось Ляху знакомым. Он вспомнил, что когда-то видел ее портрет на рекламе "Кара-банка".

— Вы к кому? — спросила она.

— К Павловым. К Надежде... хотя по мужу у нее, возможно, другая фамилия.

— Вы ее родственник? Друг? А они давно уехали, — сообщила женщина. — То ли в Америку, то ли в Германию. Что с вами? Вам плохо? Заходите скорее!

У Ляха действительно сильно закружилась голова и ослабли ноги. Женщина помогла ему пройти в квартиру и присесть на диван.

— Осторожнее, я грязный, — предупредил ее Лях, опускаясь на дорогое покрывало.

— Пустяки, тряпку и заменить недолго. Что с вами? Вы ранены?

— Так, зацепило шальной пулей. Слышали стрельбу на улице? Я сейчас немного отдышусь и уйду.

Хозяйка строго покачала головой, отошла к уставленному бутылками сервировочному столику, налила полный фужер коньяка и протянула Ляху.

— Никуда вы не пойдете. Во-первых вы больны. А во-вторых вас может зацепить еще одна шальная пуля.

Лях медленно выпил терпкую ароматную жидкость и внимательно посмотрел ей прямо в глаза.

— А если я останусь, шальная пуля может залететь и сюда.

Хозяйка презрительно усмехнулась.

— Это не так просто. Меня зовут Карина, если это вам что-то говорит.

— Ничего не говорит, — признался Лях. — Меня обычно зовут Ляхом и я сегодня первый день на свободе.

Он почувствовал, что его неудержимо клонит в сон и отключился.

* * *

Лях проснулся от пронзительного звонка в дверь, когда было совсем светло. Он посмотрел на руку — забинтована.

Лях огляделся. Он лежал в комнате, половина которой представляла собой спальню, а другая, задняя часть, походила скорее на склад или ломбард и была заставлена коробками и тюками.

В комнату заглянула Карина.

— Проснулся? Живой? Просто замечательно! Лежи и не вставай, пока не скажу. Это ко мне. Подруга.

Из прихожей, а затем и из гостинной послышались тяжелые шаги гости и рыдания. Пришедшая перемежала частые всхлипывания басовитыми репликами.

— Кариночка, золотко, у нас такая беда, такая беда! Если бы ты знала! Обокрали нас шакалы, чтоб им гореть и не пригорать! Обокрали, пидоры вонючие, чтобы их и на том свете драли во все дырки! Все вынесли, ну буквально все! Оставили как есть нагишом. В приличный кабак ну буквально не в чем пойти, чтобы хоть как-то забыться, на хрен! Да и не на что.

Лях слышал как Карина успокаивает подругу.

— Ну что ты, Софа! Зачем так убиваться? Тряпки-шмотки, это все ерунда! Главное здоровье.

Но та не унималась.

— Слушай, о чем ты говоришь, какое тут здоровье? Представляешь, все вынесли, все! Телевизор, ты помнишь, какой у меня был телевизор? Как "Анкл Бенкс"... Бенг и этот, как же, мать его? Олафсон. У людей тачки дешевле стоят. Ведь только купили, гарантия еще не кончилась. Экран — метр по диагонали!

Взгляд Ляха задержался на замотанном в простыню предмете, который, будучи развернутым, вполне мог оказаться большим телевизором с диагональю экрана около метра.

Стенания за стеной не утихали. Так, вероятно, горюет крупная птица, у которой украли последние яйца.

— А ковры! Три настоящих бухарских! Из коллекции этого, алкаша с моржовыми усами, Максима Горького.

Три больших рулона, сваленных на пол рядом с предметом, похожим на телевизор, вполне могли оказаться бухарскими коврами.

— И даже маленький коврик — "Шишкин на отдыхе" уволокли! — продолжила причитать подруга.

Из-под свернутых рулонов выглядывал уголок даже не ковра, а скорее толстого пледа или одеяла, рисунок которого явно напоминал нетленных шишкинских медведей.

Лях неловко перевернулся и уронил с тумбочки массивную бронзовую пепельницу. Рыдания мигом смолкли.

— А кто там у тебя? — эхом отозвалась потерпевшая.

— Любовника прячу, — сообщила Карина. — Такого кадра на днях словила — закачаешься!

— А можно одним глазком посмотреть?

— Только аккуратно. Он спит.

Дверь осторожно приоткрылась. Узкий угол обзора не позволял жертве квартирной кражи увидеть собственных вещей. Да она и не стремилась увидеть ничего кроме таинственного любовника. Лях изобразил спящего.

— А что с ним? — шепотом прошипела Софа.

— Да ничего страшного. Киллер подстрелил, дело житейское, — пояснила Карина.

— Уй, как интересно!...

Дверь захлопнулась. Лях так старательно изображал спящего, что и в самом деле заснул. Разбудила его Карина.

— Проснулся? Хороший сон — первый признак выздоравливающего. Второй показатель — аппетит. Сейчас будем завтракать и проверим.

— А какой третий показатель? — поинтересовался Лях.

— Потенция. С этим чуть позже. Так ты встанешь или кофе в постель подать?

— Лучше в чашку. Не люблю мокрым лежать, — признался Лях и вылез из-под одеяла. — Может дашь мне одеться?

— А ты что, стесняешься? Так все интересное я у тебя уже видела, когда вчера укладывала.

— Ну и как?

— Не впечатляет. Средне.

И Карина гордо вышла из комнаты с видом победителя.

* * *

Ляха ожидал легкий завтрак. Кофе, лососина, сыр и фрукты.

— А хлеб? — спросил он.

— Современная медицина не разрешает есть белки с углеводами, — заявила Карина, но все же поставила на стол пачку пресных галет.

За столом Лях обратил внимание на детали, не замеченные им вчера. На полке резного буфета стояла фотография молодого парня.

— Кто это? — спросил Лях.

— Сын Карик. Ему скоро восемнадцать.

— А где же он? Живет отдельно?

— Можно сказать и так. Мотает срок на малолетке под Можайском, скоро должен выйти. Сел за убийство в драке. Их было трое, Карик взялся за нож. Ну и...

Лях покачал головой.

— Потом скажешь адрес, я маляву кину, чтобы приглядели за ним. На малолетке порядки — на дай Бог. А сама не парилась?

Карина усмехнулась.

— Господь уберег, хотя по краю не раз ходила. А ты почему спросил? Барахло сонькино разглядел?

Лях в ответ тоже усмехнулся.

— Было дело. Круто ты с подругой-то.

Карина возмущенно всплеснула руками, едва не опрокинув кофейник.

— Тоже мне, подруга нашлась. В школе в одном классе учились, а теперь живем в соседних домах. Ты не знаешь, что мне эта сука сделала. Это она сейчас такая добрая и несчастная. А попадись ей в другом месте и в другое время!... Ничего, она еще наворует. Ладно, забудем. Как рука? Повязка, не беспокоит?

— Благодарю, уже гораздо лучше. Здорово у тебя получается. Грамотно ты меня замотала, — указал Лях на бинты.

Карина подошла и проверила повязку.

— Я когда-то медицинское училище заканчивала. Только это было давно, в другой жизни. Потом в косметички подалась. Через передок, естественно. Потом администратор КПЗ — Киевского пивного зала. А дальше — чем только ни занималась! А у тебя какая специальность?

Лях пожал плечами.

— Да никакой, собственно.

— А срок мотал за что?

— Банальная квартирная кража. Так что мы с тобой почти коллеги.

Карина замерла вдруг и глаза ее загорелись.

— Слушай, ты серьезно?

— Век воли не видать!

— Тогда ты-то мне и нужен.

— Вряд ли смогу помочь, — возразил Лях. — Я не грузчик, ковры, телевизоры и прочее барахло не таскаю. Мне тяжелее лопатника ничего поднимать нельзя.

— А ничего брать и не надо. Все уже украдено. Нужно только войти и выйти. И чтобы следы остались. Как будто залетные поработали. Ну и еще пару квартир в подъезде потревожить — в замке что-нибудь провернуть или дверь открытую оставить.

Лях усмехнулся.

— Это не проблема. Меня учить не надо. Наколку давай.

* * *

Лях имитировал по просьбе Карины квартирную кражу в одном из престижных домов столицы. Это развлекло его и заняло каких-нибудь пару часов. Затем он отправился на стрелку с Писарем. На старом месте того уже не было. У подъезда Лях приметил знакомую белую иномарку с правым рулем. В салоне за опущенным стеклом он разглядел Вальтера и подошел.

— Дежуришь?

— Вас жду. Куда двинем?

— Давай на "ты", — Лях уселся на заднее сиденье. — Едем к Писарю. Где он там затихарился?

— Ночью гости были. Еле отбились от них, — сообщил Вальтер. — Писарь на дно залег. Про это место только я и он знаем. Вы... ты третьим будешь.

Они долго нарежали круги по Москве прежде, чем подъехали к большому сталинскому дому в самом центре.

— Третий этаж квартира сто четыре. Звонить два длинных, три коротких, — сообщил Вальтер Ляху и тут же отъехал.

Дверь открыл сам Писарь.

— Без шестерок хлопотнее, зато спокойнее, потому я тут в одиночестве и кукую, — пояснил он Ляху. — Пожрать и выпить Валек привез, а девок мне и даром не надо. Ты-то как? Устроился? А то могу на кухне раскладушку поставить.

— Благодарю, — по глубоко въевшейся тюремной привычке Лях не употреблял слово "спасибо". — Я нашел угол. Незасвеченный.

— А мою берлогу какая-то сука спалила, — Писарь зашаркал шлепанцами по коридору. — Едва живым ушел. И ты живой, значит? Ну и слава Богу! Не хочу накаркать, но думаю, что на тебя сейчас тоже где-то заказ оформляют.

— Уже оформили. Встретили меня вчера двое. Один старый друган в ментовском клифте.

— Это, наверно, из бригады Гайдука, у него мусора бывшие, а, может, и не бывшие.

— А другой — зверина, — продолжал лях. — Метра под два ростом, шрам у него через всю морду, глубокий и рваный как борозда. Погоняло у него какое-то странное — вроде "Ткемали". Не пойму, какого хрена лаврушникам от меня надо?

Писарь опустил в продавленное кресло, пригласив Ляха располагаться на диване.

— Зверь, говоришь? В смысле кацошник, с бороздой поперек морды? Знаю такого. Квали его кликуха. Квали, а не Ткемали. По грузински "Квали" и зна-

чит — борозда. Но он не на лаврушников работает. Ты Нодарика знаешь?

— Как не знать? По молодости приходилось сталкиваться. А он с кем?

Глаза Писаря недобро прищурились.

— Нодарик — наш враг номер один. Со своими земляками, пиковой мастью, он не корешится. Бандитами руководит. Статья у него, если ты помнишь, неавторитетная была. Прямо-таки позорная была статья — лохматуха мохнорылая. Правда в обиженных ходить ему не довелось, закосил под дурака. Так он сейчас вроде прокладки — и с легавыми дружит, и отморозками заправляет. В политику, гад, рвется. Бойцов под ним немало ходит, все больше из бывших ментов и спортсменов. Так что если война начнется, он у них прокатит за фельдмаршала. Выходит по всему — он на тебя охоту открыл. А с чего вдруг? Вспомни, ты с ним не пересекался?

— Я в полной непонятке, — развел руками Лях. — У Нодарика, помнится, братан имелся. Автандил, кажется. Я с этим Авто как-то неделю на одном кандее парился. Тогда у нас с ним полное взаимопонимание было.

— Авто пацан правильный. Из щипачей. Он с Нодариком не то чтобы совсем в контрах, но не ладит. Тебе бы с ним встретиться не помешало.

Лях покачал головой.

— Попробую. А сам-то как маракуешь, кому я понадобился?

— Всем, — рубанул Писарь. — Мешаешь ты сильно. Ситуация сейчас обострилась — дальше некуда. Все на нерве. Как ты поведешь себя, неясно. Гнуть тебя бесполезно, замочить дешевле. А вреда от тебя кое-кому немало может быть. Особенно если до общака доберешься.

— Как это? — удивился Лях. — Я думал вы меня с кичи потянули, чтобы я этот общак в руках держал, а до него еще добираться надо?

— Все верно, — кивнул Писарь. — Общачок-то наш того, найти сперва требуется. А уж потом и распорядиться им по уму да по совести. В соответствии с правильными воровскими понятиями. Что это ты приуныл? Не по Сеньке шапка? Слабину в себе почувал?

Лях потрянул головой, словно отгоняя наваждение.

— Слабину, говоришь? Нет, дядя, не угадал. Наоборот, теперь я с чистой совестью в эту тему впишусь. Не люблю, знаешь ли, не заработанное хавать. Так где наше благо потерялось? У какого отморозка на святое клешня поднялась?

Писарь соорил хитрую улыбку. Он своего добился.

— Нравишься ты мне таким, Лях. Век воли не видать! Сразу Призрака покойного вспоминаю. Хоть и не было между вами кровного родства, а ты — весь в него. И обличьем, и нутром. Как родной. Так вот слушай.

Лях уселся поудобнее. Рассказ, похоже, предстоял долгий. Писарь прокашлялся, сделал большой глоток чифиря из эмалированной кружки и начал:

— Как ты помнишь, хранилось благо воровское у меня, да у Паши Яхонта. В тот раз, когда мы с тобой впервые свиделись, мы его Призраку ненадолго подбросили. Передержать нужно было, потому что пасли нас с Пашей. Потом Леху замочили, суки рваные. Потом Паша сел надолго, Царствие им обоим Небесное. На бабках я один остался. Братва мне верила, да и сейчас верит, но времена стали меняться. То один кентуха подвалит, то другой, все с предложениями. Крутить, дескать, бабки надо. А то мало проку братве. Но я, сам знаешь, не той закваски.

"Не нравлюсь, — говорю, — ищите другого на замену".

Собралась братва на сходку. Лаврушники верх взяли. Надо, говорят, общак передать кому-то, кто по-современному, блин, мыслит. А я, выходит, пенек замшелый. Тут как раз Циркуль с зоны откинулся. Из наших, староверов, его многие поддержали, особенно Фома вылезал. Пиковые, ясное дело, за него поголовно выступили. Я не возражал, Циркуль вор правильный, косяка не упрет. А мне эта суета уже поперек горла. Циркуль филки пристроил в одно место. "Кара-банк" оно называлось. Навар с них поначалу шел неплохой. И на зонах братва не жаловалась, и Циркуль себе с этого трехэтажные хоромы отгрохал. Только в один прекрасный день один хозяин "Кара-банка" повесился на оконной раме своего кабинета, так что ноги на улицу свисали, другого, Бобром его звали, забили в тюрьге, а Циркуля менты в тот же день захомутали и через неделю удавили на Лефортовской крытке. С тех пор про общаковые бабки никто ничего не слышал.

— И много там этих бабок было? — поинтересовался Лях.

— Приблизительно лимонов полтораста. В долларах. За такую сумму, сам понимаешь, есть смысл начать войну. Да такую, что не только одно кладбище взорвать, а пол-Москвы в кладбище превратить — как два пальца обморкать.

— Значит война дело решенное? — спросил Лях.

— Она уже идет, — подтвердил Писарь. — Наша главная ударная сила — Чингиз и его братва. В основном шпана, хулиганы, гопники, насильники. Но других нет. Есть еще небольшая бригада Бычи, но те сами по себе.

— Знал я его в детстве. Ненадежный пацан, — нахмурился Лях.

— Так он на твоём авторитете и поднялся, — отозвался Писарь. — Всем показывает клык, который ты ему в восьмом классе выбил. Ты сейчас в какую сторону собираешься?

— На разведку. Хочу с Авто встретиться, перетереть — чем я его брату помешал и зачем тому война понадобилась.

— Вообще-то дело это нужное, — неуверенно протянул Писарь, — но лучше тебе туда не соваться. Твоя задача искать общак. И возьми с собой людей. Хотя бы пару человек. Я тебе сейчас вызову.

— Не надо, — остановил его Лях. — Помочь они все равно не смогут, а засветят как Чарли Чаплина. Одному мне надежнее. Скажи лучше, где мне Авто найти.

— Вальтер тебя подбросит, он знает куда, — ответил Писарь.

Простившись с ним, Лях вышел на улицу.

* * *

— Слюшай, ни в какую дырку не лезет. В ухо, что ли, попробовать?

Автандил Картлишвили, известный в преступном мире как законный вор Авто, пыхтел на обширной постели-сексодроме в спальне своего особняка на Рублевке. Он безуспешно пытался совокупиться с пышнотелой блондинкой, пристраиваясь к ней с разных сторон. Такие несколько нетрадиционные приемы секса объяснялись толстым слоем гипса, покрывавшего ногу и туловище Авто от колена до пояса.

Наконец он отказался от безнадежных попыток, в ярости схватил трубку мобильного телефона и набрал номер, раздражавший его не меньше, чем медицинская конструкция на нижней части туловища.

— Алло, это "БМВ-банк"? Дэвушка, слюшай, управляющего хочу! Передай, Авто говорит. Алло, Хорь? Как дела, как жизнь молодая? С телками проблем

нет? Все окей? А у меня вот не все окей. Гипс мешает. Так что ты надумал? Не слышу! Вы решили принять мое предложение? Опять не слышу, говори громче! На все согласны? Вот теперь хорошо слышу. Теперь другой разговор. Приятно, слюшай, гаварыть с умным человеком. Но теперь условия буду ставить я. Так вот запомни, дела я буду вести только с тобой, а твоих кентов-шакалов чтобы и близко не было. Что мой брат на это скажет? Слюшай, а это не твое дело. С Нодаром я сам как-нибудь разберусь. Ты опять согласен? Что-то ты сегодня слишком добрый, мне даже страшно становится. Это шутка юмора такая. Страшно тебе будет, если снова крутить начнешь. Это опять шутка юмора. Я сегодня ужасно веселый. Значит приезжай через час, мы с тобой быстренько перетрем все детали. И бабки привози. Хоп, договорились. Пока, дарагой!

Авто нажал кнопку отбоя и его лицо исказила презрительная усмешка.

— Я же говорил, что будет по-моему! — воскликнул он. — Подожди, вы, козлы, у меня еще не так запоете!

Жестом он поманил подружку.

— Эй, кукла, а давай, слюшай, попробуем так: ты ляжешь поперек, а я...

Изложить до конца свою задумку ему помешало пиликанье мобильного. С гримасой недовольства Авто взял трубку. Но лицо его быстро просияло.

— Да, я это. Слюшаю, дарагой, что хочешь? Кто говорит? Лях?! Здорово, братуха! Сколько же лет не видались? А ведь в одном кандее загибались. Слюшай, ты помнишь как зимой обоссаной рубахой разбитое окно занавешивали, чтобы не так морозило? Ты давно откинулся? Нет, я сейчас не могу приехать. Подстрелили меня немножко. Слюшай, стыдно кому сказать, в жопе новый дырка сделали. Нет, срать как раз могу, а вот ыбаться неудобно. Да так, с чичами друг друга недопоняли, но теперь полный порядок. А что у тебя за тема? На тебя охотятся люди Нодара? Нет, бичо, это исключено. Я за Нодара зуб даю, сукой буду! Не его это припарки! Ему сейчас война никак не нужна. Он в депутаты-шмепутаты лезет, чистеньким хочет быть. Слушай, генацвале, у меня тут стрелка намечается с одним козлом-банкиром. Хорь его кликуха, слышал такого, нет? Так что ты подгребай немного попозже. Если сможешь, часа через два. Хоп, забито!

* * *

В машине ехали трое. Грузин с темным лицом, пересеченным глубокой бороздой. За рулем сидел мент в майорском кителе. Третьим был Сильвер.

— Слушай, Квали, скажи честно, это ты убил ту проститутку? — обратился он к попутчику.

Квали кивнул.

— Честно говорю — я. Не хотел, так получилось, э. Бывает.

— А подставили меня, — с угрозой проговорил Сильвер.

Но Квали не смутился.

— Я тебя не подставлял, э. Убить ее — убил, но на тебя стрелки не переводил. Я и вторую соску замочить хотел. Нодарик не разрешил, велел ей тебя топить. С него спроси. Сейчас к его брату едем, можешь у него спросить. Если успеешь, э. Ты охраной займешься, остальное мы сделаем.

— А где мне найти самого Нодарика? — с вызовом спросил Сильвер.

— Скоро и к нему заглянем, э, — успокоил его Квали.

* * *

Спустя сорок минут Авто отослал не оправдавшую надежды подругу и велел своему начальнику охраны.

— Ара, сейчас Хорь подвалит, наверняка с кучей своих шестерок. Я эту жирную трусливую скотину хорошо знаю. Один он никогда не ездит. Так что возьми ребят и отруби его сопровождение. Мне с ним с глазу на глаз, тет на тет чисто конкретно побазарить надо, без посторонних. Хоп?

Хмурый коренастый телохранитель внимательно выслушал приказ и коротко отозвался:

— Без проблем, батано Автандил, сделаем.

Он спустился по лестнице и Авто услышал как тот раздает своим людям приказы и оружие. Спустя пятнадцать минут у ворот послышался шум мотора. Приехали гости. Авто с трудом поднялся с постели и перебрался в кресло. Там он просидел еще десять минут. Гости не показывались. Авто поднялся и, ругаясь на чем свет стоит, заковылял к двери в дом.

— Эй, ара, ты где? Куда все пропали? Поубивали вас, что ли? — крикнул он в окно и замер.

Возле дома на дорожке лежал его начальник охраны с дырой во лбу. Из-под головы шефа безопасности расплывалось большое кровавое пятно. Рядом из кустов сирени торчали на редкость кривые ноги Арчила, одного из телохранителей. У самого крыльца валялись еще двое. Авто не сомневался, что и эти — его люди.

Дверь в дом распахнулась. На пороге выросли двое. Один в распахнутом, натянутом на бронежилет милицейском кителе с погонами майора, второй — земляк Автандила — высокий грузин с рваным шрамом на щеке. В руках у обоих были "калашниковы", снабженные глушителями.

— Гамарджоба, батано Автандил! — криво усмехнулся земляк со шрамом. — Уважаемые люди просили тебе передать, что твое предложение не принято. Подохни, бичо! Да?

И выпустил в Авто длинную очередь.

* * *

Лях с Вальтером подъехали к особняку Авто спустя полчаса после бойни.

Вальтер заглушил двигатель и предложил:

— Я схожу осмотрюсь.

— Не надо, — Лях жестом остановил его. — Если хочешь помочь, последи лучше, чтобы у меня на хвосте было чисто.

Он осторожно приблизился к воротам. На входе никого не было. Это показалось Ляху странным. Он толкнул створку и та медленно, без скрипа, распахнулась. Не сходя с места, Лях окинул взглядом открывшийся двор.

Во дворе было чисто и убрано. Даже слишком чисто и слишком убрано. Похоже было, что обитатели дома повымерли. Возможно вымирание произошло естественным путем, но Ляху показалось, что уйти в леса счастливой охоты обитателям особняка кто-то помог.

Лях осторожно прошел в раскрытые ворота. В кустах тело. Чуть дальше за клумбой другое. Идти дальше не имело смысла.

Но и с возвращением возникли проблемы. За спиной у Ляха послышалось стрекотание "узи". Это стрелял Вальтер. В ответ раздались шлепки калашей с глушителями. Лях увидел внезапно возникший в кустах силуэт и невольно отшатнулся. Снова прыгать с ножом на автомат? Но противник не выстрелил.

Он пригнулся и исчез в кустах. Ляху показалось, что он узнал Сильвера, но он не поверил собственным глазам.

Со стороны дороги послышался шум мотора. Стрельба прекратилась. Из-за дома показался Вальтер с автоматом "узи" в руках.

— Ты цел? — спросил он. — Кажется, я кого-то из них задел. Там кровь на листьях осталась.

Лях кивнул ему.

— Я в порядке. Нужно срочно отсюда сваливать.

И они бегом направились к своей машине.

* * *

Писарь с Фомой обедали в ресторане "Семь сорок".

— Что-то, Никола, тебя на кошерную кухню потянуло, — усмехнулся Фома.

В кармане у Писаря заверещал мобильный телефон. Он недовольно поморщился и взял трубку.

— Алле? Что?!

Он выслушал сообщение и тяжело опустил руку с мобильником.

— Авто замочили, — сказал он упавшим голосом.

— Кто? — изумление Фомы было почти искренним.

— А хрен его знает. Нодарик все равно стрелки на нас переведет. Он же не прокурор, долго выяснять и разбираться не будет.

Фома сжал кулаки.

— Выход один. Надо ударить первыми!

Писарь удрученно кивнул.

— Это ты в цвет попал. Ладно, давай Чингизу отмашку на войну. Но осторожнее, без лишнего шума. Сейчас не девяносто третий, большой драки менты не допустят, влупят по самые бакенбарды.

Они наскоро покончили с обедом и покинули ресторан.

* * *

Набравший большую силу бандитский авторитет Чингиз завалил, якобы по старой дружбе, к предводителю небольшой, но сплоченной криминальной группировки Быча. Тот не преминул угостить уважаемого друга стаканом "Джонни Уокера", правда с красным лейблом.

Хозяин изо всех сил пытался продемонстрировать свою независимость. Чингиза это даже забавляло. Он откусил жопку сигары, сплюнул на пол, окунул сигару срезом в стакан с виски и небрежно сунул в рот.

Быча поморщился.

— Дешевые понты. И очки эти черные. Ты их хоть на ночь снимаешь? Я тебя в них вообще не узнаю. Где ты только этого набрался?

— Козел один научил. В прошлой жизни.

Чингиз выпустил дым колечками и картинно сбил пальцем нагоревший пепел.

— Ты на мудака смахиваешь, — проворчал Быча.

— Извини, братуха, не заметил. Ща возьму пепельницу, — осклабился Чингиз. — Короче, базар такой. Ты хотел вещевого рынок у "динамовцев" отбить? Сейчас самое время.

— Не учи, без тебя разберусь, — огрызнулся Быча.

Чингиз нахмурился. В последнее время ему все меньше стала нравиться бычина самостоятельность.

— Война, считай, началась, — продолжал гнуть свое Чингиз. — Чтобы победить, нужно ударить первыми.

— У меня людей мало.

— Дам своих. Но только с уговором — наши отношения не засвечивай. Я до поры в стороне буду, как бы не при делах.

— А что так? Ссышь? — презрительно усмехнулся Быча.

— Кто? Я?

Чингиз нисколько не изменился в лице. Его глаза прятались за темными стеклами очков. Он спокойно, но быстро выхватил из-за спины сверкающий хромом револьвер "кольт-питон", откинул барабан и вытряхнул на ладонь длинные остроносые патроны. Три он ссыпал в карман, а три других забросил обратно в барабан и прокрутил.

— Патроны "триста пятьдесят семь магнум". Пуля стальную плиту навывлет пробивает, — пояснил он.

Чингиз схватил растерявшегося Бычу за длинные сальные волосы и рывком прижал его голову к своему виску. К другому своему виску он приставил ствол револьвера.

— Шансы — пятьдесят на пятьдесят. Пуля пройдет наши черепушки навывлет и еще в обоях на стене дырку сделает. Гарантирую. Ставки сделаны! Играем?

И трижды нажал на спусковой крючок. Прозвучало три отчетливых щелчка. Затем Чингиз направил ствол в стену и нажал еще три раза. Оглушительно грохнули три выстрела.

Чингиз резко оттолкнул от себя бледно-зеленого, с трясущимися губами Бычу и встал.

— Так кто из нас обоссался? — презрительно спросил он, убирая револьвер. — Смотри, еще раз так не скажи! За базар спрошу как с негодяя, а не как сейчас. Короче, начинай войну!

ГЛАВА 20. БИТВА ЗА ОБЩАК

Усилив свою банду людьми Чингиза, Быча атаковал штаб-квартиру Купидона, одного из ведущих бригадиров и заместителя Нодарика. Располагалась она в фитнес-клубе "Атлет", бывшем когда-то детской спортивной школой.

Узнав о готовности к нападению от своих людей, Чингиз набрал номер нового помощника генерала Ниночкина, майора Жука.

— Алле, Канарис? Бычиной бригаде можно вешать хомут. Они двинулись к клубу "Атлет". Намечается разборка со стрельбой.

Майор Жук срочно поднял по тревоге вверенное ему Управление спецслужбы.

Крюков едва успел прийти на работу с удивлением взглянул на суматоху. По коридору управления, стуча тяжелыми ботинками, прогрохотал СОБР. Крюков пожал плечами, но сел в свою старую "рябуху" и проследовал за боевым конвоем.

Милиция прибыла вовремя. Бычины бандиты только успели рассредоточиться на подходах к клубу и открыли огонь. СОБРовцы смели их первым же натиском. Качки из клуба не успели даже толком испугаться.

Захваченных бойцов Бычи закидывали в автобус. Крюков с интересом проследил за молниеносной операцией. Через полчаса Быча в состоянии, близком к истерике, примчался к Чингизу.

— Моих повязали! — заорал он с порога.

— Не ссыкуй, завтра отпустят, — успокоил его Чингиз.

— Да? А Купидон меня сегодня вечером замочит. Я у тебя останусь.

— Нет, мне с тобой пока нельзя светиться. Не ссы, у ментов на тебя ничего нет.

— А меня сегодня вечером мочканут! — снова заголосил Быча. — Нодар с Купидоном своего не упустят. Дай хоть пару ребят для прикрытия.

— Зуб даю, — отрубил Чингиз. — Ни вечером, ни ночью тебя и пальцем не тронут.

А про себя добавил.

"До вечера ты не доживешь".

— Своих ребят дать не могу, добавил он. — И так троих повязали вместе с твоей братвой. Постарайся быть осторожнее.

— Осторожнее? Я что, ссыкло бздливое?

Быче стало обидно. За кого его, в самом деле, принимают?

От Чингиза Быча направился в кабак. Ничего глупее ему в голову просто не пришло. Чем больше он пил, тем смелее становился. Когда к нему обратился человек в милицейской форме, он изобразил на лице полное пренебрежение.

— Что? Куда пройти? Пошли, ща разберемся!

Человек в милицейской форме довел Бычу до дверей туалета. Внезапно дверь туалета отворилась. Гигант с лицом, как бы разрубленным глубокой бороздой рванул Бычу на себя, втолкнул в кабинку и дважды выстрелил ему в лицо из короткого пистолета. Сверху он бросил на тело убитого оторванную от кителя лжемайора пуговицу.

На следующее утро Чингиз объявил выпущенным из отделения милиции людям Бычи.

— Купидон, сука, Бычу завалил! Отомстим за него!

— Отомстим! — как один отозвались возмущенные подлым убийством главаря бандиты.

* * *

Чингиз и Фома сразу поставили в известность Писаря о том, что Нодаровы колуны замочили дружественного авторитета Бычу.

Писарь тут же позвонил Ляху.

— Затихарись на время, есть проблемы. Что узнал про общак?

Лях напряг память.

— Авто назвал погоняло "Хорь". Не знаешь, кто такой?

— Крутой барыга. Ты о нем у своей хозяйки спроси, — усмехнулся Писарь. — Она его должна хорошо знать.

Лях положил трубку и обратился к Карине.

— Ты что-нибудь знаешь о человеке по кличке Хорь?

Она посмотрела на вора с сочувствием.

— Жирнее Хоря сегодня только члены президентской администрации. Но у этого караса крутая крыша. Круче просто не бывает.

Ляха такой ответ не устроил.

— Благодарю, эту стр-рашную присказку я уже слышал. Переходи к скучным подробностям. Где живет, кем работает? Рассказывай детально и с выражением. Если можно, вплоть до бытовых мелочей и сплетен.

Карина сделала над собой усилие. Потом подошла к буфету и достала откуда фотографию в рамке.

— Вот, посмотри сам. Это мы на праздновании юбилея "Кара-банка". Когда-то мое лицо было символом банка. Вот этот, рядом со мной, Виктор Бобров. Мой... друг. А этот жирный боров с крысиной мордой — Хорь.

— А где сейчас твой друг? — спросил Лях.

— Его уже нет в живых, неохотно призналась Карина. — Когда-то Виктор был крупным подпольным цеховиком. Потом, когда пошла эта перестройка, открыл банк. Он назвал его в мою честь "Кара-банком".

Лях усмехнулся.

— Странное название. Кара — что-то из уголовного законодательства. Типа: "Неотвратимая кара постигла подлого предателя"... и так далее.

— По-итальянски "кара" значит дорогая, — пояснила Карина. — Он звал меня "Кара миа". Однажды он дал большую сумму денег одному жирному подонку. Тот на коленях умолял выручить его. Эти деньги исчезли. А Виктор погиб в тюрьме. Наверняка его убили эти сволочи. Вот и все.

— Думаю не все, — возразил Лях. — И кто этот жирный подонок? Хорь?

— Ну вот, ты и сам догадался. Это Хорь. Он взял деньги без расписки. Сказал, что бумажка может попасть в руки ментов или налоговиков. К тому же они с Виктором вели дела не первый год. Ты сможешь помочь разобраться с этим подонком?

— Кому? — пожал плечами Лях. — Ведь ты сказала, что Виктора убили.

— У него остались компаньоны. Собственно, один из них его брат Анатолий, а второй — друг Петр. Оба скрываются и от ментов, и от кредиторов. Но я знаю как с ними связаться.

— Хорошо. Сделай это для меня. И для себя. Или я ошибаюсь?

Он привлек ее к себе и повалил на обширный диван. Разбросав одежду по полу, они долго и исступленно любили друг друга, словно в последний раз в

жизни.

* * *

Прежде, чем встретиться с Ляхом, друг Бобра Петр принял целую кучу предосторожностей. Они сидели в его машине, купленной по доверенности, и тихо беседовали. Петр рассказывал.

— Да, через нас шли грязные деньги. Нас предупреждали, что это общак, но мы надеялись, что все обойдется. Отмыв деньги, мы отправляли их Хорю. Он уже тогда был замом управляющего "БМВ".

— Что это за лавка? — спросил Лях. — И кто им заправляет?

— Формально хозяином Балтийского международного валютного банка, или "БМВ-банка", является гражданин Германии Янис Язепович Яйблаа. Штаб-квартира банка была в Питере, но там бандиты заправляют. Горбатый их крышевал, а как умер, их лавочку задушили. Названия "Балтийский" и "Международный" — все это туфта для лохов, чтобы бабки за бугор легче было перекачивать и чтобы если в стране снова дефолт будет, сухими из воды выйти. По моим сведениям, этот латышский стрелок, Яйблаа, не более, чем зиц-председатель. Пустое место. Он достался Хорю от старого руководства вместе с вывеской. Хорь и заправляет делами банка.

— А кто крышует этот "БМВ-банк"?

— Фома, — ответил Петр.

— Что ж, решил Лях. — пора поближе познакомиться с этим Хорем.

* * *

Зная изнутри банковскую кухню, Хорь не доверял никаким "влагалищам", как он их называл, в том числе и своему собственному банку. Он хранил трудовые копейки в чулке.

Лях обчистил его квартиру и открыл сейф. В сейфе его ждал сюрприз. Кроме денег и бумаг внутри сейфа лежал хорошо знакомый Ляху Тевтонский крест германского фюрера. Крест, который Лях передал в общак Писарю, а потом вместе с общаком был передан на хранение Фоме.

Лях забрал и крест, и деньги.

Обнаружив кражу, Хорь тут же позвонил Фоме. И только тут понял всю глубину разразившейся катастрофы. Крест был отдан Хорю в качестве залога в счет обеспечения предстоящей махинации по обмену оружия на чеченские наркотики. При этом деньги оружейникам Хорь на первом этапе должен был выплатить из своих. Эти деньги вместе с залогом и похитил из сейфа Лях.

Фома в ярости доложил о происшествии Седому. Но в еще большую ярость он пришел, когда узнал, что воровской сход собирается сделать ему предъяву по поводу общаковых денег.

* * *

К этому времени Фома жил в особняке, оставшемся от покойного Циркуля. Женат он был на красавице Дашке, которая выглядела как фотомодель с обложки журнала. Он ездил на "мерседесе". Фирменный знак на радиаторе и буквы на багажнике "600SL" и "V-12" были не хромированными, а отливали золотом.

Он привык к роскоши и вседозволенности. Вызов на разборку откровенно возмутил его. Но отказаться он не мог.

Сходка проходила все в том же модном еврейском ресторане "Семь сорок". По трагическим причинам воров собралось немного, по большей части это

были представители "пиковой масти", кавказцы. Фома приехал позже всех и держался особняком. Председательствовал на сходе по праву старшего Писарь.

Первым пунктом подняли вопрос о войне с бандитами. Фома предложил подбросить денег Чингизу, чтобы укрепить его группировку.

Писарь поморщился:

— Не нравится мне Чингиз. Сукой буду — не наш пацан.

— Какой он пацан, ему же за сорок. Ляху ровесник, а то и старше, — поправил его кто-то из воров.

— То-то и оно, в его годы поумнеть пора, — согласился Писарь. — А он все такой же отморозок. Чужой он. А что ты, Лях, скажешь? Вы, вроде, чалились набздюм? Лях поднялся с места.

— Я Чингиза плохо знаю. Да, были мы с ним однокрытниками, но в корешах не ходили. Наоборот, еще до отсидки он меня кончать собирался, но вместо этого я его людей помочил. Он с Фомой кентовался, его и спросите. Я Чингиза лет десять не видел, но думаю, он как был по натуре шестеркой и беспредельщиком, так им и остался. Такие не меняются, над ними и время бессильно.

— Но ведь нам сейчас именно такой и нужен, — не согласился Фома. — Тупой, но дисциплинированный. К тому же его ребята всегда под ружьем, а остальную братву быстро не соберешь. Пока опохмелятся да прокумарятся, им десять раз кишки выпустят.

Лях снова поднялся с места.

— Вот что я скажу, бродяги. Все знают, за что меня до срока с кичи сдернули. Чтобы я пропавший общак искал. Вот я и искал.

— Говори, что накопал, — поддержали его с мест.

— А накопал я ровно столько, что хватило на предъяву одному из здесь присутствующих, а именно — Фоме, — заявил лях.

— Что? Да ты, Лях, базар фильтруй, а то... — вскочил Фома.

— погоди, Фома, тебе слово дадут, — остановил его Писарь. — Продолжай, Лях. В чем ты обвиняешь нашего брата?

Лях прокашлялся.

— Я обвиняю Фому в том, что он вместе с Циркулем крутил общак в "Кара-банке". Циркуля взяли по стуку. Заложил кто-то из своих...

— Хочешь сказать, что я его мусорам заложил? — вскипел Фома.

— Я этого не говорил. Это ты сам сказал, — отрезал Лях.

— Бля буду, это барыги из "Кара-банка" Циркуля заложили! — повернулся к обществу Фома. — А главный их потому и повесился, что знал — отвечать придется.

— Стрелу забить! Правилку им устроить! — снова зашумели с мест.

— Вот пусть Лях этим и займется, — предложил Писарь. — Говори, Лях, что еще у тебя на Фому имеется?

— Фома крышует "БМВ-банк", а именно туда и ушли бабки из "Кары", — сказал Лях.

После долгого и бурного обсуждения Писарь подвел итог.

— Короче, пусть Фома разберется с барыгами. Это не наше дело. Он за лаве отвечал, с него и спросим. На все ему дается неделя.

Грузинские воры Фому поддержали и обещали помочь. Но он знал, что ес-

ли не вернет в срок общаковые деньги, спросят они с него еще строже, чем свои славяне. Под завязку схода между национальными группами вновь возникла старая вражда.

Славяне упрекали кавказцев.

— Вы воровскими званиями торгуете как апельсинами на рынке. Апельсины и есть. Валите к себе в Сухуми, там и порядки свои устанавливайте.

— Мы звания продаем, но за вклад в общак, — оправдывались кавказцы. — Зато и понятия уважаем. Для нас воровское звание, пусть даже и за бабки купленное, святое. А вы, русские, беспредельщики. Вам на понятия плевать, воров убиваете как баранов.

— Говоришь, мы, русские, беспредельщики? Может и Квали тоже русский? — возмущались славяне.

— За Квали не отвечаем. Он у Нодарика работал. А сумасшедшие в любой нации встречаются.

— А вы у себя в Грузии вообще русских воров ментам сдали.

— Базар не по теме, — напомнил Писарь. — Мы здесь собрались, чтобы спросить с Фомы за общак. Если кто-то из воров с ним вместе бабки крутит, вместе и ответит.

После сходки Фома тут же позвонил Седому. Тот его успокоил.

— Спокойно, с бабками порядок. И менты на сворке. А уж с твоим ворьем как-нибудь справимся.

* * *

В отделении люкс Таганских бань стоял дым коромыслом. Из парной в бассейн и обратно сновали украшенные синими татуировками братки и голые девки. В комнате отдыха расположились авторитетные люди, вору-славяне — Ваня, Борец, всего человек пять. Был здесь и Писарь. Он не раздевался, всем видом своим демонстрировал неуместность подобного развлечения.

— Не время сейчас расслабляться, — бубнил Писарь, отправляя в рот тонкий ломтик лососины. — Лях дело говорит, добром это не кончится.

— Лажа это все, — расслабленно махнул огромной ручищей Ваня, вес которого сильно зашкаливал за центнер. — Фоме рога посшибали. Куда он денется? Не вернет благо в срок, поставим на счетчик.

Борец, жилистый, невысокого роста, со сломанными ушами, поддержал его.

— Вообще Лях себя ведет не по делу. Братвы сторонится, держится как один на льдине. С братвой оттянуться, стакан-другой залудить, ему запаadlo, что ли?

В зал ввалился Лом, бригадир Вани. Он приблизился к боссу и что-то шепнул ему на ухо.

— Чингиз прибыл, — пояснил присутствующим Ваня. — Сейчас поднимется.

Не успел он проговорить это, как входная дверь распахнулась и в зал влетели двое охранников. У одного из левого плеча текла кровь.

— Атас! Линяйте отсюда! Чингиз братву мочит! — крикнул он и замертво рухнул на пол.

Из коридора слышались негромкие хлопки выстрелов и приглушенных автоматных очередей. Писарь среагировал первым. Он рванулся к двери в подсобку и исчез за ней. Остальные бросились к шкафам то ли за одеждой, то ли за оставленным там же оружием. Но в дверях уже стояли люди с автомата-

ми. Первым в зал ворвался Сильвер. Автоматные очереди косили всех подряд. Законные воры валялись рядом со своими пристяжными шестерками, проститутками и быками, не сумевшими обеспечить авторитетам должной охраны.

Закончив кровавое дело внутри сауны, Сильвер связался с шефом по мобильнику. Через минуту тот и сам вошел в зал.

— Как управились? — с беспокойством спросил Чингиз.

— Полный порядок. Ребята раненых добивают, — доложил Сильвер.

— У нас потери имеются?

— Нет, на сухую разобрались.

— Хорошо, зачищайте и уходите, — дал команду Чингиз.

Прибывшая по вызову администратора наряд милиции обнаружил лишь мертвые тела. Трупы валялись в жаре парной, плавали в кровавой воде бассейна и в лужах крови на полу.

Единственный человек, оставшийся в живых после бойни, Писарь к этому моменту был уже далеко. Убийцы, впрочем, тоже.

* * *

Воры Георгий Квантилиани по кличке Сван, Зураб Ходжава — Ходжа — и Вану Орбели — Князь — ужинали в принадлежавшей Свану шашлычной "Пациха". На столе возвышались трехлитровая бутылка настоящей грузинской Хванчкары и пара бутылок самтрестовского коньяка КВВК, произведенного в эпоху социализма. Покончив с закусками, гости ожидали горячее.

— Выгони своего повара, — посоветовал хозяину Князь. — Разве это сациви? Это суповой набор из куриных костей в грязной воде вместо орехового соуса!

— Зато какая долма! — возразил Ходжа. — Я такой долма только дома в Сухуми кушал! Скажи, чтобы шашлык подавали. Мне по карски. Люблю большие куски.

— Уже несут, произнес Сван, услышав за спиной торопливые шаги.

Но это был не официант. В кабинет вошли трое в надвинутых на глаза вязаных шапках-бандитках. Впереди был Сильвер, в его руках был автомат с глушителем, двое остальных были вооружены пистолетами.

Автоматная очередь срезала всех троих законников. Сильвер закончил стрельбу и взмахнул рукой. Двое с пистолетами подскочили к упавшим и выстрелили каждому в голову по два раза.

Сильвер достал мобильник, набрал номер и тихо произнес.

— У нас все чисто, мы уходим.

Через секунду трое убийц исчезли так же тихо и незаметно, как и появились.

* * *

Вор Тариел Гурамишвили, известный как Гурам, не скрывал торжества. Он развалился на заднем сиденье своего пятисотого "мерина", которого давно мечтал сменить на "майбах". Теперь, похоже, мечта сбывалась. Сидевший рядом с ним Дато Батумский, напротив, был озабочен.

— Считай, что ключ от общака у нас в кармане, — снисходительно вещал Гурам.

— Ты думаешь, Фома пойдет против своих, славян? — с сомнением спросил

Дато.

— Он уже давно пошел, — сообщил другу Гурам. — Славяне тупые, держатся за свои понятия и от них никуда. Кому это сегодня надо? Может кто из воров сегодня согласится на "ломку" — раз в три года делать ходку на зону к хозяину? Пусть тот на зоне сидит, у кого ума нет. А у кого в котелке масло, а не тараканы, то пусть живет на воле долго и счастливо. Как ты и я.

Из окна обгоняющего их ярко красного "чероки" вдруг высунулся ствол автомата. Пули изрешетили бок "мерседеса", прошив его салон и всех находившихся в нем. Водитель погиб первым. Машину повело вправо, бросило через кювет на толстую березу. Смертельно раненый Гурам в последний момент жизни успел увидеть как из пробитой головы мертвого Дато толчками выхлестывается кровь. Затем последовал жуткий по силе удар и тишина...

На пустынной трассе не было видно ни одной машины. Ярко-красный "чероки" давно исчез за сеткой мелкого дождя.

* * *

Звонок в дверь поднял Ляха из постели.

— Лежи, я открою, — успокоила его Карина.

Она накинула халат и пошла в прихожую. Лях все же не стал расслабляться и последовал за ней.

— Кто там? — спросил он ее.

— Не знаю, какой-то подозрительный тип.

— Если подозрительный, это нормально. Бояться надо тех, кто на вид приличный и безобидный.

Лях взглянул на монитор дверной видеокамеры и сразу узнал в пришедшем Писаря.

— Открой, это ко мне, — велел он.

Карина открыла дверь и впустила нежданного и незваного гостя. Лях провел его в гостиную и усадил в глубокое кресло. Старый вор был бледен.

— Что стряслось? — Лях предчувствовал беду.

— Всех наших побили. В Таганских банях. Пришли с автоматами, перемочили охрану, а потом покосили и всех остальных. Я ушел чудом.

— Ты видел, кто это сделал? — Лях был вне себя. — Это были пиковые? Лаврушники?

— Нет, — Писарю было трудно признать свою неправоту. — Вышло по-твоему. Чингиз продался.

— Ты сам его видел?

— Да, сам. Сначала быки из охраны успели стукнуть, что чингизовы наших мочит, а потом я из подсобки, куда заховалялся, и сам его разглядел. Он, сука, собственной персоной, тварь продажная! А вслед за этим и пиковых замочили. Я пытался связаться с Гурамом и Князем, но они тоже убиты. И думаю не только они. Я здесь долго не задержусь, да и тебе не советую.

— Про эту лежку никто не знает, — возразил Лях.

— А как же я тебя нашел? — усмехнулся Писарь. — Значит и другие найдут.

— Тогда уйдем вместе?

— Нет, не стоит. По одному уходить — вдвое больше шансов спастись. К тому же тебе еще собраться надо. Вот телефон Вальтера. Его сейчас нет в городе. Постарайся связаться с ним. Он будет знать где я нахожусь.

В комнату вошла Карина. В руках у нее был поднос с чашками и тарелка-

ми.

— Сейчас чай заварится, — сообщила она.

— Спасибо девочка, но мне пора, — заторопился Писарь.

Через минуту он ушел.

Лях стоял возле окна. Ему было видно как Писарь в свете уличного фонаря переходит дорогу. Неожиданно из-за угла вывернул красный джип и рванулся за стариком. Выстрелов Лях не услышал, но увидел как Писарь упал на мокрый асфальт.

Лях бросился в прихожую, где висела его куртка. В дверях его остановила Карина.

— Куда ты?

— Писаря убили!

Она вцепилась в него обеими руками.

— Не ходи, тебя тоже убьют!

— Меня могут убить и здесь.

— Нет. Он обещал, что не тронет тебя, если ты не будешь высовываться...

Лях замер.

— Обещал? Он? Кто это?

— Седой...

— Так он жив? Откуда ты его знаешь?

— Работали вместе, — призналась Карина. — Он, я и питерский вор Юрик Горбатый. Потрошили евреев, отъезжающих на постоянное место жительства. Деньги, драгоценности, антиквариат. Это Седой поместил меня в эту квартиру и велел ждать тебя. Он знал, что ты сюда придешь.

— И ты молчала?

— Конечно. Сначала я не знала тебя, а потом, когда... Одним словом, потом было уже поздно. Я не хотела, чтобы ты ушел. Но Седой обещал, что если ты откажешься от борьбы за общак, он тебя не тронет.

— И ты поверила? Да Седой не променяет шанс увидеть меня в гробу и на десять общаков! Он просто ждал удобного случая, чтобы прихлопнуть всех разом. И, похоже, дождался. Писаря ты сдала?

— Да. Я позвонила Седому, пока вы разговаривали, и передала, что Писарь жив и находится у меня.

— Зачем?

— Просто я дура. И еще я хотела тебя спасти. Плевать мне на Писаря, на общак и на всю эту дурацкую войну. Я люблю тебя, — призналась Карина.

Лях вздрогнул как от пощечины.

— Ты останешься? — спросила его Карина. — Эту дверь не взломать, а взрывать ее они не посмеют. Внизу живет прокурор района. Останься со мной.

— Нет.

Лях направился к дверям.

— Постой, не туда.

Карина провела его в коридор и открыла дверь чулана, за которой находилась камера мусоропровода.

— Сюда! Здесь черный ход. Лестницу застроили, но отсюда можно попасть в соседнюю квартиру. Соседи уехали, оставили мне ключи. У них подъезд выходит под арку, тебя там никто не увидит. Прощай. И прости.

— Не за что мне тебя прощать.

Лях открыл выходящую в чулан дверь соседней квартиры и замер на секунду. В прихожей Карины раздался требовательный длинный звонок, потом еще один.

— Не открывай, — предупредил ее Лях. — Они тебя убьют.

— За меня не волнуйся. Мы увидимся когда-нибудь?

— Вряд ли.

— Помоги Карику. Он скоро освободится.

— Не беспокойся. Если останусь жив, я его разыщу.

И Лях исчез за дверью. Карина вернулась в свою квартиру. Звонки в дверь не утихали, но, напротив, становились все настойчивее. Карина взглянула на экран дверного монитора. На лестничной площадке стоял Седой. Он был один. Помедлив немного, она открыла дверь. Седой вошел в квартиру и огляделся.

— Где он?

— Ушел.

— Давно?

Карина пыталась казаться равнодушной.

— Час назад. Может быть больше.

— Врешь, я тебя знаю. Не возражаешь, если мои ребята обшарят это гнездышко?

— Только через мой труп, — ее глаза блеснули гневом.

Седой удрученно покачал головой.

— Мне бы этого не хотелось. Но если ты не оставишь мне другого выхода, мне придется воспользоваться твоим предложением. Имей в виду, если я решу убить тебя, я это сделаю легко.

— Попробуй. За мою смерть тебе придется ответить. У меня есть сын и... Друг.

Седой снова с укором покачал головой.

— Ну, с этим другом, я думаю, мои орлы разберутся в течение ближайших пятнадцати минут. А щенка твоего я сгною на зоне. Мне это также труда не составит.

— Скотина!

Карина выхватила из кармана халата маленький хромированный пистолет и прицелилась в Седого. Но он опередил ее. В его руке также оказался ствол, причем куда более серьезный. Тяжелая пуля сорок пятого калибра автоматического пистолета Кольта, ударив в плечо, отшвырнула Карину к стене комнаты.

— Что ж, очень жаль, что все так кончилось, — цинично сообщил Седой. — Видит Бог, я этого не хотел. Ты сама виновата.

— Да, я сама во всем виновата... В первую очередь в том, что связалась с такой тварью как ты!.. — прошептала она из последних сил и снова попыталась навести пистолет, который, падая, не выпустила из рук.

— Снова-здорово. Ну зачем ты так? — огорчился Седой. — Давай расстанемся друзьями. Адью, кара миа...

И выстрелил женщине в голову.

В квартиру вбежал один из быков Седого.

— Шеф, он ушел! Ребята видели его на улице, но потеряли.

— Ай-я-яй, а вот это очень плохо, — покачал головой Седой. — Ладно, пошли отсюда, здесь больше делать нечего.

ГЛАВА 21. ВСЕСОКРУШАЮЩИЙ КРЮК

Церковь была наполнена ароматом каждения и гулом голосов. Процедура Исповеди шла полным ходом. Закончив с очередным раскаявшимся грешником, священник окинул скорбным взглядом изрядную толпу соискателей небесного блаженства.

"Мне бы их заботы", — с печалью подумал он и произнес:

— Следующий!

От очереди отделился крепкий молодой мужик с волевым лицом и короткой стрижкой, одетый в кожаную куртку с наворотами и качественные джинсы.

— Исповедуйся, сын мой, в чем грешен?

Кающийся достал из кармана бумажку со списком и стал разворачивать.

— Это мои грехи за прошедшую неделю, святой отец, — сообщил он. — Я вот тут набросал коротенько, чтобы чего не забыть.

И принялся за чтение:

— Во-первых я убил одного урода... то есть раба Божьего, который, в свою очередь, хотел убить меня. Но оказалось, что я стреляю лучше.

Во-вторых на этой неделе я разрулил за хорошие бабки один базар и плюс к этому получил нетрудовые доходы за крышу с трех ларьков и водочного цеха. Кстати, сотку баксов я опустил вон в ту золотую коробку на ремонт вашего храма.

В-третьих я не заплатил двум путанкам. Но обе так орали во время оргазма, что я подумал — не взять ли мне с них за удовольствие долларов по двадцать.

В-четвертых позавчера я омерзительно нажрался и устроил небольшой погром в ресторане для голубых "У Пети и Гаврика". Угрожая пистолетом, я, грешный и недостойный, оскорблял клиентов этого вертепа, обзывал их жопушниками, заставлял хозяина есть горчицу и нецензурно при этом выражался. Так мне потом рассказывали, потому что сам я ничего не помню.

Священник неодобрительно покачал головой.

— Ты, сын мой, снедаем пагубными страстями и обуян духом ненависти.

— Вы правы, батюшка. Я очень многих ненавижу, но больше всех — начальника Управления спецслужбы генерал-майора милиции Ниночкина. Ничего не могу с собой поделаться. Убил бы козла, честное слово!

— Ты, раб Божий, случайно не бандит?

— Нет. Я старший опер Управления спецслужбы капитан Крюков.

— Фамилию и звание называть не обязательно.

— Как же это не обязательно? Хотите сказать, что в Божьей канцелярии как в ФСБ рассматривают анонимные заявления?

— Господу это не нужно, он всеведущ, сын мой.

— Все равно, точные установочные данные не повредят даже Богу. А то еще отпустит мои грехи кому-нибудь другому. А почему вы спросили насчет бандита? Есть проблемы?

— У меня недавно машину угнали, белую "волгу". Машина почти новая, только заднее крыло чуть помято, — неохотно признался священник.

— Забудьте мирские тревоги, отче. Считайте, что машину вам уже вернули. Вы только позаботьтесь о моем прощении, чтобы наверняка. А я займусь вашей тачкой. Договорились? Крюков моя фамилия, не перепутайте. Вот визит-

ка с номером мобильного. Звоните.

— Ступай с миром, раб Божий, и больше не грехи. Ныне отпускаются тебе грехи твои! Я тут по быстрому закончу и через полчаса звякну, сообщу подробные приметы и номер моей машины. Аминь.

* * *

Первым делом Крюков наведалься в круглосуточную чебуречную, прозванную таксистами "Зеленый глаз". Тот, кого он искал, амбал Гриша Кардан, сидел на своем месте, за угловым столиком и пил свои утренние "три по пятьдесят".

Когда-то, очень давно, Гриша тоже был таксистом. Теперь у него был свой маленький бизнес — то ли стол справок, то ли бюро добрых услуг. Он знал все о движении автотранспорта. Не в смысле как проехать или где улица перекрыта пробкой, а в смысле движения транспортных средств от старых, законных владельцев к новым, незаконным.

Не раз случалось так, что обворованный автовладелец своевременно обращался к Грише и с его помощью выкупал свою собственность за сравнительно небольшие деньги.

Гриша только было собрался опрокинуть в себя первые пятьдесят граммов водки, как Крюков уселся на стол прямо перед ним и перехватил в полете его руку со стаканом.

— Э, братан, да ты никак водку пьешь? А ведь это запрещено!

— Ну, блин, менты, волки позорные, драконы тухлые, нигде от вас покою нет! — заныл Гриша. — Сижу, культурно кушаю, и на тебе! С каких это пор, в натуре, водку пить запрещено?

— С сегодняшнего утра. Парламент закон принял, президент, не глядя, подписал. Телевизор смотреть надо!

— Пургу гонишь, начальник, я тебя знаю, — ослабилась Кардан. — Ну и что мне за это будет? Штраф в тыщу миллионов минимальных окладов? Так я инвалид!

— Нет, по новому кодексу — перелом предплечья. Со смещением, — сообщил Крюков, не выпуская его руки. — Будешь дважды инвалидом.

И нажал на стиб не слабой гришиной лапы, сжимавшей стакан. Тот почувствовал себя в капкане.

— Эй, кончай прикалывать, — всерьез испугался Кардан. — Говори, что надо.

— Неделю назад, или около того, какие-то орлы двинули телегу у моего знакомого попа. Нехорошо получилось. Ему о вечном заботиться надо, а тут конкретный земной геморрой. В корень оборзели, на Бога рашпиль подняли. Конкретно — белая волга, почти новая, заднее крыло чуть помято. Ну так как, память освежать будем?

И Крюков перевел гришину лапу на излом.

— Ай, не надо, начальник! — взмолился Кардан. — Все скажу! Тачка на сервисе у Винтика и Шпунтика в Марьинке, они ее перекрашивали и номера перебивали!

— Ладно, живи, — сжалился Крюков и выпустил руку бывшего таксиста.

Чтобы не выронить стакан из онемевших пальцев, тот вынужден был перехватить его другой рукой.

* * *

Вернувшись в контору, Крюков столкнулся в коридоре со старым другом, опером аналитического отдела капитаном Москвиным.

— Слушай, старик, ты сейчас очень занят? — спросил он. — На час оторваться не сможешь? Надо на стреме постоять.

Тот согласился, они спустились, сели в старую крюковскую "волгу" и двинулись в направлении Марьиной Рощи.

— Ты куда шел? — спросил его Крюков.

— В бухгалтерию. Командировочные выписывать. Завтра отбываю в составе мобильной опергруппы. Надоело в отделе штаны просиживать и справки составлять.

— Ну и дурак, — отозвался Крюков. — Это тебя новый "зам по опер", Канарис соблазнил?

— Он самый, и не соблазнил, а выдвинул, — подтвердил догадку Москвин. — Зря ты, Крюк, с ним грызешься, он мужик нормальный. За месяц таких дел наворотил!

— Именно поэтому я ему и не верю, уж больно приткий. Так в какую степь тебя сослали?

Москвин понизил голос и сообщил:

— Чечены подогнали в Ростов партию геры. Дальше грузят в вагон и повезут в Москву по рельсам. Канарис по приказу генерала набрал мобильную группу для оперативного прикрытия.

— Наркоту прикрывать? От него это запросто можно ждать.

— Шутишь? — обиделся Москвин. — Мы будем отслеживать контакты. Это же операция века! Вернусь майором, как Гагарин. Жалко, что ты с Канарисом в контрах, вместе бы махнули.

Крюков вздохнул.

— Куда? За орденами и званиями? Прими совет, если успеешь. Когда общаешься с Канарисом, держи патрон в патроннике и не расслабляйся. И звони почаще. Вот мы и приехали. Прикроешь меня на воротах. Внутри я как-нибудь сам разберусь, просто не хочу, чтобы нам помешали.

Автосервис Винтика и Шпунтика находился в промзоне за Марьиной Рощей. Промзона представляла собой целый район с улицами и перекрестками, клином застрявший между тремя железными дорогами — Октябрьской, Рижской и Окружной. Найти здесь что-то казалось невозможным. Но Крюков легко отыскал нужные ворота.

Винтик и Шпунтик и в самом деле походили на носовских персонажей. Один был длинный и худой, другой маленький и толстый. Визиту Крюкова они определенно не обрадовались. Винтик сморщился и повел носом:

— Каким ветром, начальник?

Крюков не стал темнить и изложил суть проблемы.

— Да, эта тачка была у нас, — Винтик понимал, что совсем отпираться бесполезно и невыгодно. — Перекрасили в черный цвет, номера перебили. Где она теперь, вам виднее.

— Как это? — не понял Крюков.

— Ее ваш мужик пригонял. Майор ментовской. Сказал — так нужно для оперативных целей.

— Почему майор? Он что, в форме был?

— Ясный пень, в форме. И даже ксиву показывал, — сообщил Шпунтик. —

Мурашов фамилия, я запомнил.

— Как? — опешил Крюков.

— Мурашов, — подтвердил Винтик. — Я тоже видел.

— Он был один?

— Пригонял один, а когда забирал, к нему на выезде кацошник сел. Со шрамом. Только я так скажу — этот майор такой же мент как и я.

— Еще бы! — усмехнулся Крюков. — Настоящего майора Мурашова месяц назад в трех пакетах нашли. По частям. Что еще можете добавить?

Винтик покачал головой:

— Мы бы вам, начальник, даже этого не сказали, но у нас проблема. Крыша нужна.

— А ваша куда подевалась? Съехала с концами?

— Продырявили крышу. Нас Быча крышевал, — сказал Шпунтик. — Его на днях замочили. А сегодня пара отморозков приходила. Представились — от Чингиза. Слыхали про такого? Сказали, что теперь платить будем им. Такую сумму объявили, что нам проще закрыться.

— Главное, говорят — бабки нужны для войны с беспредельщиками, — добавил Винтик. — А сами хуже всякого беспредела себя ведут. Так как, поможете?

— Попробую, — согласился Крюков. — Запиши номер моей мобилы.

— Они вместе приехали, — сказал вдруг Шпунтик.

— Кто? — не понял Крюков.

— Чингизова братва и эти, майор с грузином. Вы, конечно, можете считать, что мы вас на крышу разводим, но только это точно в цвет. Они из одной лавки. И кровящей от них воняет — как от скотобойни.

— Разберемся, — процедил сквозь зубы Крюков и на прощанье предупредил. — Если кто из них появится, сразу звоните.

* * *

Позвонить они не успели. Поздно вечером в ворота въехали два джипа. Из них выскочили братки и бросились в цех, где мастера колдовали над очередной иномаркой. Позади шел Чингиз. Он был в длинном, до пят, черном лайковом плаще и время от времени поглаживал себя по черным, с проседью, волосам. Глаза его прятались за черными стеклами очков, в зубах дымилась вонючая сигара.

Быки Чингиза выволокли Винтика из-под днища машины, Шпунтика оторвали от двигателя. Согнув мастеров пополам, их толкнули к ногам авторитета. Тот недобро улыбнулся, сверкнув золотой фиксой.

— Что, работяги, заждались? Бабки приготовили?

— Да когда нам, блин, их собирать-то было! — Быче неделю назад за месяц отстегнули! — с натугой от согнутой позы просипел Шпунтик.

— Ну, раз Быче все отстегнули, с ним и разбирайтесь!

Чингиз выхватил из-под плаща "стечкин" с наверху на ствол глушителем.

— Э, постой!... - Винтик попытался закрыться перепачканными в масле руками.

— Уже стою, — Чингиз презрительно сплюнул. — О чем базар? Вас чисто конкретно предупреждали. Не въехали по ходу? Так вот врубись, грязнуля, твои бабки для меня — капля в море. Я на бензин в день больше трачу. Мне

выгоднее вас обоих грохнуть, чтобы другим было неповадно зажимать мое лапье. Так что гудбай!

Ствол дважды коротко чихнул. Над срезом глушителя закурился дымок. Тела механиков распластались в луже, вода в которой стала интенсивно краснеть. Следом в лужу полетел богатый, на три четверти, окурок дешевой сигары.

— Зажгите здесь все на хрен, — распорядился Чингиз, садясь в один из джипов.

— А если рванет? — забеспокоился один из братков. — Соседние гаражи может захватить.

— Да насрать. Твое что ли? — удивился Чингиз.

— Ха! Точно! Зажигаем! — бык весело помчался в цех.

Джипы вырулили с территории автосервиса, освещаемые в корму разгоравшимся пламенем пожара. Они уже подъезжали к Шереметьевской эстакаде, когда в недрах промзоны грохнул сильный взрыв.

* * *

Оторвавшись от преследования, Лях почувствовал себя затравленным волком. Деваться было некуда. Домой идти нельзя, Писарь убит, остальные воры либо мертвы, либо, как и Лях, вынуждены скрываться. Оставался Фома. Из всех воров он был самым предусмотрительным и имел серьезную охрану. Но Лях ему не доверял.

Он сидел в маленькой псевдокитайской забегаловке и пил довольно приличное китайское пиво. Стемнело. Лях уже принял решение на время исчезнуть из Москвы, отсидеться в тихом месте и как следует осмотреться, как вдруг запиликал его мобильник.

Звонил Фома. Лях ожидал сейчас услышать кого угодно, но только не его.

— Надо срочно встретиться и перетереть ситуацию, — сказал Фома. — Жду тебя в своей тачке на углу напротив "Шести ног".

Кафе "Аист", или "Шесть ног", печально известное как место кровавых разборок, Ляху не понравилось. Но выбирать не приходилось.

Лях издалека увидел стоявший прямо под фонарем шестисотый "мерс" Фомы. Ошибиться было невозможно. Детали облицовки, которые у нормальных людей серебрятся хромом, у Фомы сверкали золотом как улыбка продавца с Центрального рынка.

Лях подошел, нырнул в распахнувшуюся дверь и уселся на заднее сиденье рядом с хозяином шикарной иномарки. Охранники застыли снаружи. Фома заметно нервничал, что было вполне объяснимо.

— Объясни, как получилось, что твой бригадир, Чингиз, перемочил авторитетную братву в Таганских банях? — с ходу спросил Лях. — Меня он, кстати, тоже ищет, чтобы замочить. Что скажешь?

— А я при чем? — огрызнулся Фома.

— Все началось после того, как тебе дали неделю сроку забрать общак из банка Хоря и предъявить сходняку.

Фома поежился. Он не сомневался, что в данной ситуации от Ляха в любой момент можно получить нож под ребра или плевок бритвой по глазам, и сменил тон с агрессивного на хнычущий.

— Я, Лях, в натуре, не при делах, век воли не видать! Ну откуда я мог знать? Барыги между собой филки не поделили. Отморозки правильных людей помо-

чили. А я каким краем виноват? Сукой буду, я в полной непонятке. Но раз я в тему вписался, отвечу. Все знают, Фома не фраер. Слушай, что предлагаю. С банкиром этим, Хорьом, я подготовительную работу сам проведу. Он мне, сука, за общак ответит. Ты подъедешь с его кредиторами из "Кара-банка" и мы припррем барыгу к стенке. Я из него все общаковые бабки до последней копейки вытрясу. А потом и с Чингизом, иудой, разберемся. Хоп?

Лях задумался. Фоме он не доверял, но и прямо обвинить его в убийствах авторитетных воров не решался. Чингиз вполне мог действовать по собственной инициативе или снюхаться с отморозками.

— Хорошо, — согласился наконец Лях. — Забьем стрелку, устроим очняк. Я привезу барыг из "Кары", они подтврдят, что передавали общаковые бабки Хорю. А ты тащи этого жирного караса. Где встретимся?

— У меня на даче, — предложил Фома. — Туда Чингиз не сунется, побоится. И вот что...

Фома пошарил под сиденьем и протянул Ляху большой черный пистолет.

— Возьми и не спорь. Я знаю твои принципы, это дело хорошее. Но когда какой-нибудь обкурившийся идиот приставит к твоей голове ствол, что ты ответишь такому отморозку? Спросишь, мотал ли он срок и в какой масти? Так что держи, это "АПС". Стечкин. Бьет шумно, но зато наверняка, при необходимости может и очередями.

Лях взял тяжелый ствол и повертел в руках. Из такого же в него стрелял грузин со шрамом. Он протер рукоятку носовым платком, и так же, держа оружие платком, вернул Фоме.

— Нет, благодарю. Я вор, а не бандит. И пусть я останусь последним вором, который так и не осквернил руки оружием. Я же как-никак Лях. А то если так и дальше пойдет, скоро менты с обрезами начнут шляться, а шпана с гранато-метами.

— Насчет шпаны не скажу, а менты с обрезами уже мотаются, — предостерег его Фома. — По крайней мере одного такого я хорошо знаю. Встретишь, держись от него, козла, подальше.

* * *

Свет фонарей отражался в лужах на мостовой. Улица была пуста. Почти пуста. Черная "волга" приближалась на бешеной скорости. Старший опер Крюков вскинул обрез двустволки-вертикалки двенадцатого калибра и дважды нажал спусковой крючок. Выстрелы слились в один, у охотников это называется дуплетом.

Стволы были заряжены тридцатиграммовыми пулями-жаканами. На западе их называют "автостоп". Одна, попав в капот, вырвала его крышку и отбросила ее на лобовое стекло, другая устроила фарш из карбюратора.

Бензин полился по двигателю на генератор, вспыхнул и взорвался огненным шаром. "Волгу" бросило на тротуар. Сбив светофор, машина ткнулась в мощный столб и замерла. Из открывшихся от удара передних дверей вывалились двое. Один тут же вскочил и двумя длинными очередями разрядил в опера магазин автоматического пистолета, вероятно "стечкина". Крюков нырнул за бетонную плиту, едва успев разглядеть его лицо, пересеченное рваной бороздой шрама.

Второй был облачен в милицейскую форму. Он вскинул короткий "калашников" и поддержал напарника огнем. Положение Крюкова становилось неза-

видным. Стреляли ребята плохо, что было странно для профессионалов. Они садили длинными очередями, из которых лишь немногие пули попадали в так своевременно брошенную строителями бетонную конструкцию, служившую Крюкову укрытием.

Длинные очереди и низкая кучность стрельбы киллеров объяснялись просто. Те еще не оправились от шока, вызванного взрывом и столкновением со столбом. Но долго так продолжаться не могло. Позиция Крюкова, несокрушимая в лоб, могла оказаться ловушкой, если бандиты догадаются разойтись в стороны и взять опера в клещи, ему наступил бы верный кердык.

Справа виднелся соблазнительный угол дома. Темно и выступ — от гранаты прикроет. Но до него пришлось бы бежать по совершенно открытому месту

Крюков перекатился в сторону за невысокий парапет. Он не сразу сообразил, что это стена, пока в мозгу не всплыл знакомый с детства лозунг: "Пользуйтесь подземным переходом". Действительно, боевые действия, а особенно скоротечные огневые контакты, в городских условиях бывают подчас весьма специфичны.

Крюков птицей пронесся по слабо освещенному переходу, рискуя сломать ноги в потемках. На другой стороне его, естественно, не ждали. Киллеры торопливо расстреляв боезапас, поспешно меняли магазины. Толстяк в форме вскочил от неожиданности и получил большую свинцовую пулю прямо в живот.

Крюков подозревал, что под милицейским кителем у него бронежилет, но это дела не меняло. Толстяка швырнуло на асфальт, при этом один ботинок у него слетел как от удара автомобиля, что свидетельствовало о летальном исходе. Он неподвижно растянулся на мокром асфальте мостовой. Лицо его представляло собой сплошную кровавую маску.

Крюков приблизился к нему, как подходят к убитому медведю — с тщательно перезаряженным оружием наготове. Снова послышался шум мотора. Скрипнув тормозами, рядом остановился патрульный "форд". Из него как чертики из коробочки выскочили двое бойцов в камуфляже. Руководил ими лейтенант. Патрульные, сохраняя безопасную дистанцию, приблизились к горевшей "волге". Лейтенант следом за ними подошел к телу в милицейской форме и мыском сапога ткнул в безжизненный лоб. Потом повернулся к оперу. Кивнул.

— Спекся майор. Слышь, Крюк, за что ты его так жестоко?

— Не люблю мусоров, особенно тех, кто выше меня по званию, — проворчал тот в ответ.

— А если серьезно?

— Сам не видишь? Я этого кабана пасу по всей Москве. Знаешь, чей на нем китель? Помнишь сводку — расчлененный труп майора Мурашова в Царицыно нашли? Он у нас замом по оперработе был. Сколько водки вместе выжрали! Так вот, этот китель — его.

— Ты правда уверен, что мундир тот самый? — неуверенно спросил лейтенант.

— Абсолютно. Хочешь — проверь сам. У него на спине пятно от портвейна должно остаться. Это я его случайно облил. Не люблю, когда кто-то убивает моих корешей.

Постовые перевернули тело на живот. Один из них удивленно свистнул.

— Слушай, а его, похоже, многие не любили.

— Не понял! — обернулся лейтенант.

— В спине три дырки. В него стреляли, причем не так давно. И после этого он смог вести машину и?

Крюков наклонился и постучал убитого по спине. Послышался глухой звук.

— В критические дни не забудь надеть бронежилет "Кора". Будешь чувствовать себя сухо и уверенно.

— А как же ты его зашмалял?

— Свинцовая пуля двенадцатого калибра, конечно, тяжелого броника не пробивает, но причиняет огорчение, не совместимое с жизнью.

Он подобрал выпавшую из кармана кителя убитого записную книжку, пролистал и небрежно сунул в карман своей куртки. В хозяйстве сгодится.

— Как будем клиентов оформлять? — спросил его лейтенант. — Нас в палку впишешь?

— Хотите, на себя запишите, хотите — как несчастный случай при неосторожном обращении с бутылкой пива. Типа — уронил на ногу и умер от болевого шока, — махнул рукой Крюков. — Меня здесь вообще не было.

— А тебе что, палки не нужны? — удивился лейтенант.

— Смотря какие. Меня прокурор еще по предыдущему применению оружия раскручивает, — признался бравый опер. — Так что мне эти лавры без надобности. Я лучше его запаску заберу, все равно ему теперь без надобности. А то мою кто-то вчера спер, когда я тачку возле прокуратуры ставил.

Он открыл багажник покоренной машины, достал оттуда запасное колесо и откатил его к своей "волге", стоявшей в стороне у тротуара. Лейтенант и патрульные с интересом следили за его манипуляциями.

— Слушай, Крюк, а твоя тачка в натуре пуленепробиваемая? — спросил один из постовых, ветеран службы, мужик лет тридцати пяти — сорока.

— Ага, буркнул в ответ опер. — Бронированная как танк "Иосиф Сталин". Ее ни "макар", ни "калаш" не берет. Только водяной пистолет.

— Не свисти.

— Легавым буду, — побожился Крюков. — Броня толстая, но старая и ржавая, от воды может рассыпаться. Эта колымага когда-то в "девятке" числилась, в сопровождении. Впереди колонны членовозов тараном ходила. Я ее как металлолом выкупил, а бегаёт, как новая. Только мыть не надо, чтобы не развалилась, и дырки в легком корпусе жвачкой заклеивать.

— Командир! — позвал патрульный, карауливший второго бандита. — Он оклемался!

Лейтенант, Крюков и сержант подошли к ним. Лейтенант взял протянутый ему патрульным бумажник киллера.

— Что? — он заглянул в паспорт. — Ираклий Луарсабович Еклмнишвили! Издеваешься, гад?

Крюков тоже заинтересовался бумажником. Он вытащил из него толстую пачку долларов.

— Сколько здесь? — спросил он, сопровождая удар пинком под ребра.

— Десятка, — нехотя выдавил бандит.

— Я передам их попу, у которого вы угроби тачку. Если захочешь, представлю расписку.

— А пошел ты, могитхан! — огрызнулся пленник.

— Какой хан? — прикинулся простаком Крюков. — Ладно, я поехал. С этим горным бараном осторожнее, лучше всего убейте его при попытке к бегству.

Он сел в машину, завел ее и не спеша тронулся. Патрульные молча проводили глазами ржавый задний бампер с номером "00-07 МКМ", позаимствованный Крюковым при обмене номерных знаков у заместителя министра внутренних дел.

* * *

Крюков остановил машину возле церкви. От дома священника разносился волшебный аромат горохового супа, может быть даже с копченостями. Его варили для неимущих прихожан. Священник вышел из храма и направился навстречу Крюкову.

— Вот, батюшка, — тот протянул ему газетный сверток.

— Что это?

— То, что осталось от вашей машины. В условных единицах.

Священник развернул газету и посчитал банковские упаковки.

— Но здесь десять тысяч долларов. "Волга" стоит вдвое дешевле.

— С наворотами дороже. Заодно поставьте хорошую сигнализацию. Как говорят ваши восточные коллеги: "На Аллаха надейся, а верблюда привязывай". Остатком распорядитесь по своему усмотрению.

— Пусть будет так, — согласился священник. — Что останется, пойдет на храм.

— Странно, — пожал плечами Крюков. — В Евангелии ничего про храм не написано. Там говорилось о помощи страдающим и нуждающимся. Наверно я невнимательно читал. Скажите, батюшка, нельзя отпустить мои грехи, скажем, на месяц вперед? Я тут набросал приблизительно... Нет? Ну и ладно.

— Ступай с миром, раб Божий, — напутствовал его священник. — Я буду молиться о твоём спасении. И спасибо.

И он совершенно по-человечески пожал Крюкову руку.

* * *

Ввиду особой опасности в отделении милиции кавказца со шрамом закрыли в отдельную камеру. Дежурный не успел разложить перед собой изъятые у него документы, как в дверь вошел высоченный тип. Он сунул дежурному служебное удостоверение и представился:

— Полковник Канар... Тьфу, привычка! Полковник Жук, управление спецслужбы. У вас задержанный Еклмнишвили?

— Да, только что доставили.

— Я его забираю. Вот приказ замминистра.

— А с кем я его отправлю? У меня ни одного лишнего человека.

Полковник Жук криво улыбнулся:

— Обойдусь без помощников. Не таким рога обламывал.

Дежурный пожал плечами.

— Забирайте. Распишитесь только и приказ оставьте.

Полковник Жук вывел бандита, даже не потрудившись надеть на него наручники. Дежурный укоризненно покачал головой, но промолчал. Он давно отвык совать нос в дела, которые его не касаются.

* * *

В управлении Крюкова встретил вечно озабоченный шеф, подполковник

Сергей Абрамыч Галкин, которого подчиненные не без оснований звали Галкиндом. От него, по обыкновению, исходил смешанный аромат кофе и валидола, поскольку подполковник попеременно употреблял тот или другой напиток, в зависимости от обстановки. Сейчас в букете преобладал валидол.

— Крюков, вас срочно требует генерал, — трагическим тоном сообщил шеф. — Он с утра чем-то недоволен.

"Вряд ли мой визит исправит ему настроение", — уныло подумал Крюков, спускаясь по лестнице на второй, генеральский, этаж.

Генерал Ниночкин напоминал долго спавший вулкан. Увидев Крюкова, он всклокотал и извергся.

— Что вы себе позволяете, капитан?

"А где здрастье"? — подумал Крюков, но произнес только с дипломатичностью двоечника:

— А чо? Я ничо...

— Как это ничо? Устроил, понимаешь, перестрелку в центре города. Тебе мало того дела по применению оружия и превышению полномочий?

Крюков напряг память. Такие дела в отношении него возбуждались с периодичностью раз в полгода, иногда и чаще. Какое из них имел в виду генерал?

— Это когда я двоих насильников завалил? Так ведь суд меня оправдал!

— За недоказанностью! Не забывай об этом! А это говорит не о твоей невинности, а лишь о плохой работе следователя! — тут генерал сделал паузу, чтобы выпить стакан боржома. — Но, кроме того, суд вынес частное определение разобрать твои действия в административном порядке. Что мной и проделано. Вот приказ, ознакомься.

Крюков взял бумагу и пробежал ее глазами.

— Что там? Лишить перекуров на месяц? Захоронить в кремлевской стене?

— Напрасно иронизируешь, — генерал прошелся по кабинету, удовлетворенно потирая руки. — Ты понижен в должности. Отныне ты не старший оперуполномоченный, а младший инспектор. Старое удостоверение сдай, получишь новое, временное. С указанием новой должности.

— Неужели от оперативной работы совсем отстранили? — презрительно усмехнулся Крюков. — И куда меня теперь? В постовые? Пыль топтать, путанок возле Думы доить? Не пойду. Лучше уволюсь на фиг совсем. Меня в банк приглашают начальником охраны.

Генерал замер и поспешно заявил:

— Нет, от оперативной работы тебя не отстранили. В приказе сказано: "Перевести на должность младшего инспектора". Это значит, что заниматься агентурной работой ты теперь не имеешь права, а будешь работать исключительно методом личного сыска. Поэтому список твоей агентуры и личные дела агентов попрошу представить мне в течение получаса. Время пошло.

— Так бы сразу и сказали! — не сдержался Крюков. — А я-то думаю, чего вы с вашим Канарисом под меня копаете? Агентурные списки понадобились! Это случайно не по группировке Чингиза? А может эти списки сразу в газете опубликовать? Так проще будет.

Генерал вскочил.

— Капитан Крюков, выполняйте поставленную задачу! Или вы вылетите из рядов милиции с таким треском, что вам платный сортир охранять не доверят!

— Меня всего просто колотит от испуга! Никак не выберу — то ли заплакать, то ли обгадиться, — сообщил Крюков начальнику и вразвалочку направился вон из кабинета.

— Через полчаса, я сказал! И ни минутой больше! — проорал тот, когда Крюков был уже в коридоре.

Сейчас генерал простил бы строптивому подчиненному и большее хамство. Дело, а вернее агентурные дела, того стоили. Он походил по кабинету, покурил, потом снял трубку и позвонил в отдел, где работал Крюков.

— Галкина! — приказал он. — Сергей Абрамыч, сейчас придет Крюков, будет забирать папки с делами. Проследи, чтобы все было в целости. От этого мерзавца можно ожидать чего угодно. И пошли с ним человека, чтобы проводил.

— А он уже...

— Что уже?

— Забрал папки и ушел.

— Ушел? Куда ушел? Ты что? Где ж его теперь искать? Я же предупреждал!

В этот момент дверь раскрылась, пропуская в кабинет Крюкова, нагруженного горой папок.

— Время отметьте, — проворчал он начальнику. — Семь минут пятнадцать секунд вместо тридцати.

И свалил папки на стол генералу.

— Примите под расписку. На слово не верю. И вот, подпишите.

— Что еще?

— Рапорт на отпуск. Я три года не ходил. А раз такой базар, то можно и отдохнуть.

Генерал с готовностью подмахнул заявление, лишь бы поскорее выпроводить из кабинета неуживчивого подчиненного. Когда Крюков наконец вышел, он с вожделением набросился на принесенные личные дела крюковской агентуры. И чем дольше он читал, тем сильнее вытягивалось его лицо и округлялись глаза. Документы сообщали:

"Агент "Лектор". Х.У.Никодимов. Распространитель из общества "Знание". Сообщает, что заснувший на лекции в первом ряду слушатель непроизвольно заговорил во сне и признался в ограблении обменного пункта валюты. В результате оперативной разработки подозреваемый задержан и признался, по факту ограбления возбуждено уголовное дело за номером...

Агент "Доктор". Врач из районной поликлиники. Доставленный с отравлением больной во время процедуры очищения кишечника, считая, что умирает, признался в готовящемся убийстве. В результате оперативной разработки больной опознан как киллер. Был убит при попытке к бегству...

Агент "Библиотекарь". Районная библиотекарша. Обнаружила, что в читальном зале один из читателей вырвал из журнала страницу с голой женщиной. В результате оперативной разработки нарушитель задержан, оказался особо опасным рецидивистом. Агент получила задание — выявлять преступные сообщества среди читателей а также склонных к употреблению наркотиков и имеющих незаконно хранящееся оружие.

Агент "Контролер". Из разговора пассажиров троллейбуса узнал о готовящемся преступлении. В результате проведенной оперативной разработки... Возбуждено уголовное дело.

Генерал лихорадочно листал бумаги.

"Агент "Воспитательница" — воспитательница детского сада. Выявила маньяка-педофила. Угощал детей конфетами, обещал покатать на "мохнатой лошадке". В результате оперативной разработки маньяк во всем признался и был растерзан возмущенной толпой"...

И так далее, и тому подобное.

Туфта! Полная туфта! То есть результаты были налицо, раскрытые преступления — "палки" — в наличии, но агенты — сплошная липа. Настоящих ни одного. И по группировке Чингиза — ни слова. Что же докладывать Седому? Генерал был обязан ему всем — головокружительной карьерой, высоким постом и связями, большими деньгами. За это нужно было платить, а платить, как только что выяснилось, оказалось нечем.

Генерал нажал кнопку прямой связи.

— Слушай, Канарис, тьфу, полковник Жук, зайди ко мне — приказал он своему новому заму по оперработе.

Этот перспективный кадр с богатым опытом тюремной службы также являлся выдвинутым Седого и генерал собирался использовать его на все сто процентов. Как туалетную бумагу.

— Проходи, не маячь, — велел он заместителю, когда тот вошел в кабинет и застыл у дверей монументальной башней. — С грузинком разобрался?

— Так точно. Вовремя успел, его даже в книгу задержанных внести не успели.

— Хорошо, теперь слушай внимательно. Опергруппу набрал? Добре. Твоя задача — обеспечить продвижение товара агентурным прикрытием. Все чужие агенты — менты, ФСБшники, конкуренты, кто бы ни были — должны быть выявлены и уничтожены. При проведении мероприятия я требую самой строгой секретности. За прокол не передо мной, перед Седым ответишь. А у него, сам знаешь, за любую провинность одна мера наказания, высшая. Она же и низшая.

Полковник подался вперед и зашептал:

— А как же мне задействовать оперсостав? Разве они в курсе?

— Смеешься? Своих ментов будешь использовать втемную. Легенду прикрытия проработай тщательно, среди них дураков нет, туфту сразу пронюхают. И говори нормально, кабинет защищен от прослушки. Сама операция пройдет одновременно, но в два эпизода. С Урала на Кавказ двинется эшелон с оружием, а с Кавказа в Москву — наркота. По легенде мы ведем оперативную разработку этой сделки. Подготовь документацию. Истинное положение вещей знаем только мы с тобой и Седой. Есть вопросы?

Канарис насупился.

— У меня два вопроса. Первый — вор в законе Лях, которого я не успел загнобить на зоне, второй — наш общий друг капитан Крюков. Оба крутятся у меня под ногами. И еще этот киллер. Сильвер, из бывших зоновских прессовщиков.

— Он же у тебя на поводке.

— Был, да отвязался.

— Они могут нам помешать? — нахмурился генерал.

— В отдельности нет, но они держатся за разные концы одной цепочки. Если, не дай Бог, случайно встретятся и объединят свою информацию, получат-

ся большая проблема. Правда, имеется один плюс...

— Какой именно? — генерал с удивлением взглянул на туповатого на вид полковника. Такого тонкого анализа он от него никак не ожидал.

— Плюс в том, что это абсолютно исключено! — твердо заявил полковник. — Крюков с ворьем общается только на дистанции пистолетного выстрела, а Лях с мусором даже за миллион долларов срать рядом не сядет.

— Хорошо, если так, — покивал генерал Ниночкин. — Но имей в виду если все же заметишь поблизости Крюкова, стреляй на поражение. Понял?

— Так точно, — ухмыльнулся майор. — А может сразу его? Чтобы потом не отвлекаться?

— Нет, — генерал не терпел инициативы снизу. — Сейчас у тебя и без того работы хватит. Вспотеешь кувыркамшись, как говаривал мой дедушка.

Крюков тем временем отправился в отдел кадров, сдал свое служебное удостоверение и получил взамен временное — листок бумаги размером с портянку, где в верхнем углу помещалась печать с его фотографией.

Свой табельный пистолет он также сдал в оружейную комнату и потребовал от дежурного расписку. Крюкову очень не хотелось, чтобы его оружие было вдруг найдено рядом с каким-нибудь симпатичным трупом. Начальству он перестал верить еще в детском саду, а такому как генерал Ниночкин и его новый зам по кличке Канарис и подавно. От них можно было ждать любой подлянки.

* * *

Когда полковник Канарис прибыл к своей мобильной опергруппе, его отозвал в сторону один из оперативников, капитан Москвин. Опера просто распирило от гордости.

— Что случилось? — насупился Канарис. — Уже что-нибудь накопал?

— Так точно! — отрапортовал Москвин. — Не успели мы прибыть, я сразу расшифровал одного типа. Крутился тут вокруг груза.

— И что?

— Подвесил хомут, поговорили по душам. Ну он и раскололся.

— Бандит? — предположил Канарис.

— Никак нет, коллегой оказался. Из "конторы глубокого бурения".

Канарис не на шутку обеспокоился.

— У них есть что-то конкретное?

— Нет, обычная инициативка. План горит, палки нужны. Но я ему культурно объяснил, что тут ловить нечего. И без них тесно.

Канарис нахмурился.

— Кто еще в курсе?

— Никто. Я не докладывал, ждал вас. Дело-то деликатное.

— Молодец. Где он?

— Я его закрыл у себя в номере.

— Пошли, — Канарис пропустил опера вперед.

В номере навстречу им поднялся человек. Встав из кресла, он одернул пиджак как это делают военные с кителем.

Сначала Канарис выстрелил в Москвина, потом в ФСБшника.

* * *

Затем капитан подписал в бухгалтерии отпускные бумаги, получил деньги (и это называется деньги!), после чего занялся привычным делом. Для начала

он сел в свою бронированную тачку и направился в центр столицы.

Крюков никак не мог привыкнуть к введенному в центре одностороннему движению и продолжал ездить по старинке — куда надо, туда и погнал, доводя при этом сотрудников ГИБДД до предынфарктного состояния. Все они прекрасно знали его грязную облезлую "волгу" салатового цвета с полустертыми шашечками такси. Знали они также, что на Крюкова нельзя обижаться, а если обидишься, себе дороже получится.

Возле аптеки Феррейна по обыкновению крутились распространители от общества "Кайф". В смысле розничные торговцы дурью. Крюков выцепил одного из них — рыжего и нескладного на вид парня.

Самого опера здесь знали как облупленного. Торговцы счастьем кинулись от него врассыпную как воробьи от кота. Рыжий так легко не сдался. Он выхватил из кармана выкидной нож типа "друг наркомана". Щелкнул клинком и махнул им, пытаясь зацепить оперу нос.

— Блин, так ведь и в глаз можно попасть, — недовольно заметил Крюков и ударом ноги превратил красивый ножичек в обломки.

Рыжий со всей возможной прытью дернул вдоль по Никольской, проявив при этом недюжинную прыть.

Крюков дал ему оторваться и догнал только возле ГУМа. Здесь он сгреб распространителя за шиворот и поволол на третий этаж универмага.

— Что вы делаете? — ужаснулась шарахнувшаяся от них солидная дама.

— Он девочку изнасиловал, — пояснил Крюков.

Дама развернулась и отвесила Рыжему пинок квадратным мыском модной туфли.

— Какой негодяй!

— Что тут за бардак?! — рявкнул похожий на медведя пожилой полковник.

— Он от призыва уклоняется, — сообщил Крюков.

— Так врежь ему, извращенцу!

— Обязательно, — пообещал Крюков, скрываясь с жертвой на третьем этаже за дверь с надписью "Служебный туалет".

Здесь он отпустил добычу и отдышался. Рыжему схватка и пробежка тоже дались нелегко. Его розовое лицо заметно позеленело.

— Выкладывай ассортимент, скомандовал Крюков. — Или успел сбросить?

Рыжий опасливо взглянул на опера и нервно облизнул губы. Дрожащими руками он принялся до

вставать из носков расфасованные дозы героина.

Крюков развернул один из пакетиков, понюхал, потер порошок пальцем.

— Герыч-то — четыре девятки! Ты его что, разбодяжить не успел или в рекламных целях такой вынес, чтобы клиентуру расширить?

Опер быстро общмонал задержанного и прибавил к изъятому упаковку инсулиновых шприцев.

— Прямо капелла баянистов, — отметил он. — Вот сейчас и сбцаем польку-бабочку.

— Я хочу сделать чистосердечное признание.

— Хочешь по "двести двадцать восемь часть четыре" пятнашкой отделаться? Не выйдет. Могу предложить на выбор — или ты весь свой товар одним разом по вене пустишь или по канализации.

Рыжий нервно облизал пересохшие губы.

— И так, и так кранты. А можно по другому? Я все скажу.

— Ты думаешь, это меня заинтересует? Ну ладно, давай попробуем. Чей товар?

— Новый дилер на комиссию сдал.

Крюков усмехнулся:

— Ага, совсем новый, незнакомый, ты его в первый раз видел. Невысокий, лысый, бородка клинышком. Слегка картавит, а глаза добрые с прищуром. Где-то я уже такое слышал. Ты меня всерьез за дурака считаешь или просто пошутил неудачно?

— Нет, — Рыжий снова облизнул губы. — Я знаю откуда товар. Этот дилер под Чингизом ходит. Он пробную партию принес. Сказал — скоро немерено будет. Бодяжить запретил. Предупредил — проверит и матку вывернет. Винни-Пушка не въехала, разбодяжила чуть ли не впополам. Вчера ее мертвой нашли в подвале, уже крысами маленько объединенной. Так что я не рискую. Если товар и дальше такой будет идти, я свое все равно возьму. Если вы, менты, бизнес не ломаете.

— Предчувствия тебя не обманули, — огорошил его Крюков. — Товар я у тебя забираю.

Рыжий уронил голову.

— Ну тогда мне по-любому амбец!

— Не вешайся раньше времени, бабки за товар получишь. Отдашь их своему дилеру и подпишешься на большую партию. Забьешь стрелку и стукнешь мне.

— Он предоплату потребует.

— Будет тебе и предоплата, — обнадежил Крюков. — А пока лежку ищи, где после всего этого ховаться будешь. Если они тебя потом найдут, мало не покажется.

— Надолго?

— С месячишко самое малое перекантоваться придется. Ну так это же не в камере червонец тянуть, да и жизнь дороже стоит. Впрочем, первое предложение тоже в силе.

— В смысле передозировка? — Рыжий опасно покосился на разложенный товар и шприцы.

— Она самая, — подтвердил Крюков.

— Нет уж, я согласен сдать этих барыг. А подписываться нигде не надо? — забеспокоился Рыжий.

— В смысле: "Я стукач, сука ментовская, козел позорный, предаю своих сообщников по преступной деятельности"? Нет, у меня никаких расписок, все на доверии. Но, сам понимаешь, если обманешь, затыришься раньше времени, а не тогда, когда я тебе скажу, то я тебя разыщу и сделаю больно. Примерно вот так.

Крюков двумя пальцами сжал руку Рыжего чуть пониже локтевого сгиба и тот не заорал только потому, что от боли потерял голос и едва не задохнулся.

— Это тоже только проба. В рекламных целях. А могу и гораздо больше, — пообещал опер. — Отработаешь честно, глядишь полгода еще волю потопчешь. Потом-то все равно сядешь или от передозы загнешься. Но это уже без моего участия.

— Я согласен, — кивнул Рыжий.

— Тогда держи бабки и номер моего мобильного. Кстати, как думаешь, откуда такой качественный товар?

— Что тут думать? Чеченская гуманитарная помощь братскому русскому народу. Если мы закончили, может я пойду?

— Вали, — разрешил Крюков. — И никому о нашем базаре не свисти. Эти ребята, которые толкают тебе товар, почему-то меня не любят.

— Так кто же вас, козлов, любит? — пробурчал Рыжий и исчез прежде, чем до Крюкова дошел смысл его слов.

* * *

Нодари Картлишвили не был вором, он был авторитетом. Чтобы понять разницу, надо было жить в России последнего десятилетия двадцатого века.

Утром он как всегда вышел из своего подъезда, чтобы сесть в машину и ехать в свой офис, который занимал весь двадцатый этаж гостиницы "Интурист". Неожиданно мимо него с ревом двигателя и скрипом резины пронесся красный "Чероки". Из окна джипа резанула автоматная очередь.

Нодари упал за капот соседней машины. Пули забарабанили по металлу и засвистели над головой. В ответ ударили автоматы охранников.

Крюков подъехал в гостиницу и поднялся в кабинет авторитета в тот момент, когда тот понемногу стал приходить в себя.

— Зачем звал? Я слышал, в тебя опять стреляли. — спросил опер.

— Первый раз, что ли? — огрызнулся Нодари. — Хуже, когда в последний. Дело у меня к тебе. Весь этаж мой. Пошли на крышу, там спокойно побазарим. С вертолета в меня пока не шмаляют. Говорят сносить будут гостиницу, а зря. Люблю я эту кочерыжку. Хочешь что-то спросить?

Крюков подтвердил.

— Парень один меня интересуется. Твой земляк со шрамом. Имени не знаю, кликуха — Квали. Говорят, на тебя работает.

Лицо Нодари скривилось как от зубной боли.

— Квали? Это который орет все время как глухой? Был он у меня, сукин сын паршивый. Земляки попросили, уважил. Вроде бы сам он из Хевсурети. Слушай, они там в горах все двинутые. Дикие совсем. У них если мужчина говорит тихо, он не мужчина. Орать должен, будто на митинге. И до сих пор кровная вражда существует. Вопросы решают как в древности — надевают кольчуги и начинают саблями махать. Парикаоба называется. Вот ему кровник морду и распахал. А он его кончил. Ну и пришлось сваливать. Взял я его, пожалел. А потом второй раз пожалел. Пожалел, что взял. Отморозок полный. Где надо морду набить или руку сломать — он голову отрывает. Как с таким работать?

— С кем он сейчас? — прервал его длинную речь Крюков.

— Я слышал, он к кутаисским прибил, но ненадолго. Сварил несколько дел с Жорой Чхартишвили и Витей Коркия. но и они его быстро отшили. На кого он сейчас пашет, не знаю. Но отморозок он первостатейный. Он и меня завалить может, лишь бы заплатили. Боюсь, и авто он убил. Может быть ты возьмешься покопаться в этом деле?

Крюков задумался.

— В принципе могу попробовать. Но ты мне должен кое-что сообщить.

— Даешь слово, что ничего из сказанного мной не будет использовано против меня? — внимательно взглянул авторитет на опера.

— Легавым буду!

— А если серьезно?

— Слушай, Нодари, мы с тобой знаем друг друга сто пятьдесят лет. Извини за напоминание, я тебя из этого дома пендалями десять лет назад выставлял. И ты не дурак. Раз ты ко мне обратился, значит считаешь, что никаких стремных концов в твою сторону не ведет. Если я соглашусь поработать на тебя, обязуюсь любую информацию по этому делу представлять сначала тебе, и только потом в контору, а также не убивать твоих людей. Достаточно? Или на фуфел драный забожиться?

— И на том спасибо. Теперь обсудим твой гонорар.

— Это не убежит, — остановил его Крюков. — Расскажи-ка мне, генацвале, чем занимался твой брат в последнее время? По моим сведениям он активно общался с чеченцами. Что их связывало? Наркота?

— Нет. Он хотел отщипнуть немного от нефтяного пирога. Я предупреждал его, что добром это не кончится, — с осуждением покачал головой Нодари.

— А что взамен? — недоверчиво прищурился Крюков. — Эти ребята за бесплатно ни бабок не поднимут, ни пулю не подарят.

Нодар помялся, потом сообщил:

— Авто обещал помочь им провернуть сделку с партией оружия. Но что-то там не заладилось и они обошлись без него. Нашли какого-то банкира.

— Какого? Не исключено, что этот банкир и заказал твоего брата. Думаю, сделка того стоила. Ладно, будем посмотреть. А теперь обсудим твои издержки и мои прибыли. И вели подавать горячее.

И Крюков посвободнее развалился в мягком кресле.

* * *

Крюков ехал и прикидывал. Он мысленно перелистывал найденную у уюитого лжемайора записную книжку, которая принадлежала исчезнувшему журналисту. По всему выходило, что из Чечни должна прийти большая, может быть очень большая партия героина. Одновременно, скорее всего в обмен, по бартеру, в Чечню, пойдет партия ворованного оружия. Посредник — неизвестный банкир, на которого работает Чингиз. И не эту ли партию наркоты отслеживает товарищ Канарис?

Оставалось выяснить, кто именно заказчик и на чьи деньги будет закуплено оружие. Оружейнику ведь наркотики ни к чему, ему бабки нужны. А перепродавать их самому — лишняя головная боль.

Оптовик известен, это тот же Чингиз. Но своих денег у Чингиза нет. Значит этот бартер финансирует кто-то третий, причем с большой выгодой для себя. Он же, верняк сто пудов, и заказал Автандила. А чего бы тот хотел? Наивный парень, со своим уркаганским опытом сунулся в серьезную игру. Да он кролик против волков большого бизнеса.

Крюков знал, у кого может получить информацию об убийстве Авто. Подругой покойного была известная центровая путанка Марина. За полчаса сыщик добрался до ее квартиры на окраине Москвы.

В доме было как обычно, слегка нассато, стены сплошь в росписи и граффити. Дверь Крюкову открыла молодая женщина. Ее яркая красота была слегка тронута следами увядания. Щеку украшал довольно заметный шрам.

— Маринка, кто там? — раздалось из ванной.

— Это ваш сутенер? — галантно поинтересовался Крюков и врезал выходя-

щему из ванной типу в лоб подметкой.

— Помойся еще немного, — посоветовал он и закрыл дверь.

Путанка Марина с печальным вздохом проводила Крюкова в комнату. Здесь его внимание сразу привлекла фотография на стене.

— С кем это ты? — поинтересовался опер.

— Это Дашка, моя лучшая подруга, — с гордостью произнесла Марина. — Это мы на ее свадьбе. Знаешь, кто ее муж? Самый крутой вор в Москве — Фома. Я запросто могла быть на ее месте, если бы не одна ночь, — она дотронулась пальцем до шрама. — Один чокнутый грузин со шрамом постарался. Мне еще повезло, а Вальку вообще убили. Но тебе это неинтересно.

Крюков внимательно разглядывал фотографию.

— Странное знакомство, — сказал он наконец. — Ты и эта Даша. Путанка и уважаемая леди.

Марина прыснула.

— Она леди? Леди-бледи! Да мы с ней вместе в Москву приехали. Мы же на Тверской начинали. Субботники, сутенеры. Просто ей повезло, а мне нет. И вообще, почему я должна тебе что-то рассказывать?

— Совсем не обязана. Просто жизнь твоя сегодня стоит рублей двадцать — на метро сюда доехать и обратно вернуться. Замочить тебя можно вон тем утюгом или этим чулком. Я хочу услышать от тебя только одно — кто заказал Автандила?

— Не пугай, мусор. Я сама боюсь, — призналась жрица любви. — Ладно. Может так действительно спокойнее будет? Слушай.

В коридоре хлопнула входная дверь. Сутенер свалил. Марина начала рассказывать.

— Так вот, я попала, а Дашке повезло. У меня с тех пор шрам остался. Я — товар пониженного спроса. И вся жизнь этим шрамом перечеркнута. А Дашке все сливки. За короля замуж выскочила, в особняке живет. И любовник у нее постоянный. Банкир.

— Толстый такой? — Крюков сразу подумал на Хоря.

— Не знаю, она его никому не показывает. Так вот, я точно знаю. Этот банкир и заказал Авто. Когда Дашка меня под это дело подписывала, то проболталась, что ее миллионщик все оплатит. А замочили Автандила Чингиз и Сильвер.

Уходя, Крюков посоветовал на прощанье.

— Уходи отсюда как можно быстрее и не появляйся здесь как можно дольше.

Не успела дверь за Крюковым захлопнуться, как снова распахнулась. На пороге стоял Чингиз. Не иначе сутенер заложил и ключ дал.

— Это вы? — испугалась Марина.

— Узнала? — рассмеялся Чингиз. — Это хорошо. Ну что, сучка, всех сдала или кого-то забыла?

Он натянул на руки перчатки. Марину словно парализовало.

— Я? Нет, я...

Чингиз лениво наклонился, поднял с пола чулок, накиннул путанке на шею и принялся душить ее. Она упала, из ее горла вырывался глухой хрип.

Чингиз все больше зверел. Он оглядел комнату слепым взглядом, схватил стоявший на полке утюг и несколько раз ударил острым концом по голове.

Потом еще и еще раз. От удара ручка утюга отлетела.

Только тут Чингиз опомнился. Он брезгливо отряхнулся, встал и вышел из квартиры.

* * *

Крюков и Нодарик сидели за угловым столиком в ресторане "Семь сорок". Крюков рассказал о проделанной работе. Нодарик внимательно выслушал его.

— Не надоело тебе все это? — спросил его Крюков.

Авторитет сделал большой глоток коньяка.

— Я являюсь необходимым звеном в цепи между органами правопорядка и уголовным миром. Сейчас их силы настолько сравнялись, что в любой момент может начаться война на истребление. И неизвестно, кто победит. Я сглаживаю углы и нахожу компромиссы. Одна беда — общество еще не готово к таким политикам, иначе я бы уже был вице-президентом или премьер-министром.

Крюков с трудом удержался от смеха. Амбиции у авторитета были немалые.

— Так ты работаешь на ментовку? — спросил опер.

— Поднимай выше, — Нодарик расплылся от самодовольства. На контору "Глубокого Бурения". Еще Андропов санкционировал в отношении воров политику кнута и пряника. Пряник — это я. Но не все воры это понимают.

— А кнут?

— На зоне это шерстяные и пресс-хаты, а на воле — Чингиз и его отморозки.

— Гениально! — все-таки рассмеялся Крюков. — По твоему получается, что если больного не угробит яд, то наверняка добьет лекарство!

Нодарик распрощался и ушел. Крюков тоже собрался уходить, но тут к нему подсел хозяин ресторана Ося Блюм. Крюков давно знал его, они были почти друзьями.

— У меня проблема, — признался Блюм. — Крыша прохудилась. До недавнего времени я формально под Бычиной крышей ходил. Парень он был туповатый, но свое место понимал, в дела не лез. С хулиганами по мелочи разбирался, вышибалы его у меня на дверях дежурили. И без проблем. А тут Бычу грохнули, явился какой-то Чингиз и сразу потребовал замом своего человека устроить. Значит я Митрофаныча выгнать должен ни за хрен? Я этому Чингизу толкую, что Быча работать не мешал, а этот гад смеется. Быча, говорит, добрый был, он тебе работать давал. А я еще добрее. Я тебе жить разрешаю.

— Не расстраивайся, — утешил его Крюков. — Разберемся с твоим Бычей. Но ты должен мне помочь. Ведь Чингиз у тебя часто бывает? Что, если мы его послушаем?

— Да никаких возражений! — обрадовался Блюм.

Через друзей из технического отдела Крюков той же ночью оборудовал любимое место Чингиза в тихом углу ресторана прослушивающей аппаратурой. И следующий же день принес первые результаты.

Чингиз встретился с хозяином, которому принадлежала партия оружия, предназначенного для продажи чеченцам. Они обсудили технические подробности отправки груза. В их разговоре несколько раз проскользнуло название Балтийского валютного банка. Эта беседа утвердила Крюкова в правоте его

версии.

Позже Чингиз там же встретился с Фомой. Вероятно он считал ресторан местом, исключаяющим возможность прослушивания.

В разговоре Чингиз был резок.

— Ты мне нужен только потому, что для воров ты какой-никакой авторитет. Я для всех — отморозок, за мной воры никогда не пойдут. А за тобой пойдут. Хотя бы те же лаврушники и их апельсины скороспелые. А других нам и не надо.

— Правильные воры меня никогда не признают, — буркнул Фома.

— И не надо, — осклабился Чингиз. — Мы их уберем. Почти убрали. Лях, сука, глаза мозолит. Квали с Канарисом что-то тянут. Да и с Нодариком тоже надо что-то делать. Ты Ляху ствол из которого Авто замочили передал?

— Пробовал, — отмахнулся Фома. — Не взял он его. Скинул.

— Уже не надо. Мы его по другому подставлять будем. Другим концом, — проговорил Чингиз.

* * *

Криминальный авторитет Нодари Картлишвили был убит, когда выходил из дверей бани. Произведя роковой выстрел, Квали оставил на крыше, с которой стрелял, автомат с отпечатками пальцев Сильвера. Так велел ему Чингиз. Затем он позвонил самому Чингизу.

— Дело сделано. Готовь бабки, я отваливаю. Меня все уже знают как Чарли Чаплина. Тут еще мент на хвосте повис как репейник. Крюков его фамилия.

— Так не пойдет! — запротестовал Чингиз. — А Лях?

— А пошел ты со своим Ляхом! — разозлился Квали. — Я больше не работаю!

— Остынь! Слушай внимательно, — попытался успокоить его Чингиз. — Получишь Ляха вместе с твоим ментом Крюковым. Замочишь обоих. За каждого двойная цена.

Потом Чингиз набрал номер Сильвера.

— Ты помнишь того грузина со шрамом, из-за которого срок мотал? Так вот, он тебя подставил. Сегодня ты сможешь найти его в одном месте. Записывай.

* * *

Лях с бывшими сотрудниками "Кара-банка" Петром и братом Бобра Анатолием ехал на стрелку к Хорю. Встретиться они договорились на лесной дороге неподалеку от Новогорской плотины.

Они не доехали каких-нибудь несколько километров. Дорогу их машине взмахом жезла перекрыл инспектор дорожно-патрульной службы.

— В чем дело? — недовольно спросил сидевший за рулем Петр.

— Попрошу отъехать на площадку! — строго сказал инспектор. — И попрошу без вопросов. Проверка документов.

За спиной инспектора маячила фигура милиционера с автоматом. Пришлось подчиниться.

— Попрошу пересечь в нашу машину, — продолжил инспектор.

К ним широким шагом приближался гигант. Лях узнал его издали. Это был Канарис. Он кивнул ГАИшникам.

— Спасибо, ребята. Вы помогли задержать опасных насильников.

С Канарисом подошли несколько человек с автоматами. Они дождались,

пока дорожные инспектора сядут в свою машину и уедут.

— Какая встреча, майор! — усмехнулся Лях.

— Бери выше, я уже полковник. Вылезайте и пошли.

Всех троих заставили выйти из машины и отвели в лес. Канарис не стал ждать продолжения, а сел в свою машину и укатил.

— Копай, — грузин со шрамом кинул под ноги Ляху лопату.

— Мужика нашел? — отвернулся Лях.

— Шеф, можно я его маленько поуродую? — спросил помощник грузина.

— Не торопись. Он мне нужен целым, ослабился тот в ответ.

Грузин со шрамом повернулся к пленникам, печально вздохнул и выстрелил сначала в Петра, а потом и в Анатолия. Потом подумал и прикончил своего помощника.

— А меня почему не убиваешь? — спросил Лях.

— Ты мне нужен для другого. Тебя убью не я, — признался Квали.

* * *

Из машины Канарис позвонил Крюкову.

— Крюков? Ты, я знаю, почему-то меня не любишь, но я тебе хочу сообщить, где сейчас один особо опасный сукин сын прячется — Лях. Слышал о таком? Он и есть заказчик у того киллера, грузина со шрамом. Сейчас он пасется на лесной дороге. Запиши адрес. И пусть это останется между нами.

Через полчаса машина Крюкова вырулила на просеку. Она остановилась возле брошенной машины банкиров. Хлопнула дверь. Крюков вышел из машины и огляделся. Ляха он увидел не сразу. Тот стоял, плотно прислонившись к дереву.

Квали тщательно прицелился. Ему был хорошо виден силуэт опера. Он выдохнул и надавил на спусковой крючок. Выстрел прозвучал глухо.

Квали переломился пополам и упал в канаву. Привязанный к дереву лях и Крюков с удивлением посмотрели в его сторону. Над упавшим выросла коренастая фигура Сильвера.

— Ты?!

— А вы кого ждали? Деда Мороза?

* * *

Они стояли втроем друг против друга, как когда-то в детстве. Но теперь они не были друзьями.

— Значит, Геша, воров помаленьку отстреливаешь? — с горечью обратился к Сильверу Лях. — Поклон тебе. Вон, Крюк спасибо скажет. Он нагнется, а ты лизни.

— Да, Леша, отстреливаю! — с не меньшей горечью воскликнул Сильвер. — Потому что я за вашу воровскую идею как мудака ломом пер, через кандей и пресс-хаты. А мне за это место в обиженке! А ведь каждая собака знала, что я за пацанское братство страдаю!

— Значит, свою жопу на чужие жизни разменять решил? — ехидно спросил Лях.

— Эх, ты! — Сильвер развернулся и заехал Ляху в челюсть.

— Хорош, мужики! — влез было Крюков.

— Сам ты мужик, рожа мусорская! Лях повернулся и врезал в ответ не Сильверу, а Крюку.

— Ну, каторжный, получи! — Крюков врубил ему ногой по затылку и нава-

лился на Сильвера.

Какое-то время куча мала о шести руках, шести ногах и трех головах колесом ходила по поляне, издавая рык и хрипы. Наконец пришло утомление. Куча распалась на составные части.

— Это у вас, киллеров, так принято — спасти человека только затем, чтобы потом набить ему морду? — съехидничал Лях. — Здорово!

— А у вас, блатных, принято бить в морду тому, кто спас тебе жизнь? — отозвался Сильвер. — Тоже неплохо!

— Да пошли вы все, хари уголовные! — плюнул Крюков.

Он посмотрел на расквашенные и побитые физиономии друзей и рассмеялся.

— А у самого-то лучше, что ли?

Они хохотали друг над другом минут десять. Потом поднялись, погрузились в машину Крюкова и двинулись в город.

* * *

Хорь определенно их не ждал. Да еще в таком виде. Чтобы разница не сильно бросалась в глаза, Сильвер сходу врезал ему в торец.

— Ну здравствуй, старый кореш, — произнес он.

Через пару часов жесткого разговора друзья выяснили. Что Авто и Нодарика он не заказывал, с женой Фомы не трахался, а крест Гитлера получил от господина Яйблаа, а не от Фомы. Он дал полный расклад по банку и общаковым деньгам. Оказалось, что Седой внес эти деньги на свои личные счета, чтобы ни у кого не возникло желания убрать его.

— Покажи-ка мне этого Яйблу, — попросил банкира Крюков.

Дрожащей рукой Хорь протянул оперу фото.

— Это мы на презентации "Балтийского международного валютного", пролепетал он.

— Это он?

— Да, это президент банка, господин Яйблаа, — подтвердил Хорь.

— Что-то не так?

— Все не так, — вздохнул Крюков. — Никакой он не Яебла. Это Седой.

И еще банкир сообщил с глубокой печалью, что товар, как оружие, так и наркотики, уже двинулся навстречу друг другу. А ни денег, ни залогового ордена в виде драгоценного креста, благодаря стараниям Ляха, нет и в помине.

ГЛАВА 22. СУЕТА СУЕТ

Генерал Ниночкин как маятник болтался из конца в конец своего кабинета. Чтобы не мешать его возвратно-поступательному движению, Седой расположился с креслом поближе к стене.

— Зачем? Зачем я с тобой связался?! — стонал генерал.

— А затем, что этим своим кабинетом и звездами ты обязан именно мне, — оборвал его стоны Седой. — Без меня ты бы так и остался сержантом. К пенсии, может, прапорщика получил бы. Я рискую не меньше, а больше тебя. И мне самому не нравятся такие сложные комбинации. Но обратной дороги нет.

Генерал остановился, сложился пополам как циркуль и без сил рухнул в другое кресло. И забормотал, обращаясь не столько к Седому, сколько сам к себе.

— А что, собственно, может случиться? Оружие пошло. Документы на него почти как настоящие, без экспертизы не подкопаешься. А с какой стати и кто будет назначать экспертизу? Наркоту повезут люди Фомы и этого бандита Чингиза. Передадут чехам. Проплата тоже гарантирована. А банкир твой точно не подведет?

Седой усмехнулся.

— В господине Яйблаа я уверен как в себе самом.

Генерал немного расслабился.

— Тогда кто нам может помешать?

Седой вдруг стал серьезен.

— Как ни странно — воры. Операция проводится на деньги их общака. Мы у них эти деньги, фактически, украли и если они узнают... Но с этой стороны нас прикрывает Фома. Пока еще он пользуется у своих уголовников авторитетом. Правда, это ненадолго. Но нам должно хватить времени, чтобы все уладить. А дальше пусть сам расхлебывает.

* * *

В преддверии неизбежной войны с кавказскими преступными формированиями на большом пустыре была созвана всеобщая стрелка. На нее собрались практически все криминальные группировки столицы. Все разделились на примерно равные половины. Кое-кто уже исподволь тянулся к оружию. Атмосфера предельно накалилась, когда на поле прибыл Лях.

Впереди и позади него ехало по шестисотому "мерсу" с братвой. Сам он выруливал на мотоцикле "харлей-девидсон". Остановившись в центре поля, он слез с мотоцикла и, опираясь на толстую трость, направился к группе авторитетов. Те прервали спор, ожидая его приближения.

Лях подошел вплотную к представителям, поддерживающим кавказцев и обратился к ним с ласковой отеческой улыбкой.

— Что, продали родину, сучата? К черным в подстилки пошли? Да еще сюда приперлись их интересы отстаивать?

И обрушил на их головы и плечи тяжелую трость железного дерева.

Те ожидали чего угодно. Автоматного обстрела, гранатометов. Но чтобы вот так, палкой?

Сторонники южан были совершенно деморализованы и бросились от вора врассыпную. Долго потом за глаза насмешники звали их "битыми". Вопрос был решен в пользу славян.

* * *

В одном из кабинетов ресторана "Семь сорок" Лях толковал с Крюковым и Сильвером.

— Наркоту я беру на себя, — сказал Крюков. — Мои орлы перехватят ее в лучшем виде. А вот что делать с эшелонем оружия? Не под откос же его пускать.

— Какие проблемы? — презрительно усмехнулся Сильвер. — Возьму ребят и отобью на хрен этот эшелон на первой же сортировочной станции.

Крюков покачал головой.

— Через двадцать минут после начала нападения вас окружают спецназом и перемочат. Оставшихся определяют в федеральный розыск.

— Подумаешь, я и так в розыске, — Сильвер всем своим видом выказал пренебрежение к этой процедуре.

— Нет, тут по другому надо, с умом, — сказал молчавший до этого Лях.

— А я, значит, без ума? — обиделся Сильвер. — Оружие-то все равно ворванное. Его как бы не существует.

— Это они поймут после того, как нас уничтожат, — рассудил Лях. — А если его как бы не существует, значит его можно просто украсть. И никто не заметит. А когда чехи найдут его и будут отбивать, пусть спецназ с бронетехникой их метелит.

— Тогда действуй, — подвел итог беседы Крюков.

* * *

Канарис с бригадой оперов тщательно отслеживал путь чеченского героина. Его подчиненным было невдомек, что их начальник заботится не о проведении операции, а о безопасности наркоторговцев.

Звонок генерала Ниночкина выбил почву у него из-под ног.

— Что? Исчез эшелон с оружием? Куда он мог исчезнуть? — долго не мог понять Канарис.

— А кто его знает? — в раздражении плевался генерал. — Какой-то стрелочник или прицепщик что-то перепутал и теперь весь товар теперь катит не на юг, а куда-нибудь на восток или на север. Это ты и должен выяснить. Не мне же этим прикажешь заниматься!

Полковник немедленно собрался и отбыл на сортировочную станцию, где в последний раз видели ценный поезд. А перед сыщиками из его группы предстал Крюков.

— Ну что, братцы, будем брать наркоторговцев? — прямо спросил он. — Палка века. Ордена гарантирую.

— Это Канарис велел? — недоверчиво спросил кто-то из оперов.

— Честно? — Крюков смущенно почесал кончик носа. — Канарис повесится, когда узнает. Но, скорее всего, его уберут раньше.

Операция прошла блестяще. Груз наркотиков был задержан вместе с сопровождавшими его боевиками.

* * *

Не получившие оружия чеченцы потребовали свой товар назад. Лях выяснил, что его "семейник" по первой отсидке Ваха также участвует в операции. Он разыскал его

— Фома с Чингизом вас кинули, — сообщил Лях. Ваха поставил в известность своих соплеменников. Оружие вскоре было найдено на одной из воин-

ских частей, куда оно попало по подделанным Ляхом документам. Боевики попытались отбить оружие силой. Получилась маленькая война, одной из жертв которой пал Канарис, также нашедший следы пропавшего эшелона. Позже о нем написали в газетах, что он геройски пал от руки чеченских бандитов. Вся его жизнь была подвигом.

* * *

Оружейники требовали у банкиров деньги за свой товар. Грузинские воры требовали от Фомы вернуть общак.

— У господина Яйблаа много проблем, — сказал друзьям Крюков. — Почему бы их ему не добавить?

Лях проник в сейф господина Яйблаа и выгреб его подчистую. В качестве визитной карточки он оставил старую хромированную фомку Фомы, которую Седой принес когда-то Призраку.

Потом он позвонил Фоме и в непринужденном, почти светском разговоре заметил с горечью.

— Эх, Фома! Мы ведь не первый год знакомы. Я думал, Седой только твою жену трахает, а выходит, он и тебя тоже во все дырки дерет.

— Что? Да я тебя! Да я его!

— Не кипятись так, а то кондрашка хватит, — побеспокоился Лях.

Но Фома уже бросил трубку.

Лях повернулся к друзьям.

— Поедем, посмотрим.

* * *

В особняке господина Яйблаа уже работала милиция. Крюков прошел сам и протащил друзей. Сильвер, даром что в розыске, вел себя вполне свободно.

Тело Фомы с пробитым черепом лежало на полу холла. В соседней комнате лежал Чингиз. Он был мертв, хотя кровь сочилась из его горла.

Лях наклонился и посмотрел внимательно. Потом потянул его за короткие черные волосы и они остались в его руке. Под ними сверкнула снегом седая шевелюра.

— Вот почему твой Чингиз от тебя прятался и всю банду поменял, — объяснил Лях Сильверу.

— Выходит, на плотине Седой Чингиза замочил, — догадался Крюков.

— А вот и след от Волохиной мойки, — Лях указал на шрам возле искусственного глаза Седого.

Они стояли и думали каждый о своем. Наконец Крюков спохватился.

— А общак-то накрылся. Бабки Седой на свое имя в банк положил. Теперь ими разве что его наследники попользуются.

— Знать бы, где их найти, — вздохнул Лях. — деньги там немалые, людям принадлежат.

Крюкова отозвал в сторону милицейский сержант.

— Там какая-то баба. Говорит — его жена, — сказал он.

— Разберемся, обнадежил его Крюков.

Смотреть больше было не на что и друзья направились к выходу.

У ворот особняка стояла красивая женщина. Приняв идущего впереди Крюкова за старшего, она подошла к нему.

— Почему меня не пропускают? — спросила она. Это мой дом. Я жена господина Седого и приехала сказать ему, что подаю на развод. Так что ни вас, ни

его надолго не задержу. Мне нужно лишь несколько подписей, чтобы ускорить дело.

Крюков покачал головой.

— В этом нет необходимости. Ваш муж, бывший муж, погиб.

Неожиданно из-за спины Крюкова вынырнул Лях. Лицо его пылало.

— Надя?

— Леша? — женщина также вспыхнула до корней волос.

Сильвер также застыл в недоумении. Крюков с силой потянул его за рукав.

— Пошли, тут и без нас разберутся.

Потом подмигнул Сильверу.

— Вот и наследник объявился. Так что с деньгами никаких проблем.

* * *

На Павловско-Разумовском рынке царило предновогоднее оживление. Крюков, Лях и Сильвер пересекали толпу, помахивая литровой бутылкой водки.

— Где вмажем? — нетерпеливо спрашивал друзей Сильвер. — И без закуски я пить отказываюсь

— Да, надо зажевать чем-нибудь, — согласился Лях.

До обоняния Крюкова донесся знакомый смрад горелого комбижира.

— Вот, шаурма вас устроит? — поинтересовался он.

— Из Мухтара или Барсика? — уточнил Лях. — Кошку есть запахло.

— А тут на любой вкус. Смотри какой ассортимент.

Под крупной надписью "Шаурма" буквами помельче было все так же набрано в столбик: "Курятина, крольчатина, телятина, хорятина".

— Хорятина? — удивился Сильвер. — А разве ее едят?

— Я хотел в прошлый раз попробовать, но ты своей стрельбой меня отвлек, — ответил Крюков. — Вообще-то любопытно, но, боюсь, мясо вонять будет.

— А вот мы сейчас проверим, — Сильвер с заинтригованным видом направился к прилавку.

— Постой, — дернул его за рукав Лях. — Это же...

— Спокойно, — величественным жестом убрал его руку Сильвер. — Сейчас все выясним. За дело берется мастер.

— Ну раз мастер, то валяй, — вздохнул Лях.

Сильвер склонился к слоноподобной хозяйке и игриво поинтересовался.

— Скажите, а хорятина не того? Не слишком вонючая? Я бы не прочь попробовать...

Договорить он не успел. На его голову обрушилась амбарная книга, где хозяйка вела свои счета.

— Хорятину попробовать?! Хорятина слишком вонючая?! Ах ты козел! Ну, сейчас попробуешь!

— Ты чего? — с испугом воззрился на разъяренную хозяйку ларька Сильвер.

— Хорятину захотел? Я — Хорятина! Это ж фамилия моя внизу написана! Или читать разучился? Ну сейчас я тебе глаза протру!

Она выскочила из-за прилавка и погнала перепуганного киллера в сторону овощных рядов.

— А ведь я его предупредить хотел, — виновато сообщил Крюкову Леш-

ка. — Эта баба — сестра Хоря. Его фамилия Хорятин. Я сам случайно услышал. Сильвер же должен был знать! Ладно, давай за ним, а то потеряем. Не давить же литр на двоих.

И они бросились догонять взбесившуюся фурию и ее обреченно мятущуюся жертву.

КОНЕЦ